

**ЎРТА ОСИЁ АРХЕОЛОГИЯСИ
КАФЕДРАСИ:
АВЛОДЛАР ИЗЛАНИШИ
ВА КАШФИЁТЛАРИ**

**КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ПОИСК И ОТКРЫТИЯ
ПОКОЛЕНИЙ**

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ
МИРЗО УЛУГБЕК НОМИДАГИ
ЎЗБЕКИСТОН МИЛЛИЙ УНИВЕРСИТЕТИ

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА
ИМЕНИ МИРЗО УЛУГБЕКА

**ЎРТА ОСИЁ АРХЕОЛОГИЯСИ КАФЕДРАСИ:
АВЛОДЛАР ИЗЛАНИШИ ВА КАШФИЁТЛАРИ**

**КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ПОИСК И ОТКРЫТИЯ ПОКОЛЕНИЙ**

**Тошкент
2020**

Масъул мухаррир: А.С.Сагдуллаев, тарих фанлари доктори, ЎзФА ҳақиқий аъзоси.

Мазкур тўплам Ўрта Осиёда биринчи ихтисослашган археология мактаби, Ўзбекистон Миллий университети археология кафедрасининг 80 йиллигига бағишланган бўлиб, хотиралар ҳамда тарих ва археология мавзуларига оид мақолалардан иборат.

Тўплам мутахассислар ва кенг китобхонлар оммасига мўлжалланган.

Настоящий сборник посвящен 80 летию первой специализированной школы археологии в Средней Азии, кафедре археологии Национального университета Узбекистана. Он включает воспоминания, а также статьи по тематике истории и археологии.

Для специалистов и широкого круга читателей.

ОТ-Ф1-91 “Марказий Осиёда тарихий-маданий вилоятларнинг шаклланиши ва этник географияси муаммолари” номли фундаментал лойиҳа доирасида нашр этилган.

Мазкур тўплам Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети тарих факультети илмий Кенгашининг 04.12.2020 йил 4-сонли мажлис қарори билан нашрга тавсия эилган.

Сагдуллаев А.С.
т.ф.д., профессор, академик,
Ўзбекистон Миллий университети

ЎРТА ОСИЁДА БИРИНЧИ ИХТИСОСЛАШГАН АРХЕОЛОГИЯ МАКТАБИ

Ўтган асрнинг 30-йиллари ўрталарида Ўрта Осиё республикаларида археологияни ривожлантириш, экспедицияларни ташкил этиш ва кенг қамровли дала тадқиқотларни амалга ошириш мақсадида малакали мутахассисларни тайёрлаш ва археология кафедрасини очиш масаласи илгари сурилди.

Шу боис 1940 йили Ўрта Осиё давлат университетининг тарих факультетида (ҳозирги Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети) профессор М.Е.Массон томонидан Ўрта Осиё археологияси кафедрасига асос солинади [1]. Шу пайтларда у минтақада ягона археология кафедраси бўлиб, собиқ давлат микёсида бундай кафедралар фақат Москва, Ленинград (Санкт-Петербург) ва Киев университетларида мавжуд бўлган.

Ўрта Осиё археологияси кафедрасида, сон жиҳатдан нисбатан кам, турли йилларда ҳар бир курсда ўртача 5-8 та талаба таълим олган. Археология узок ўтмишга мурожаат этган, ўз хусусиятларига эга фан сифатида, дала шароитдаги экспедициялар, қазилар ва машаққатли меҳнат билан узвий боғланган. Эҳтимол, шу сабаблар ихтисосликни танлаб олишда талабалардан кўпларининг қизиқишларини қониқтирмаган.

Талабалар таркибига кўра Ўрта Осиё археологияси мактаби байналминал бўлиб, кафедрада турли миллатлар вакиллари, шунингдек, ўтган асрнинг 80-йилларида хорижий Осиё ҳамда Африка мамлакатларидан ёшлар ўқишган. Уларни илмий қизиқишлар, изланиш ва кашфиётларга интилиш бирлаштирган.

Кафедрада ихтисослашган таълим биринчи курсдан бошланган. Бироқ ҳар ўқув йили бошида маърузулар сентябр ойининг ўрталарига қадар давом этган, кейин эса тарих факультети талабалари ва профессор–ўқитувчилари (бошқа факультетлар ва республика олийгоҳларининг вакиллари сингари) пахта йиғим-теримида жўнаб кетишган. Фақат II–V курслар археолог талабаларга аввал бир ой мобайнида дала ўқув археология амалиётини (60-70 йилларда Туркманистондаги Кўхна Марв шаҳар харобаларида) ўтказишга рухсат берилган. Ундан кейин улар ҳам пахта далаларида “амалиётни” давом этишган.

Пахта териш мавсуми муддатининг якуни, одатда кўра, республикада пахта тайёрлаш мажбуриятининг бажарилиши кунлари

билан белгиланган (мисол тариқасида, 1983 йилда талабалар ва ўқитувчилар пахта йиғим теримида 23 декабргача кечикиб қолишган). Бу жиҳатларни ҳисобга олган ҳолда, ўқув жараёнида аудиториядан ташқари мустақил таълим, илмий адабиётлар билан ишлаш ва билим олиш катта аҳамиятга эга бўлган. Шу пайтларда китобнинг кадр-қиммати, китоб ўқиш зарурати янгидан англанди.

Ўрта Осиё археологияси кафедрасида умумий археология, дала тадқиқот усуллари ва тўртламчи геология, антропология, эпиграфика ва палеография, нумизматика, этнография, шаҳарларнинг тарихий топографияси, Ўрта Осиёнинг санъати ва меъморчилиги тарихи бўйича махсус курслар ишлаб чиқилган. Шунингдек, талабалар Самарқанд ва Бухорода меъморий – танишиб чиқиш амалиётини ўтишган. Афсуски, ҳозирда шундай амалиёт олиб борилмайди.

Археолог кадрларни тайёрлаш жараёнида М.Е.Массон раҳбарлигида 1946 йилда ташкил этилган Жанубий Туркменистон археологик комплекс экспедицияси ва 1964 йилда асос солинган Кеш археология–топографик экспедицияси тадқиқотларида талабалар ва аспирантларнинг иштирок этиши катта аҳамият касб этган. Бугунги кунда талабаларнинг дала археологик амалиёти, ёдгорликлар билан танишиб чиқиш, чекланган экскурсия хусусиятга тобора айланиб бормоқда. Археологик қазиш ишлари услубларини кўرғазма воситалар ёрдамида аудиторияларда ўрганиш, бу соҳада билимлар ва кўникмаларни амалий жиҳатдан бойитишга хизмат қилмайди.

Назарий ва амалий билимларнинг ўзаро боғлиқлиги, яқин ўтмиш ўқув жараёнининг энг муҳим омили бўлиб, тадқиқот кўникмаларини белгилаб берган. Ўша пайтларда III курсдан бошлаб, талабалар битирув (диплом) ишларини ёзиш мақсадида, археологик материалларини йиғиш, уларга ишлов бериш ва таҳлил қилиш борасида дастлабки тадқиқотларни амалга оширишган. Шу билан бирга ушбу материалларни талабалар экспедицияларда қазиш ишлар орқали ўз меҳнати билан қўлга киритишган. Ўрганилган ёдгорликлар (манзилгоҳлар ва шаҳар харобалари) ҳамда топилган моддий манбаларнинг хронологик доираси (тош даврдан сўнгги ўрта асрларга қадар) турлича бўлган. Бу, ўз навбатида, муайян давр археологияси ва тарихи бўйича келгуси ихтисосликни белгилаб берган.

Кафедра талабаларини ўқитиш жараёнида илмий баён тилни билишга катта эътибор берилган. Археологик тушунчалар ва атамалар асосида илмий тавсифлаш ва тушунтириш қоидаларини ўрганишга ўқув семинарлардаги баҳс-мунозаралар, дала тадқиқотлар ҳисоботларини ва курс ишларини ёзиш, газеталар учун мақолаларни ёритиш ёрдам берган. Шунингдек, археологик илмий тўғарак йиғилишлари ва талабалар

конференцияларида маърузалар билан чиқиш, маъруза матнидаги гап маъносини илмий жиҳатдан тўғри тузилишига кўмаклашган.

Ҳозирда археология мавзуларига оид айрим мақолалар ва китобларда хорижий илмий адабиётлардан олиб ўзлаштирилган атамалардан фойдаланиш ҳолатлари кўпайиб бормоқда. Бироқ айниқса ўқув қўлланмалар ва дарсликларда ҳамда илмий оммабоп адабиётларда бундай атамаларга изоҳ бермасдан, уларни тўғридан-тўғри ишлатиш ўқувчилар учун муаммо яратади.

Археология кафедрасида, эҳтимол, шунга ўхшаш ҳолатларининг олдини олиш, тушунарли илмий тилга амал қилиш тартибини ўргатиш, бу мактабнинг археология олий таълими тизимидаги ёрқин хусусиятларидан бири бўлган. Кафедра битирувчилари илмий асарлар билан бир қаторда равон тилда ёзилган ва кенг китобхонларга мўлжалланган кўп сонли илмий оммабоп китобларни яратишган.

Ўрта Осиё археологияси мактабида машҳур олимлар билим олишган. Улардан кўплари дунё миқёсидаги олимлар – академиклар (6 та), фан докторлари ва номзодлари, минтақа қадимги ва ўрта асрлар тарихи ва маданиятини ўрганишга ҳамда музейшунослик ва олий таълим тизими ривожига катта ҳисса қўшган ва ўз илмий мактабларини яратган тадқиқотчилардир.

Кафедра битирувчилари Ўрта Осиёда буюк археологик кашфиётларнинг муаллифлари, уларнинг фаолияти натижасида минтақа археологиясининг турли йўналишлари тубдан ўзгариб, янгича илмий қарашлар ва ёндашувлар билан бойитилган. Мазкур ҳолат жаҳон илмий ҳамжамияти томонидан тан олинган. Кафедра шогирдларининг Парфия, Марғиёна, Бақтрия, Суғд, Уструшона, Фарғона ва Чочдаги талайгина кашфиётлар натижалари кўп сонли нашрларда, шу жумладан, дунёнинг турли мамлакатларида эълон қилинган монографиялар ва илмий тўпламларда ҳамда дарсликлар ва ўқув қўлланмаларида ўз аксини топган.

Бу борада ёрқин намуналарни келтириш мумкин. Улар орасида Жанубий Қозоғистон, Тошкент воҳаси ва Жанубий Тожикистонда палеолит даври маконлари, Копетдоғ этаклари ва қуйи Мурғоб воҳасида неолит, энеолит, бронза ва илк темир даврлари ёдгорликларининг тадқиқ этилишини тилга олиш лозим.

Шунингдек, неолит даврига оид Жойтун маданияти, бронза асри Олтинтепа ва Гонур цивилизацияларига мансуб муҳим археологик маълумотлари илмий муомалага киритилган. Кафедра битирувчилари бронза ва илк темир даврига оид Даштли, Тиллатепа ва Қутлуғтепа (Шимолий Афғонистон), Қизилча 6, Қизилтепа, Талашкан ва Бандихон (Сурхон воҳаси), Даратепа, Сангиртепа ва Узунқир (Қашқадарё воҳаси) ҳамда Зарафшон воҳасида қадимги кўчманчиларнинг мазор кўрғонлари

(Хазара, Қалқонсой) каби ҳозирги пайтда археология фанида машҳур ёдгорликларни кашф этишган.

М.Е.Массон раҳбарлигида Нисо ва Кўхна Марв шаҳар ҳаробаларида кўп йиллар мобайнида археологик казиш ишлари амалга оширилган. Шу билан бирга антик ва ўрта асрлар даври Суғд, Чоч ва Илоқ, Уструшона ва Бактрия – Тохаристон шаҳарлари ва қалъаларида (Еркўрғон, Афрасиёб, Шоштепа, Канка, Нуртепа, Далварзин, Термиз, Кампиртепа, Кўрғонзол, Узундара ва бошқаларида) олиб борилган тадқиқотларни қайд этиш лозим. Шунингдек, кафедранинг собиқ талабалари томонидан эпиграфика ва нумизматика, тасвирий санъат ва меъморчилик ёдгорликлари ҳамда қадимий тоғ конларини ўрганиш муҳим аҳамиятга эга. Кафедра битирувчилари Туркменистон, Тожикистон ва Қирғизистонда археология фанининг ривожланишига катта ҳисса қўшган.

Уларнинг тадқиқотлари натижасида Шаҳрисабз, Қарши, Тошкент каби тарихий шаҳарларнинг ёши аниқланиб, исботланган.

Ушбу қисқача маълумотлар кафедра шогирдлари тадқиқотларининг асосий йўналишлари, уларнинг миқдор ва сифат жиҳатларини ҳамда амалга оширилган ишларнинг улкан илмий аҳамиятини очиб беришолмайди. Бу алоҳида махсус тадқиқот мавзусидир.

Ўрта Осиё археологияси мактабининг собиқ ўқувчилари ҳозирги пайтда Марказий Осиёда ҳамда Москва ва Санкт-Петербургдаги Россия Фанлари академиясининг Археология институти, Давлат Шарқ музейи ва Давлат Эрмитажининг етакчи илмий ходимлари, шунингдек, улар Доғистон ва Хакасия, Озарбайжон, Греция ва Германияда тадқиқотларни олиб боришмоқда.

Кафедра талабалари археология ихтисослиги билан бирга умумтарихий билимларга эга бўлишган. Шу боис битирувчилардан тарих фанининг бошқа соҳаларини ривожлантиришда йирик олимлар етишиб чиққан. Шу йўналишда этнология, Ўзбекистоннинг XX аср тарихи ва тарихшунослиги, Кўқон хонлиги тарихи ва Ўрта Осиёнинг XVII–XIX асрлар дипломатик муносабатлари бўйича амалга оширилган тадқиқотларни қайд этиш мумкин.

Бугунги кунда кафедра битирувчилари, танилган олимлар ва тажрибали профессор-ўқитувчилар ЎзФА Археология Миллий маркази, Санъатшунослик институти, Тарих институти, Ўзбекистон тарихи давлат музейи ҳамда республиканинг университетлари ва вилоятлар музейларида илмий-тадқиқотлар, педагогика–тарбиявий фаолият ва тарихий–маданий меросни тарғиботи соҳаларида самарали ишларни амалга оширишмоқда.

Шуни алоҳида таъкидлаш жоизки, Ўзбекистонда археолог мутахассислар ва юқори малакали кадрларни тайёрлаш академик Я.Ғ.Ғуломов илмий мактабида йўлга қўйилган. Археология мактаби

Нукусада ҳам шаклланган. Унинг ривожланишига Хоразм археологик экспедицияси раҳбари С.П.Толстов катта хисса қўшган. Археолог кадрларни тайёрлаш Самарқанд давлат университетида амалга оширилмоқда. Ушбу ишларни Д.Н.Лев ва М.Д.Жўракуловлар бошлаб беришган. Бир қатор Ўзбекистон қадимшунослари собиқ Ленинград Археология институти бўлими ва Новосибирскдаги Фанлар академиясининг Сибир бўлими аспирантурасида ўқишган. Ўзбекистонда археология фанининг ривожланишида бу илмий мактаблар вакилларининг хизмати каттадир. Уларнинг археологик тадқиқотлари туфайли дунё аҳамиятига эга бўлган моддий маданият ёдгорликлари ва қадимий цивилизациялар марказлари кашф этилди.

Ўтган асрнинг 90-йиллари – ХХІ аср бошларида университетлар талабаларининг дала археологик амалиёти, ўқув-тадқиқот жараёнининг ҳал қилувчи бош омилларидан бири сифатида ўз аҳамиятини босқичма-босқич йўқотиб қўйди. Бу ҳолат археолог мутахассислар, шу жумладан, улардан юқори малакали кадрларни тайёрлашда замонавий муаммоларнинг келиб чиқишига асосий сабаб бўлди.

Аксинча, бу даврда халқаро илмий ҳамкорлик, хорижий археологлар билан қўшма экспедициялар ташкил этиш соҳасида катта муваффақиятларга эришилди. Бундай ҳамкорлик янги экспедицияларни молиялаштириш, хорижда малака ошириш, биргаликда мақолалар чоп этиш ва илмий конференцияларни ташкиллаштиришга хизмат қилади.

Бироқ Австралия ва Япония, Польша, Чехия ва бошқа мамлакатлардан дастлаб Ўзбекистонга келган археологлар, бошдан маҳаллий археология анъаналари ва мактабларнинг сабоқларини билиб олиш ва амалиёт орттиришни мақсад қилиб қўйишган. Шу боис Ўзбекистонда ихтисослашган олий археология мактабларининг анъаналарини янги асосларда ривожлантириш – долзарб вазифа, негаки бугунги кунда жаҳон миқёсидаги археология тарихий-маданий меросни ўрганиш, тарғиб қилиш ва сақлаб қолиш соҳаларига улкан хисса қўшиб, ёш авлоднинг барқарор маданий ривожланишига кўмаклашади.

ПЕРВАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В середине 30-х гг. прошлого века, в связи с необходимостью развития археологии в среднеазиатских республиках, организации экспедиций и широких полевых исследований, встал вопрос о подготовке квалифицированных кадров и открытии кафедры археологии.

Такая кафедра была создана в 1940 году профессором М.Е.Массоном на историческом факультете Среднеазиатского государственного

университета (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека) [1]. Это была первая кафедра археологии, открытая в Средней Азии. В те времена, в масштабе бывшего государства, подобные кафедры функционировали лишь в университетах Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербург) и Киева.

На кафедре обучалось сравнительно небольшое число студентов, в разные годы не более 5-8 человек на каждом курсе. Археология как наука, обращенная в далекое прошлое, связана с экспедициями, раскопками и кропотливым трудом в полевых условиях. Видимо, эти факторы влияли на выбор студентами будущей специализации.

Кафедра археологии Средней Азии оставалась интернациональной по составу. Здесь учились представители многих национальностей, а в 80-х гг. прошлого века – студенты из стран зарубежной Азии, а также Африки. Всех их объединяли научные интересы, стремление к поиску и открытиям.

Специализация на кафедре начиналась с первого курса. Однако вначале каждого учебного года занятия проводились до середины сентября, а затем студенты и преподаватели исторического факультета (как и других факультетов и вузов республики) выезжали на сбор хлопка. Лишь студентам – археологам II – V курсов разрешался вначале выезд в экспедицию для проведения учебной полевой археологической практики, которая проходила в течение месяца (в 60-70-е гг. на городищах Старого Мерва в Туркменистане) и по её завершению студентам надлежало «продлить практику» на хлопковых полях.

Сбор хлопка продолжался до выполнения плана по заготовке хлопка сырца в республике (к примеру, в 1983 году студенты и преподаватели задержались на сборе хлопка до 23 декабря). Учитывая эти обстоятельства, большое значение в системе образования имели внеаудиторные самостоятельные занятия, изучение материалов научной литературы. В такой время проявлялось понимание особого значения книги и необходимости чтения.

На кафедре археологии, Средней Азии были разработаны специальные курсы по общей археологии, методике полевых исследований, четвертичной геологии, антропологии, эпиграфике и палеографии, нумизматике, этнографии, исторической топографии городов, истории искусств и архитектуры Средней Азии. Студенты выезжали на архитектурно – ознакомительную практику в Самарканд и Бухару. К сожалению, в настоящее время, такая практика не проводится.

Особую роль в подготовке кадров – археологов сыграло участие студентов и аспирантов кафедры в работах Южно–Туркменистанской археологической комплексной экспедиции и Кешской археолого–

топографической экспедиции, созданных под руководством М.Е.Массона, соответственно в 1946 и 1964 гг. Ныне полевая археологическая практика студентов приобретает все более ограниченный экскурсионно – ознакомительный характер, изучение методики археологических раскопок в аудитории с помощью наглядных пособий, не способствует повышению знаний и навыков в этой сфере.

Тесная взаимосвязь теории и практики являлась в недалеком прошлом характерной чертой учебного процесса, что определяло исследовательские навыки. Уже на III курсе студенты начинали сбор, обработку и анализ археологических материалов для написания выпускных дипломных работ. Причем эти материалы студент «добывал» своим трудом в экспедициях, на раскопках того или иного объекта. Хронологические рамки источников могли быть разными от эпохи камня до позднего средневековья, как и изучаемые памятники (стоянки, поселения и городища), расположенные в различных историко-культурных областях. Это определяло и будущую специализацию, ориентированную на изучение археологии и истории отдельных периодов.

В процессе обучения студентов кафедры большое внимание уделялось познанию научного языка изложения. Освоению канонов научной характеристики на основе археологических понятий и терминов способствовали дискуссии на семинарах, написание отчетов о полевых исследованиях, курсовых работ и статей для газет, а также выступления с докладами на заседаниях студенческого научного археологического кружка и студенческих конференциях, которые требовали правильного научного построения смысла предложений соответствующего текста.

В настоящее время в статьях и книгах археологического содержания проявляется определенный рост заимствования терминов и определений из зарубежной научной литературы. Однако прямое использование подобной терминологии, без соответствующих объяснений, особенно в учебных пособиях и учебниках, а также в научно–популярной литературе создает ряд проблем для читателя.

Возможно, во избежание аналогичной ситуации, обучение основам использования научного языка было одной из ярких особенностей в системе высшего археологического образования на кафедре. Ее выпускники, наряду с научными работами, являются также авторами многих научно–популярных книг, которые написаны доступным языком для широкого круга читателей.

На кафедре археологии Средней Азии получили образование широко известные исследователи, многие из них ученые мирового масштаба – академики, (6 выпускников кафедры), доктора и кандидаты исторических наук, которые внесли большой вклад в изучение истории и культуры

региона периодов древности и средневековья, в развитие музееведения и системы высшего образования. Они также являются создателями собственных научных школ.

Выпускники кафедры – авторы выдающихся археологических открытий в Средней Азии, что признано международным академическим сообществом. Результаты их исследований в Парфии, Маргиане, Бактрии, Согде, Уструшане, Фергане и Чаче отражены в многочисленных научных публикациях, в том числе в разных странах мира, а также в учебных пособиях и учебниках. Во многих направлениях археологии, истории культуры, а также древней и средневековой истории, воспитанники кафедры являются первопроходцами.

Можно привести примеры изучения стоянок эпохи палеолита в Южном Казахстане, Ташкентском оазисе и Южном Таджикистане, поселений эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннежелезного века в предгорьях Копетдага и низовьях Мургаба.

Так, в научный оборот были внедрены ныне широкоизвестные материалы Джейтунской культуры, а также цивилизаций эпохи бронзы Алтынтепа и Гонур. Выпускниками кафедры открыты и изучены такие известные памятники эпохи бронзы и раннего железа, как Дашлы, Тиллятепа и Кутлугтепа (Северный Афганистан), Кызылча 6, Кызылтепа, Талашкан и Бандыхан (долина Сурхана), Даратепе, Сангиртепа и Узункыр (долина Кашкадарьи), а также могильники древних кочевников Хазара, Калакансай и др. (долина Зарафшана).

Под руководством М.Е.Массона проводились многолетние археологические работы на городищах Ниса и Старого Мерва. Необходимо отметить исследования городов и крепостей эпохи античности и средневековья Согда, Чача и Илака, Уструшаны и Бактрии – Тохаристана (Еркурган, Афрасиаб, Канка, Шаштепа, Нуртепа, Далверзин, Термез, Кампыртепа, Курганзол, Узундара и др.). Актуальное значение имеет вклад воспитанников кафедры в изучение памятников эпиграфики, нумизматики, художественной культуры, архитектуры, древних рудников и горного дела. Выпускники кафедры внесли большой вклад в развитие археологической науки в Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане.

На кафедре, наряду с археологической специализацией, студенты получали фундаментальные общеисторические знания. Не случайно поэтому ее выпускники стали также крупными учеными в области разработки и обобщения актуальных научных проблем, не связанных с археологией. В этом плане можно отметить работы по этнологии, истории и историографии Узбекистана XX в., истории дипломатических отношений Средней Азии XVII–XIX вв., истории Кокандского ханства.

Результаты многолетних раскопок выпускников кафедры археологии и полученные ими научные данные позволили обосновать исторический возраст Шахрисабза, Карши и Ташкента.

Этот общий, далеко не полный перечень основных научных направлений исследований воспитанников кафедры археологии, естественно, не может охарактеризовать количественные и качественные стороны осуществленных работ, их громадную научную значимость. Эта тема особая, которая может послужить предметом специального исследования.

Бывшие студенты – выпускники кафедры археологии, ныне работают не только в странах Центральной Азии, но и в Москве, Санкт-Петербурге, являясь ведущими научными сотрудниками Института археологии Российской Академии наук, Музея Востока, Государственного Эрмитажа, а также в Дагестане, Хакасии, Азербайджане, Греции и Германии.

В настоящее время выпускники кафедры археологии являются ведущими учеными Национального Центра археологии Узбекистана, Института истории, Института искусствоведения и Государственного музея истории Узбекистана. Они вносят большой вклад в развитие науки, системы образования и пропаганды историко–культурного наследия в музеях и университетах республики.

Следует особо подчеркнуть, что подготовка специалистов археологов в Узбекистане также успешно осуществлялась в школе академика Я.Г.Гулямова. Археологическая школа сформировалась в Нукусе, в создание которой большую роль сыграла Хорезмская археологическая экспедиция под руководством С.П.Толстова. Специализация по археологии осуществляется в Самаркандском государственном университете. Начало этой работе положили Д.Н. Лев и М.Д.Джуракулов. Ряд ученых Узбекистана обучались в аспирантуре бывшего Ленинградского отделения Института археологии, а также в Сибирском отделении Академии наук в Новосибирске.

Представители этих научных школ внесли большой вклад в развитие археологической науки Узбекистана. Благодаря их исследованиям открыты выдающиеся памятники материальной культуры и центры древних цивилизаций, имеющих всемирное значение.

В 90-е гг. прошлого века – начале XXI столетия полевая археологическая практика студентов, как один из главных факторов учебно-исследовательского процесса, поэтапно теряла былое значение. Все это привело к современным проблемам в подготовке археологов, в том числе кадров высшей квалификации.

И напротив, были достигнуты существенные успехи в международном научном сотрудничестве, организации совместных экспедиций с зарубежными археологами. Такое сотрудничество способствует финансированию новых экспедиций и зарубежным стажировкам, совместным публикациям и организации научных конференций.

Вместе с тем, археологи из Австралии и Японии, Польши и Чехии, и других стран, впервые приезжающие в Узбекистан, прежде всего, ставят цель познать местные традиции археологических исследований. Поэтому развитие на новой основе традиций специализированных школ археологии Узбекистана приобретает принципиально важное значение, учитывая также, что в мировом масштабе археология вносит огромный вклад в изучение, пропаганду и сохранение историко-культурного наследия, способствуя стабильному культурному развитию молодого поколения.

Список литературы

1. Массон М.Е., Лунина С.Б. Кафедра археологии Средней Азии ТашГУ (1940-1960) // Научные труды ТашГУ. Археология Средней Азии. – Ташкент, 1963. Вып. 6; Усманова З.И. Кафедре археологии 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1990. – С. 3-15; Сагдуллаев А.С., Гулямов Х.Г. Кафедре археологии Средней Азии 60 лет // Культурное наследие Средней Азии. – Ташкент, 2002. – С. 3-6; Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Кн. II. – Ташкент: San'at, 2014. – 160 с.; Сагдуллаев А.С. Кафедре археологии 75 лет // Проблемы истории, археологии и этнологии Центральной Азии. – Ташкент, 2015. – С. 5-9.

Ртвеладзе Э.В.

т.ф.д., профессор, академик,

Ўзбекистон Республикаси ФА Санъатишунослик институти

ДАЛА АРХЕОЛОГИК АМАЛИЁТИ*

Дала археологик амалиёти талаба–археологларни тайёрлаш жараёнининг энг муҳим таркибий қисмларидан биридир. У археологик тадқиқотларни олиб бориш кўникмаларини ўргатишга, мустақил

* **Мухаррирдан:** мазкур мақола Э.В.Ртвеладзенинг 2014 йилда нашр этилган “Вспоминая былое” деб номланган хотираларидан иборат китоби бандининг қисқача таржимаси бўлиб, мазкур китоб муаллифнинг 1962-1967 йиллари Тошкент давлат университети Ўрта Осиё археологияси кафедрасида ўқиган пайти билан боғланган. Китобнинг кириш қисмида Э.В.Ртвеладзе шундай ёзади: “Шу даврга мурожаат этиш, сираям тасодифий эмас, чунки университет таълими илмий тафаккурни шакллантиради ва мустақил илмий ижодий изланишга кўмаклашади”.

изланишлар ва археологик кидириш ишлари – разведкаларни амалга оширишга, археологик қазиш усуллари, маданий қатлам ва тупроқ остида кўмилиб ётган турар жойларнинг деворлари қолдиқларини аниқлаш ҳамда археологик ёдгорликларнинг тарҳини тузишга йўналтирилган.

Археологик амалиёт пайтида, қуйи курслар талабалари қазиш ишлар майдончаларида юқори курслар талабаларининг ёрдамчилари бўлишган. Уларнинг вазифалари топилмаларни рўйхатга олиш ва дастлабки таърифлаш, сопол парчаларига шифр қўйиш каби ишлардан иборат бўлган. Катта курслар вакиллари қазиш ишлар майдончалари раҳбарлари сифатида ҳар кунги қазиш тадқиқотларининг натижаларини дала кундалик дафтарларида ёритиб, чизма ишларни амалга оширишган. У ёки бу қазиш объектдан топилган материаллардан талабалар курс ва битирув ишларини ёзиш чоғида фойдаланишган.

Қадимий турар жойлар ва турли бинолар қолдиқларини қазиб очиш пайтида маданий қатламнинг кетма-кетлиги хусусияти, унинг тузилиши – стратиграфик тадқиқотлар ёрдамида археологик ёдгорликнинг даврий ривожланиши ҳақида аниқ ва илмий асосланган тасаввурларга эга бўлиши мумкин.

Маданий қатлам қурилишлар қолдиқлари, археологик ашёлар ва тупроқ қатламлардан иборат бўлади. Бу қатламлар у ёки бу ёдгорликларда шурф ва кенг кўламдаги қазиш ишлари орқали ўрганилади. “Шурф” сўзи “қазиш” деган маънони билдиради. Шурф солиш дейилганда, ёдгорликдаги дастлабки қазиш ишлари тушунилади. Шурф орқали маданий қатлам аниқланиб ўрганилади ва ёдгорлик ҳақида умумий маълумотлар кўлга киритилади. Шурф тўғри тўртбурчак (3x2 м) ёки квадрат (3x3 м) шаклларида қазиш бўлиб, унинг чуқурлиги маданий қатламнинг қалинлиги билан белгиланади.

Ўрта Осиёда илк археологик ишлар бошланган даврида (XIX асрнинг охирилари – XX аср бошлари) асл илмий тадқиқот услублар маълум бўлмаган. Қазиш ишлари траншея – хандақ ёрдамида амалга оширилган. Шу сабабли XX асрнинг 30-йилларига қадар чоп этилган археология мазмунига эга мақолаларда стратиграфик чизмалар этилмаган.

Ўрта Осиё ёдгорликларини стратиграфик ўрганиш усули илк бор М.Е.Массон томонидан ишлаб чиқилган. У маданий қатлам ва топилмаларни 50 см чуқурлиги изчиллигида қаватлар – яруслар бўйича қайд этиш усулидир. В.М.Массоннинг айтишича, унинг ёшлиги йилларида В.Л.Вяткин билан биргаликда Афрасиёбда қазишма ишларини олиб борган пайтида, шу усулдан фойдаланиш зарурати вужудга келган. Бироқ “қаватли” услуб Эски Термиз шаҳар харобасидаги 1936-1939 йиллари қазиш ишларида дастлаб қўлланилган. Ундан кейин 1946 йилдан бошлаб, шу усул Жанубий Туркманистон археологик комплекс

экспедициясининг тадқиқотлари амалиётида кенг татбиқ этилган. Афсуски, ушбу услубнинг маъноси, баъзи ҳолатларда нотўғри талкин қилинган. Хорижий мақолалар бирининг баёнига кўра, Ўрта Осиё археологлари ёдгорликларни ўрганишда эскириб қолган стратиграфик усулидан фойдаланишади, уларга нисбатан француз археологлари илғор услублар орқали маданий қатламни ўрганишади.

Шу боис Жанубий Туркменистон археологик комплекс экспедицияси Кўҳна Марвда ва Франция археологик делегацияси Афғонистон экспедициясининг Ойхонумда олиб борилган тадқиқотларга доир нашрларни қиёслашга тўғри келади. Ойхонумда амалга оширилган археологик тадқиқотларга оид маданий қатламлар стратиграфиясининг биронта чизмалари эълон қилинмаган. Аксинча, Кўҳна Марвдаги барча қазиш ишларига доир мақолаларда стратиграфия чизмалари мавжуд. Айниқса бу борада З.И.Усманова¹ раҳбарлигида, кўп йиллар мобайнида, Эркқалъадаги мудофаа деворларининг баланд харобалари тепасидан пойдеворигача қазилган улкан тик кесма стратиграфик шурфи намуналидир, негаки, унга тенг намуна Ўрта Осиё ва ўзга мамлакатлар археологиясида ҳозирги кунгача мавжуд эмас. Эркқалъа мудофаа деворлари кесмасининг чуқурлиги 27 метрни ташкил этади. Шу қазиш ишларида кафедра талабалари археологик амалиётини ўтишган.

Сулейманов Р.Х.

д.и.н., профессор,

Национального университета Узбекистана

МИГРАЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ЮГ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ДАХИ И МАССАГЕТЫ)

Крупная миграция дахов III-II вв. до н.э., исходным пунктом которой явились низовья Сырдарьи, имела большое значение в этногенезе и культурогенезе Средней Азии. В письменных источниках разного происхождения об этом событии сохранились очень краткие, но многочисленные сообщений. Продвижение дахов хорошо прослеживаются по археологическим источникам.

Исследованиями Хорезмской археолого - этнографической экспедиции установлено, что после разгрома Кира армией кочевых племен и народов во главе с массагетами, согласно Геродота, к середине первого тысячелетия до н.э. на базе древних дельтовых протоков Сырдарьи складываются чирикратская и джетьясарская

¹ Замира Исмаиловна Усманова М.Е.Массоннинг шогирди, тарих фанлари номзоди, доцент. 1981-1991 йилларда Ўрта Осиё археологияси кафедрасининг мудири.

археологические культуры. Но после двух веков успешного развития чирикратская культура терпит кризис в силу динамики тектонических плит Туранской низменности, в результате которой происходят серьезные изменения ландшафта, что приводит к постоянному гипсометрическому увеличению уклона всего Восточного Приаралья с юга на север. Это в свою очередь приводит к тому, что воды среднего русла реки все меньше и меньше поступают в южные протоки древней дельты Сырдарьи. Кончается это тем, что в третьем веке до н.э. река в своем нижнем течении прорывается в новое северное русло, идущее мимо современного города Отрау (Казалинск) и впадает в Аральское море с северо - востока, что приводит к окончательному осушению территории чирикратской культуры. Эту культуру Б.И. Вайнберг, с полным на то основанием, считает принадлежащим упоминаемым в письменных источниках IV-II вв. до н.э. дахам. Особенности культуры дахов изложены в ряде публикаций Б.И. Вайнберг. Исход дахов из их родины в низовьях Сырдарьи происходил постепенно по мере нарастания кризиса [4; 5].

В греческой исторической традиции дахи впервые упомянуты в “Истории” Геродота. Также дахи упоминаются в Фравардин – Яште Авесты вместе с арья, тура, саирима и саина [4, С. 207]. Тот факт, что дахи и сариима упоминаются в одном списке, неважно сопоставлены ли вторые с савроматами или сарматами, указывает на то, что это были разные народы. Позже IV в. до н.э. дахи упоминаются как участники сначала войск Ахеменидов, а затем и Александра. Генетически дахи, возможно были связаны с савроматами и сарматами юга Приуралья. Река Урал – средневековый Яик у Птолемея назван – Даик, т. е. связан с этнонимом дахов или даев. В IV-II вв. до н.э. дахи упоминаются югу от Амударьи в Хорезме, на Узбое и Атреке, а также в бассейне Зарафшана. Согласно всего археологического комплекса генетически они были связаны с прохоровской культурой Южного Приуралья [3].

В это же время, парны входящие в объединение дахов, во главе с Арсаком и Тиридатом захватывают Парфию. При Митридате Великом правители Парфии расширяют свои границы до Месопотамии на юго-западе и теснят кушан на востоке, на севере им принадлежат земли до Туривы – Тараба и Казбиона – Каспи на ю - з окраинах Согда. Окончательно дахи покидают свою родину на рубеже III-II вв. до н.э. когда в результате очередного тектонического подъема Сырдарья ушла по новому, или современному северному руслу и стала впадать в Аральское море с северо - востока. Вдоль этой новой нижней части реки нет поселений ранее II в. до н.э. Произошло окончательное иссушение нижних течений древних дельтовых протоков Кувандарьи, Инкардарьи и Жанадарьи.

Укрепленные поселения джетыясарской культуры, расположенные в верхней части дельты Сырдарьи, ближе к современному руслу реки продолжали обживаться на протяжении первой половины первого тыс. н.э., и дальнейшие судьбы людей этой культуры складываются несколько иначе.

Древнейшим среди памятников чирикратской культуры является их первый столичный город, представленный руинами городища Чирикрат с погребальными сооружениями вождей V – IV вв. до н.э. Город окружен овальной в плане оборонительной стеной. Вторым по времени является городище Бабишмола. Это было сооружение крепостного типа, в виде монументального, квадратного в плане высокого замка, окруженного квадратной же в плане оборонительной стеной с высокой неприступной башней у входа, которая функционально была связана с самим замком перекидным мостом. Б.И.Вайнберг датирует этот замок IV в. до н.э. и считает, что он был возведен в качестве резиденции сатрапа после включения земель дахов в состав империи в качестве союзников Ахеменидов. Но замок остался недостроенным, так как уже в 4 в. до н.э. Хорезм, а с ним и дахи, обрели независимость. При этом южнее в Хорезме оказалось недостроенным и необжитым самое большое городище Калалыгыр. Страна дахов, по которой протекали большие и малые протоки дельты Сырдарьи, была обжита и возделана, но в процессе упомянутой эндогенной экологической катастрофы она обезлюдела.

Дахи, как уже отмечалось, и ранее, с V – IV в. до н.э., кочевали и ходили в походы по Средней Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные могильники подбойного и катакомбного типов, изученные по среднему течению Сырдарьи, Зарафшана, а также в Кызылкумах. Все специалисты практически единодушны в своем мнении об общности происхождения и единстве материальной культуры дахов и сармат. Дахи покинувшие во втором веке до н.э. низовья Сырдарьи, при всей их общности со скифо - сарматским миром ранних кочевников, имели уже двухсотлетний опыт оседлой земледельческо-скотоводческой и к тому же урбанизированной культуры. Последний и окончательный исход дахов на юг и восток на рубеже III-II вв. до н.э. послужил толчком волне и других кочевых народов, которая смела во втором веке до н.э. последних греческих правителей – наследников Александра и дала начало новым династиям автохтонного происхождения. Как отмечалось, часть их вторгается в Парфию, другая часть пройдя Согд и Бактрию и перевалив через Гиндукуш оккупирует земли до среднего течения Инда, где в первые века до н.э. известны, так называемые, индо – скифские или индо – парфянские царства. Они чеканят свою серебряную монету по которым известны имена таких правителей их как Вонон, Мауес (Махваш ?), Азес.

Но дахи, не только в лице своих воинственных родов склонных к кочевничеству, оккупируют обширные территории раздробленных наследников империи, но со временем, последняя волна их покидает свою освоенную их предками родину полностью и заселяет земли по среднему течению Сырдарьи. Последний акт этой экологической драмы происходит в конце III-II вв. до н.э. Когда в результате прорыва русла Сырдарьи к северо-западу, орошаемые земли дахов – носителей чирикратской культуры в результате иссушения стали окончательно непригодны для земледелия. Это привело к исходу из родины и тех общин дахов, которые уже давно вели оседлый образ жизни на базе комплексного скотоводческо - земледельческого хозяйства. Они мигрируют вдоль Сырдарьи вверх, по правобережью реки, которое частично орошалось мелкими речушками, сбегавшими к руслу Сырдарьи с южных склонов Каратауского хребта - северного водораздела бассейна Сырдарьи. В процессе миграции они начинают осваивать земли пригодные для земледелия. Позже часть их уходит далее в Семиречье, на что указывают керамические комплексы этих районов первой половины I тыс. до н.э. По среднему течению реки во II в. до н.э. складываются две новые этнокультурные общности, представленные отрар-каратауской и каунчинской археологическими культурами. Эти культуры давно и в достаточной мере изучены. Осевшие здесь группы дахов распространили на правобережье Сырдарьи навыки своей самобытной раннегородской культуры. Основы таких городов и городков как Сыгнак, Сауран, Ясси (Туркестан), Отрар, Чимкент, Ташкент, Тараз, и ряд укрепленных поселений расположенных пунктиром между перечисленными городами возникают во II – I вв. до н.э. Многолетние раскопки, проводившиеся в Ташкенте, Чимкенте и Таразе подтвердили двухтысячелетний, и больший их возраст.

Это явление в корне отличается от предшествующей миграции кочевых дахов, реализующих традиционную модель миграции кочевников, когда они спланиваются и благодаря своей мобильности и военному превосходству, несмотря на свою малочисленность, захватывают состоятельные, но беззащитные районы с целью получения дани. В этом случае они выступают как оккупанты, где аристократия дахов в роли новых хозяев вселяется в городские центры оккупированных земель.

Но в обоих случаях везде, где они появлялись, наблюдаются явные инновации признаков культуры дахов. Это проявляется в градостроительстве и архитектуре, в погребальном обряде и вооружении, в искусстве и религиозных традициях. При этом особенности облика материальной культуры дахов сохраняют особенности присущие не только

прохоровской культуре, но и сарматской в Восточной Европе. Это подчеркивается всеми исследователями курганных могильников долины Сырдарьи, Зарафшана и правобережья Амударьи [26; 14].

Мы полагаем, что сложение чирикратской и прохоровской культур происходило не только синхронно, но сингенетично и носители этих обеих археологических культур составили объединение дахов. Затем, с III в до н.э. когда оазис дахов в дельте Сырдарьи начал сохнуть все дахи приходят в движение, одним из последствий которого явилось проникновение части их на территорию савромат. После слияния пришельцев с последними они стали называться сарматами.

В материальной культуре влияние дахов на градостроительство Согда ярко проявилось в Нахшабе в низовьях Кашкадарьи. Здесь во втором в. до н.э., в 10 км южнее существующего столичного города на городище Еркурган возводится новый грандиозный укрепленный город крепостного типа Калаи Захаки Морон – Крепость Змеиного Захака. Это был колоссальных размеров неприступный замок 100 на 100 м по сторонам, высотой более 15м, окруженный тремя рядами стен 210 на 210м и 400 на 400м, третья стена полтора на полтора километра по сторонам не сохранилась, ее давно уничтожил железнодорожный вокзал г. Карши и плотная городская застройка. Стены сохранились высотой до 10м и шириной у основания до 30 м. Ранее подобных сооружений не было ни в Согде, ни в Бактрии. Калаи Захаки Морон повторяет все особенности укрепления Бабишмола – недостроенной резиденции IV в. до н.э. дахов Приаралья в низовьях Сырдарьи в гипертрофированно увеличенных размерах и с втрое большим количеством стен. Сам замок и второй ряд стен Калаи Захаки Морон на южном своем фесе имеют массивные выступы, соответствующие предвратному донжону Бабишмола. Мы можем полагать, что именно этот город - крепость дахов являлся средоточием суверенитета новых хозяев страны. Само имя Захака или Дахака указывает на связь его с этнонимом Даха. Судя по грандиозным масштабам Калаи Захаки Морон, власть правителей новой резиденции дахов в Нахшабе простиралась далеко за пределы собственно Нахшаба и Согда. Крепостей такого масштаба не было ни в Согде, ни в Бактрии. При этом прежней эллинизированной столице Нахшаба на городище Еркурган, видимо отводится роль торгово – ремесленного центра оазиса. Важно отметить, что до освоения современным городом Карши территории городища здесь находилось сельское поселение Кат, старожилы помнили об этом еще во второй половине XX в. Кат традиционный топоним городов и укреплений Восточного Приаралья, в том числе и название столичного города и раннесредневекового Хорезма и наверняка этот термин связан с языком дахов.

Не менее важным архитектурным новшеством II – I вв. до н.э., на новых землях, освоенных дахами, явилось строительство не известных здесь ранее типов храмовых сооружений, выстроенных в плане в виде массивного креста с помещениями внутри и окруженных снаружи округлой или квадратной в плане стеной. Классическим образцом подобного культового сооружения является самый древний храмовый комплекс Шаштепа в Ташкенте II в. до н.э. Аналогичную схему планировки имеют сооружения Арктепа и Билувуртепа в Ферганской долине, а также раннепарфянские Шахрикумис VII и Шахрикумис XIII в северо – восточном Иране. Все они датируются этим временем и имеют следы сходных культово – мемориальных обрядов, которые уходят своими корнями с таковыми в районах Восточного Приаралья, и погребальные ритуалы сармат. Конкретно же подобные структуры имеют мавзолеи чирикратской культуры, сочетающие различные комбинации креста, круга и квадрата, но при миграции за пределы своей родины, дахи продолжают воспроизводить лишь одну модель планировки своих мемориальных сооружений, в виде креста окруженного стенами [23, рис. 12–17].

В I вв. н.э. на территории Ташкента, в одном фарсах выше по течению р. Салар, на месте городища Мингурюк возводится второе культовое сооружения крестообразной планировки. В отличие от такового на Шаштепе, новое имело по четырем своим фасадам не прямоугольные башни как на последнем, а полукруглые башни, что придавало плану этого сооружения облик четырехлепестковой розетки [23, С. 131 и сл.]. Позже, при переходе от древности к раннему средневековью, эта модель культового сооружения широко распространится в Средней Азии. М.И. Филанович, ссылаясь на первооткрывателей каунчинской культуры Г.В. Григорьева и А.И. Тереножкина отмечает, что керамика каунчи два (I-II вв.) с кружками, имеющими ручки в виде рогатого барашка, сходна с керамикой сармат. Каунчи три или джунская культура относится уже ко времени движения гуннов (III-V вв.), а керамика каунчи один находит аналогии с чирикратской керамикой [24].

В керамическом производстве оазисов Средней Азии влияние дахов – сармат проявляется слабее, это появление больших сферических фляг, уплощенных сбоку, с этого же времени в Согде и Бактрии распространяются колоколовидные бокалы на неустойчивой ножке, и некоторые другие признаки гончарства самих дахов, известных по материалам чирикратской культуры. Украшение горшков и кувшинов потеками коричневого ангоба так же особенность гончарства дахов.

Немногочисленный иконографический материал, известный по живописи и скульптуре храмов Средней Азии первых веков до нашей эры

и нашей эры, а также сюжеты торевтики знаменитых погребений Тиллятепе I в. до н.э. в северном Афганистане, свидетельствуют о распространении культа женских божеств племен дахо - сарматского круга. Традиционно высокое положение женщины и матери безусловно, было наследием более ранних савромат, для которых греческие источники отмечали экзотическую для них гинекократию. Савроматы сыграли свою роль в сложении культуры как сармат так и дахов. Но в государственности дахов это сочеталось и с культом предков – основателей тех или иных династий. Позже у правителей Парфии под влиянием эллинистических правителей, он сочетается с культом обожествленного царя – основателя династии, чему положил начало сам Александр, которого после взятия Египта, принадлежащего ранее Ахеменидам, жрецы храма Амона объявили освободителем и сыном бога солнца Ра.

Вторая крупная миграция из бассейна Сырдарьи происходит в IV в. Это была миграция далеких потомков дахов – людей каунчинской и оттар – каратауской культур, сдвинутых с насиженных мест массой движенья хуннов – хионитов, на которую наложились вторжения кидаритов из Восточного Туркестана и позже эфталитов с Алтая. Л.Н. Гумилев, рассматривая причины Великого переселения народов, имевшего место в это время, приходит к обоснованному выводу о том, что толчком к нему явилась вековая засуха, охватившая в III в. средние широты Евразийского континента. В это время претерпевает кризис все древние государства. Первой, в начале 3 в. рушится Парфянская держава. В IV в. Римская империя, ослабленная внутренними противоречиями, делится на две части с последующей деградацией западной ее части. В Индии и Китае исчезают Кушанская и Ханьская державы. Но особенно тяжело приходится степным кочевникам, практическое отсутствие травяной растительности приводит к массовому падежу скота и повсеместному голоду среди гуннов, господствовавших в это время вдоль всего степного пояса от Монголии до Низовий Дуная. Все население степной зоны вынужденно мигрирует на юг в традиционные районы земледельческих стран. Китайские, индийские, согдийские, иранские, римские письменные источники пишут о вторжениях гуннов.

Безусловно, вместе с гуннами засуха заставила мигрировать и большую субстратную часть и других степных, в том числе и часть оседлых скотоводческо – земледельческих народов, но везде в миграция шла под флагом гуннов.

Аммиан Марцеллин, сообщает, что против римлян в войске Сасанидов воюют их союзники гунны или хиониты, отмечается, что они белы телом, имеют высокую культуру и соблюдают закон не хуже ромеев. Все это отличало их от остальных гуннов. Можно предположить, что эти

хиониты могли быть потомками древнего населения среднего течения Сырдарьи вовлеченные в общее движение всех мигрантов под флагом гуннов. То есть это могли быть носители каунчинской и отрар – каратауской культур, т.е. потомков древних дахов.

Долго оставались неясными происхождение и судьбы массагетов. Впервые сведения о воинственном племени массагетов появляются в “Истории” Геродота, в разделах, посвященных завоеванию Средней Азии основателем империи Ахеменидов Киром. Известно, что завоевание стран Средней Азии Киром протекало постепенно и планомерно. Сначала были присоединены страны, входившие в восточные пределы державы Мидии, включая хорасмиев. Затем присоединена Бактрия, включая и Согд. В армии Кира упоминаются и саки, видимо, имеются в виду племена, кочевавшие пределах земель Бактрии, Согда и долине Гильменда. Последний третий поход Кира на северо – восток был направлен на замирение больших военно – политических объединений кочевников, которые нарушали далеко в степи границы империи, провоцируя оседлое население на смуты. Это было необходимо перед долгим походом на Египет, находившимся в нескольких тысячах километров от Средней Азии.

Ктесий, служивший при дворе Ахеменидов врачом, и один из первых авторов, писавших о последнем походе Кира, сообщает, что Киру противостояли дербики. По версии Ктесия персы одержали победу, при этом сам Кир скончался от тяжелого ранения. Считается, что версия Ктесия передает официальную историю гибели Кира, принятую при дворе Ахеменидов. По Бероссу Кир погиб в войне с дайями т.е. дахами Геродота. Есть и версия Ксенофонта, служившего у Кира младшего, он передает идеализированную историю о том, что великий основатель империи мирно скончался во дворце и был похоронен с почестями. Геродот пишет, что он долго исследовал вопрос последней роковой войны Кира кончившейся неудачей и его гибелью и приходит к выводу о том, что его победили не скифы, дайи или дербики, а массагеты во главе с царицей Томирис (историография вопроса изложена в книге Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы, С. 52 - 55). Наша более подробная версия последнего похода Кира опубликована [17].

О местоположении скифского племени массагетов Геродот пишет, что они занимали безграничную необозримую равнину к востоку от Каспийского моря и занимали большую часть этой равнины. Отмечается, что некоторые их считают скифским племенем (I, 201, 204, 216). Простирались их земли от правобережья Окса на юго – западе, до границ исседонов на северо – востоке. При этом на этих же землях могли проживать и другие племена, на что указывает упоминание Полибия об

апасиаках как «народе массагетов» [15, С. 230], там же отмечается, что апасиаки занимают все пространство между Оксом и Танаисом. И.В. Пьянков полагает, что в данном случае речь идет о западной приморской части упомянутого междуречья. Хотя следует учесть, что творчество этих греческих историков разделяет хронологический интервал около 300 лет и апасиаки могли занять эти земли после ухода массагетов, во всяком случае, более ранние греческие авторы апасиаков не упоминают.

Позже, согласно Арриана, Курция и Страбона, массагеты вместе со скифами и некоторыми другими кочевыми народами упоминаются в качестве противников Александра, которые активно поддерживали сопротивление Спитамена. Надо полагать, что к этому времени массагеты уже давно, скорее всего, уже ко времени походов Дария против саков тиграхауда могли уйти из правобережья Узбоя, где они разгромили Кира. Во всяком случае, персидские источники о них ничего не сообщают. При Дарии сообщается о покорении саков тиграхауда, полагаем они занимали земли от Семиречья до среднего течения Сырдарьи, они же саки за Согдом других источников, упоминаются так же саки болот и саки земли. Но в сообщении Страбона, при описании специального предпринятого похода Александра против союзников Спитамена сообщается о карательном походе в пустыню массагетов потому, что Спитамен скрывался у них [15, С. 46-47]. При этом, отмечено, что эти массагеты находились в низовьях Окса и далее более поздние греческие и римские авторы, традиционно пользуясь греческими источниками VI – V вв. до н.э., продолжают локализовать массагетов в низовьях Окса, хотя на этой территории уже давно существовало государство древнего Хорезма. Античные источники, включая Гекатея и Геродота, знают лишь о древних хорасмиях расположенных южнее, восточнее парфов, эту же локализацию их повторяет и Арриан [15, С. 195]. Хотя, уже при Ахеменидах и Александре земли Хорезма в низовьях Окса были освоены и застроены городами и поселениями. Видимо над большинством греческими и римскими историками и компиляторами, вплоть до Птолемея продолжал незыблемо довлеть авторитет “Истории” Геродота – единственного источника о племени массагетов. И большая часть современных историков, описывая события этой эпохи, согласно карте Птолемея, размещают массагетов в южной части устья Окса – Амударии, хотя это место служило лишь ареной кровопролитной битвы между массагетами и армией Кира, и Геродот ничего не сообщает о наличии там каких-либо поселений. Это были пустынные холмистые пространства Большого Балхана не обжитые и сейчас по причине отсутствия воды.

Почти через тысячу лет о маскутской ветви парфянских правителей и о царстве маскутов сообщают армянские историки. Первым об этом

сообщает Агафангел, который упоминает о четырех царствах династии Аршакидов : Персидском, Кушанском, Армянском и Маскутском. Приводится и имя царя маскутов Санесана, у которого в IV в. были союзнические отношения с Аршакидом Хосровом II Младшим [12, С. 18; 11, С. 136-137]. М.Е. Массон считает маскутов наследниками массагетов Геродота и царство маскутов локализует в низовьях Кашкадарьи со столицей на Еркургане - самом древнем и крупном городище Каршинского оазиса. Основанием для этих выводов послужили монеты Каршинского оазиса, чеканенные с III по VI вв., и находящиеся самые близкие соответствия (особенно первоначальные серии) в монетной системе всей династии Аршакидов. О гибели царства маскутов, возможно и их столичного города на Еркургане в VI в. сообщает армянский историк Себеос. Себеос пишет, что сасанидский мятежный полководец Вахрам Мехривандак (Бахрам Чубин) «...вел войну с великим царем маскутов, жившим по ту сторону великой реки (Окс, т.е. Амударья), разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну того царства» (Тер – Мкртчян Л.Х., 1979, С. 58). Отсюда следует, что и при господстве эфталитов в Нахшабе продолжали править последние представители маскутской ветви династии Аршакидов.

В уже упомянутой нашей публикации, посвященной роли кочевых народов Центральной Азии в борьбе против завоевания Кира, мы, анализируя весь комплекс источников по этому вопросу, приходим к выводу о том, что все особенности культуры массагетов упоминаемые Геродотом соответствуют археологическому комплексу тасмолинской культуры Центрального Казахстана [17]. Статья была опубликована в Алматы, в сборнике посвященном 70 летию известного археолога и нашего коллеги К.М. Байпакова и при редакции издательства в текст нашей статьи вкралась досадная ошибка, в абзаце, где мы писали, что дербикам соответствуют Приаральские саки, внесена была правка, что массагетам соответствуют Приаральские саки. Хотя, в следующем за этим абзаце написано, что массагетам соответствует тасмолинская культура Центрального Казахстана [17, С. 429]. То есть попытка внести в наш текст укоренившуюся и ошибочную атрибуцию культуры массагетов привела к абсурду, о чем я как автор статьи не был оповещен, хотя моя фамилия и была включена в состав редколлегии сборника.

В нашей статье отмечается, что курганные погребения тасмолинской культуры встречаются на колоссальных пространствах от Восточного Казахстана до нижнего Поволжья, на юге от Семиречья до низовий Сырдарьи в районе космодрома Байконур, где в середине I тыс. до н.э. появляется джетыясарская археологическая культура. Особенности тасмолинской культуры типичны для ранних кочевников, основанной на

конеvodстве и овцеводстве и господстве всаднического сословия, что полностью отвечает замечанию Геродота о том, что массагеты хлеба не сеют. В курганных погребениях тасмолинской культуры обычно присутствуют костяки коней или их частей, шкуры или на худой конец детали конского снаряжения, что отвечает информации Геродота о жертвоприношении ими коней Солнцу. Следует отметить, что курганы с усами или каменными грядами, где чаще встречались погребения коней, сопровождавших усопших, считались отличительной особенностью погребений тасмолинской культуры [2, С. 147]. На это ссылались в своей статье и мы, но в последние годы некоторыми исследователями курганы с каменными грядами замолжены на тысячу лет [21, С. 158], что не вызывает особого доверия. Хотя традиция подобных конструкций могла продолжаться веками, а также не исключены и более поздние впускные погребения.

Сообщения Геродота о брачных и погребальных обычаях массагет совершенно чужды зороастризму. Он сообщает, что когда массагет чувствует влечение к женщине, то вешает свой колчан у входа в ее кибитку и спокойно общается с ней. Но о царице скифов Заринеи, живших к востоку от Каспия, Ктесий сообщает, что она была за мужем за своим братом и царем Кидреем, что отвечало зороастрийскому браку. То же касается и погребальных обычаев массагет, дожившие до старости предки ритуально умерщвлялись и поедались вместе с мясом жертвенных животных. Это почиталось за блаженство, добавляет Геродот, родича, скончавшегося по болезни не поедают, это считалось несчастьем. Учитывая все это, мы склонны считать, что носители тасмолинской археологической культуры и были массагетами.

Приаральских саков, которые известны по немногочисленным могильникам, и склепам можно отождествить с дербиками Ктесия, которые тоже воевали с армией Кира в составе войск конфедерации массагет. Наверняка в этой жестокой войне участвовали и саки могильника Южный Тагискен и савроматы Нижнего Поволжья.

В вопросе о происхождении тасмолинской культуры большинство археологов Казахстана приходят к заключению о том, что сложение этой большой этнокультурной общности произошло в результате крупной миграции кочевых племен и народов из пределов Восточного Туркестана, Монголии и Северного Китая [1, Р. 592; 21, С. 170-172; 20, С. 117-118]. Это происходит синхронно и сингенетично формированию других сакских культур Центральной Азии. В это же время под натиском этих же кочевников в Китае терпит кризис государство Чжоу. На западе передовые отряды скифов достигают Европы и Ближнего Востока. Ряд исследователей приходит к выводу о том, что толчок исходу и миграции

кочевников Центральной Азии дали экстремальные климатические изменения VIII–VII вв. до н.э. пустынь и степей Центральной Азии, а возможно и ранее [1, Р. 592; 20, С. 170-172]. При этом культура мигрантов с Востока в Центральном Казахстане накладывается на автохтонные культурные традиции культур дандыбай и бегазы. Этот же процесс происходит и с поздней андроновской и срубной культур западных регионов Центральной Азии, что привело в VIII–VII вв. до н.э. к появлению ряда локальных культур скифского типа. Всеми специалистами отмечается, что этнокультурные традиции самих мигрантов были довольно разнородными. Среди этих новых локальных культур выделялась по своим масштабам тасмолинская культурная общность, простирающаяся от Прибалхашья на Востоке до Приуралья на Западе.

В этом вопросе следует обратить внимание и на некоторые особенности памятников архитектуры дахов и массагетов. Во первых следует обратить внимание на сходство композиции планов крепостных центров дахов в низовьях Сырдарьи и города – крепости Калаи Захаки Морон в 10 километрах от Еркугана. Принцип планировки строго центрический, лишь в первом более раннем случае – кон. IV в. до н.э., квадратная стена окружает квадратную же башню замка. Во втором случае на Калаи Захаки Морон гигантский по масштабам и высокое квадратное укрепление окружает три ряда квадратных в плане стен. Принцип тот же самый, идея центричности восходит к мидийской круглой Хакмадане окруженной семи рядами стен концентрической планировки, так же еще более древнему круглому храму Дашлы 3 где внутренние стены круглые в плане, и снаружи еще окружены четвертой квадратной стеной. Эти прототипы священных центров эпохи бронзы и раннего железного веков намекают на то что военные и административные центры дахов служили в то же время и культовыми святынями их.

Что касается массагетов, джетыасарской культуры, круглые укрепления их несомненно имеют раннегородской характер и отличает их спиральная планировка, прототипы которой уходят далеко на запад в архаику эпохи бронзы, на что указывал в свое время еще С.П.Толстов. Но гипертрофированная толщина наружных стен не только городищ, но и храмовых сооружений (отмечено мной на руинах древнего Отрара) кажется восходит к монументальным мавзолеям Дандыбай и Бегазы, стены циклопических кладок каменных склепов которых имеют в толщину несколько метров [10]. Воспроизведение этой традиции мы видим на монументальном западном сооружении городского храма Еркугана IV – V вв. Это величественное сооружение пока изучено предварительно. Оно квадратное в плане и наружный фасад стен его

имеет пирамидальный профиль а толщина стен у основания достигает 8 метров. В это же время на городище Еркурган в древнем Нахшабе в южной части внешнего города строится величественный мавзолей, вознесенный на высокую ступенчатую пирамиду такой же высоты, как и дахма возведенная во 2 в. до н.э. В мавзолее были захоронены останки правителей города и области 4 в. Погребение было совершено по зороастрийскому обряду – очищенные кости в крупных керамических корчагах (хумах). Черепа погребенных имели гуннскую кольцевую деформацию. Подобные удлиненные в результате деформации черепа отмечаются в это время в Хорезме и ряде других погребений в Средней Азии [18, рис. 63]. Л.М. Левина отмечает влияния гуннов на джетыясарскую культуру с 1 вв. до н.э. [9, С. 374]. Далее отмечается, что в III – IV вв. многие поселения джетыясарцев гибнут в огне второй волны нашествия гуннов III-IV вв. Вслед за этим происходит крупное переселение их в Северный Кавказ и далее на запад, а также по Сырдарье вверх по течению. Добавим от себя, что в это же время большая группа джетыясарцев мигрирует и на юго-восток в оазис древнего Нахшаба.

Таким образом, полагаем, что очень краткие и отрывочные сообщения письменных источников о массагетах и маскутах благодаря археологическим находкам, включая и монеты, позволяют нам хотя бы пунктиром проследить трассы судеб этого народа Центральной Азии. Надо полагать, что этноним - маскут, приведенный видимо по первоисточнику на пехлеви, передает истинную фонетику этнонима, в отличие греческого – массагет. Греки часто искажали топонимы Азии. Так в греческих источниках согдийские топонимы Смараканса передан как Мараканда, Никшапайя (средневековый Нахшаб) как Ксенипа.

Список литературы:

1. Chabdulina M. Die Tasmola – kulturelles Zentralkasachstan // Unbekanntes Kasachstan archaeologie im Herzen Asien, band II. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013.
2. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алматы: Изд. Казак университети, 2006.
3. Балахванцев А.С. Среднеазиатские дахи в IV – II вв. до н.э. // Российская археология, 2016. №1. – С. 11-24.
4. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – В.1.
5. Вайнберг Б.И., Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. - VIII в. н.э. – М.: ИВЛ РАН, 1999. – 359 с.
6. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Стратановского. Л., 1972.

7. Дандамаев М.А., Политическая история Ахеменидской державы. – М.: Наука, 1985.
8. Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально – культовой керамики IV – V вв. н.э. из Южного Согда // ИМКУ, 1977. №13. – С. 65–70.
9. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: ИВЛ РАН, 1996.
10. Маргулан А.Х. Бегазы – дандыбаевская культура Центрального Казахстана, Алматы, 1979.
11. Массон М.Е. Парфяно – согдийские монеты области долины Кашкадарьи // История и культура античного мира. – М.: Наука, 1977.
12. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. – Ташкент: Фан, 1973.
13. Мерщиев М.С. Поселение Кзыл – Кайнар – тюбе I – IV вв. и захоронение на нем воина IV – V вв // По следам древних культур Казахстана. – Алмата. 1970.
14. Подушкин А.Н. Сарматская атрибутика в археологических комплексах катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н.э. – III в. н.э.) // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4, История, регионоведение, международные отношения. История. 2015 (№5. 35).
15. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. – М.: ИВЛ РАН, 1997.
16. Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С.191-197.
17. Сулейманов Р.Х. Кир Великий и номады Центральной Азии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы: Изд. ТОО «Археологическая экспертиза», 2010.
18. Сулейманов Р.Х., Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана. VII в. до н.э. – VIII в.н.э. Самарканд – Ташкент: Фан. 2000. – 342 с. 201 рис.
19. Сулейманов Р.Х., Мухамеджанов А.Р., Ураков Б. Культура Древнебухарского оазиса III- VI вв. н.э. – Ташкент: Фан, 1983 – 125 с.
20. Таиров А.Д. «Тасмолинцы» и внешний мир//Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007» 16 – 18 мая 2007 года. – Актобе: Изд. Принт А, 2007.
21. Таиров А.Д. Кочевники Урало – Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степей Евразии// Степная цивилизация Восточной Евразии. 1 т. Древние эпохи. – Астана: Изд. Куль Тегин, 2003.

22. Тер – Мкртичян Л.Х., Армянские источники о Средней Азии V – VII вв. М. Наука. 1979.
23. Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Фан. 2010. – 311 с. 35 рис.
24. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983. – С. 312.
25. Яблонский Л.Т. Культурно – хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4, История, регионоведение, международные отношения. История. 2015 (№5. 35).
26. Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. В. I, – Ташкент, Фан, 1982.

Филанович М.И.

к.и.н., с.н.с.,

Институт археологии АН Республики Узбекистан.

ПОТОМКИ ЗНАТНЫХ СЕМЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА СЛУЖБЕ БАГДАДСКИХ ХАЛИФОВ

Ко времени начала арабского вторжения центральноазиатское междуречье в политическом отношении представляло мозаику мелких и крупных владений, сложившуюся, начиная с V века нашей эры или раньше. Правители некоторых отдельных княжеств со своими столицами, чеканили и собственную монету. Письменные источники свидетельствуют о десятках принципатов, управлявшихся представителями тюркских, согдийских и других местных династий. Большинство их были в составе Западного Тюркского каганата, некоторые номинально зависели от Китая. В регионе к моменту прихода сюда завоевателей – арабов сложилась тюрко – согдийская культура, которую, по - мнению исследователей, отличали выработанные типизированные формы, почитаемые, своего рода, стандартами при сравнительном изучении доисламской цивилизации Центральной Азии. Эти нормы выявляются, прежде всего, на примерах культурных достижений двух высших категорий общества – знати – дихкан и жреческого сословия; последнее можно характеризовать как хранителей достижений письменной и духовной культуры.

С дихканским сословием связаны формирование и жизнь укрепленных усадеб с замком (V - середина VIII вв. н.э.), отмечаемые во всех основных регионах: Семиречье, Чаче, Согде, Тохаристане, Хорезме и др.

История землевладельческой знати (дихкан) восстанавливается, главным образом, по документам с горы Муг, которые показывают их в деятельности, повседневной жизни, управлении своими землями; сведения ат – Табари позволяют видеть их в войне, а росписи, украшавшие интерьеры их жилищ рассказывают о том, как они сами представляли свою жизнь [3, 23]. Воссоздание истории дихкан немыслимо без археологии, изучающей дворцы, замки, селения, которыми они управляли, и о которых говорят документы. Материалы археологических исследований об укрепленных усадьбах и замках появившихся во всех регионах Средней Азии с V в. н.э. как самая яркая примета жизни, характеризующая весь период раннего средневековья, дают ценные, конкретные материалы. Не без основания принято связывать их строительство с набиравшим силу привелегированным слоем общества – дихканами (термин появился с V в. н.э. в Иране и обозначает землевладельческую аристократию всех рангов, связанную узами вассалитета (от правителей крупных княжеств, царей, до правителей отдельных селений). Во всех среднеазиатских историко – культурных областях (Согде, Чаче, Хорезме, Тохаристане, Семиречье) отмечены археологические объекты – тепа. При археологических раскопках выясняется, что большинство из них скрывает руины подобных сооружений. Обычно они делятся на три типа: 1) комплекс укрепленной усадьбы с замком часто с башней и донжоном (как пример можно привести Актепа в Ташкенте, Гордони Хисар в горном Согде, Тешиккала, Яккепарсан в Хорезме); 2) укрепленный замок с поселением у подножья, не обведенный стеной (многие замки Хорезма, Кулактепа в Ташкенте и др.); 3) замки внутри городов; 4) сооружения парадно - дворцового типа, резиденции правителей областей (Бунджикат – столица ихшидов Уструшаны, Варахша – летняя резиденция Бухархудатов, Кум – дворцовое сооружение правителей горного Согда, Костобе в Южном Казахстане и др.).

Таким образом, укрепленные усадьбы и замки были доминантой социального пейзажа сельской местности и окрестностей городов. О существовании родовых гнезд земельной аристократии повествуют письменные источники, называвшие их термином кёшк и кушк. Они же подчёркивают их многочисленность накануне арабского нашествия. Так ал – Мукаддаси называет 12000 таких замков в окрестностях города Миздахкана в Хорезме. У ан – Наршахи упоминается единовременное строительство 700 замков за пределами Бухары, в тот период, когда сам город был захвачен арабами [9, 40].

Важным результатом археологических исследований в Средней Азии можно считать выявление факта исчезновения разрушенных и

подчас сожжённых твердынь – родовых гнезд дихканства. Эти события правомерно связать с последствиями арабского завоевания, которое с начала VIII века приняло форму действий, направленных на прочное включение в границы растущего государства – халифата, новых территорий. Уже первые походы в Согд, ещё не носившие регулярный характер, сопровождались взятием и перемещением по территории халифата большого количества пленников. Ан – Наршахи говорит о 30 тыс., что видимо, преувеличено, однако представители знати играли в их составе определённую роль. Были в их числе и заложники из Бухары. Известен эпизод, когда заложники в нарушение первоначального договора были отправлены в Мадину. Это были сыновья царей и дихкан. Они по сути стали рабами, но восстали, убив своего обидчика Саида б. Усмана, бывшего наместником Хорасана в 776 г., и предпочли самоубийство или гибель в горах от голода и жажды [7, 132].

Дихканство оставалось на всех этапах завоеваний основной ударной, руководящей силой сопротивления. Исторические источники подчеркивают не только их лидирующую роль в борьбе с завоевателями, они сообщают об организации элитных воинских отрядов, состоявших из знати и сыновей дихкан. По сообщению ат – Табари, именно такой отряд под началом сына тюркского кагана был направлен из Чача в 712 г. на помощь осаждённому войсками Кутейбы Самарканду [5, 140-141]. Дихканство и несло основные потери в этой борьбе. Пример того же отряда, в который, по словам ат-Табари, были «выбраны сыновья царей и отважных людей из воинов своих царей». Он попал в засаду, устроенную предупреждёнными арабами, которые не «видели более упорного противника», чем эти рыцари. Они были перебиты, и воины – арабы принесли ал-Кутейбе их отрубленные головы. Это были знатнейшие витязи Чача, так как каждый воин нес голову человека, известного по имени. Арабы захватили и пленных. Брать заложников именно из знатных семей и уводить их в плен стало обычаем завоевателей.

Особо ожесточённый характер эти действия приобретают с приходом к власти в халифате новой династии – Аббасидов и началом деятельности с 750 г. первого аббасидского наместника Хорасана и Мавераннахра Абу Муслима. Дихканство было главным участником сопротивления завоевателям и потому их представители ощутили основные репрессии. Можно привести массовые примеры репрессивных действий против военного сословия – среднеазиатского рыцарства, результатом чего стало размывание в недрах среднеазиатского общества самого класса этой аристократической элиты. Как пишут исследователи, политика истребления согдийских элит Абу Муслимом принесла свои плоды – согдийская знать оказалась в состоянии большого политического

коллапса на протяжении второй половины VIII века [3, 118]. Однако она не исчезла. Истахри в X веке говорит об Йазиде б. Гурек ихшиде – царе Самарканда, у которого резиденция в Ривдате и его селение, где находятся замки Ихшидидов [3, 119]. Истахри также упоминает Ихшида среди аристократов Средней Азии, служивших у халифа Му`тасима. После победы на Таласе, 751 года Абу Муслим подавил последние попытки дихкан освободиться от власти арабов. По словам ал – Максиди «он простёр свою руку (т.е. власть) на царей Мавераннахра и земельную знать», казня их, уводя их детей в плен, и конфискуя их имущество. Красноречивым подтверждением чему и служат результаты раскопок дихканских укрепленных усадеб и замков в большинстве повсеместно исчезнувших с середины VIII века.

По сравнению с более чем трехсотлетним периодом существования укрепленных усадеб и замков во всех регионах Мавераннахра, засырдарьинской зоне, Хорезме, Семиречье, их исчезновение на протяжении второй половины VIII в. н.э. или даже несколькими десятилетиями позже в зависимости от обстановки в том или ином регионе, можно назвать скоропостижным. Оставление этих хорошо укрепленных твердынь повсеместно не было мирным, чаще всего становилось трагическим результатом обстоятельств и сопровождалось пожарами и разрушениями. Как пример, можно назвать в Чаче в Ташкенте – замок Актепа, в Согде – горные замки Паргара, в Уструшане – Бунджикат, в Казахстане – Кустобе, в Тохаристане – Сидак и др.

И хотя не во всех областях эта картина запустения прослеживается четко. Жизнь может возвратиться на руины, но никогда эти родовые гнезда знати или укрепленные жилища дихкан не вернут себе былой функции, подчеркивавшей статус их обладателей, как мощной определяющей облик социальной и экономической среды раннесредневекового общества Средней Азии.

Одним из последствий завоевания стало принятие большей частью среднеазиатского нобилитета религии Мухаммада. Источник сообщает: «и отошла вера магов от дихкан». Немаловажную роль в изменении социально – экономического строя в Мавераннахре сыграла интеграция дихканства в военно – административную систему халифата.

С приходом к власти в 750 году династии Аббасидов в халифате произошли крупные изменения. Став громадной империей, он вобрал в себя экономические и культурные достижения включенных в него народов, перерабатывая их на новой основе. В исследованиях, посвященных истории Багдадского халифата, часто употребляется тезис о постепенно усиливавшемся процессе ориентализации государства, причём понимается под этим обычно введение норм государственности и

администрирования, существовавших ранее в сасанидском Иране, так же как и в сфере налоговой политики, ведении дворцового хозяйства, управлении армией, вплоть до этикета и церемониала при дворе халифов. При выявленной общей тенденции слабо дифференцируется вклад отдельных регионов халифата, в том числе вклад, внесённый в государственность, культуру, военное дело представителями среднеазиатских военных и интеллектуальных элит. Как выясняется, он был немалым. Сами носители этих традиций были активно востребованы в управленческой машине государства. По – словам Ю. Карева они, как бы возрождали в рамках общемусульманской империи навыки и опыт, веками накопленный в недрах культур Мавераннахра и Хорасана, стертых завоеванием.

На протяжении веков в среднеазиатском Междуречье и Туркестане отмечается процесс тюрко – согдийского культурного синтеза. Этот процесс стал результатом длительного смешения населения в регионах Междуречья и засырдарьинской зоны. Он проявился в языковых взаимопроникновениях, письменности, ономастике, топонимике. Это подтверждают и письменные источники, как документы с горы Муг, так и целый ряд эпиграфических и нумизматических материалов, обнаруженных на протяжении последних десятилетий. И его состав к приходу арабов, также был смешанным тюрко – согдийским, что видно из упоминаемых в источниках имен представителей знати и правителей областей [4].

Здесь уже сложилась к VII веку тюрко – согдийская культура, нашедшая отражение в характерной архитектуре и строительных приёмах в искусстве: живописных панно, украшавших интерьеры дворцовых комплексов, замков и богатых домов, в мелкой пластике, торевтике и т.д. Результаты исследования этих артефактов позволили исследователям сделать вывод, что к приходу арабов тюрко – согдийская культура среднеазиатского общества достигла высокого уровня развития став, своего родом эталоном при сравнительном изучении среднеазиатского региона [8, 5-7]. К моменту прихода арабов тюрко – согдийский альянс в области культуры, искусства, военного дела стал одной из основных примет характеризующий среднеазиатское общество, прежде всего его элитарный слой.

Можно привести целый ряд примеров участия представителей нобилитета Мавераннахра в разных сферах жизнедеятельности халифата, выбрав наиболее яркие проявления: в передаче интеллектуального богатства, в деле администрирования и управления крупными и мелкими областями, в военном деле. Причем в организации армии оказываются востребованными как согдийцы с их полководческими навыками, так и

тюрки – военачальники (добровольцы) и воины, конные - стрелки из лука. Балами пишет о приходе тюрков добровольцев в Самарру: «Му`тасим, который любил тюрков (в своей армии) имел много тюркских рабов. Он был первым халифом Аббасидов который принял к себе на службу тюрков и в большом числе поставил их под свои знамена». Во главе их он поставил некоторых их тех, кто был с ним ещё до его восшествия на трон, таких как Ашина, Богха Старший и Итах [3, 181]. Покупка тюркских рабов на невольничьих рынках была лишь одним из аспектов этого феномена. Знать (согдийская) и войска из тюркских добровольцев были на службе Аббасидов Самарре. Вессьер Е. рассматривает этот факт как прямое последствие тюрко – согдийского альянса знати сложившегося в Трансоксиане ещё до завоевания. Халифы Ма`мун (813 – 833) и Му`тасим (833 – 842) заставили привести и призвать на военную службу силы из Трансоксианы. Дихканы были поставлены их офицерами, их свитой и стали элитой ввиду внимательной службы, исполнительности и элегантности в униформе[3, 122]. Источники повторяют ряд имен среднеазиатских дихканских семейств, сделавших карьеру в халифате. Пожалуй, самыми могущественными из них были Бармакиды – династия просвещённых визирей и государственных деятелей при нескольких багдадских халифах. Аль – Фадл ибн Йахия ал – Бармаки стал при халифе Харуне ар – Рашиде (786 – 809) наместником Хорасана, Рейя и Сеистана, затем Табаристана и Руйана, и правил в 792 – 797 гг. Он был потомком выходцев из духовного сословия – жрецов храма Наубахар в Бактрии – Тохаристане, т.е. происходил из среды хранителей учености и письменной культуры. Его предок Абу Халид Бармак был отправлен заложником в Мадину к халифу Осману (644 – 656), где добровольно принял ислам и стал именоваться Абд – Аллах. По источникам, Бармакиды имели общее происхождение с Саманидами и считались потомками Джаббахана из династии джабгу Тохаристана. Они покровительствовали диспутам на теологические, философские и политические темы, деятельности переводчиков знаменитого Байт ал-Хикма (Дома мудрости). Бармакиды получили при Аббасидах высокое положение, однако кончили трагично – так как халиф Харун ар – Рашид (786 – 809) боялся их возрастающей власти [10, 59; 2, 291; 1, 91].

Просвещённым помощником халифа Мутаваккиля, меценатом и опытным администратором был ал-Фатх ибн Хакан – выходец из ферганской знатной тюркской семьи. Он наблюдал за строительством дворца халифа в Самарре. Преданный друг халифа, он и погиб, заслонив своего покровителя от кинжала убийцы. Наиболее ярким полем деятельности выходцев из указанных элит была военная карьера. Здесь надо отличать военные контингенты из подневольных купленных воинов

– тюрков от представителей тюркской знати, занимавших высокие военные и административные посты. Существует перечень офицеров из Мавераннахра, служивших халифу Му`ттасиму и его наследникам. Это, в основном, согдийцы, ферганцы, уструшанцы, чачцы и др. Они же награждались имуществом в новой столице – Самарре. Среди согдийцев можно выделить Йауфа б. Анбаса и его сына Салиха, которые в числе согдийских дихканов прибыли ко двору халифа и получили в управление Иштихан. Сообщают источники и об Мухаммеде б. Халиде из рода бухархудатов, он служил под началом Афшина Хайдара и участвовал в подавлении восстания Бабека. В этом же перечне можно найти и самаркандского ихшида, который, по мнению некоторых авторов, на самом деле происходил из династии ихшидов Ферганы. В указанном перечне число офицеров из Средней Азии намного превышает представителей других регионов. Они прибыли на службу халифам уже взрослыми со своими военными навыками и военной культурой.

Примечательна история представителей рода Афшина, правившего в Уструшане в предарабское время, а затем их потомков на службе халифов. Их история, а также судебный процесс над Афшином Хайдаром ибн – Каусом Уструшани обычно приводится как пример того, что даже крупные военачальники в халифате, принявшие ислам, хранили в тайне веру отцов. Он был преданным защитником интересов халифов, но обвинялся в государственной измене. Его разоблачение и судебный процесс над ним, организованный в 840 году в Багдаде имел огромный резонанс в обществе халифата. Примечательно, что главным свидетелем на суде выступал бухархудат потомок царей Бухары. Марзубан б. Тюргеш также был свидетелем на этом процессе. Следует отметить, что другие потомки бухархудатов также занимали заметные посты в халифате. Из их среды много позже происходили наместники Сирии участвующие в борьбе с крестоносцами. Известный полководец, противостоящий крестоносцам Салах – ад – дин также был потомком ихшидов Согда. Будущие эмиры Тахириды, как известно, начинали со службы халифам, занимая различные воинские посты. Сам Тахир оказал большую услугу, усмирив одно из восстаний в Багдаде, за что получил впоследствии, в управление Хорасан.

Примечательна служба семьи Микали потомков Диваштича. Один из них сражался в армии Тахира на службе у халифа Ма`муна. Приняв ислам, Микали занимали высокие посты в административном аппарате халифата – диванах [3, 260].

Ш. Камолиддин приводит сведения о дихканах тюркского происхождения Ферузе и Сул – такине, которые правили в начале VIII века в Гургане и Дахистане. Потомки Сул – такине в последствии

служили в разных городах халифата и один из них был наместником Гургана [6, 354-373].

Характерна карьера представителей рода Саман худата который, как считается, происходил из среды буддийских священнослужителей Балха. Он сам начал сотрудничать с арабами в первой четверти VIII века в Балхе, получив военную помощь от арабского наместника; он принял ислам, позднее участвовал в проаббасидском движении Абу Муслима в Хорасане. Его сын Асад привлечён как и другие представители дихканской знати служить халифу Ма` муну во время его пребывания в Мерве. Сыновья Асада Нух, Ахмад, Йяхья, Илийас участвовали в подавлении восстания арабского военачальника Рафи ибн ал – Лайса (806 – 810). Халиф Ма` мун, покидая Мерв и отправляясь в Багдад, назначил их наместниками областей и городов Мавераннахра.

Приведя лишь малую толику примеров деятельности в халифате потомков среднеазиатских правящих и военных элит, следует отметить, что их присутствие ощутимо на всем пространстве халифата. Как известно по источникам, некоторые из них стали основателями эмиратов в IX в., не только на востоке халифата, как Тахириды и Саманиды, но и на западе, как Ихшидиды и Рустемиды в Северной Африке.

В заключении следует сказать, что та большая перестройка в жизни халифата, отмечаемая в эпоху Аббасидов, видимо, не осуществлялась только по модели Сасанидского Ирана, в ней громадную, подчас определяющую роль сыграли выходцы из аристократических элит Центральной Азии, принешие с собой традиции культуры регионов, где веками жили их предки.

Список литературы

1. Chavannes E. Documents sur les Tou – Kiue (Turcs) occidentaux. Paris, 1904.
2. Karev Ju. Un palais islamique du VIII – e siecle a Samarkand // Studia Iranica. Tome 29, Leiden, 2009 fascicule 2.
3. La Vaissier E. Samarcande et Samarra. Paris. 2007.
4. Бобояров Г. Государственность Тюркского каганата: Автореф. дис. докт. истор. наук. – Ташкент, 2013.
5. История ат – Табари. Ташкент, 1987.
6. Камолитдин Ш. О градостроительной культуре у древних тюрков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии. Алма – Аты, 2004.
7. Карев Ю. Согдийские пленники и мавали в халифате: контекст и условия окультурации – Культурный трансфер на перекрёстках Центральной Азии: до, во время и после VIII в. Париж–Самарканд, 2013.
8. Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.

9. Мухаммад ан – Наршахи Тарих – и Бухара. История Бухары. Пер. Ш. Камолиддина. – Т., 2011.
10. Фильштинский И. М. История арабов и Халифата (750 – 1517 гг.). М., 1999.

Салимов Т.Ў.

т.ф.н., профессор, Ўзбекистон Миллий университети

ЭТНОЛОГНИНГ АРХЕОЛОГИЯ КАФЕДРАСИ ТАРИХИГА, ФАОЛИЯТИГА ОИД ХОТИРАЛАРИ

Эсласам университетнинг тарих факультетига ўқишга келганимга 50 йил бўлибди. Демак 1970 йили мен Тошкентга келганимда археология кафедраси 30 ёшда бўлган тадқиқотлари кенг кўламда Ўзбекистон ва қардош Туркменистон республикаларида олиб борилаётган давр экан. Мен кундузи бўлимга балларим етмагани учун ўқишни кечкида бошлаганман. Бизга “Археология асослари” фанидан доц. И. Ахроров дарс ўтган эдилар. Кечки бўлим талабалари Қашқадарёга бир ойлик археологик амалиётга олиб борилмади, шунинг учун бундай бахтга мушарраф бўлмаганман. Армия сафида хизматни тугатиб қайтганимдан сўнг мен III курс кундузги бўлим рус гуруҳига (ўзбек гуруҳи бўлмагани учун) ўтиб ўқишни давом эттирдим. Гуруҳимизда 35 та талаба бўлса, улардан 13 киши археология кафедрасида ихтисослашар эдилар. Барчани санаб ўтирмайман, аммо улардан Г.Богомоллов, К.Бурханов, О.Папахристулар кейинчалик Ўзбекистонда, Қозоғистондаги кенг кўламда археологик қазилмаларда қатнашиб илмий тадқиқот ишларини олиб бордилар. Ёдимда V курсда ўқиганимизда пахтага 9^а совхозга борганимизда археолог курсдошларимиз амалиётларини тугаллаганларидан сўнг пахтага келган эдилар.

Бир нарса аниқ ёдимда, биз тарих факультетида ўқий бошлаганимизда Ўзбекистонда яшаган илк одамлар ёши ўрта палеолит (Тешиктош боласи) билан белгиланар эди. Агар ҳозирда Ватанимизда илк аждодларимиз 1 млн йилдан буён яшаётгани илм оммаси томонидан тан олинган бўлса, қадим шаҳарларимиз 2200, 2500-2700 йиллик юбилейларини ўтказаётган, ўтказган бўлса бу тадбирларда юртимизнинг энг кекса археология муассаси Е.М.Массон асос солган археология кафедрасининг битирувчиларининг оддий лаборантдан тортиб академик, профессорларгача барча – барчаларини ҳиссалари борлиги шубҳасиз.

Мен ўқишни битириб факультетда ишда қолганимдан сўнг кафедрамизда (Қадимги дунё ва ўрта асрлар тарихи кафедрасида) бугунги кунда таниқли олим ЎзФА академиги А.С.Сагдуллаев билан бирга

ишладик. Кейинчалик кафедрага этнография номи ҳам кўшилгандан сўнг, археолог А.Кабиров ва антрополог Т.Қ.Ходжайовлар билан ишлашга тўғри келди. Бизнинг тарихчи талабалар уюштирган илк этнографик экспедицияларимиз, айнан А.Сагдуллаев тарих факультети декани бўлган пайтларида ташкил этилгани ҳам ёдимда. Тарих факультети сўнгги 45 йилда 6 та жойда фаолият юритган бўлса, (кафедрамиз хоналари доим археология кафедраси) билан ёнма-ён бўларди. Шунинг учун 1977 йилдан бошлаб кафедра мудирлари бўлган т.ф.н., доц. Светлана Борисовна Лунина, т.ф.н., доц. Замира Исмоиловна Усмонова, кабинет мудирлари Ватан уруши қатнашчиси В.Ф. Ядыков, ўқитувчилардан Н.И. Крашененникова, Н.П. Столярова, Г.Я. Дресвянскаяларни, тенгдошларимиз О.Н. Лушпенколарни доим ёдга оламан, эсламан. Уларнинг айримлари оламдан ўтди, лекин мен 70-80 йилларни нафақат археология, балки этнология фанини ҳам юксалган даври бўлган деган фикрдаман. Устозлар ажойиб, фидойи инсонлар, беназир илм соҳиблари, бетакрор педагоглар эдилар. С.Б. Лунина, Г.Б. Никольскаялар барча-барчани сизлаб (“Вы”) деб гапирганлари биз учун сабоқ эди. Айнан уларни намунасида биз талабаларга тенгимиз сифатида муносабатда бўлишга, уларни билимларини юксалтиришга, ўзимизни устимизда доимо ишлашга ўрганганмиз ҳаракат қиламиз. Такдир тақозосига кўра А. Сагдуллаев билан узок йиллар ҳамкорликда ишлабгина қолмасдан, кўшни яшадик, оилавий яқин бўлдик. Фақат ишда эмас, экспедицияларда, пахта компанияларида бирга бўлиб, оилвий маросимлар, байрамларни ҳамкорликда ўтказдик.

Ёдимда 1998 йили А.С.Сагдуллаев Ўзбекистоннинг янги тарихи марказига раҳбарликка тайинланганида тарих фанлари доктори, проф Рустам Ҳамидович Сулаймоновни кафедра мудирлигига таклиф этгани. Мана Рустам Ҳамидович билан бирга ишлаётганимизга ҳам 20 йилдан ошибди. Ажойиб олим, бекиёс инсон археология кафедраси анъаналарини давомчиси. Мен узок йиллардан буён тарих факультети сифат комиссиясини раиси бўлиб келмоқдаман. Дастлаб т.ф.д. проф. Т.Қ.Ходжайов, сўнг академик Ю.Ф.Буряков ҳамда проф. Р.Ҳ.Сулаймоновларни маърузаларига киришни хуш кўрардим. Албатта сифат комиссиясига алоқаси йўқ фақат ушбу олимларни ўнлаб йиллар давомида тўплаган илм-билимлари, ўтказган тадқиқотлари натижаларида яратган илмий хулосаларини эшитиб, ниманидир ўзим учун нашр этишга интилишим туфайли эди. Т.Қ.Ходжайов Салимов мени дарсимга кўп киради деганида, уларга сабабини изоҳлаб берганимда орадаги англашилмовчилик бартараф этилган эди. Бугунги кунда қайси Ўзбекистонлик антрополог Т.Қ.Ходжайов сингари “Қабр очдик ичида инсон суяклари, чамаси 29 ёшлардаги аёл, икки фарзанд кўрган” – деб

талабаларга хикоя қила олади. Агар мен унинг дарсларига кирмасам буни қаердан билар эдим?

Проф. А.С.Сагдуллаев факультет декани бўлган пайтида Шахрисабзга экспедицияга бордик. Ўшанда Англиядан бир неча олимлар, аспирантлар келган эдилар. Сангиртепадаги археологик ёдгорликда 7 м 20см чуқурликдан топилган ўроқларни тозалаш жараёни, хорижий олимлар билан Шахрисабз шахрини 2700 йиллиги ҳақида ЮНЕСКОга тайёрланган хужжатлар, ўтказилган илмий конференциялар, илмий мунозаралар ёдимда. Ахир ушбу хайрли ишлар кўнгилдагидек яқун топдику! А.С.Сагдуллаевни саъй-ҳаракатни фидокорона меҳнатлар туфайли Шахрисабз ва Қарши шаҳарларининг юбилейлари ЮНЕСКО томонидан кенг нишонланди. Бу ишлар билан нафақат проф. А.С.Сагдуллаев, Р.Ҳ.Сулаймоновлар балки кафедра, факультет, университет жамоалари ҳам фахрланса арзийди. Археология кафедраси битирувчилари М.И.Филанович, Ю.Ф.Буряковлар Тошкент шахрини 2200 йиллик юбилейини ўтказишда ўз фидойиликларини намоён этдилар.

Этнология ҳам археология сингари тарихга ёрдамчи фан ҳисобланади. Миллий университетимизнинг статуси фақат табиий фанлар билан белгиланса керакки, 1995 йилдан буён этнология уч марта ташкил этилиб, икки марта археологияга кўшиб юборилди, сўнгги бор кўшилганида қандайдир ғанимларни, ғаламисларни саъй-ҳаракатлари билан ҳатто этнология номини ўчирдилар ҳам. Биз мустақиллик даврини одатда кўкларга кўтариб мақтаймиз, бу даврда археологиядан бакалаврият ташкил этилди. Лекин мана қарийб 30 йилдирки талабалар учун амалиёт йўқ, археологияни битирувчилар учун истикбол чекланган. Энг афсусланарлиси ушбу вазиятни барча билади. Археологияга II курс талабалари орасидан қизиқувчиларни танлаб олиб, тадқиқотчиларни бир неча ойлаб дала археологик тадқиқотларига жалб қилинган даврдан 6 та академик етишиб чиққан. Бугунги кўлига лопата олмаган “кабинет” археологлари ёки дала этнографик экспедициясида бўлмаган антрополог-этнологлардан нима чиқиши мавҳумлигича қолмоқда. Қиёс учун шуни айтмоқчиманки, А. Сагдуллаев декан бўлганида 15-20 талаб 2-3 курс талабаларини Самарқанд, Жиззах, Қашқадарё, Сурхондарёнинг тоғли туманлари аҳолиси этнографиясини ўрганишга олиб борганимизда, ихтисослашиш тугул, амалиёт ўқув режаларида бўлмаган. Айнан ўша талабаларимиздан фан докторлари, номзодлар етишиб чиққан. Ҳозирда ихтисослашув (бакалаврият ва магистратура) ҳам археологияда, ҳам антропология ва этнологияда бор, аммо амалиёт йўқ. Молиялаштириш йўқ, амалдорларимиз яна кор-ҳол бўлмасин деган фикрда масъулиятдан ўзларини четга олишади. Уларнинг фикрича фақат экспедицияда фавқулодда ҳодисалар бўлиши мумкиндек кўринса керак.

Такдир тақозоси билан ХХІ асрнинг бошларида мен ҳам археология-этнология кафедраси мудири лавозимида ишладим. Лекин бу даврда эсда қоладиган муваффақиятлар, қандайдир ёрқин археологик тадқиқотлар билан фикрлана олмаймиз. Сўнгги йилларда асосий иш усули жадвалларни тўлдириш, аттестациялардан талабалар ва профессор-ўқитувчиларни ўтишлари, аксари қандайдир унум бермайдиган малака оширишлар талаб этилмоқда. Билимга чанқоқ интилувчан, тилларни яхши биладиган, келажакда илм-фан билан шуғулланаман деган ёшлар кундан-кунга камайса – камаяптию лекин кўпайгани йўқ. Ҳозирда қизиқувчан, китоб ўқийдиган, тилларни яхши биладиган талабани гуруҳда 2-3 таси учратсак хурсанд бўламиз.

Афсуски тарих факультетини 85, археология кафедрасини 80 йиллигини нишонлаётган йилимиздаги вазият ана шундай. Агар илм-билим юқори даражада кадрланиб, у билан шуғулланаётганлар фаровон яшамас эканлар истикболга ишонч сўниб бораверади.

Биз устозлардан тўлиқ даражада билимларни ўзлаштира оляпмизми? Академик Ю.Ф.Буряковдан қанча шогирд давомчилари қолди? Агар археологик экспедициялар бўлмаса, эртамыз нима бўлади? Юбилейда фахрланадиган олмларимиз академик А.С.Сагдуллаев, проф. Р.Ҳ.Сулаймоновларни қайси шогирдлари кафедрани 90-100 йиллик юбилейларида тўпламлар тайёрлашади? Албатта авлодлар алмашинуви мураккаб жараён. Бу борада янги авлод худбин ёки асосан ўзини ўйлайдиган бўлиши эмас, катта авлод умум ишини, жамоани, факультетни, кафедрани соҳани равнақи, истикболини фидойиси бўлмоқлари лозим. Илм-фаннинг қандайдир соҳани юксалтириш учун, унга таалуқли бакалаврият ва магистратура очиш кифоя қилмайди. Энг аввало барча поғоналарда истикболни ўйлайдиган раҳбарлар бўлиб, улар жамоа аъзоларига амалиётни юксак даражада ташкил этишини, соҳага оид дарсликлар, ўқув қўлланмалари яратишларига шароит яратиб бермоқлари, ўз навбатида профессор-ўқитувчилар янги шароитларга мос, ўзига нисбатан талабчан, етук мутахассислар бўлмоғи талаб этилади.

Мен археология кафедрасининг 2-3 авлоди вакиллари фаолияти билан таниш инсон сифатида маълум фикр юритишга, эҳтимол қандайдир танқидий фикрларни билдиришга ўзимни ҳақли деб ҳисоблайман.

Қандай бўлмасин ўзининг ажойиб анъаналарига эга, ҳозирги тажрибада А.С.Сагдуллаев, Р.Ҳ.Сулаймонов сингари фақат мамлакатимизда эмас, яқин ва узоқ хорижда таниқли қадимшунослар бўлган археология кафедраси жамоасини уни яқин ўтмишда битириб фаолиятда бўлган археологларни, 80 йиллик юбилей билан муборакбод этаман. Аждодларнинг тўплаган бой тажрибалари, илмий тадқиқотлари янги авлодларни қўлласин, улар орасида узилиш анъаналарни

йўқолишига йўл қўймаслик лозим, бу ёш авлоднинг ҳам бурчи, ҳам вазифаси бўлиб қолмоғи керак.

Мавлонов Ў.М.
т.ф.д., профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

УСТОЗЛАР ИЗИДАН: КАШФИЁТЛАР ВА ИЗЛАНИШЛАР ЙЎЛИДА

1984 йил сентябрь ойининг илк кунлари. ТошДУ тарих факультети талабаси сифатида таҳсилни бошладик. Факультет раҳбарлари, кафедралар билан танишув, таниқли профессорлардан олинган илк сабоқлар, курсдошлар билан илк мулоқотлар ва ёдимизда “ширин” хотира сифатида муҳрланиб қолган пахта терими мавсуми. Янги танишлар ва янги дўстлар, Устозлар билан яқин мулоқотнинг бошланиши пахта терими даври бошланди. Декабрь якуни, Янги йил ва қисқа кишига таътилдан кейинги сабоқлар. Ҳаётимда туб бурилиш ясаган учрашув “Археология асослари” фанидан илк дарсда, Устоз Анатолий Сагдуллаевнинг дарсхонага (аудиторияга) кириб келишидан бошланди. Ёш ва юзидан нур таралиб турган Устознинг илк сабоқлари бизни узок ўтмишга, қадимги аждодларимиз ов қилган тоғлар ва дараларга, тўқайларга, улар яшаган ғорларга, ертулаларга ва қамиш капаларга бошлаб кетди. Қадим тарихни “тирилтириш”, топилмаларни “гапиртириш” афсунгарлик эмас, археолог олимларнинг кундалик вазифаси эканлигини содда ва қизиқарли қилиб тушунтириб берган Устозимизга ҳавасимиз келди, археологияга ўзгача меҳр туғилди юрагимизда. Тарих фани ва унинг асосларидан бир бўлган археологияга қизиқиш шу дарсдан бошланди. Археология кафедраси, ундаги махсус фанлар ўқитилиши 1-курсдаёқ бошланиши мутахассислик танлашимда иккиланишга йўл қолдирмади.

Археология кафедрасида таҳсил давомида Устозларимиз Замира опа Усмонова, Светлана Борисовна Лунина ва бошқа устозларнинг мутахассислик фанларидан ўтган дарслари, кафедра томонидан ҳар йили икки марта (кузда ва баҳорда) ўтказиладиган археологик экспедициялардаги катнашиш имконияти илмий изланишлар йўлига киришимизда, тадқиқотчи сифатида шаклланишимизда муҳим ўрин тутди. Археология кафедрасида таҳсил олиш йилларида бир қанча археологик экспедицияларда иштирок этдим. Экспедиция даврида археолог учун муқаддас бўлган тартиб ва анъаналар билан танишдим. Уларнинг кўпи ҳаётимда ўчмас сабоқ, илмий тадқиқотларимда мустаҳкам таянч бўлди.

Қадимги Кеш воҳасида, қадимги Шимолий Бактрия ва Мурғоб воҳасининг бош шаҳри Марв ёдгорлигида олиб борилган казишмаларда иштирок этиш, янги топилмалар, кашфиётлар олами, устозларнинг ота-онамиздек меҳрибончилиги ва “тарих фанининг рицарлари” бўлган археологлар сафига қабул қилинишимиз, буларнинг барчаси бугун ўзимга ҳам ширин эртақдек туюлади.

1990 йил апрелда Археология ва этнография кафедрасининг ёш ўқитувчиси сифатида кафедра томонидан Шимолий Бактрия ва Жанубий Кеш чегара худудларида жойлашган археологик ёдгорликларни ўрганиш бўйича ташкил этилган экспедицияда иштирок этдим. Ҳисор тоғларининг жанубий ён бағирларида илмий тадқиқотлар олиб бориш давомида Дехқонобод тумани худудида “Бобур кўрғон” деган қадимий қалъа борлиги ҳақида маҳаллий зиёлилардан маълумот олдик. Бу қалъа тоғли худудда жойлашгани, бу худудларда фақат сўқмоқ йўллар орқали юриш мумкинлиги, у жойга боришни кўпчилик билмаслиги ҳақида эшитгач, Устоз Анатолий Сағдуллаев илмий сафарга пухта тайёргарлик кўришни бошлади. Сафаримизга Дехқонобод тумани Халқ таълими бошқармаси бошлиғи жалб этилиши, йўлбошловчи ҳамда улов-транспорт муаммосини ҳал бўлишига имкон берди.

21 апрель, шанба тонгида иккита “Уазик” машинасида туман марказидан “Бобур кўрғон” томон йўлга тушдик. Тошкент-Термиз автомобиль йўлидан Оқработ қишлоғига етиб бордик. Бу қишлоқнинг номи XVI аср ўрталарида шайбоний ҳукмдор Абдуллахон II томонидан оқ тошдан барпо этирилган работ билан боғлиқ бўлиб, қишлоқда XIX аср охири – XX аср бошларида мустамлака рус маъмурияти томонидан рус ҳарбий гарнизони учун қурилган казарма ҳам сақланиб қолган экан. Оқработдан чиқиб, қишлоқнинг ўнг тарафида ястаниб ётган тоғлар оралаб йўлга тушдик. Кечаси билан ёққан ёмғир эрталаб тинган, атроф енгил туман билан қопланган ва машинамиз баланд чўққилар ва тубсиз жарлик орасидаги тош йўлдан секин илгарилаб борарди. Қора булутлар гоҳ бошимизда, гоҳ ёнимизда пайдо бўлар, баъзан бизнинг сирли дараларга киришимизга қаршилик қилгандек олдимизга чиқар эди.

Тўлқин ака (биз Устоз Анатолий Сағдуллаев шундай мурожаат қилардик) тоғларнинг маъбуд сифат сирли “кўриқчилари” борлигини, улар тоғ бағрига яширинган боқий сирларни, тоғнинг мусаффо табиатини муҳофаза этишни ўз зиммаларига олганлигини, шу сабабли кўриқчи маъбудлар қаҳрига йўлиқмаслик учун ниятни, фикрни поклаш, тоғ табиатига, ўт-уланларига ва жониворларига меҳр билан муносабатда бўлиш кераклигини ўзгача ҳаяжон билан гапириб кетдилар. Бу гаплар булутлар устида, булутлар билан ёндош бўлиб, ўнгга боқсанг хайратга соладиган баҳайбат қоялар, чапга қарасанг ваҳимага соладиган тубсиз

жарликлар оралаб кетаётган пайтингда ўзгача таъсир қилар экан. Устознинг бу гаплари, энди ўйласам катта сабоқ эканки, қалбимиздаги кибрни ўлдирди, пурвиқор ва қудратли кўриқчилари бор бу тоғлар олдида нақадар заифлигимизни англади. Устознинг гаплари нафақат бизнинг, шу билан бирга тоғ йўлларида кўп юрган, бу жойлар билан таниш бўлган маҳаллий йўлбошловчини ҳам юрагига ваҳима солгандек туюлди менга. Буни сезган Устоз “кўриқчилари” тоғларнинг соф ва пок табиатини ёвуз ниятли кишилардан ҳимоя қилиши, илм йўлида изланиш олиб бораётганлар, мусофирлар ва умуман барча пок ниятли кишиларни ҳимоя қилишини айтиб, бизга далда берган бўлдилар. Энди ўйласам, Устоз ўз анъанасига содиқ қолиб, ўша сафар давомида ҳам бизга сирли ва жумбоқли ҳаётдан сабоқ, тарбия бериб кетган экан.

Тоғ йўлида бир соатдан кўпроқ юргач, атрофи қоялар билан қуршалган ўтлоқда тўхтадик. Мусаффо тоғ хавоси, фақатгина тоғларга хос ажиб бир гўзалликдан туғилган хайрат ва ҳаяжонимизни жиловлаб олмасимиздан, йўлни тоғ сўкмоғидан пиёда давом эттиришимиз маълум бўлди.

Йўлбошловчимиз ортидан бир қатор бўлиб тизилишиб рўпарамиздаги улкан қояга айланма йўл билан кўтарилишни бошладик. Бироз машаққатлидек туюлган сўкмоқ йўл ярим соатга қолмасдан бизни қоя тепасига олиб чиқди. Тепада эса бизни харобалари ҳам хайратимизга сабаб бўлган тош кўрғон кутиб турарди. Барпо этилгандан кейин қисқа фурсатда ташлаб кетилган кўрғонни кўздан кечирдик. Қоя тепасида барпо этилган кўрғон уч томондан тубсиз жарлик билан ҳимояланган, фақат шимолий томонида жойлашган дарвозадан бошланувчи тор ва тик сўкмоқ йўл орқали ташқи дунё билан боғланган. Мезбонларнинг айтишича, бу кўрғонни Бобур хазратлари Мовароуннаҳрда Шайбонийхон билан ҳокимият таллашиб юрган суронли йилларда барпо эттирган, маълум муддат садоқатли йигитлари билан шу кўрғонда яшаган экан. Кўрғоннинг тошдан барпо этилган мустаҳкам мудрофа деворлари кулаб тушган, тоғ майсалари айрим тошларни ёриб ўсиб турарди. Кўрғоннинг географик ўрни, жойлашуви, тузилиши, дарвозаси ва буржлари ўрни суратга олинди, маълумотлар қоғозга туширилди ва бу кўрғонни ўрганиш учун экспедиция ташкил этиш режага киритилди. Бу ишлар билан вақт ўтганини ҳам сезмай қолибмиз. Атроф бирданига қоронғилашди, зич туман қоплади барчамизни. “Тоғ маъбудлари бизга ажратган вақт тугади, қайтишимиз керак”, дея ҳазиллашди йўлбошловчимиз. Бу илмий сафаримизнинг бир куни, кашфиётлар ва изланишлар йўлидаги қадамимизнинг биттаси эди.

Экспедиция давомида Темир дарвозага ҳам сафар уюштириш режада бор эди. Экспедиция бошлиғи профессор А.С.Сагдуллаев, таниқли

антрополог олим, профессор Т.Қ.Хўжаев, этнография гуруҳи раҳбари, доцент Т. Салимов ва бир гуруҳ археология таълим йўналиши талабалари билан бизга ажратилган миниавтобусда Темир дарвозанинг жанубий қисмига, қадимий Шимолий Бактриядан Суғдга ўтадиган тоғ дараси бошланишига етиб келдик. Бу дарадан охиригача фақат соф ниятли, пок инсонларгина ўта олади, дея ҳазил тарзида таъкидлаб қўйдилар Тўлқин ака, автобусдан биринчи бўлиб тушгач. Тоғларнинг кўрикчи Маъбудлари ҳақидаги гаплари эсимга тушди ва даранинг охиригача ўтиб, ўзимни синаб кўришни ният қилиб қўйдим. Биринчи синов кутилмаганда анча тез, ҳали автобусдан ҳамма тушиб ўлгурмасдан юз берди. Экспедициянинг нуфузли аъзоси, этнография йўналишида тадқиқотларга бошчилик қилаётган Турсун ака Салимов автобусдан тушдию, кутилмаганда яна тез автобусга қайтиб чиқиб олди. Маълум бўлишича, тушган пайтида пойабзали йиртилиб кетибди. Устозлар Тўлқин ака ва Телман ака Хўжаев бироз ҳазил ва кулгу билан бизни “Темир дарвоза” номи билан машҳур тоғ дараси томон бошлади.

“Темир дарвоза”. Қадимдан Бактрия ва Жанубий Суғдни боғловчи йўлак-йўл, икки томондан баҳайбат қоялар ҳосил қилган тор дара, тошлар оралаб оқаётган жилға, табиатнинг инсонга беадад ҳиммати ҳосиласи, Тўлқин ака бошчилигида тошдан тошга ўтиб дара бўйлаб йўлга тушдик. Юракда алланечук ҳаяжон. Номи тарихда муҳрланган, дунёни кудрати билан титратган Македониялик Буюк Александр қўшинлари билан ўтган, Соҳибқирон Амир Темур томонидан унинг ҳарбий-стратегик аҳамиятига муносиб баҳо берилган, Испан қироли элчиси де Клавихо хайрат билан таърифлаган дара. Қанча тақдирларни учраштирган, ажратган, қанча буюклар қалбига кўркув солган дара бу кун бир гуруҳ тарихчилар, устозу шогирдлар сафарини жимгина кузатиб турарди. Қарангки, тоғ “кўрикчи маъбудлари” ўта хушёр экан. Юз кадамча илгарилаб улгурмасимиздан сафимизда яна бир “йўқотиш” бўлди. Антрополог олим, самимий инсон, қалби пок устозимиз Тельман ака Қосимов “маъбудлар” синовидан ўта олмади, шекилли, тошдан тошга ўтишда оёғини қайириб олди. Дастлабки “тез ёрдам” муолажадан кейин иккита талабага Устозни автобусга олиб боришни топшириб, йўлда давом этдик. Устоз Тўлқин ака Темир дарвоза тарихи, Буюк ипак йўлидаги энг машҳур дара эканлиги ҳақида кизикарли сабоқ бериб, бизни руҳлантириб бордилар. Қояларга, дара табиатига махлиё бўлсакда, хушёр туриб дара охиригача етиб бордик. Олдимизда қадим Суғднинг Кеш шаҳрига олиб борадиган тоғ йўли ястаниб турарди. Олдимизда янги янги илмий сафарлар, тарих қарига саёҳатлар, машаққатли ва лекин шарафли олимлик қисмати кутарди.

Бу илмий сафарлар ва саёҳатлар бизни нафақат олим сифатида, балки биринчи галда пок ниятли инсон сифатида, ватан тарихига,

ёдгорликларига, маданий меросига меҳр билан вояга етишимизда, касбимизга ва касбдошларимизга садоқатни кадрият сифатида қарашимизда бекиёс ўрин тутди. Устоз Анатолий Сагдуллаев асос солган ва Ўзбекистон тарихи, бутун Марказий Осиё тарихини ўрганишда, халқаро миқёсда тарғиб қилишда катта ўрин тутган илмий мактабнинг, Анатолий Сагдуллаев илмий мактабининг тамал тошлари ўша экспедицияларда қўйилган бўлса, эҳтимол.

Папахристу О.А.
*кандидат исторических наук,
Афины, Греция*

МЕТАЛЛИСТЫ СТОЛИЧНОГО ГОНУРА (ТУРКМЕНИСТАН, МЕРВСКИЙ ОАЗИС)

1970-х годах Виктор Иванович Сарияниди (Рис. 1) открыл Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), который в настоящее время уже принято называть Бактрийско-Маргианская археологическая культура, в Мургабском оазисе (Туркменистан), которая датируется 2200–1700 гг. до н.э. Он закончил Среднеазиатский государственный университет им. А. Навои. Его учителями на кафедре археологии были Михаил Евгеньевич Массон, Александр Александрович Семенов, Борис Анатольевич Литвинский (Рис. 2). В студенческие годы зародилась его дружба с Вадимом Михайловичем Массоном (Рис. 3). Уже студентом Виктор Иванович принимал участие в археологических экспедициях на территории Узбекистана (обсерватория Улугбека, 1948 г.) и Туркменистана (в составе разных отрядов ЮТАКЭ, Ниса – 1949–1954 гг., Султан-Кала – 1950–1954 гг., маршрутные разведки на юго-западе Туркменистана в Мешед-Мисриане – 1949 г.). В.И.Сарияниди уже покинул наш мир, но его дело с успехом продолжают друзья и соратники Н.А.Дубова и М.А.Мамедов в совместной Туркменско-Российско-Швейцарской археологической экспедиции (Рис. 4; 5) [3, с.10-28].

Многолетние раскопки В.И. Сарияниди в предполагаемом столичном центре БМАК - Гонур Депе - выявили уникальную архитектуру, исключительно богатую материальную культуру и контакты с Месопотамией, долиной Инда и Иранским плато.

Столичный Гонур.

Согласно последней интерпретации В.И.Сарияниди в последние века III тыс. до н.э. вдоль многоводных протоков старой мургабской дельты стали вырастать новые и новые поселения, прибывших с далекого запада племен земледельцев, гонимые «ксеротермическим кризисом».

Первые свои поселки маргушцы возвели на окраинных частях дельты, где вскоре выросли и небольшие дворцы и храмы. В северной части дельты складывается автономный ирригационный оазис, именуемый ныне Келлелийский. Параллельно с обустройством этого оазиса возводится и главный столичный город страны Маргуш, локализованный с городищем Гонур Депе.

Столичный Гонур (2300-1500 гг. до н.э.) был возведен в стратегически важном месте, в замковой части реки Мургаб – откуда легче всего было распределять и контролировать подачу воды многочисленным поселениям, находившимся к северу.

В центре столицы был построен огромный кремль с мощными оборонительными стенами, усиленными прямоугольными башнями. Внутри кремля находился дворец, предназначенный для царя и его семьи. Кремль был защищен стенами каре, усиленными по периметру башнями и угловыми бастионами. К северу от дворцово-храмового комплекса – Северный Гонур, располагался предполагаемый комплекс общественных трапез. В юго-западной части от дворца был устроен храм жертвоприношений. К югу от дворцово-храмового комплекса находился гонурский храм воды. Весь монументальный гонурский архитектурный ансамбль был заключен в гигантский круг обводной стеной диаметром 400 м. Последняя стена в отличие от стены каре усилена контрфорсами, а не башнями.

Следует отметить, что если храмы Северного Гонура располагались внутри оборонительного каре, то храм воды, как и комплекс «общественных трапез», находился с внешней стороны – между обводной стеной и огромным бассейном. Храм включает группы сооружений условно названных восточным, средним и западным комплексами [23].

Мастерская металлистов столичного Гонура.

Во время осеннего полевого сезона 2005 года на северо-западном берегу главного южного бассейна Северного Гонура В.И.Сарианиди раскопал архитектурный комплекс из 10-12 помещений, который, по его мнению, скорее всего, являлся ремесленной мастерской по изготовлению медных и бронзовых изделий при царском дворце. О том, что это была мастерская именно при царском дворце, по мнению исследователей, говорят ее размеры. Так, каждая из комнат имеют площадь около 20-25 м². Исследователями отмечено наличие в производственных комнатах множество форм для литья предметов и фрагментов самих бронзовых изделий [10, с. 128-131].

Зимой 2006 г. В.И. Сарианиди находился в Греции в Афинах, где мы и встретились с ним. Он пригласил меня приехать на Гонур Депе во время весеннего полевого сезона 2006 г., чтобы познакомиться с этим новым

материалом, продолжить раскопки, и как специалиста, знакомого с материалами по археометаллургии, помочь разобраться как с архитектурными конструкциями, так и с инвентарем металлистов, которые были раскопаны ранее. Виктор Иванович знал, что я тоже выпускница кафедры археологии Ташкентского Государственного университета, и моими учителями были горячо любимые нами Замира Исмоиловна Усманова, Светлана Борисовна Лунина, Галина Яковлевна Дресвянская, Эдвард Васильевич Ртвеладзе - одна школа, одна семья (Рис. 6).

Весной 2006 года раскопки на раскопе 9 были продолжены автором настоящих строк (Рис. 7). Дополнительно были проанализированы материалы по археометаллургии из раскапываемых одновременно раскопов (Р. 13 и Р. 15), обследованы ранее раскопанные площади на городище, а также старые полевые музеи.

Прежде всего, дополнительно были зачищены, ранее открытые на раскопе 9 помещения 107, 108, 109, 112 и 119. Следует отметить, что к моему приезду, эти помещения и археометаллургические конструкции в них, были уже достаточно размыты. Часть находок были переданы в музей, и я не смогла ознакомиться с ними. Но, открытая площадь мастерской, также как и находки, были подробно описаны и опубликованы Н.А.Дубовой, которая проводила раскопки в 2005 году [2, с. 94-104]. Она же оказалась инициатором проведения радиоуглеродного исследования раскопанной в том году части мастерской по производству сплавов на основе меди. На основании трех образцов древесного угля, обнаруженных в помещениях 108, 109 и 112, радиоуглеродное исследование показало разбросанные даты в пределах 2150-1430 гг. до н.э. Последняя дата была скорректирована методом комбинированной версии и лимитирована в пределах 1780-1678 гг. до н.э. [2, с. 99; 4, с. 178].

К югу, западу и северо-западу от ранее выявленных помещений мастерской весной 2006 года были открыты серия новых.

В целом, архитектурный комплекс, относящийся к раскопу 9, включает около 150 подквадратных, подпрямоугольных и трапецевидных в плане помещений (Рис. 8). Первые раскопанные помещения этого архитектурного комплекса расположены на северо-восточном берегу главного водного бассейна Северного Гонура. Вторая половина комплекса находится на северо-западном берегу. Именно во второй части комплекса, начиная с помещения 107 и кончая помещением 147, фиксируются отходы производственной деятельности металлистов. Причем, отходы производства отмечаются не во всех помещениях. Складывается впечатление, что юго-западная часть комплекса могла быть более древней по стратиграфии.

Следует отметить, что, судя по производственным конструкциям, производственному инвентарю и отходам производства в помещениях, на начальных этапах, мастерская была большой. Но, затем, в силу каких-то причин, она была сокращена и функционировали только пом. 107, 108, 109, 111 и 122. Собственно поэтому самые массовые находки *in situ* расположены на этих площадях (Рис. 9).

В мастерской медников на Гонур Депе было обнаружено много вариантов тиглей и литейных форм (Рис. 10) [5, с. 196-224; 6, с. 265-284; 7].

Археологические работы на городище продолжаются, но уже сейчас удивляет масштаб производства металлической продукции. Уже было сделано сопоставление металлообрабатывающей мастерской Гонур Депе с широко известным кварталом металлистов на городище Шахдад [7, с. 232-256].

Печь и горны

Безусловно, квартал металлистов Шахдада - один из наилучше представленных в древнем Ближнем Востоке квартал по работе с металлом, который был раскопан на юге Дашт-и-Лут в Иране [16; 19; 20; 21]. Он датируется второй половиной III тыс. до н. э. Комплекс включает остатки 30 небольших комнат, которые составляют пять довольно аналогичных мастерских.

В каждой из 5 мастерских Шахдада находилось по одной т.н. "основной печи" и различные горны на полах помещений. В помещении 107 в мастерской металлистов на Гонур Депе также находилась "основная печь". Из сопоставления конструкций "основных печей" из квартала металлистов в Шахдаде и мастерской на Гонур Депе, становится ясным, что, в целом, они аналогичны, особенно, если учитывать желобок для стока металла, но в случае с Гонур Депе мы имеем как бы усовершенствованный вариант. Печь по размерам больше, на ее поверхности уже не 1, а 2 огненных ящика. В огненные ящики вставлены тигли из которых металл стекал, по-видимому, в другой тигель, который по аналогии с Шахдадом, должен был быть вмонтированным в пол.

Конструкции основных печей в Шахдаде, также как и в мастерской Гонура, трудно объяснить с позиции техники. Они достаточно большие по размерам, что расходует впустую массу энергии. В них невозможно было бы добиться равномерного прогревания и одинаковой атмосферы. Канавки для стока металла, под которыми стоит тигель, достаточно длинные.

Из конструкций, раскопанных на квартале металлистов, кроме основных печей, А.Хакеми выделяет также устроенные на полах малые печи или горны для вторичной переработки.

Согласно археологическим материалам из мастерской металлистов на Гонур Депе, в помещениях 109, 111 и 122 также фиксируются горны, которые были устроены прямо на полу. Рядом с их остатками скученно находились тигли и литейные формы.

В помещениях 130 и 141 расчищены круглые в плане кузнечные горны, по одному в каждом.

Прямоугольное в плане помещение 147, расположенное на юго-западе производственного комплекса, является последним помещением мастерской. В его центре на платформе была устроена двухкамерная культовая печь. Вероятно, что в своей основе, помещение представляло клетку с обводным коридором. На каком-то этапе к северо-западному углу культовой печи вплотную был пристроен производственный горн. Внутри горна, кроме золы, находился фрагмент стенки тигля с приблизительным диаметром 6 см. Представляется, что это тигелек ювелира.

Помещение 147, по всей видимости, было основным культовым помещением производственного комплекса. Расположение производственного очага в непосредственной близости от культовой печи не случайно. В этом помещении явно происходили какие-то магические ритуалы, связанные с получением первого священного огня для успешных производственных работ

Тигли

Самые ранние фрагменты тиглей на территории современного Туркменистана происходят из Илгинли-депе (Ilgynly-depe), которое находится примерно в 10 км к югу от Алтын-депе. Среди других артефактов собранных с поверхности поселения и, связанных с производством металлистов, обнаружен венчик предположительно от тигля (3800-3200 до н.э.) [22, с.47-67].

Осенью 1998 года участниками совместного Туркменско-Итальянского археологического проекта исследовалась поверхность городища Алтын-депе. Были собраны производственные объекты, связанные с металлургическим и металлообрабатывающим производством. Интерес для нас представляют аналитические исследования 10 фрагментов тиглей (2500-2000 до н.э.), которые были собраны с поверхности городища к северо-западу от Элитного квартала [18, с. 157-174]. Исследователи реконструировали форму тиглей, которые были в виде чаш. К сожалению, археологически целых форм не обнаружено.

На Гонур Депе было обнаружено много вариантов тиглей, которые сводятся к нескольким типам:

1). Тигли чашевидной формы разных размеров (Рис. 9. Пом. 107. 3; Пом. 109. 2-5)

2). Тигли чашевидной формы со сливом (Рис. 9. Пом. 107. 1; Рис. 11. 19).

Тигли чашевидной формы со сливом, характерны для производственных материалов из Шахдада (Рис. 11. 15-17). На территории БМАК он отмечается и в материалах из поселения Тугай (Рис. 11. 18) [1, с.54]. По мнению В. Пиготт, такая форма хорошо пригодна для разжижения и выливания разжиженного металла, скорее чем для плавки металла [20, с. 90].

3). Тигли различных форм и размеров, которые имеют отверстие в нижней половине сосуда:

а). У одного из горнов в помещении 109 был найден отличительный тип тигеля (Рис. 11. 7), который аналогичен тиглям, обнаруженным на поселении/городище Тель эд-Дибай/Tell edh-Dhiba'i в пригороде Багдада (Рис. 11. 1-4) [14, fig. 33. 2]. Раскопки на этом поселении проводились в 1965 году под руководством Ламии аль-Гайлани (al-Gailani). В ходе раскопок была обнаружена мастерская медников, датируемая Старовавилонским периодом. Поселение было разрушено за некоторое время до 1750 г. до н.э.

Существует определенная стандартизация размера и формы тигля, который изготавливали с помощью шаблона. Тигли диаметром 90 - 130 мм, их высота - 110 - 150 мм. Прослеживается неоднократное использование тиглей.

По мнению Х. Дж. Дэйви, тигли, найденные в Тель эд-Дибай, показывают согласованность со сценами, изображенными в гробнице Мерерука (Саккара, Египет), где технические сосуды использовались в почти вертикальном положении с принудительной подачей воздуха через отверстие в передней части. Существовал барьер из глины, который покрывал большую часть отверстия в основании, чтобы помочь сохранить расплавленный металл в тигле.

Х. Дж. Дэйви [14, р. 495-499] полагает, что на сцене из мастабы Мерерука изображен процесс рафинирования или очистки меди (Рис. 11. 8-9) для получения качества меди, необходимого для изготовления листовой меди, которую можно было ковать в престижную посуду. В каждом тигле из Тель эд-Дибай выплавлялась медь порядка 50 мл.

Вместе с тем, аналогичные по форме тигли были обнаружены в Элькаб (Elkab) (Рис. 11. 10) в долине Нила в Египте, в пещере Вади Серабит эль-Хадим (Wadi Serabit el-Khadim) в Синае и в Тель эль-Китар (Tell el-Qitar) на севере Сирии [14, р. 495-502].

Согласно новым археологическим данным мы можем видеть тигли упомянутого типа среди материалов эпохи бронзы в Средней Азии [8, с. 17-28]. Так, один тигель данного типа, как уже было упомянуто,

обнаружен в помещении 109 мастерской металлистов столичного Гонура (1780-1678 гг. до н.э.) [7, с. 238] в Туркменистане, и 4 тигля в мастерской металлистов в храме Джаркутана (Рис. 11. 5-6) (не ранее 14 в. до н.э.) [9, с. 204] в Узбекистане.

b). Чашевидные тигли с отверстием в нижней половине сосуда (Рис. 9. Пом 107. 2; Пом. 111. 11).

c). Тигли "цилиндрической" формы с отверстием в нижней половине сосуда (Рис. 9. Пом. 111. 10; Пом. 122. 1).

Чашевидные тигли с отверстием в нижней половине сосуда и тигли "цилиндрической" формы с отверстием в нижней половине сосуда очень близки тиглям с отверстиями в нижней половине, которые были найдены Петри в Синае, но последние имеют округлое дно [13]. Вместе с тем, тигли из Синае, также как и тигли из мастерской Гонура, имеют способность содержать жидкость в вертикальном положении, что отличает их от тиглей в стиле эд-Дибай - Мерерука.

Следует упомянуть, что тигли с отверстиями, способные сдерживать жидкость в вертикальном положении, известны среди археометаллургических материалов из Ирана. Так на Тепе Габристан в слоях, относящихся к среднему Салк III периоду (3900-3700 до н.э.), в одной из печей в виде ямы находился чашевидной формы тигель с двумя отверстиями в районе плоского донца (Рис. 11.13). Аналогичные тигли "типа Габристан" обнаружены и в производственном мусоре из мастерской металлистов на поселении Арисман (Рис. 11. 14) в слоях, относящихся к позднему Сиалк III периоду (3600-3400 до н.э.) [17, с. 117].

Р.Ф.Тайлкот упоминает тигли из Мезер (3000 до н.э.) в Палестине, а также, Терми (3000-2500 до н.э.) и Лерна V (2750 до н.э.) в Греции [24, fig. 10], которые показывают один из способов преодоления проблемы заливки сплава на основе меди в литейную форму. Это был отросток, у донца или на стенке тигля, в котором находилось отверстие около 1 см. В отверстие могли вставлять глиняный стежень или палку, так, чтобы вращать или даже поднимать тигель для заливки (Рис. 11. 12).

Другим способом преодоления этой проблемы является то, как показано тиглями из Кеа (Кеос) (1550-1200 гг. до н.э.) в Греции (Рис. 11. 11), которые имели округлые донца и отверстие в нижней половине сосуда. Эти тигли можно было качать для заливки металла в литейную форму, также как и тигли из эд-Дибай, последние имели крупные отверстия с перегородкой [24, р. 22-23]. Фрагмент тигля, аналогичный тиглю из Кеос, обнаружен и в Библос.

Первое впечатление В.И. Сариниди и Н.А. Дубовой, сложившееся во время осеннего полевого сезона 2005 г. при открытии мастерской, заключалось в том, что она, скорее всего, являлась ремесленным центром

по изготовлению медных и бронзовых изделий при царском дворце [10, с. 128–131]. В то же время, общая картина состояния производства металлургов на Гонур Депе, пока не ясна, поскольку присутствуют сходные материалы с раскопов 13, 15, 16, а также в последнее время получены новые материалы на западной окраине «царского некрополя» (т. наз. «скопление камней разных размеров, в том числе крупных, фрагментов керамики, тиглей и др. изделий») [11, с. 105-109] еще не подвергнуты серьезному анализу.

Нужно собрать в одну картину все фрагменты пазла.

Список литературы:

1. Аванесова Н.А. Керамика поселения горняков-металлургов Заравшана //История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Вып. 39. Самарканд: Ин-т археологии АН Руз, 2015. С. 47-62.

2. Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 2. Москва: Старый сад, 2008 С. 94-104.

3. Дубова Н.А., Мамедов М.А., Сатаев Р.М. Работы археологической экспедиции в 2014-2015 гг.// Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Москва: Старый сад, 2018 С. 10-28.

4. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 2. Москва: Старый сад, 2008. С. 166-179.

5. Папахристу О. А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Труды Том 2. Москва: Старый сад, 2008 С. 196-224.

6. Папахристу О.А. Литейные формы из мастерской столичного Гонура (предварительное исследование) // Труды Маргианской археологической экспедиции. На пути открытия Цивилизации (Сборник статей к 80-летию В.И.Сарианиди). Санкт-Петербург: Алетейя, 2010 С. 265-284.

7. Папахристу О.А. Опыт сопоставления: мастерская металлургов на городище Гонур-депе (Туркменистан) и квартал металлургов на городище Шахдад (Иран) //Труды Маргианской археологической экспедиции (Памяти В.И.Сарианиди). Том. 6. Москва: Старый сад, 2016. С. 232-256.

8. Папахристу О.А. О египетско-месопотамской традиции в металлообработке эпохи бронзы на территории Средней Азии: по материалам Гонур депе (Туркменистан) и Джаркутан (Узбекистан) // O'ZBEKISTON ARXEOLGIYASI. 2020 №1 (20). С. 17-38.

9. Рузанов В.Д. Металлообработка на юге Средней Азии. Самарканд: Ин-т археологии АН РУз., 2013. 347 С.
10. Сарияниди В.И., Дубова Н.А.,. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-депе // *Miras*. 2006.N 1(21). Ashgabat. С. 128-131.
11. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011–2013 гг. // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Том. 5. Москва: Старый сад, 2014. С.92–111.
12. Claes W., Huyge D. Finds from Elkab: revealing the origins of the settlement // *Egyptian Archaeology Issue*. 2016. N49. P. 38-42.
13. Davey C.J. Crucibles in the Petrie Collection and Hieroglyphic Ideograms for Metals // *Journal of Egyptian Archeology*. 1985. 71. P. 142-148.
14. Davey C.J. Early Bronze Age Refining of Copper // *Mining for Ancient Copper (Essays in Memory of Beno Rothenberg)*. Monograph series N. 37. Tel Aviv University: Sonia and Marco Nadler Institute of Archaeology. 2018. P. 495-502.
15. Davey C.J., Edwards W.I. Crucibles from the Bronze Age of Egypt and Mesopotamia // *Proceeding of the Royal Society of Victoria*. 2007. 120 (1). P. 146-154.
16. Hakemi A. Shahdad (Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran). (Translated and Edited by S.M.S.Sajjadi). With an Introduction by P. Amiet and a Postscriptum by S. Salvatori and M. Tosi. Instituto Italiano per II. Medio ed estremo Oriente Centro Scavi e Ricerche Archeologiche. Rome: IsMEO. 1997. 721 P.
17. Helwing B. Early metallurgy in Iran - an innovative region as seen from the inside //Stefan Burmeister, Svend Hansen, Michael Kunst, Nils Muller-Scheessel (Eds.). *Metal Matters: Innovative Technologies and Social Change in Prehistory and Antiquity*. Germany: Verlag Marie Leidorf GmbH. 2013. P. 105-135.
18. Masioli E., Artioli D., Binchetti P., Pilato S., Guida G., Salvatori S., Sidoti G., Vidale M. Copper-melting crucibles from Altyn-Depe, Turkmenistan (ca 2500-2000 BC). In: *Paleorient*, vol. 32.2. SNRS EDISHIONS. 2006 P. 157-174.
19. Pigott V.C. The Development of Metal Production on the Iranian Plateau: An Archaeometallurgical Perspective // *The Archaeometallurgy of the Asian Old World*. University Museum Symposium Series. Vol. VII. MASCA Research Papers in Science and Archaeology Vol. 16. University Museum Monograph 89. The University Museum University of Pennsylvania. 1999a. P. 73-106.
20. Pigott V.C. A heartland of metallurgy Neolithic/Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // *The Beginning of Metallurgy*

(Proceedings of the International Conference "The Beginning of Metallurgy"). Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. 1999b. P. 107-120.

21. Pigott V.C.,. On the importance of Iran in the study of prehistoric copper-base metallurgy // *Persiens Antike Pracht. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum*. 2004. Vom, 28. P. 28-43.

22. Salvatori S., Vidale M., Guida G., Masioli E. Ilgynly-depe (Turkmenistan) and the 4th Millennium BC Metallurgy of Central Asia. In: *Paleorient*, 2009, vol. 35, n° 1. P. 47-67.

23. Sarianidi V.I. *Zoroastrianism: A new motherland for old religion*. Athens: Kyriakidis Brothers s.a. 2008. 415 P.

24. Tylecote R. F. *A History of Metallurgy*. 2nd Edition. The Institute of Materials. London: Printed and bound in the UK by Antony Rowe Ltd. 1992. 205 P.

Рис. 1

Рис 2

Рис. 4

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

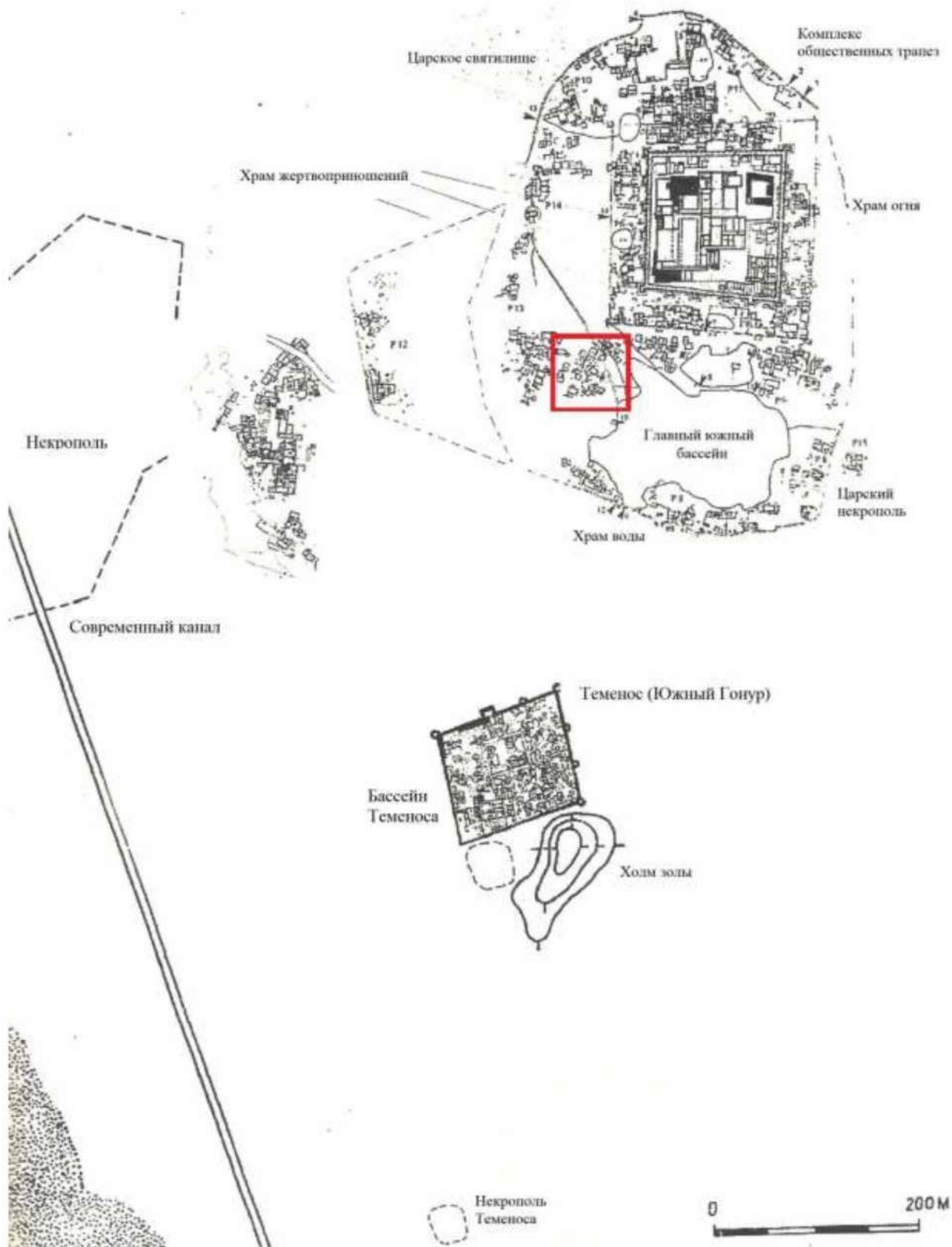

Рис. 8

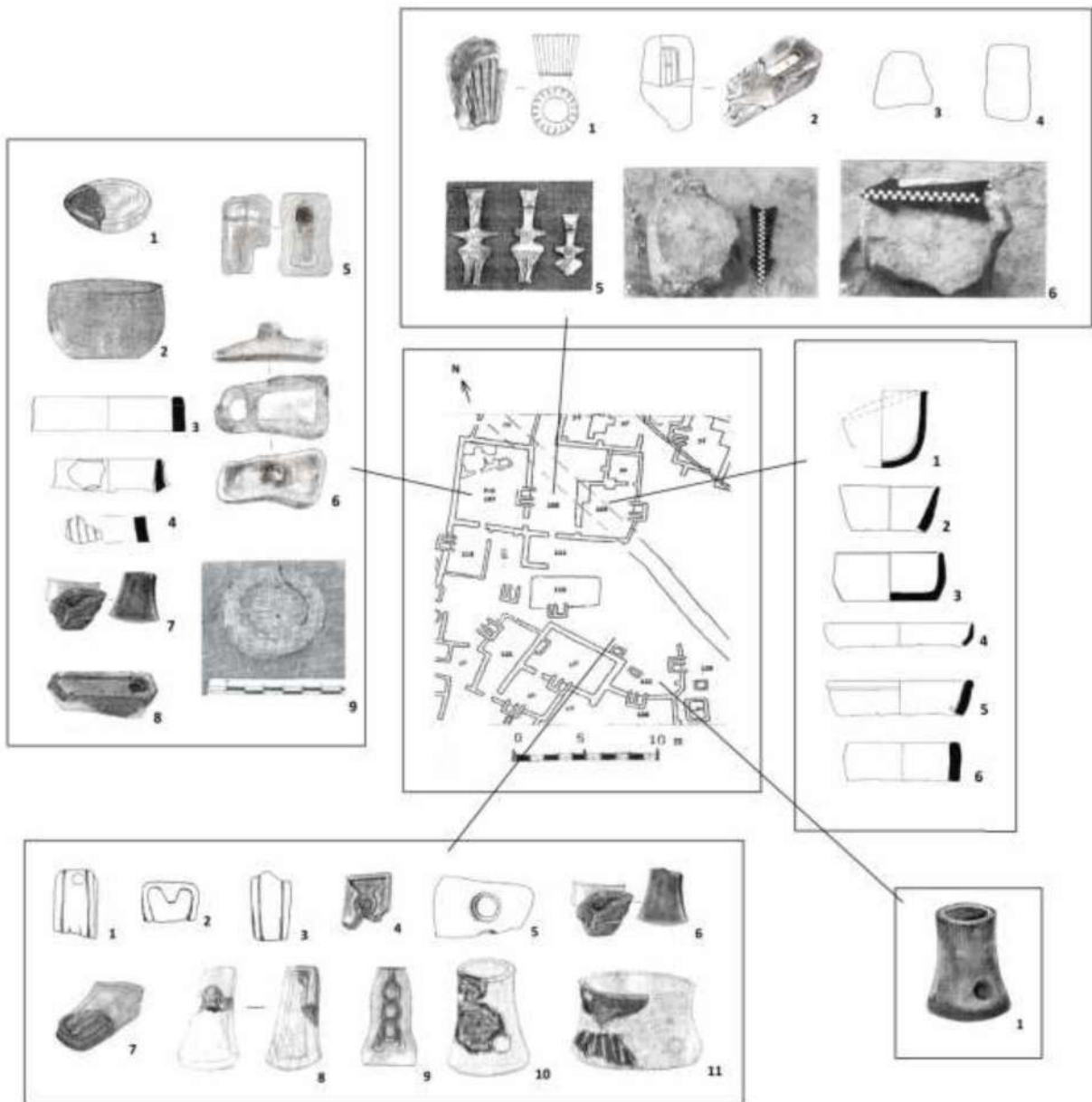

Рис. 9

Рис. 10

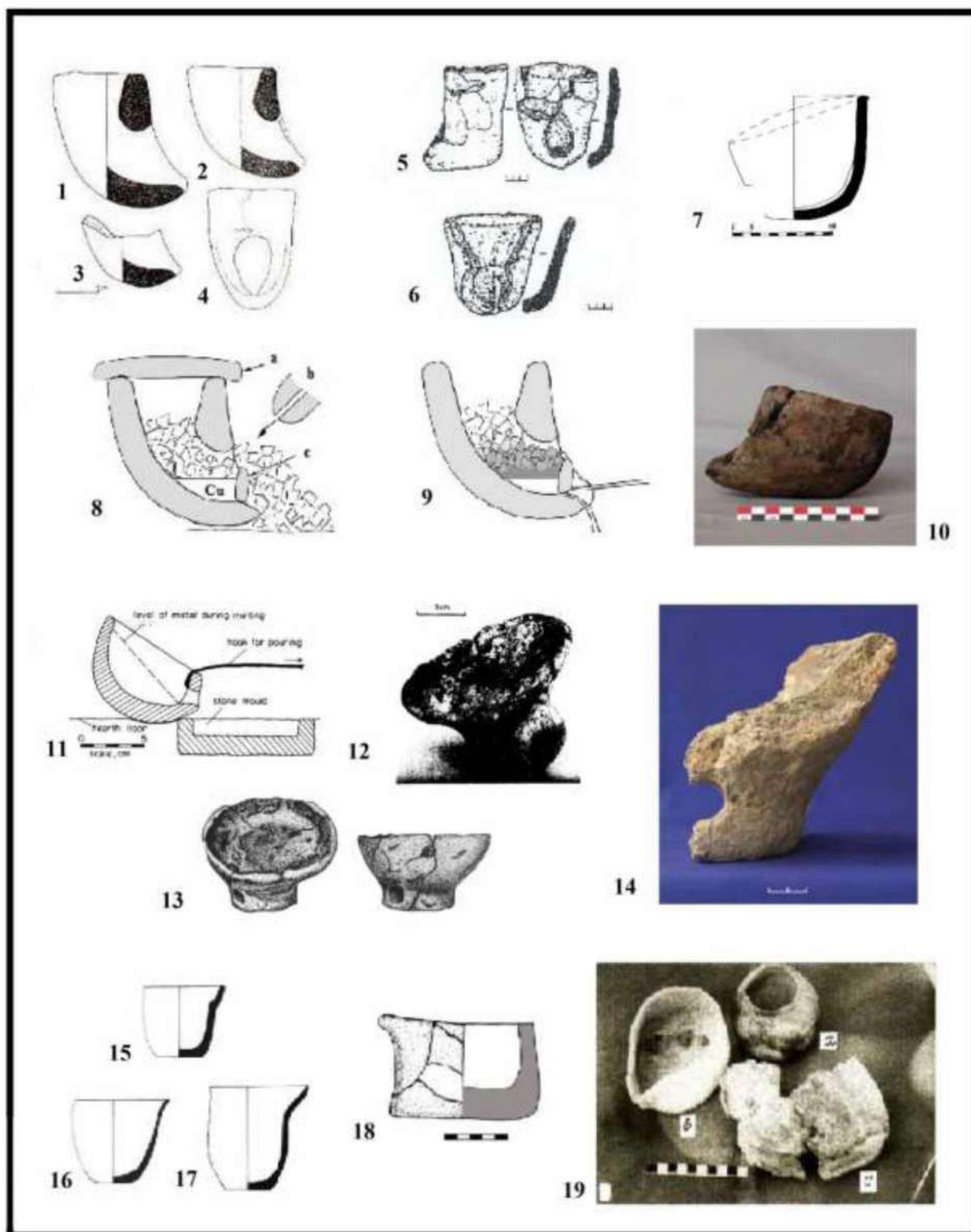

Рис. 11

Список иллюстраций:

Рис. 1 В.И.Сарианиди с частью полученных наград. 28.10.2010 г. (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 2 В.И.Сарианиди и Н.А.Дубова в греческом клубе "Ромиосини" в г. Москва. 6.02.2011 г. (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 3 М.А.Мамедов, К.Гандымов и В.И.Сарианиди в г. Мары. 16.11.2006 г. (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 4 «Геоксюрское трио». Слева на право: И.Н.Хлопин, В.И.Сарианиди и В.М.Массон. (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 5 В.И.Сарианиди в гостях у Е.А.Давидович и Б.А.Литвинского. 16.07.2005 г. (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 6 В.И.Сарианиди и автор предлагаемой статьи в перерыве на конференции в Министерстве культуры Греции. Афины. 13.01.2007.

Рис. 7 Гонур Депе. 26.04.2006 г. М.Беглиев, О.Папахристу и В.И.Сарианиди около экспедиционного домика (Фото из архива Н.А.Дубовой)

Рис. 8 План столичного Гонура. Красным указана мастерская металлистов на раскопе 9.

Рис. 9 План поздней мастерской (Раскоп 9) на Гонур Депе и основные находки по археометаллургии из помещений.

Рис. 10 Гонур Депе. Литейные формы.

Рис. 11

1-4. Тигли из Телль Эдх-Дибай (Tell edh-Dhiba'i) (Автор: Davey. 1983. P. 172, Fig. 2).

5-6. Тигли из помещения 8 в храме Джаркутана (Автор: Рузанов. 2013. С. 205, Рис. 176, 13-14).

7. Тигель из мастерской металлистов на Гонур Депе (Р.9), помещение 109 (Автор: Папахристу. 2008. С. 204. Рис. 5, 3).

8. Разрез, демонстрирующий тигель при плавлении-таянии металла, согласно предложенной Х.Дж. Дэйви реконструкции процесса (Автор: Davey. 2018. P. 497, Fig. 33.4): а) крышка; б) воздухоподающее устройство; в) барьер из глины.

9. Разрез, демонстрирующий тигель при разливке металла, согласно предложенной Х. Дж. Дэйви реконструкции процесса (Автор: Davey. 2018. P. 497, Fig. 33.4).

10. Тигель из Элькаб (Авторы: Claes and Huyge. 2016. P. 41).

11. Тигель с отверстием в нижней половине сосуда, обнаруженный в слоях позднего бронзового века на острове Кеос, Греция, и метод его использования (Автор: Tylecote. 1992. P. 23, Fig. 11).

12. Тигель с отверстием в ручке, обнаруженный в слоях среднего бронзового века на острове Лерна, Греция (Автор: Tylecote. 1992. P. 23, Fig. 10).

13. Тигель из Тепе Габристан, Иран. (Автор: Helwing, 2013. P. 117. Fig. 11).

14. Тигель типа Габристан, обнаруженный на поселении Арисман, Иран, на раскапываемой площади № 8. (Автор: Helwing. 2013. P. 117. Fig. 12A).

15-17. Тигли из мастерских квартала металлистов в Шахдаде (Автор: Nakemi. 1997. P.707, Vm. 1, Vm. 4, Vm. 3).

18. Тигель из поселения Тугай (Автор: Аванесова. 2015. С. 54, Рис. 6, 5-6).

19. Тигли из помещения 114 раскопа 13 на Гонур Депе (Автор: Папахристу. 2010. С. 277, Рис. 6, 2).

Болелов С.Б.

*Заведующий отделом истории
материальной культуры и Древнего искусства
Государственного Музея искусств народов Востока
Москва, РФ.*

ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ГОРНЫ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ

Вместо предисловия. Спецкурсы, которые нам читали на Кафедре наши учителя стали тем фундаментом, на котором каждый из нас строил свою дальнейшую научную деятельность и выбирал свой путь в науке. Для меня одним из основополагающим стал фундаментальный спецкурс который назывался «Гончарное производство Средней Азии», во многом он определил одно из основных направлений моей дальнейшей научной деятельности. Предлагаемая статья это лишь малая толика того, чем я могу отблагодарить моих глубокоуважаемых учителей Замиру Исмаиловну Усманову и Светлану Борисовну Лунину за те знания, которые они мне дали.

*Не очень прилежный выпускник Кафедры археологии Средней Азии
Ташкентского Государственного университета 1980 года*

Болелов С.Б.

Поселение Бабиш-Мулла 7, которое является крупнейшим и наиболее изученным в настоящее время производственным объектом, связанным с гончарством, не только на территории нижней Сырдарьи, но и в пределах всего Южного Приаралья. Памятник находится на восточном берегу сухого русла Жаны-Дарьи в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-Мулла 1 (44°23'19" С и 63°09'17"Ю). Общая площадь поселения приблизительно 1, 6 га – 450 х 350 м. Именно на этом участке отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы обжигательных горнов (рис. 1; А). С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Береговые отвалы до сих пор отчетливо прослеживаются на поверхности такыра (рис. 1; Б).

На территории поселения за пять полевых сезонов раскопано 7 обжигательных горнов, гончарные мастерские и, частично, на некотором удалении от производственных участков, жилое здание – Усадьба. Полученные в ходе раскопок материалы открывают практически новую страницу в истории керамического производства Южного Приаралья.

Первые обжигательные горны на территории древней дельты Сырдарьи, являющиеся безусловным свидетельством существования ремесленного гончарного производства, были открыты в процессе раскопок городища Бабиш-Мулла I в начале 60-х годов прошлого века. В пределах входного айвана восточной части «Большого дома» на цитадели городища были открыты части топочных камер (ТК) нескольких горнов, относящихся к первому периоду существования памятника [1, с.63-64]. Насколько можно судить по стратиграфическим данным, они функционировали еще до начала капитальной перестройки здания, на третьем этапе существования памятника, когда на остатках ранней постройки возводится монументальное дворцово-храмовое сооружение [2, с. 20].

Горны, открытые на Бабиш-Мулле I – это двухъярусные, прямоугольные в плане конструкции, длиной 2 м и шириной не более 1м (сохранилась только топочная камера - ТК). Теплопроводные каналы (распределители тепла - РТ) в пределах тепловодно-разделительного блока (ТРБ)² располагались параллельно друг другу и перпендикулярно относительно центральной продольной оси горна. В обжигательную камеру (ОК) они открывались округлыми в плане продухами [3, с. 171]. Остатки специальных обжиговых устройств были открыты на поселении Баланды. На усадьбе №2 расчищены нижние части, по крайней мере, двух, прямоугольных в плане, обжигательных горнов, топочная камера которых была облицована поставленными на ребро квадратными сырцовыми кирпичами. Надо полагать, конструкция этих горнов была близка, или просто идентична конструкции двухъярусных прямоугольных горнов на городище Бабиш-Мулла I [4, с. 114-115; рис. на с. 137].

На поселении Бабиш-Мулла 7 раскопано 7 обжигательных керамических горнов. По конструктивным признакам выделяются два типа специальных обжиговых устройств.

Тип 1 – прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих газов. Площадь и размеры ТК явно меньше площади и размерам ОК. Большая часть продухов устроена в плоском перекрытии топочной камеры. К этому типу относится горн №1, два горна в мастерской №1 (горны №2 и №3), а также горн №5 в мастерской №2. От горна №6 в этой же мастерской сохранилась только

² Здесь и далее используются термины и названия предложенные А.А. Бобринским (См.: 5, 1991).

нижняя часть ТК, по этой причине о его конструкции нельзя сказать что-либо определенное.

Один из горнов этого типа (Горн №1) раскопан полностью, в результате чего удалось в деталях выявить характерные конструктивные особенности, присущие этому типу обжиговых устройств (рис. 2). Вход в топку, ориентированную по линии ССВ – ЮЮЗ был с юга. Это овальная в плане яма (1 x 0,64 м) устроенная в пахсовом массиве, которая почти вертикально опущена немного ниже уровня ТК, дно которой зафиксировано на отметках -132 – -127 от реперной точки. ТК была почти овальная в плане, при этом часть, обращенная к входу, была несколько уже, чем ССВ часть сооружения. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2 м. В ходе раскопок удалось достоверно установить, что крайние РТ, расположенные по периметру топочной камеры выходили из топки под углом по отношению к ее вертикальной оси. Таким образом, увеличивалась площадь ОК. Размеры ее определяются лишь приблизительно по крайним продухам. Как можно предполагать она была немногим менее 10 кв. м. – 3,6 x 2,7 м. Под обжигательной камерой зафиксирован на отметках -5 – -12 от реперной точки³. Он представляет собой плотную сильно прокаленную поверхность желто-красно-оранжевого цвета. На поверхности пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются РТ, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в обжигательную камеру, – 8-12 см. Как можно предполагать, они располагались в площади обжигательной камеры в четыре ряда. На уровне пода расчищено 16 продухов, но так как часть перекрытия топочной камеры обвалилось, можно предполагать, что их было больше, не менее 20 (рис. 2; А, I).

Стены топочной камеры шириной 0,7-0,8 м сложены из плотной пахсы. Нижняя часть топки была заглублена на 30-45 см от уровня древнего такыра, который в северо-западной части раскопа зафиксирован на отметках -100 – -107 от реперной точки (рис. 2; А, III). Таким образом, топка горна №1 возвышалась над древней дневной поверхностью, по крайней мере, на 1 м. Способ перекрытия ТК остается неясным. Можно с уверенностью говорить, что это был не свод; ни одного сырцового кирпича в процессе раскопок не обнаружено. Можно предполагать, что оно было плоским на деревянном каркасе. Об этом можно только догадываться по округлым в поперечном сечении отверстиям диаметром 7-8 см, которые хорошо прослеживаются в верхней части стенок топочной камеры. Возможно, это следы от горизонтальных жердей. Отметим, что следы деревянных жердей (5-7 см в диаметре), надо полагать, уложенных

³ За реперную точку принята поверхность такыра к западу от раскопа.

горизонтально отмечены и в стенах топочной камеры горна № 2 (Мастерская №1). Если это действительно так, то перекрытие топочной камеры можно реконструировать следующим образом. На стены топки укладывались деревянные жерди каркаса, которые переплетались прутьями. Затем эта конструкция тщательно обмазывалась толстым слоем глины с обеих сторон. В процессе эксплуатации горна глина обжигалась до состояния обожженного кирпича, а прутья и жерди выгорали. Аналогичный прием, применявшийся при сооружении перекрытия топки, зафиксирован в одном из горнов конца V-IV вв. до н.э. на поселении Саратепа 2, в окрестностях Самарканда, где в плоском перекрытии выявлены следы деревянной арматуры [6, с. 23].

Тип 2. К этому типу относятся два горна - №7 (мастерская №3) (рис. 3) и отдельно расположенный горн №4 (рис. 4). Оба двухъярусных обжигательных горна с прямым вертикальным ходом горячих газов раскопаны полностью. Основным отличием этих обжиговых устройств от горнов 1-го типа является форма ОК. В обоих случаях она круглая диаметром от 4,4 м (горн №4) до 5,2 м (горн №7). Можно осторожно предполагать, что стены ОК камеры горна №4 были сложены из сырцового кирпича. Во всяком случае, в северной части, на месте предполагаемого входа в ОК, расчищено несколько кирпичей размерами – 50×28×? см; 50×30×? см. Стены ТК построены на уровне материка из блоков пахсы высотой 45-55 см. Ширина стен – 0,6-0,8 м. Стены ОК горна №7 толщиной – 1,2-1,4 м сохранились несколько лучше. Они, также как и стены ТК, были построены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Массив пахсовой кладки был армирован деревянными жердями, которые разделяли пахсовые блоки. При зачистке горизонтальной поверхности сохранившейся части стен горна четко прослеживается два ряда пахсовых блоков, уложенных по периметру обжигательной камеры и разделенных деревянными жердями. Жерди диаметром или шириной 5-10 см четко прослеживаются по древесному тлену. Ширина пахсовых блоков 40-70 см. Кроме того, деревянные жерди укладывались и радиально (рис. 3: Б).

ТК в горнах 2-го типа, которые частично вырублены в материковом грунте, были овальными в плане. Следует заметить, что длина топки горна №4 почти в два раза превышает длину ТК горна №7. Высота топочной камеры, ширина которой у обоих горнов не превышала 0,8 м, от уровня пола до перекрытия – 1,3 -1,5 м. Есть основание полагать, что топка у горнов этого типа была перекрыта поставленными под углом на ребро прямоугольными сырцовыми кирпичами – «стрельчатый свод». Фрагменты оплавленных и обожженных сырцовых кирпичей отмечены на стенках и в заполнении ТК горна №4. Поставленными на ребро сырцовыми кирпичами были облицованы стенки входа в топку горна №4

(рис. 4: А). Подача горячих газов из топки в ОК осуществлялась через РТ, которые расположены параллельно или почти параллельно друг другу, но под прямым углом к центральной оси ТК. РТ начинались на высоте 70- 80 см от пола ТК и под углом отходили вверх, где открывались продухами на уровне пода ОК. В сохранившейся части пода ОК горна №4 расчищено 5 округлых в плане продухов диаметром 10-12 см (рис. 4), но их, несомненно, было больше. По всей видимости, один ряд продухов располагался по периметру вплотную к стене ОК. Можно предполагать, что в центре ОК было еще несколько продухов, которыми заканчивались вертикальные РТ устроенные непосредственно в центральной части перекрытия топки.

Перед входом в топочную камеру горна №4 обнаружены следы, надо полагать, ветрозащитного устройства. В небольшом приялке шириной 1 м и глубиной 35-40 см обнаружены две столбовые ямки диаметром 10-12 см (рис. 4: А). По всей видимости, это следы вертикальных стоек, на которые мог опираться щит закрывавший устье топочной камеры, который, кроме всего прочего, возможно, еще и прикрывал вход от ветра.

Два типа обжиговых устройств, описанных выше различаются, прежде всего, по конструктивным признакам: форма ОК и способ перекрытия ТК. Возможно как вариант, но не исключено, что и как отдельный тип, можно рассматривать остатки горнов открытых на городище Бабиш-Мулла 1. Так как от них сохранилась только топочная камера, форма ОК нам неизвестна. Можно только предполагать, что она была прямоугольной. Также о характере перекрытия ТК мы можем только догадываться. Есть основание предполагать, что топка, ширина которой менее 1 м, была перекрыта поставленными наклонно сырцовыми кирпичами [2, с. 171; 3, с. 24). Если это действительно так, то горны на Бабиш-Мулле 1 и, возможно, на поселении Баланды можно рассматривать как промежуточный тип обжиговых устройств.

Исследования поселения Бабиш-Мулла 7 однозначно дают все основания полагать, что на территории Нижней Сырдарьи в эпоху античности –III-II вв. до н.э. успешно функционировало крупное специализированное гончарное производство, расположенное в ближайшей округе столичного центра – городища Бабиш-Мулла. Памятник можно квалифицировать как специализированное ремесленное поселение.

Несколько подробнее следует остановиться на конструкции обжигательных горнов 1-го типа, открытых на поселении. Прямоугольные в плане горны, которые датируются последней третью I тыс. до н.э., не известны не только на территории Южного Приаралья, но и всей Средней Азии. Единственная историко-культурная область на Среднем Востоке,

где в эпоху античности использовалась прямоугольная двухъярусная конструкция – это Бактрия. Здесь прямоугольные обжигательные горны со сводчатым перекрытием топочной камеры появляются не ранее рубежа н.э., а до этого времени на территории области, также как и во всей Средней Азии, были только округлые двухъярусные обжигательные горны [7, с. 21-22; 8, с. 27). При этом следует заметить, что и у прямоугольных и у округлых в плане горнов камера была полностью заглублена ниже уровня древней поверхности. Горны, раскопанные на Бабиш-Мулла 7, являются уникальными по двум причинам. Во-первых, они, также как и, предположительно, на городище Бабиш-Мулла, были прямоугольными, или близкими к прямоугольным в плане. Во-вторых, топочная камера, в отличие от всех остальных среднеазиатских горнов III-II вв. до н.э., построена из пахсы практически на уровне древней дневной поверхности. Не вызывает сомнения тот факт, что прямоугольные двухъярусные обжигательные горны появляются в низовьях Сырдарьи уже как готовая, полностью сформировавшаяся конструкция, причем привнесенная извне. Во всяком случае, специальных устройств для высокотемпературного обжига керамики, которые можно было бы датировать до III в. до н.э., в низовьях Сырдарьи пока не обнаружено. Вся местная керамика сакского периода лепная и была обожжена в костре, или в открытом обжиговом устройстве.

Единственной, но отнюдь не прямой и весьма отдаленной территориально, параллелью горнам Бабиш-мулла 7 являются специальные обжиговые устройства, раскопанные в Западном Прикаспии, на территории Кавказской Албании. Они представляли собой двухъярусное прямоугольное в плане сооружение из сырцовых кирпичей. Топочная камера перекрывалась арочным сводом, опиравшимся на прямоугольные выступы на стенках топки. Здесь следует заметить, что стены топочной камеры, независимо от того, сооружалась ли она в специально вырытом котловане, или была немного заглублена в грунт, всегда строились из сырцовых кирпичей или пахсы. Самые ранние из этих горнов (Мингечаур) датируются III-II вв. до н.э. [9, с. 42-52]. Такая конструкция обжигательных горнов практически без изменений существовала и в более позднее время [10, с. 157-159].

Бабиш-Муллинские горны 2-го типа по конструктивным признакам очень близки горнами, раскопанными на городище Калалы-гыр 1 в Левобережном Хорезме, которые были устроены в цоколе крепостной башни уже давно запустевшего (или недостроенного) городища. Топочная камера была перекрыта стрельчатый сводом в виде двух наклонно поставленных и опирающихся друг на друга сырцовых кирпичей. Следует заметить, что такой же тип перекрытия прослеживается и у горна №4,

открытого на Бабиш-Мулле 7 и, возможно, на городище Бабиш-Мулла 1. Расположение РТ у горна №4 полностью соответствует конструкции ГРБ у горнов на городище Калалы-гыр 1 [11, с. 210]. Таким образом, горны на Калалы-гыр 1 являются практически полной аналогией горну №4 на поселении Бабиш-Мулла 7. Разница состоит лишь в том, что топка горнов на Калалы-гыр 1 вырублена в строительной конструкции (цоколь башни), а ТК горна на Бабиш-Мулле 7 лишь на треть заглублена в материковый грунт и стены ее целиком сложены из пахсы. Значительный хронологический разрыв между этими двумя объектами, который составляет минимум 400 лет (горны Калалы-гыр 1 по сопутствующему материалу датируются II-III вв. н.э.) не дает основание связывать их напрямую.

Начальный этап становления ремесленного гончарного производства в Низовьях Сырдарьи по своему содержанию весьма схож с таким же процессом в низовьях Амударьи. И в том и в другом случае это результат привнесенных на эти территории новых прогрессивных технологий. На территории Хорезма они появляются не позднее конца VII в. до н.э., видимо в результате инфильтрации каких-то групп населения и ремесленников из южных областей Средней Азии, в первую очередь из районов дельты Мургаба, уже недостаточно обводненной в это время. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует конструкция ранних хорезмийских горнов и комплекс керамики типа Яз II-III [12, с. 48-54; 13, с. 100-101]. На территории древней дельты Сырдарьи процесс становления гончарного производства, во всяком случае, учитывая имеющиеся в настоящее время археологические данные, во многом остается еще неясным. На основании анализа раннего керамического комплекса (нижние слои Чирик-Рабата, нижние слои Баланды 1) можно говорить о влиянии на гончарное производство Чирикратской культуры керамической традиции античного Хорезма. Но это касается, прежде всего, форм и типов сосудов. Не исключено, что и гончарный круг мог попасть в низовья Сырдарьи из Хорезма, хотя это и не обязательно. Намного сложнее вопрос о появлении на берегах Жаныдарьи двухъярусного обжигательного керамического горна. Как уже отмечалось выше на территории античной Средней Азии неизвестно даже отдаленных параллелей Чирикратским горнам 1-го типа. По этому поводу можно высказать лишь некоторые соображения.

В последней трети I тыс. до н.э. функционировал водный путь по Узбою, который через Каспий связывал Хорезм и области западного и юго-западного Прикаспия [14, с. 229-232]. В это же время функционировал торговый сухопутный путь из Хорезма в область древней дельты Сырдарьи. Об этом свидетельствуют находки импортных, не

только хорезмийских вещей, но и предметов из северного Причерноморья и Закавказья на памятниках Чирикратской культуры [15, с. 24-25]. Учитывая это обстоятельство, в качестве предварительной рабочей гипотезы можно предположить, что по этим торговым путям импортировались не только предметы роскоши, но и новые прогрессивные технологии и идеи. Возможно, именно с этим связано появление не позднее начала III в. до н.э. [16, с.29] далеко на Востоке, в низовьях Сырдарьи, совершенно новой производственной конструкции – двухъярусного прямоугольного обжигательного горна с прямым вертикальным движением горячих газов, не известного ранее не только в Приаралье, но и на всей территории Центральной Азии.

Список литературы:

1. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Памятники первобытного и античного времени. Материалы ХАЭ. Вып. 6. I. М., 1963.
2. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М.: ИЭА РАН. 1993.
3. Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. // Материалы к историко-этнографическому Атласу Средней Азии и Казахстана. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, том XLVIII. Москва-Ленинград, 1961.
4. Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р. Баланды (Буланды) – памятник античности. Алматы, 2013.
5. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
6. Иваницкий И.Д. Саратепе 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом. // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992.
7. Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла Северной Бактрии эпохи эллинизма). // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТЭ, вып. 2. Ташкент, 2001.
8. Болелов С.Б. Гончарные производства Бактрии античного периода. // Древние цивилизации на древнем Востоке. М., 2010.
9. Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура. // КСИИМК, XXIV. М.: Издательство АН СССР. 1949.
10. Халилов Дж. А. Археологически памятники I тыс. у села Худжбала в Азербайджанской ССР. // СА, 1965, №3.

11. Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ, том. IV. М., 1959.

12. Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма. // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент, 2004.

13. Болелов С.Б. Оазис среди песков (Древний Хорезм в системе трансконтинентальных и торговых связей во второй половине I тыс. до н.э.) // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук. Самарканд, 2017.

14. Болелов С.Б. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н.э. по археологическим данным. // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

15. Болелов С.Б. Древний Хорезм на перекрестке торговых путей во второй половине I тыс. до н.э. // Вестник истории литературы и искусства ОИФН РАН. Том X. М., 2015.

16. Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Поселение гончаров Бабиш-Мулла 7 в низовьях Сырдарьи (раскопки 2015 года). КСИА., №248. М., 2017.

Принятые сокращения.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции.

ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук Российской Академии Наук.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

ТЭ – Тохаристанская экспедиция.

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

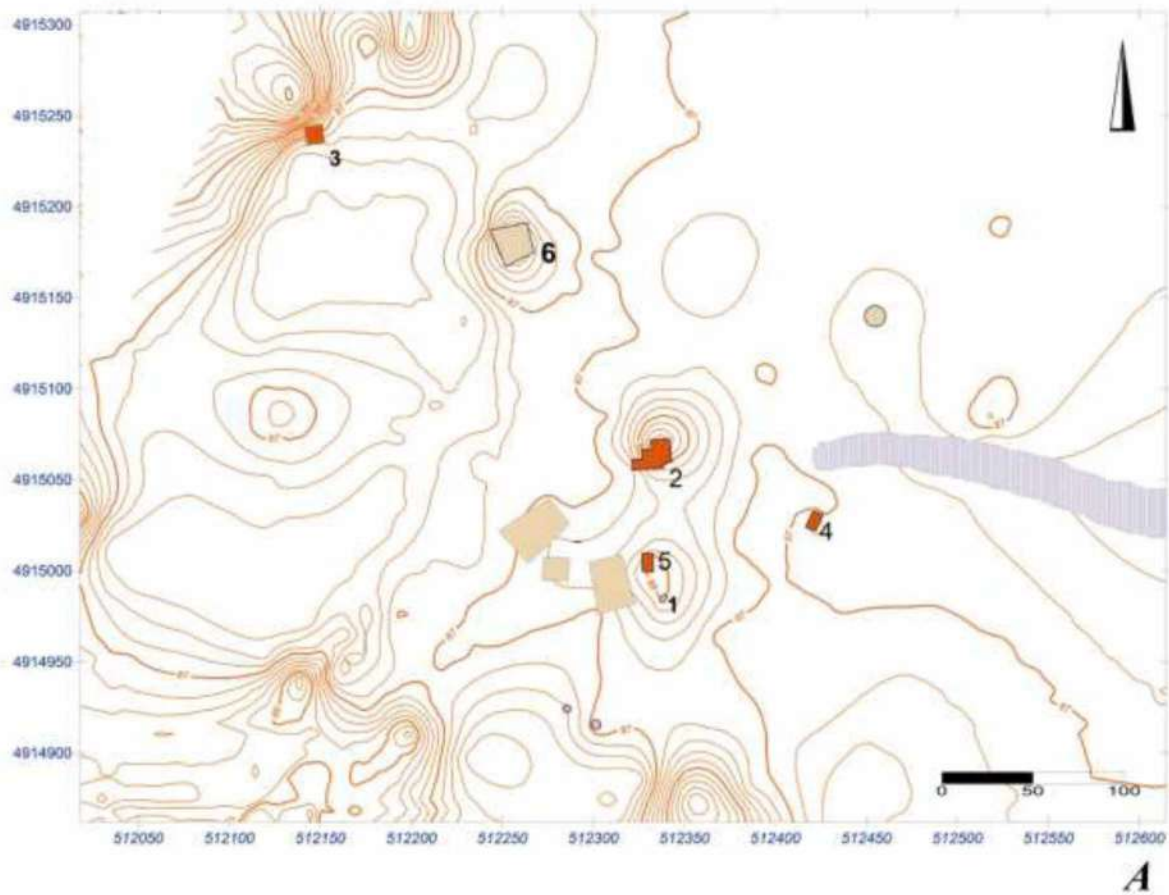
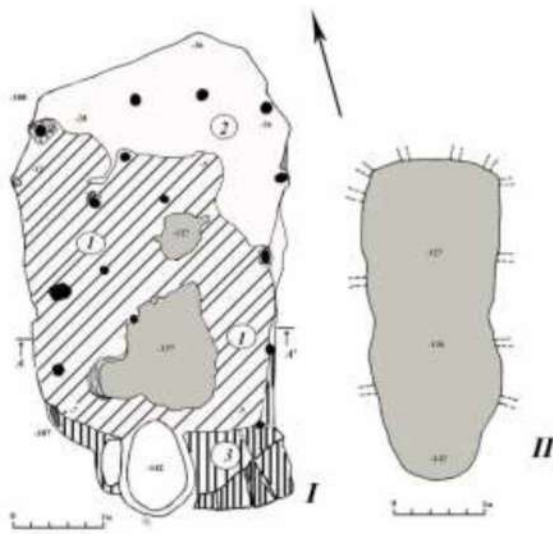

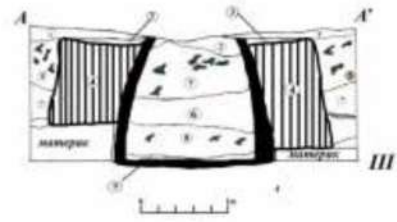
Рис. 1

Б

Условные обозначения.

- I.1* - прокаленная до красно-оранжевого цвета плотная поверхность пода обжигательной камеры.
- I.2* - обожженная до красного цвета глина.
- I.3* - пахса

Условные обозначения.

- III.1* - рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса)
- III.2* - слой плотной супеси серого цвета.
- III.3* - прокаленные до красна глиняные обмазки.
- III.4* - паховые стены
- III.5* - рыхлый комковатый сутлинок с большим кол-вом кусков керамического шлака.
- III.6* - глинисто-супесчаные натеки
- III.7* - плотная супесь серо-коричневого цвета
- III.8* - плотный комковатый сутлинок
- III.9* - слой золы и пепла с большим кол-вом древесных угольков.

A

Рис. 2

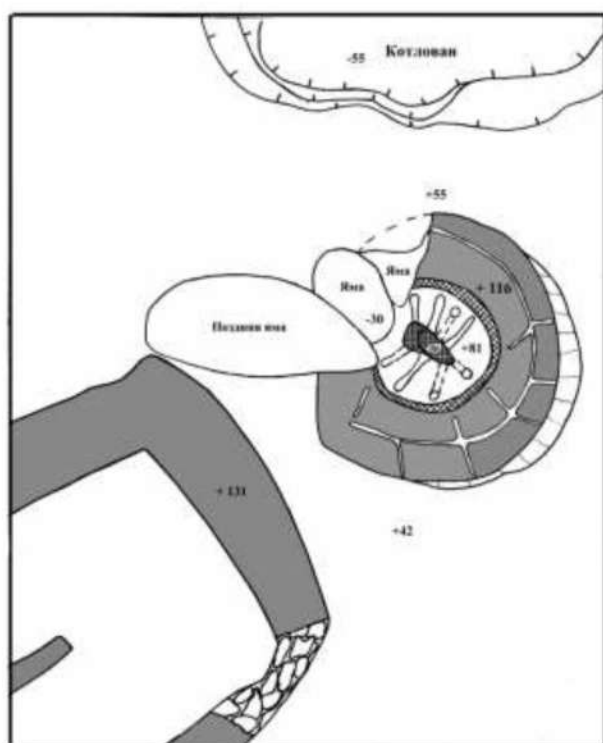
Б

А- горн №1. План и разрез топочной камеры.
 Б- горн №1. Фото, вид с юга.

**Бабиш-Мулла 7
Раскоп 6.**

A

Б

Условные обозначения.

- - пихса
- - бесформенные куски плотной глины (гувалки).
- - оплавленная до серо-зеленого цвета глина
- - проплавленная до красно-оранжевого цвета глиняная обмазка.

Рис. 3

**Бабиш-Мулла 7
Гора №4.**

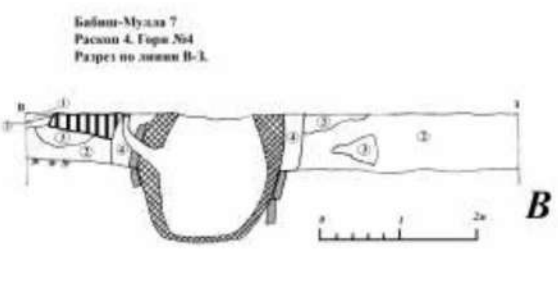
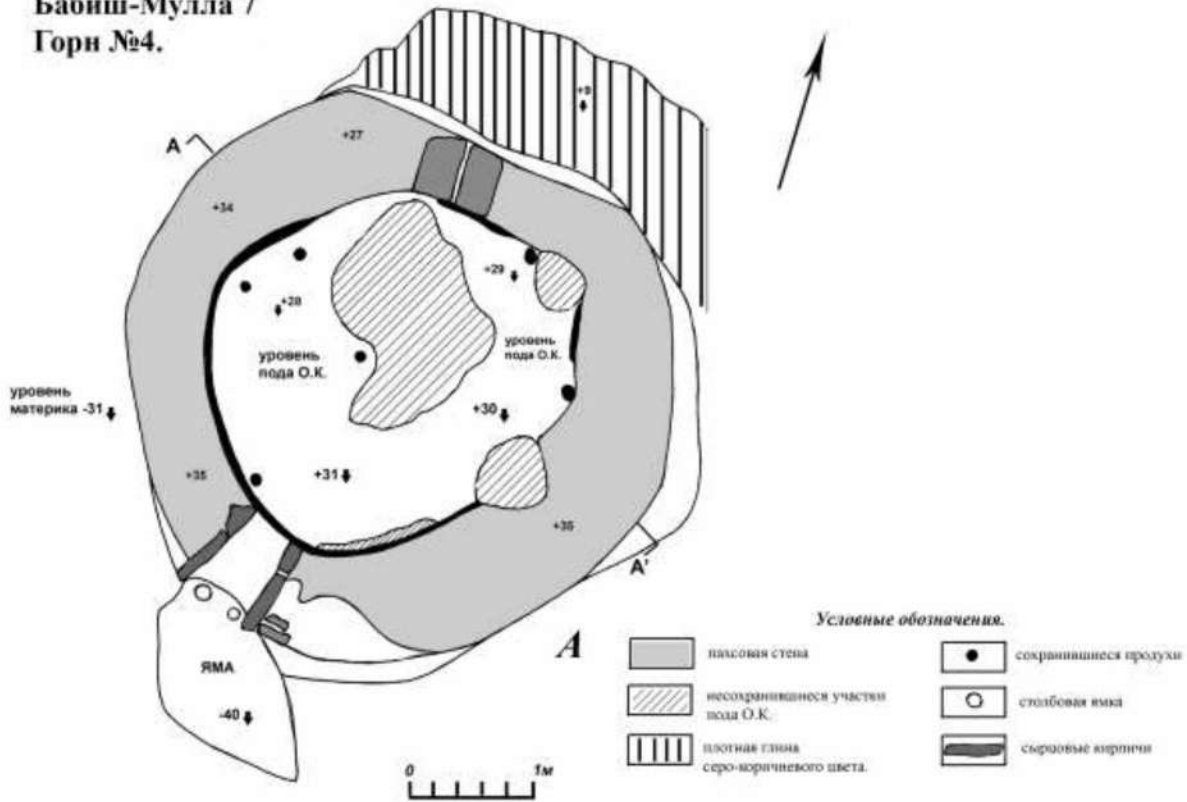

Рис. 4. Г

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В.

к.и.н., н.с.,

Институт археологии РАН, Москва

КАФЕДРА – НАЧАЛО ПОИСКА. КРЕПОСТЬ УЗУНДАРА

Мы поступили в Ташкентский государственный университет в 1987 году. Второго сентября в кабинете-музее кафедры археологии была дана вводная лекция Галиной Яковлевной Дресвянской. Вначале древние артефакты волновали куда как меньше, чем новые люди и сам преподаватель. Настоящий интерес к древним народам и их культурам проснулся в момент подготовки к экзамену по археологии уже в зимнюю сессию, а уж первая экспедиция КАТЭ в Кашкадарью окончательно предопределила выбор будущей специальности.

Кафедра археологии в те годы была в руках пяти очень разных, но объединенных настоящим служением науке, женщин: заведующей – Замиры Исмаиловны Усмановой, проф. Светланы Борисовны Луниной, доцентов Галины Яковлевны Дресвянской, Нины Петровны Столяровой и преподавателя Ольги Николаевны Лушпенко. В качестве лаборанта работал Александр Грошев, который естественно тянул нелегкий труд организационных забот по кафедральным экспедициям.

В первую очередь работа на кафедре была поставлена так, что мы студенты выкладывались на раскопках под палящим солнцем до искр в глазах. Полевые условия, камеральная обработка материала, сама дорога, все было организовано так, что не отвлекала от главного – мы постоянно учились и испытывали какую-то непостижимую любовь ко всему, что удавалось раскрыть из под толщ земли. Будь то, хорошей сохранности пахсовая стена или фрагмент терракотовой статуэтки с загадочным сюжетом. Южный Согд и раннесредневековый Кеш – были просто кладом самых разных и зачастую фантастических религиозных образов.

Лессовая пыль, мозоли на руках от лопат, медный загар и счастливый блеск в глазах объединяли всех. Жили мы в шипане колхоза «Шарк юлдузи», стоящем прямо среди хлопкового поля. Вечерами все собирались на ужин за общим столом, а гудящие в ночи электропровода, убегали в неизведанное, в черноту полей, в будущее, унося споры до хрипоты студентов и аспирантов в их страстной попытке открыть завесу давно минувшего прошлого.

В 1987 году у нас была одна из самых сильных и многочисленных групп на кафедре археологии, вместе с иностранными студентами было не меньше 14 человек. Много талантливых и серьезных ребят, но развал страны не пощадил большинство из них. Стать археологами из всего

курса суждено было только нам двоим. И путь был не легкий, спустя только 10 лет удалось начать археологические раскопки на легендарном бактрийском памятнике Кампыртепа под эгидой академика Эдварда Васильевича Ртвеладзе и совместно со старшими товарищами из Музея Востока, в первую очередь, с Сергеем Болеловым, который щедро делился своим опытом.

На гостеприимной земле Узбекистана прохладными вечерами собирались за общим столом на базе Тохаристанской археологической экспедиции в поселке Гагарин, и беседы о науке всегда перемежались с тревогой за судьбу нашей *almamater* – нашей кафедры археологии ТашГУ. Горстке удержавшихся в науке исследователей – задача сохранения выдающейся Среднеазиатской археологической школы, основанной Михаилом Евгеньевичем Массоном в 1940 году – казалась не мыслимо сложной и почти недостижимой. Ведь передать знания и привить любовь к истории Средней Азии – это только часть задачи, а как заинтересовать молодежь, которой нужно встать на ноги, не захлебнуться от безденежья и бесперспективности бытия простого археолога?

Хорошо помню 50-летие нашей кафедры в 1990 году. Оно проходило в большой аудитории истфака ТашГУ, зал был переполнен. А мы, как желторотые юнцы с замиранием разглядывали легендарных всемирно известных и заслуженных археологов, которых собралось много более полсотни! Богата наша кафедра именами, за которыми стояли открытые древние культуры и даже цивилизации, десятки томов трудов крупнейших в мире экспедиций: Б.А. Литвинский, В.М. Массон, О.В. Обельченко, Е.А. Давидович, В.И. Сарияниди, Ю.Ф. Буряков, З.И. Усмановой, С.Б. Лунина, Г.В. Шишкина, Э.В. Ртвеладзе, Р.Х. Сулейманов, В.П. Пилипко, Ш.Р. Пидаев, А.С. Сагдуллаев – и это малая часть выпускников только старшего поколения. Конечно, такая Школа возможна только при соответствующего уровня державе, вкладывающей огромные средства и в науку, и в образование, и в подъем молодых специалистов.

За последние десятилетия многое изменилось, но для нас осталась неизменной задача сохранения Среднеазиатской археологической Школы. Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН (БО САЭ ИА РАН) за это время вырастил своих специалистов, готовит магистрантов и аспирантов. Но главным образом БО САЭ ИА РАН вложил все свои силы в исследования уникального памятника – эллинистической крепости Бактрии Узундара⁴.

⁴ С 2013 года российско-узбекские исследования ведутся совместно с Институтом искусствоведения АН РУз (с сотрудниками Тохаристанской археологической экспедицией под эгидой академиком Э.В. Ртвеладзе, а также при содействии директора Института искусствоведения Ш.Р. Пидаева).

Необыкновенно трудный и столь же красивый памятник – стал точкой притяжения и опорой для роста молодых специалистов. Благодаря богатству материала и его уникальности – он позволял охватить важнейшие вопросы истории и археологии не только эллинистической Бактрии, но и среднеазиатского региона в целом. Работы на этом памятнике ведутся выпускниками кафедры археологии ТашГУ, их учениками и коллегами из разных организаций по принципам, заложенным Среднеазиатской школой археологии, и мы не теряем надежды внести свой вклад в сохранение научных принципов своей *almamater*, «дабы свеча не погасла!».

Узундара – крепость эллинистического периода (III-II вв. до н.э.), на горе Сусизтаг Байсунского р-на Сурхандарьинской обл. Названа по одноименному ущелью Узундара, на краю которого расположена. Была открыта в 1991 году академиком АН РУз Э.В.Ртвеладзе. Стационарные исследования впервые были начаты совместной Российско-Узбекистанской экспедицией в 2013 году (Институт археологии РАН и Институт искусствознания АН РУз) и продолжаются поныне.

Крепость средней сохранности, разрушается в следствие высокогорного выветривания, схода сезонных селей и осадков.

Археологическими раскопками за период с 2013 по 2019 год полностью исследована цитадель крепости (2860 кв.м). Сохранился весь первоначальный архитектурный план. Мощность культурных напластований достигает 4 м. Сохранность стен в высоту до 3,5-4 м.

Выделяются селевкидский (первая половина III в. до н.э.) и греко-бактрийский периоды (вторая половина III в. до н.э.- первая половина II до н.э.).

Общая площадь крепости составляет около 2 га, протяженность крепостных стен более 1 км.

Крепость состоит из основного четырехугольника ромбовидной формы, цитадели подтреугольной в плане, укрепленных не менее чем 11 башнями, двух отрезков выносных стен и трех выносных башен. Вблизи восточной крепостной стены за пределами памятника выявлены «торговая площадка» и место боестолкновения. Памятник расположен на высоте 1650 м над уровнем моря и вписан в сложный горный рельеф между урочищем Кара-Камар и ущельем Узун-Дара. Перепад высот между объектами крепости достигает 80 м.

Крепость построена в основном из колотого камня небольших размеров на глиняном растворе. В фундаментных частях некоторых объектов на цитадели использовались крупные каменные блоки. Западная стена крепости и юго-западная крепостная стена цитадели двойные с внутрискладчатой стрелковой галереей, общей мощностью до 9 м.

Георадарные исследования подтверждают наличие двойных стен на всей крепости. Входные ворота на крепость предполагаются в нижней точке восточной крепостной стены.

Крепость Узундара является важным узлом в системе, связанных с ней более чем двух десятков фортификационных укреплений, в том числе, Бактрийской стеной (Дарбанд), перекрывавших северо-западный угол территории Бактрии в селевкидское и греко-бактрийское время от угроз кочевников.

Цитадель расположена на вершине отдельно стоящего холма, имеет под треугольную в плане форму. Своим северо-западным углом она стыкуется с остальной частью крепости. По первоначальному плану имелся проход через галерею восточной крепостной стены, ведущий из крепости в цитадель. Позднее он был полностью заложен. В этот период вход мог располагаться между западной и первой северной башней цитадели.

В центре архитектурного плана цитадели здание (Скальный комплекс) – с двумя объемными подвалами. Один из двух подвалов прямоугольный в плане имел сложную конструкцию и был целиком выбит в скальной породе (размером 10x5x4,5м). Стены и пол подвала 1 были покрыты сеткой желобов, разбивавших поверхность на прямоугольные секции разных размеров. В них крепился деревянный каркас из фисташника (порядок Sapindales, семейство Anacardiaceae, род Pistacia), найденного в виде обгорелых плах на полу *insitu*. Каркас использовался для крепления свинцовых пластин размером не менее 70x60 см, которыми была покрыта вся поверхность подвала. Таким образом, этот подвал выполнял функцию хранилища, по всей видимости, льда. Второй подвал овальный в плане, выполнен в комбинированной технике с подружкой скалы, возведением стен из каменных блоков и колотых камней на глиняном растворе (размером 13 x9,7x2,6м). Оба подвала с трех сторон опоясаны стенами здания, возведенными из колотого камня на глиняном растворе. Вокруг Скального комплекса были устроены площадки и дворы. Для этого природная поверхность скалы выравнивалась подсыпкой грунта.

По всей видимости, здесь жил фрурах (др. греч.-τὸφροῦραρχος (ед.ч.)) - комендант или начальник всей крепости. Он управлял крепостью- фрурионом (др. греч.-τὸφροῦριον (ед.ч.)). Здесь же содержались основные запасы провианта, денежного довольствия и воинского снаряжения.

К крепостным стенам изнутри по периметру примыкал ряд хозяйственных и жилых помещений (всего 12). Фортификация включала, крепостные стены, три угловые башни и две башни на северной

крепостной стене с выносными стенами. Крепостные стены на юго-западной стороне, обращенной к ущелью Узун-дара (в сторону предполагаемого противника) - двойные, в виде стрелковой галереи, разделенной на три секции. Вход в каждую из которых вел изнутри цитадели через три калитки. Общая мощность стен составляла до 8,5 м. Хорошо сохранившийся участок этой стены, открытый в северо-западном углу, имел высоту более 3,8 м, что не исключает возможность второго этажа. Здесь же в хорошо сохранившейся внешней крепостной стене были впервые обнаружены девять стрелковых бойниц, предназначенные для ведения подошвенного боя.

Коллекция индивидуальных находок насчитывает более 2000 предметов. Они дают яркую иллюстрацию жизни и быта воинов пограничного гарнизона на территории Бактрии с III - по середину II вв. до н.э.

Уникальная нумизматическая коллекция насчитывает более 200 монет с археологическим контекстом. К наиболее ранним селевкидским относятся две серебряные драхмы посмертного выпуска Александра Македонского, чеканенный в период 310–301 гг. до н.э. в малоазийском полисе Лампсак. Однако наибольшее число найденных монет - медные, в том числе, очень мелкого номинала, такие, как гемихалк Антиоха I. Монетами этого правителя датируются нижние слои цитадели Узундары, которые были обнаружены в стратиграфических условиях. Широко представлены также монеты почти всех царей Греко-Бактрии самых разных номиналов. По количеству чекан Евтидема значительно превосходит монетные находки всех остальных царей (79 экз.).

Объемный корпус воинского снаряжения насчитывает более 500 наконечников стрел и дротиков, арбалетных болтов, втоки, ядра пращи и ядра для метательных снарядов, фрагменты защитного вооружения (шлемов и доспехов).

Архитектурный декор в виде крупных терракотовых панелей с горельефными изображениями геральдического плана, шлифованные облицовочные плиты, фрагменты от двух керамических ванн, граффити на сосудах, костяные стилусы, ювелирные изделия в виде браслетов и железных перстней, фрагментов венцов и пр.

Керамический комплекс демонстрирует характерные для Бактрии и сопредельных регионов формы, такие как полусферические и цилиндрикоконические кубки, ритоны, крупную тарную посуду в виде хумов и хумчей, крупные миски – тагора, лепные котелки. В основном посуда изготовлена на гончарном круге. Однако в этом комплексе играют значительную роль формы греческой посуды: чаши-фиалы, тарелочки или «рыбные блюда», узкогорлые кувшины с ручками, в том числе, с

налепами под ними в виде женских протом, амфориски, кратеры, солонки, пиксиды, «мегарские чаши».

Военный гарнизон крепости Узундара не вел хозяйственной деятельности. Проведенные археозоологические исследования подтвердили возможность непродолжительной передержки скота, который, видимо, поставлялся в гарнизон в качестве живого провианта.

Обнаруженный во время планшетных сборов участок со следами боестолкновения за восточной крепостной стеной, где были обнаружены сотни стреляных наконечников стрел, говорит о вероятном захвате крепости и обходе ее с тыла с восточной стороны.

О материальной культуре, типологии и планировке поселений, крепостей конца IV - перв.пол. III вв. до н.э. на территории Бактрии мы имеем отрывочное представление. В настоящее время эллинистические слои Средней Азии и Афганистана практически не дробятся хронологически и соответственно не создаются объективные условия для решения важнейших вопросов и выявления закономерностей развития восточного эллинизма на огромном пространстве к востоку от Иранского нагорья.

В результате раскопок на крепости Узундара был получен объемный и хорошо датированный как стратиграфией, так и нумизматическим комплексом материал, позволяющий подойти к созданию дробной шкалы древностей Бактрии эллинистического периода, в том числе, к разработке дробной керамической шкалы, которая позволит отделять селевкидский период (п.пол. III в. до н.э.) от периода Греко-Бактрийского царства (2-ая пол. III в до н.э.), а также позволит выделить поздний греко-бактрийский этап накануне разгрома кочевыми племенами (середина II в. до н.э.).

Основное место хранения находок – Институт искусствознания АН РУз (Ташкент), незначительная часть крупногабаритных вещей и керамики передана в Археологический музей города Термеза, а также Караван-Сарай культуры Икуо Хироямы (Ташкент).

Историография исследования крепости Узундара:

Бельш О.В. Фортификационная система на северо-западной границе Бактрии // КСИА 259. М. 2020

Горин А.Н., Двуреченская Н.Д., Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 11. Ташкент. 2018.

Двуреченская Н.Д. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // Проблемы истории, культуры, филологии. №1. 2015. Издательство Магнитогорского государственного университета.

Двуреченская Н.Д. К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара) // КСИА. № 251. 2018.

Двуреченская Н.Д. Декор керамической посуды Бактрии эллинистической эпохи // San`at. Журнал академии художеств Узбекистана. №1. 2017. Ташкент.

Двуреченская Н. Д. Культура купания и ваннных комнат в эллинистической Бактрии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 256. 2019. М.

Двуреченская Н.Д. Эллинистическая крепость Узундара на северной границе Бактрии // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое. ИА РАН. М. 2019.

Двуреченская Н.Д. К вопросу о северной границе Бактрии // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского. Москва, 16–18 апреля 2018 г. М. 2019. с.99-113.

Двуреченская Н.Д. Исследования эллинистической крепости Узундара в Узбекистане // Археологические открытия 2018. М. 2019.

Двуреченская Н.Д., Горин А.Н. Монеты Александра Македонского из крепости Узундара // Нумизматика и эпиграфика, том XX. 2018.

Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. Монеты из крепости Узундара // Scripta Antiqua Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т V. М. 2016.

Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. Монеты из крепости Узундара (по результатам работ 2015 г) // Вестник истории, литературы, искусства. Т.12. 2017.

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Морозов П.А., Гладченков А.А. Георадарные исследования крепости Узундара // Древние памятники, культуры и прогресс. М., 2020.

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Двуреченская Т.О., Гладченков А.А., Шейко К.А. Новые открытия фортификационных сооружений на северо-западе Бактрии, Узбекистан, в 2016–2018 гг. // Археологические открытия 2018. М. 2020.

Двуреченская Н.Д. К вопросу о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху // Формирование историко-культурных областей Центральной Азии и проблемы этнической географии. Ташкент, 2018.

Двуреченская С.О. Предварительные итоги изучения остеологической коллекции из раскопок цитадели военной крепости Узундара // КСИА. 259. М.2020.

Двуреченская Т.О. Типология керамических фляг Бактрии IV–II вв. до н. э. // КСИА. 259. М.2020.

Двуреченский О.В. Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара//КСИА. Вып. 248. М. 2017.

Двуреченский О.В., Двуреченская Н.Д. Железные наконечники стрел крепости Узундара III-II вв. до н.э. // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура, Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского. Москва, 16–18 апреля 2018 г. с.114-125.

Двуреченский О.В. Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара // КСИА. №248.: ИА РАН, 2017.

Ртвеладзе Э.В. Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства//Маскан. Архитектура, строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. 1992. № 5,6. Ташкент. С.4-5.

Ртвеладзе Э.В., 2002. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане / Отв. ред. А.С. Сагдуллаев. Ташкент: MediaLand. 183 с.

Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. Монетные находки из крепости Узундара// Монетные находки с крепости Узундара/ Краткие сообщения института археологии. 2014. № 233. М.

Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д. Узундара - эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.)// O`ZBEKISTON ARXEOLGIYASI. 2015. №2. Самарканд.

Подписи к фото.

1. Эллинистическая крепость Бактрии - Узундара. Вид с северо-востока.
2. Вид сверху на цитадель крепости Узундара по итогам исследований 2018 года.

Рис. 1

Рис. 2

Гюль Э.Ф.
*профессор, доктор искусствоведения,
Институт искусствоведения Академии наук
Республики Узбекистан*

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ СОГДИЙСКИХ САМИТОВ

Согд, древняя историко-культурная область в восточном междуречье Окса (Амударьи) и Яксарта (Сырдарьи), сыграл важнейшую роль в развитии глобальной торговли по трассам Великого шелкового пути. Основным товаром в этой торговле был шелк. Общепринято, что старт производства собственного шелка в Средней Азии, в том числе на территории Согда, приходится на конец IV–V вв. Историк текстиля А. Иерусалимская считала, что «согдийский центр шелкоткачества начал работать позднее других крупнейших шелкоткацких очагов Ближнего Востока и Византии: первые сведения о нем относятся лишь к VI в.» (без указания источника этих сведений)[3, с. 7]. В Иране шелкоткачество было налажено во время правления Шапура II – 309–379 гг., в Александрии – с V в. В VI в. жаждущие наживы странствующие несторианские монахи привезли грены шелковичных червей в Византию, и при Юстиниане I шелкопрядение становится монополией государства. Здесь же, в Византии, совершенствуются приемы ткачества, позволяющие создавать полихромные шелка с богатым декором – так в VI в. появился новый вид шелковой ткани – самит [4, с. 115].

В дворцовых росписях раннесредневекового Афрасиаба представлены великолепные образы персонажей, облаченных в шелковые одежды с характерными, сразу узнаваемыми узорами. Однако утверждение, что на территории Согда в рассматриваемый период было налажено собственное культивирование шелкопряда и производство шелковых тканей самит, до сих пор подвергается сомнению. Впервые важный вклад в изучение этого вопроса и формирование мнений о нем был внесен историком текстиля Дороти Шеперд, которая обнаружила чернильную надпись на фрагменте из Юи, и лингвист Вальтер Бруно Хеннинг, огласивший ее содержание: «...длина 61 пядей занданечи...»[5, 14] (селение Зандана под Бухарой славилось как место производства замечательного текстиля). Спустя время надпись была изучена другими специалистами и прочтена заново, что и повлияло на формирование противоположной точки зрения. Английские ученые Н. Симс-Вильямс и Дж. Кан возвращаются к прочитанной Хеннингом надписи и заявляют: надпись на шелковом фрагменте из Юи является арабской и не содержит в себе термин «занданечи»[5, с. 15].

Так производились ли полихромные самиты в Согде в период IV–VIII веков? Дать ответ на этот вопрос довольно сложно в силу практически полного отсутствия сохранившегося полихромного материала раннесредневекового времени на территории Узбекистана. Тем не менее, можно рассмотреть несколько доказательств в поддержку идеи собственно согдийского шелкового производства.

Один из доводов в пользу согдийского шелкоткачества – археологический. Фрагменты шелковых тканей II века были обнаружены в могильниках Термеза и на Кампыртепа (Сурхандарья), – хоть и не в Согде, но в соседней историко-культурной области – Бактрии. Эти ткани грубоваты – имеют неравномерную толщину пряжи, почти некручёные нити, что наталкивает на мысль о их местной выработке. В этой связи бактрийский шелк вполне можно рассматривать как косвенный аргумент, подтверждающий, что выращивание шелкопряда и производство тканей из него практиковалось и в Согде. В свою очередь, многочисленные находки предметов, относящихся к ткацкому ремеслу – грузила, костяные гребни для упорядочивания нитей и пряслица – при раскопках согдийских городищ подтверждает развитие шелкоткачества уже в самом Согде[2, с. 134]. Фрагменты шелковой ткани VI–VII вв. из Мунчактепа, Наманганская область, представлен в экспозиции Государственного музея истории Узбекистана; декор не читается.

Отстаивая версию согдийского шелкоткачества, можно обратиться и к художественному анализу ряда самитов. Согдийцы, опытные торговцы, много путешествующие и весьма космополитичные в своих взглядах, могли с легкостью адаптировать ходовые сюжеты для собственного шелкоткачества, внося в них изменения в соответствии с собственными вкусами. Именно эти детали и могут служить доказательствами в пользу согдийской версии. Некоторые рисунки животных перекликаются с образами на согдийском серебре. Меньший медальон, помещаемый между основными кругами с перлами, имеет форму, типичную для главного символа искусства степи – равностороннего креста с завитками рогов на концах, что можно расценивать как проявление социального заказа тюрок, отраженного в согдийских самитах. На основании художественного анализа группы тканей есть основания считать, что их все же можно идентифицировать как согдийские. Ряд подобных доводов в свое время приводили также А.М. Беленицкий и И.Б. Бентович[1, с. 66]; эта же линия доказательств находит свое продолжение в наших исследованиях. Таким образом, можно утверждать, что шелкоткачество было неотъемлемой частью согдийской культуры. Отсутствие сохранившегося, дошедшего до наших дней материала могло быть связано с рядом факторов. Во-первых, это объективно плохая сохранность текстиля. Во-вторых, на самитах была изображена зороастрийская символика и потому такого рода ткани могли уничтожаться в ходе арабского завоевания. Наконец, после прихода ислама на какое-то время, как минимум на период до распада Халифата, шелковое производство и вовсе прекращается, что было связано с религиозными запретами. Так, Наршахи (X век) упоминает о тканях занданечи, которые были исключительно хлопковые.

В целом тема согдийского шелкоткачества нуждается в дальнейших исследованиях.

Список литературы:

1. Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи») // СА. М., 1961. №2. С. 66–78.
2. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. М., Наука, 1973.
3. Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. // Средняя Азия и Иран. Под ред. Иванова А.А., Сорокина С.С. Л., Аврора, 1972. – С. 5–57.
4. Орфинская О.В. Рождение и смерть шелковой ткани самит. *Stratumplus*. №5. 2017. С. 337–346.
5. Shepherd D. and Henning W.B. Zandanījī Identified? / *Aus der Welt der Islamischen Kunst: Festschrift für Ernst Kühnel zum 75. Geburtstag am 26.10.1957.* – Berlin, 1959. – pp. 15–40.

Матбобоев Б.Х.

т.ф.д., профессор,

*Ўзбекистон Республикаси ФА МАМ
Самарқанд Археология институти*

МИНГТЕПА ВА ҚАДИМГИ ФАРҒОНА ДАВАНЬ ШАҲАРСОЗЛИГИ ВА ДАВЛАТЧИЛИГИ ИЛК БОСҚИЧЛАРИ

Қадимги Фарғона Бактрия, Сўғд, Хоразм каби Туронзаминнинг йирик тарихий-маданий ўчоқларидан бири ҳисобланиб, умумбашарият маданиятига кўшган муносиб ҳиссаси туфайли “Фарғона цивилизацияси” деган ном остида жаҳон тарихига кирган.

Водий худудида айниқса унинг шарқий қисмида яъни Қорадарёнинг юқори ва ўрта оқимларида илк деҳқончилик ва дастлабки шаҳарсозлик ёдгорликлари кўплаб қайд этилган ва археологлар томонидан яхши ўрганилган [3, С. 50-57].

Ёзма манбаларда хусусан антик давр муаллифларида Фарғона водийси тўғрисида деярли маълумотлар учрамайди. Фақатгина баъзи маълумотлар Хитой йилномаларида қайд этилиб, уларда Фарғона водийсида 70 дан ортиқ катта-кичик шаҳарлар мавжудлиги айтилиб Эрши, Ючен, Гуйшуань (Гуйшан) шаҳри номлари келтирилади [2, С.149].

Хитой йилномаларида Эрши шаҳрига кўп тўхталадилар. Археологлар Андижон вилоятидаги Мингтепани тарихий Эрши билан

қиёслайдилар. Бу ёдгорлик таркибий жихатдан ички (ўрта шаҳар) ва ташқи шаҳарлардан иборат бўлиб, арк қолдиқлари ички шаҳарда жойлашган ва уни марказий қисми сақланган ҳалос. Хитой манбалари хабар берган Эрши - «ўрта шаҳар» қолдиқлари [5, С. 110-124; яна қаранг: 6] фақат Мингтепада сақланган (майдони 40 гектардан зиёд). “Ўрта шаҳар” икки қатор кучли мудофаа деворлари билан ўралган, улар археологик жихатдан қайд этилган. Ички шаҳарнинг мудофаа иншоотлари тўла сақланган: 1952 йилдаги маълумотга асосан ғарбий ва шарқий деворда 20 тадан, жанубда 6 та, шимолда 12 та кузатув миноралари (буржлари) сақланиб бизгача етиб келган [1, С. 228-230].

2011 йили самодан олинган суратлар таҳлил этилганда Мингтепа ички шаҳрини режаси тўғри тўртбурчакли эмас, балки параллеллограмма кўринишдаги эканлиги аён бўлди. Бу нарса нафақат Мингтепа режасига эмас, балки уни ўрганиш билан боғлиқ муаммоларга ҳам ўзгартиш киритиши шубҳасиз. Чунки у кўплаб белгиларига кўра илк темир даврининг энг йирик ёдгорлиги Эйлатон қадимги шаҳри режаси билан ўхшашлик томонлари кўзга ташланади. Бу нарса Мингтепани даврий жихатдан бир оз қадимги даврга қадимийлашиши мумкинлиги учун янги далил бўлади. Чунки ҳар икки шаҳар ўхшаш режа билан бир даврда бунёд этилган бўлиши мумкин.

2015-2017 йиллари Ўзбекистон-Хитой қўшма археологик экспедицияси иккинчи ташқи девор ўрамини тўрт томонида 500 гектар майдонни хитойликлар махсус асбоби Тань чань (санчқич) ёрдамида синчиклаб ўрганиб чиқилди. Натижада Мингтепани ташқи мудофаа деворлари қолдиқлари қайд этилди. Кўҳна шаҳарнинг иккинчи ташқи мудофаа билан девори химояланган майдонни 272 гектар эканлиги аниқланди.

Ички шаҳарни химоялаган биринчи мудофаа девори тизими бўйича ҳам янги маълумотлар қўлга киритилди. Юқорида таъкид этганимиздек, ғарбий мудофаа деворининг ўрта қисмидаги (9 ва 10 миноралар оралиғи) қазишмада энг қадимдаги (милоддан олдинги IV-III асрлар) мудофаа девори тўғрисида маълумотлар олинди. Деворнинг қалинлиги: қуйида 5.45 м, юқорида 4 м., баландлиги 6м. Шаҳар мудофаа тизимининг таянч бўғинларига катта эътибор қаратилган. Милоддан аввалги IV-III асрларда маданий қатлам устига қурилган энг қадимги мудофаа деворига тиркаб кўшдевор ва кузатув миноралари тикланган. Миноралар жуда маҳобатли бўлган: улар энг қадимги девордан 10 метр туртиб чиққан, минора узунлиги 18 метр. Икки марта қилинган қайта қурилишлар натижасида мудофаа деворининг умумий қалинлиги (қуйида) 7,3 метрга, юқоридагиси 4 метрга, баландлиги 6 метрга борган. Бундай маҳобатли химоя девори ва тўғри тўртбурчакли миноралар водийни бошқа бирор ёдгорлигида ҳали

аниқланган эмас. Тўғри тўртбурчакли миноралар водийда илк бор Эйлатон шаҳар харобасида пайдо бўлади (мил авв VI-III асрлар) ва вақт ўтиши билан мукаммалаша боради. Шаҳар дарвозаларига келсак, бизнингча Мингтепани камида уч томонида дарвозалар бўлиб, улардан марказий дарвоза 9- ва 10-миноралар оралигида жойлашган бўлиши керак. Шундай қилиб ғарбий мудофаа тизимидаги қазилмада икки томондан узунчоқ хоналардан иборат буржлар (миноралар) билан кучайтирилган дарвозахона тизими очилди. Бу тизим Марказий Осиё ва Хитой антик ва ўрта асрлар шаҳарларида қайд қилинган (Хитойнинг Лоян, Чан-ан каби тарихий шаҳарлари).

Ёдгорликни марказий қисмидаги қазилмада узунлиги 30 метрча, эни 140-170 см тошйўлак шимол жануб йўналишида тозалаб очилди. Мазкур кўчада 2-4 та суворий отликлар ёки “Кўкөн араваси” бемалол юрган. Майда тош тўшалган бундай кўча Мингтепа жанубидан ҳам аниқланди. Ушбу қазилмадан асосан йирик ҳажмдаги идишларни парчаларини ва хумларни топилиши мазкур қисм ишлаб чиқариш билан боғлиқ бўлиши мумкин ҳамда улар санаси эрамиз бошларига тўғри келади деган хулосани беради. Ишлаб чиқариш тери ишлаш (кўнчилик) ёки тўқимачилик соҳалари билан боғланган бўлиши мумкин. Чунки хумлар (7 та) остки қисми ер остига қовлаб бир тизимда ўрнатилган ва хумлар атрофи махсус лой - қир (турпок, қамиш кули ва оҳак аралашмаси) билан ўралган (гидроизоляция қилинган). Мутахассислар фикрича мазкур ошхона идишлари эрамиз бошларига тўғри келади. 1946-1952 йиллари текширувлар пайтида Мингтепада баландлиги 2 метргача борган шундай идишлар топилган. Топилмаларга асосан қазилма ўрнида очиқ осмон остидаги ишлаб чиқариш пункти бўлган деган хулосани айтиш мумкин. Мазкур топилмалар эҳтимол Хитой манбалари тилга олган вино ишлаб чиқариш билан боғлиқ бўлиши керак. Яъни улар хабарича Фарғона водийсида узум етиштириш ривожланган ва бадавлат оилалар бир неча минг дань (литр) вино сақлаганлар [2, С. 165-176]. Ҳатто манбаларда тилга олинмишича Хитой императорининг “Путаогун” (узум саройи) деган машхур саройида юқори мартабали меҳмонлар қабул қилинган. Айнан мазкур саройда Фарғона водийсидан келтирилган узум кўчатлари парвариш этилгани хақида маълумот бор.

Қазилмаларда моддий маданият намуналари кўплаб топилди (кулолчилик, темирчилик, тоштарошлик, тўқимачилик соҳаси намуналари). Мингтепадан топиб ўрганилган ашёвий топилмалар асосан зироатчилик ва хунармандчилик билан шуғулланиб келган қабилаларига тегишли бўлган.

Кўчманчи чорвадорлар хақидаги археологик ва этнографик материалларни ҳисобга олган ҳолда айтиш мумкинки, атрофдаги

кўчманчилар нотинчлик пайтида ташки шаҳарда вақтинча тўхтаганлари бўлиши мумкин. Демак. Мингтепани ички шаҳрида ўтроқ аҳоли уй-жойлари, ташки шаҳарда кўчманчилар юрталари бўлган. Давань хукмдорларидан бири Мугуа сак зодагонларидан бири бўлгани ва давлат бошида кўчманчи аҳоли вакили тургани ҳам кўшимча далил бўлади. Таъкид жоизки, худди Мингтепа шаҳар харобасидаги каби таркибий тузилишга эга ёдгорликлар водийни ўзида (Эйлатон ёдгорлиги) ва Қашқадарёда (Калаи Зохаки Марон ёдгорлиги) учрайди.

Мингтепа бизни фикримизча “катта шаҳар”(Хитойчада “*дао чэн*”) типдаги шаҳарлар қаторига киради. Хитой манбалари хабарича Даванда икки қатор ҳимояланган шаҳарлар бўлган [6, С. 108-118]. Ҳозирда олиб борилган археологик натижалар Мингтепани ана шундай шаҳарлар қаторига киритишга асос бўлади. Мингтепани Фарғона тарихидаги мақоми масаласи хали узил кесил хал бўлгани йўқ. Бу масалани чигалашадиган бир томони бор, сабаби бирорта Хитой манбаларида бошқа бирорта давлатни пойтахти деган термин учрамайди. Таъкид жоизки, Хитойликлар *Гинши* термини билан ўз давлатлари пойтахтларинигина тушинадилар. Бошқа давлатлар пойтахтларини *ду* яъни резиденция (қароргоҳ) дейдилар. Агар юқоридагиларни ҳисобга олсак Мингтепа кўплаб белгиларига кўра пойтахт мақомига эга бўлган шаҳарлар типига киради. Қадимги шаҳар милоддан олдинги IV-III асрларда шаклланган, милоднинг V-VI асрларидан кейин Мингтепада хаёт тўхтаган [3, С. 56].

Андижон вилояти, Мархамат шаҳри яқинидаги Мингтепа ёдгорлигини Эрши шаҳри бўлиши мумкинлиги аксарият фарғонашунослар томонидан тан олинган. Бунга бир неча сабаблар бор:

1. Мингтепа археологик комплекси (мудофаа деворлари, ички ва ташки шаҳар, сопол буюмлари) даврий жиҳатдан Хитой йилномаларида келтирилган вақт - милоддан авв. 136-115 йилларга тўғри келади ва улар салмоғи ҳам етарлича.

2. Хитой манбалари хабар берган Эрши «ўрта шаҳри» қолдиқлари фақат Мингтепада сақланган (майдони 40 гектардан кўпроқ). Ўрта шаҳар икки қатор кучли мудофаа деворлари билан ўралган, улар археологик жиҳатдан қайд этилган ва ўрганилган.

3. Шарқий ташки девордан ташқарида Мингтепа билан бир даврдаги шаҳар қабристонни (некропол) аниқланди ва унда 40 дан ортиқ қабр ўрганилди. Қабристондан аниқланган топилмалар сўзсиз Мингтепа тарихи очилмаган қирралари ўрганишда қимматли янги маълумотлар беради.

4. Эрши хитойликларни водийга кириб келишдаги Ю (Ючен)дан кейинги шаҳар эди. Манбаларни синчиклаб ўрганилса, мавжуд географик ҳолатга кўра, улар Шарқий Фарғонада жойлашган бўлишлари керак.

Ўзган яқинидаги Шўрабашот шаҳар харобаси Ючен эканлигини ҳисобга олсак, Мингтепани Эрши эканлиги аён бўлади. Биз келтириб ўтган далил-асосларни Фарғона водийсида кейинги 70 йилда ўтказилган археологик қазув ишлари ҳам тасдиқлайди [3, С. 55]. Чунки айнан водий шарқий томонлари илк деҳқончилик ва дастлабки шаҳарлар пайдо бўлган ҳудуд ҳисобланади. Асосий деҳқончилик билан боғлиқ ёдгорликларнинг 60-70 фоизи шу ҳудудда эканлиги аниқланганва мазкур ҳудуд муаллиф томонидан “Шарқий Фарғона урбанизация ҳудуди” деб ҳам юритилади [4, С. 23-24]. Қолаверса танилган фарғонашунос Н.Г. Горбунова ва бошқа олимларнинг Давань давлатини Шарқий Фарғонада жойлашган деган салоҳиятли хулосалар ҳам бор. Хуллас, Давань пойтахти Эрши ўрни аксарият олимлар фикрича ҳозирги археологик маълумотларга кўра Мингтепада жойлашган бўлиши керак. Буни кейинги маълумотлар ҳам тасдиқлайди.

Демак, Мингтепа шаҳар харобасида олиб борилган илмий тадқиқот ишлари қадимги Фарғонанинг Давань давлатидаги шаҳарсозлик маданиятини гуллаб яшнаганидан дарак беради. Таъкид жоизки, водий ҳудудида мил. авв. VIII-VII асрларда воҳа давлатлари пайдо бўлади. Ўрганилаётган даврда эса майда давлатлар Қадимги Фарғона подшолигига бирлашган эдилар [7, С. 4-11; 3, С. 55].

Мингтепа ўз маҳобати ва улуғворлиги билан бошқа ёдгорликлардан ажралиб туради. Чет элларда хусусан Хитойда Мингтепага ва ундаги қазилмаларга қизиқиш катта. Хитой Халқ Республикаси Ижтимоий фанлар академияси Археология институти олимлари Мингтепадаги илмий қазилмаларда катнашмоқдалар. 2016 йили қадимги шаҳарни кўргани Хитойдан икки гуруҳ саёҳатчилар ва археологлар келиб кетдилар. Чин мамлакатининг CCTV телекомпанияси ўн минутлик кўрсатув қилиб кўплаб мамлакатларга бир неча тилда тарқатди. Бу 2016 йил октябрь ойида ВТВ (Бежинг Тв) компанияси Андижон (Мингтепада), Самарқанд, Бухоро, Хоразмда, Шаҳрисабзда суратга олиш ишларини амалга оширдилар. Бу ҳам Мингтепага эътибор ва уни Буюк Ипак йўлидаги ролига юксак баҳо берилиши рамзидир. Таъкид жоизки, Шанхай ҳамкорлик ташкилоти (ШОС) мамлакатлари раҳбарлари Тошкент саммити пайтида (23-24 июнь, 2016) ХХР раиси Си Цзиньпин Мингтепадаги археологлар билан учрашиб суҳбатлашди ва қазилма ишларини давом эттиришни таъкидлаб улар ишларида зафарлар тилади.

Мингтепа трансконтинентал йўллар тизимида Бактрия, Уструшона, Чоч каби ҳудудларини Хитой билан боғлаган шаҳар эди. Юз йиллар давомида Ипак йўли бўйидаги хунармандчилик, савдо маркази сифатида геосиёсий роль ўйнаган. Буни Фарғона водийсидан топилган айрим Хитой танга пуллари, ипак матолари ва жез кўзгулари далолат беради.

Адабиётлар рўйхати:

1. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. №26. Москва-Ленинград. 1952.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. Москва-Ленинград. 1950.
3. Матбобоев Б.Х. Мингтепа: археологик казишмалар ва уларнинг таҳлили // Водийнома. №3 (14). Андижон. 2019. С.50-57.
4. Матбабаев Б.Х., Машрабов З.З. Древний и средневековый Андижан (историко-археологическое исследование). Ташкент. 2011.
5. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во IIв. до н.э.- VIIв. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). Москва. 1989.
6. Боровкова Л.А. Царство Западного края. Москва. 2011.
7. Матбобоев Б.Х. Қадимги Фарғонада илк давлатчилик илдизлари // Ўзбекистон тарихи. №1. Тошкент. 2002.

Атаходжаев А.М.

*т.ф.д., Ўзбекистон Республикаси ФА
Тарих институти бош илмий ходими*

ИЛК ЎРТА АСР МАНБАЛАРИДА ЧОЧ – ТОШКЕНТ ВОҲАСИ ВА УНИНГ ШАҲАРЛАРИ

Тошкент воҳасининг илк ўрта асрлардаги номланиши Чочнинг илк ўрта асрлар даври тарихи Қанғ давлати ва ундан мустақил давлатлар ажраб чиқиши даврига тўғри келади. Шу боис Чоч (с'с) сиёсий атама сифатида дастлаб II - III аср биринчи ярмига оид Чимкент яқинидаги Култтепа шаҳри харобасидан топилган пишган ғиштга суғдий ёзувда [1. с. 34-36] ва 262 йилга оид Сосоний подшоси Шопур I нинг «Кабайи Зардушт» битигида учрайди. Унда Чоч мулки Суғд ва Чочистон тоғлари қадарлиги таъкидланади [2.с.16; 3.с.11; 4.с.189-190]. Уралдаги Кечево қишлоғидан топилган III-IV асрларга оид идишда ҳам суғдий ёзувда “Чоч халкига тегишли...буюмлардан” деб битилган. Ёдгорлик эса Чочдан бўлган хионий ҳукмдори тааллуқлидир [5.с.28; 6.с.9]. Сосоний ҳукмдори Хурмузд IV бошқарувининг 6-йили (584-585 йиллар)га оид кумуш драхмаларида [7.с.113-114], VI-VIII асрларга мансуб Турк хоқонлиги даври воҳа ҳукмдорларининг турк-суғд намунасидаги тангаларида [8.с.130-134] ҳамда Қанға шаҳри харобасидан топилган сопол идишдаги турк руний битигида [3.с.11] ҳам Чоч атамаси учрайди.

Чоч воҳаси VI асрнинг иккинчи ярмигача Эфталлийлар давлати таркабида бўлиб, бу давлатнинг шимоли-шарқий ҳудудларни ташкил

қиларди. Худди шу пайтда, яъни 552 йилда Олтой тоғлари этакларид туркий қабилалар уюшиб, Авар ҳукмронлигига барҳам берди. Натижада Биринчи Турк ҳоконлиги вужудга келди. Дастлбки ҳокон Бумин ва унинг укаси Истамининг ғарбга ҳаракатлари натижасида Турк ҳоконлиги эгалланган худудлар ҳисобига Эфталлар билан кўшни бўлиб қолди. Ҳоконликнинг Ғарбий қанот йўлбошчиси Истами ябғу (552-576) бошчилигидаги кўшинлар VI асрнинг 60-йилларида (563-567) Эфталларни тор-мор қилиб, Чочни ҳам Фарғона, Уструшона, Хоразм, Суғд (Самарқанд, Бухоро, Кеш) каби ўз тасарруфига олди. Турк ҳоконлигининг Чоч воҳасидаги ҳукмронлиги шу даврдан то VIII аср иккинчи чораги, яъни араб истилосига қадар давом этди. Бу даврда воҳани бошқарган сулолалар, уларнинг келиб чиқиши, фаолияти, ҳукмдорларнинг исм ва унвонлари ҳамда бошқарув йиллари хроннологиясини аниқлашда хитой, суғдий, араб манбалари ва нумизматик материалларнинг ўрни бекиёс.

Чоч воҳасининг илк ўрта асрлар тарихига оид маълумотлар асосан Хитой манбаларидан “Вэй-шу”(VI аср), “Бейшу”(VII аср), “Суй-шу”(VII аср), “Таншу”(VIII-X асрлар) йилномаларида ўз аксини топган.

550-570 йилларда Вэй Шоу (506-572) томонидан ёзилган “Вэй шу” солномасининг 102-бобида Чжэшэ (Чиачиат) давлати сифатида тилга олинади. Бу маълумот VII асрга оид “Бэй ши” солномасида ҳам такрорланади. Уларда келтирилишича, 437 йилда мустақил Чочдан Хитойга элчилар борган. Бошқа хитой манбаси “Тундяне”да Чоч давлатининг Суй сулоласи (581-618) билан дипломатик алоқаси тилга олинади [9.с.3-18]. Қолаверса, Суғд каби Чоч ҳукмдорлари ҳам келиб чиқиши юзчиқиларга бориб тақалувчи чжаоулар хонадонига мансуб бўлишган [10. с.24-27].

VII аср бошларидаги воқеалар баёнид “Бей-ши” ва “Суй-шу” йилномаларида Тошкент воҳаси ва унинг маркази Ши (Чоч) деб юритилиши, ҳукмдорининг исми Нйе эканлиги, Ши (Чоч) ҳокимларининг Турк ҳоконлиги ҳукмдорларидан Шегуйхон (Жигхоқон, Тардуш ҳоконнинг невараси 610-618 йиллар ҳукмронлик қилган) [11.р.369] билан можарага бориб, мағлуб бўлганлиги, оқибатда Шегуйхон Чоч бошқарувига Дэлэ (тегин) Тяньчжини тайинлаганлиги, 609 йилда ушбу тегин Хитойга элчи юборганлиги қайд этилади [12.с.272-273, 282; 13.с.166, 270]. “Тан-шу” солномасига кўра эса, Ши ҳукмдорини 605 йилда Ғарбий Турклар ўлдириб, унинг ўрнига бошқарувга Дэлэ (тегин) Фучжи тайинлаганлиги айтилади [12.с.313]. Шу йилномага кўра, Чоч ҳукмдорлари ҳам Кан (Самарқанд) ҳукмдорлари каби чжао-у хонадонига мансуб бўлган. Бу хонадон ҳукмронлик тармоғи тўққизтага бўлинган: Кан (Самарқанд), Ан (Бухоро), Цао (Уструшона), Ши (Чоч), Ми (Маймурғ), Хэ (Кушония), Хосюн (Хоразм), Маоди (Вардона) ва Шы (Кеш)[12.с.310; 10.

с.30, 36] мулкларининг ҳукмдорлари. Турк хоқонлиги бошқарувининг дастлабки йилларида бу хонадон ҳукмдорлари ўз мавқеларини сақлаб қолганлар ва маҳаллий мулклар маъмурий бошқарувини давом эттирганлар. Кейинчалик эса айрим ҳудудларнинг ҳукмдорлари турклар билан алмаштирилган. Чочда ҳам VII аср бошларида маҳаллий сулола барҳам топиб, хоқонликка бевосита тегишли бўлган вакиллар бошқруви йўлга қўйилган. Воҳадаги ҳокимият Ашина уруғига мансуб ноиблар қўлига ўтган [3.с.12]. Бу ҳукмдорларга хоқонликдаги бошқарув мансабларидан бири шахзода – тегин унвони берилган.

Буюк ипак йўлида Шарқни Суғд билан боғлашда Чочнинг ўрни аҳамиятли эди. Суғдийларнинг Чочга кириб келиш жараёнини милоддан аввалги VI асрлардан бошланган ва милодий IX асргача тўрт босқичда давом этган: 1) мил. авв. VI асргача, яъни илк савдо йўллари орқали; 2) мил. авв. IV асрдан мил. III асргача, асосан сиёсий ва иқтисодий алоқалар кучайиши орқали; 3) III-VIII асрларда яқин сиёсий ва этно-маданий муштараклик орқали; 4) VIII-IX асрлар араб истилоси ва кейинги тарихий жараёнлар орқали. Айни шу даврлардаги суғдийларнинг шимоли-шарқ йўналишидаги ҳаракатлари давомий бўлиб, бу ҳаракат Усрушона, Чоч, Етгисув, Кошғар, Хўтан каби йўналишларда кечган. Чочда эса суғдийлар ўзлари учун қулай бўлган тоғли ва тоғолди ҳудудларига жойлашганлар. Натижада янги манзилгоҳлар пайдо бўлган. Воҳанинг туб аҳолиси саклар ҳам мил. авв. 1 минг йиллик 2-ярмидан ўтроқлашиша борганлар. Суғдийлар халқаро савдо –жараёнларига чочликларни ҳам тортади. Дунгхуангнинг Сунгхуа кишлоғида яшаган ўртосиёлик мухожирлар қаторида чоч - “ши”ликлар Ши Шулуьдан, Ши Мопўлар номи хитой тарихчиси Ли Минвэй «Суйтан сичау чжилу» асарининг 217-бетида келтиради [14.б.42]. IX асрга оид Шарқий Туркистондан топилган суғдий тилдаги «Халқлар рўйхати» (“Нафнамак”) асарида ҳам суғдийлар, бухороликлар қатори чочликлар ҳам тилга олинади [15.р.9]. Бу эса суғдийлар ва чочликларнинг Ипак йўлидаги узоқ йиллик ҳамкорликдаги фаолиятдан дарак беради.

Асрлар давомида воҳадаги туркий қавмлар суғдий маданиятнинг кўп қирраларини ўзлаштириб бордилар. Бу Чочда шаҳарсозлик, ҳунарманчилик ва ёзув маданияти анъаналарида акс этди [6. С.9-10]. Урбанистик жараёнларга ўз таъсирини кўрсатди. Тоғолди ҳамда Парак (Чирчиқ) ва Илоқ (Оҳангарон) бўйларида Фарнкент, Заркент, Нукент, Номданак, Невич, Новдак, Бинокат, Чинончекет, Харашкент, Тункент, Тўқкент каби суғдий ва Алханжас, Абриғ, Арбилах, Намудлиғ, Ганнаж, Йалапан, Итлиғ, Олмалик каби туркий шаҳар ва қишлоқлар қад ростлади [3.с.16; 16. с.84]. Ҳудуддаги маҳаллий меъморчилик анъаналарига суғдий

меъморий ечимлар билан бойиди [17.с.40-43]. Чоч суғдий ва туркий маданиятларнинг ўзига хос синкретик минтақасига айланди.

Чочдаги туркийлар ўз динлари тангричилик ва шаманизмдан ташқари суғдийларнинг зардуштийлик динини ҳам қабул қилиб, диний бағрикенглик намунасини кўрсатдилар. Бу ҳақда хитой манбалари хабар беради. Уларда ёзилишича, Ши вилоятида бир бино бўлиб, унинг ичида дўнглик бор. Ҳар йили кўмиш маросими ўтказилади: «Бу дўнгликка олтин идишда ҳукмдор ота-оналари (балки қариндош - уруғларини ҳам - *А. О.*) куйдирилган суякларининг кули қўйилади, сўнгра (ҳозир бўлганлар) тахт атрофида айланишиб, иффорли гуллар ва турли меваларни сочишади. Ҳукмдор эса ўз аёнлари билан қурбонлик қилинган гўшти дастурхонга қўяди»[12.с.272-282]. Бу маълумотлар чочликлар ҳам суғдийлар каби зардуштийлик динига эътиқод қилиб, унинг одатларини турли кўринишларда амалга оширганликларидан гувоҳлик беради. Зардуштийлик милоддан аввалги 1-мингйиллик иккинчи ярмидан суғдийлар томонидан Чочга кириб келган ва воҳаси кенг тарқалган. Буни ушбу ҳудуддан топилган орастадон намуналари ҳам тасдиқлайди. 1871 йилда илк орастадон намунаси Тошкентдан, сўнггиси эса 2001 йил Тўйтепа ҳудудидан топилган [18.с.168-172]. Чочда, ҳатто, христианлик жамоалари ҳам бўлган [19.с.11-17]. Диний ибодатхоналар билан боғлиқ Чирчик воҳасидаги Динбағинкет (Динфағинкент), Фарнкет, Хварашкент каби шаҳарлар мавжудлиги бунга мисол бўлади [3.с.18-19].

Суғд ва Чоч ҳудудлари илк ўрта асрларда, жумладан эфталитлар даври (IV-V асрлар)дан бир-бирига яқин этнослар шаклланган [3.с.11]. Турк хоқонлиги (VI-VII асрлар) даврида бу ўлкаларда туркий тилли қабилалар ва суғдийлар яшаган. Фақат Суғдга нисбатан Чочда Фарғона ва Еттисув каби туркийлар салмоғи кўпроқ бўлган. Шундан бўлса керак, араб истилочилари Ғарбий Турк хоқонлигидаги барча аҳолини, ҳатто суғдийларни ҳам “турк”лар деб билганлар [6.с.17].

Минтақаларда суғформа деҳқончилик, чорвачилик ва тоғолди ҳудуди хўжалиги деярли бир даврда, бир хил даражада ривожланган. Шу боис ҳам четга маҳсулот чиқариш ва четдан маҳсулот келтириш минтақа иқтисодий тараққиётини шакллантирган. Эфталий даврида Чоч ва Илок шаҳарлари стратегик шаҳарлар бўлиб, давлат миқёсида металл хом ашёсидан қурол-аслаҳалар ва бошқа маҳсулотлар ишлаб чиқарилган [20.с.101-107]. Бу даврда Чочда ҳам товон эвазига келтирилган сосонийларнинг кумуш тангалари асосий муомала воситаси бўлганлиги кузатилади [10.с.165].

555 йилда Истеми ябғу қўшинлари Сирдарё бўйларига етиб келди. Сосоний шоҳи Хусрав I ва Истеми ябғу ўртасида шартнома имзоланди. Аммо, эфталитлар қаршилиги Истеми режаларига путур етказди. Истеми

ябғу аввал эфталитларни даф этиб, сўнг аварларга қарши юришга қарор қилган [4.с.272]. У Чоч ва Суғдни эгаллаб, Зарафшон бўйига қадар етиб борган. 567 йилдаги Бухоро яқинидаги ҳал қилувчи жангда эфталлийлар батамом тор-мор келтирилди [3.с.12-13]. Чоч дастлаб Турк хоқонлиги, 603 йилдан Ғарбий Турк ябғу хоқонлиги таркибида бўлди ва маҳаллий ҳукмдорлар томонидан бошқарилди. Н.Я.Бичурин маълумотига кўра, Чочни ўша даврда Дэле Тяньчжи (Фужи) бошқарган ва у мустақил равишда Хитой билан дипломатик алоқаларни йўлга қўйган [12.с.277, 282]. Чоч ҳукмдорлари ўз пойтахтини туркларга яқин бўлган шимоли-шарқий ҳудудга кўчиришади. 618 йилда ҳокимиятга келган Ғарбий Турк ябғу хоқони Тўн ябғу ўзига тобе мулкларда сиёсий, ҳарбий ва маъмурий ислохотлар ўтказган ва солиқлар устидан назорат қилувчи ноиблар - тудунларни тайинлади. Элтариш хоқон эса ўз навбатида Ғарбий Турк хоқонлигини ўн аймаққа бўлди. Оқибатда Чоч икки қисмга ажралади. Дехқон ва хунарманд шимоли Чоч тудунлар томонидан, маъданга бой жануби Илоқ эса «деҳқон» ҳукмдорлар томонидан бошқарилган бўлди.

Шарқий ва Ғарбий Турк хоқонликлари ўртасидаги кураш натижасида VII асрнинг 40-50-йилларига келиб, Чоч маълум сиёсий мустақилликка эришди. Суғд бошчилигидаги Ўрта Осиё мулклари иттифоқи шакллана бошлади. Бундан мақсад Ипак йўлининг Самарқанд, Чоч, Фарғона йўналишини назорат қилиш эди. Бу йўналиш Еттисув ва Шарқий Туркистонни боғлаган. Шу йўналишда савдо қилувчи маҳаллий савдогарлар эсахоқонлик хазинасига катта даромад келтирганлар.

Суғд ва Чоч ўртасидаги алоқалар Чочда деҳқончилик ва хунарманчиликни янада ривожлантирди. Чочнинг минтақадаги нуузи ортди. Ўлканинг сифатли маҳсулотлари ички ва ташқи бозорларда шухрат қозонди. Ёзма манбаларга кўра бу даврда воҳада 255 атрофида манзилгоҳлар, 30 дан зиёд қалъа ва шаҳарлар қад ростлаган. Чоч ва Илоқ ўзаро экинзор ва боғлар билан туташган [21.с.22-24] воҳага айланди.

Суғд мулки ихшидлари Ўрта Осиё мулклари билан дипломатик алоқалар ўрнатиб, элчилар алмашишган. Афросиёб деворий тасвирларидаги ёзувда Самарқандга Суғд ихшиди Вархуман хузурига келган Хитой ва Чоғаниён элчилари каторида чочлик элчи ҳам зикр этилган [22.с.88-89]. Суғд ва Чоч ўртасидаги сиёсий муносабатлар араб истилоси даврида яна фаоллашди. 712 йилда Қутайбанинг Суғдга юриши, ихшид Гўракнинг мадад сўраб Чоч, Фарғона ва Шарқий Турк хоқонлигига мурожаат қилишига сабаб бўлди. Ўз мактубида Гўрак: “Агар араблар бизни енгса, улар сизларни ҳам шу куйга солади, энди ўз қайғуингизни қилинг” деб киноя қилади [23.с.137]. Гўрак айтгандай, Самарқандни қўлга киритган Қутайба 712-715-йилларда ҳам юриш қилди. Арабларга қарши курашда ҳамкорлик учун ўз мустақиллигини сақлаб турган Панч вилояти

хокими Деваштич Чочга элчи юборади. Суғд ёзма ёдгорликларидан Муғтоғи архивидаги А-14 хужжатида худди шу воқеа акс этган [24.с.77]. Унда Чоч ҳукмдори (чачаник хвабу)га ва тудунига, Фарғона тутуғи орқали Фарғона подшосига ва Шарқий Турк хоқонига мактуб топширилгани ҳақида маълумотлар бор. 719-722 ва 728-729 ҳамда 736-737 йилларда арабларга қарши ҳамкорликда кураш олиб борилди [25.б.109-141]. Бирок, арабларни минтақадан сиқиб чиқаришнинг иложи бўлмади. Эҳтимол, иттифоқчилар арабларнинг истилоларини вақтинчалик чора, деб баҳолаганликлари панд берган бўлиши мумкин. Кейинчалик чочликлар Суғдда бошланган Муқанна ва Рофеъ ибн Лайс ҳаракатларида фаол иштирок этдилар [23.с.271].

Маданият соҳасида ҳам Суғд ва Чоч ўртасида муштараклик мавжуд эди. Суғд ёзуви ва тили бутун минтақада бўлгани каби Чочда ҳам амалда бўлган [26.с.158]. Чоч подшолари ва ҳукмдорлари суғд ёзувида ўз тангаларини зарб эттирганлар [6.27-51]. Бирок, “Чоч” деб ёзилган Қанха битиги ва ҳозирги Бекобод ҳудудидан топилган турк - руний ёзма ёдгорликлари бу ҳудудда суғдий ёзуви баробарида турк - руний ёзуви ҳам амал қилганлигини кўрсатади [27.с.244]. Чоч аҳли Муқаддасий ёзишича, суғдийдан ташқари ўзларининг хайтал (эфтал) маҳаллий тилларида гаплашганлар [6.с.23]. Бу тил прототурк тили бўлиб, кейинчалик суғдийлашган бўлиши эҳтимол.

Хулоса қилиб айтганда, ягона макон ва Ватанда яшаган ўртаосиёликлар асрлар давомида ҳамжихат бўлиб, ўзбек халқи ва унинг давлатчилиги пойдеворида асос солганлар. Илк ўрта асрлардаги бу жараёнлар тарихнинг кейинги босқичлари ривожига хизмат қилган.

Адабиётлар рўйхати:

1. ГренеФ. Новые свидетельства о Нахшабе и Кеше античного периода //Роль города Кеша в истории мировой цивилизации. Ташкент -Карши, 2006.
2. Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты // Эпиграфика Востока. Вып.18,1967.
3. Буряков Ю.Ф. К истории раннесредневекового Чача // O‘zbekiston tarixi, 2002. №3.
4. Гафуров Б.Г. Таджики. Кн 1.Душанбе: Ирфан. 1989.
5. Пугаченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент,1990.

6. Исхаков М., Камолиддин Ш.С., Бабаяров Г. Заметки по истории нумизматики раннесредневекового Чача (III-VIII вв) // Серия «Рабочие документы ИФЕАК» Вып.26. Ташкент, 2007.
7. Колесников А.И. Дополнительные источники по истории раннесредневекового Ирана и его восточных соседей // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции. СПб, 2005.
8. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикента. М.:Наука, 1963.
9. Ходжаев А. Наиболее ранние сведения китайских источников о государстве Шаш (Ташкент) // O'zbekiston tarixi, 2005.
10. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.
11. Harmatta J. and Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. – Paris, 1996.
12. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. –М.-Л., 1950.
13. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследование. –Новосибирск, 1989.
14. Хўжаев А. Суғдийларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо. 2002, №2 (14).
15. Hennin g W.B. Sogdica. London. 1940.
16. Камолиддинов Ш.С. Древнетюркские топонимы Средней Азии. – Ташкент. 2006.
17. Филанович М. И. О раннесредневековых престижных сооружениях Чача и Согда// Великий шелковый путь. Культура и традиции. Прошлое и настоящее. Ташкент, 2006.
18. Минасянц Б.С. Новые находки оссуариев из Тойтепа // O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi. 33- nashr, Самарканд, 2002.
19. Буряков Ю.Ф. Христианство в Средней Азии в древности и средних веках // Культура народов Центральной Азии: религия и демократия. Самарканд. 1999.
20. Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
21. Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абдулкасима ибн Хаукаля// Труды САГУ. 1957. Вып.14 .
22. Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасияба // СНВ. Вып.Х. М., 1971.
23. Табари. История ат-Табари. Ташкент: Фан, 1987.
24. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтен., пер. и коммент. В.А. Лившица. – М.: ИВЛ, 1962. С.77.
25. Отахўжаев А. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. – Тошкент: ART-FLEX. 2010.

26. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
27. Аманжолов А.С. История и теория древне-тюркского письма. Алмати: Мектеп, 2003.

Шайдуллаев Ш.Б.
т.ф.д., профессор,
ТерДУ, Ўзбекистон тарихи ва
археология кафедраси мудири

ҚАДИМГИ КАВИЙЛАР ГЕНЕОЛОГИЯСИ

Ўзбекистон Миллий университети Археология кафедраси профессор ўқитувчиларининг илмий йўналишлари хронологик жиҳатдан анча кенг. Улар палеолит [Р.Х. Сулейманов], бронза ва илк темир [А.С. Сагдуллаев, А.Ш. Шайдуллаев], антик [Р.Х. Сулейманов, З.И. Усманова, Н.И. Крашенникова, Г.А. Дресвянская, Ж.Аннаев], ўрта асрлар [М.Е. Массон, Ю.Ф. Буряков, С.Б. Лунина, Н.П. Столярова] даврининг турли хил муаммолари билан шуғулланиб келишади. Шундан бўлса керакки, ушбу кафедрани тугаллаган мутахассислар “Ўрта Осиё археологияси” фанининг етук кадрлари ва билимдони бўлиб шаклланишган. Кафедранинг шундай илмий йўналишларидан бири ёзма ва археологик манбаларни таққослаб, ишончли тарихий маълумотлар олиш усулидир. Ушбу мақола “Авеста” ва моддий манбаларни таққослаш асосида ёзилди.

Маълумки, Ўрта Осиёнинг қадимги ва ўрта асрлар даври сулолалар ҳукмронлиги тарихидан иборат. Ёзма манбаларда сақланиб қолган ва бизнинг давримизгача етиб келган энг қадимги сулола - кавийлардир. “Авеста”да қадимги кавийлар тўғрисидаги маълумотлар бир неча маротаба тилга олинган [“Ясна”: 9. 18; 12. 7; 46. 14; 51. 16; 53. 2; “Яшт”: 1. 10, 21; 5. 26, 45, 46, 5. 105, 108, 117, 132; 10. 34, 59, 66, 127; 14. 4, 62; 19. 9, 26, 28, 31, 71]. Бу маълумотлар қадимги тарихнинг турли хил масалалари, жумладан маданият тарихи, Марказий Осиё халқларининг тарихий географияси ва сулолалари генеологияси билан шуғулланувчи олимлар учун муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Манбада кавийлар генеологиясининг даврий, яъни хронологик кетма-кетликда ифодаланиши куйидагича:

1. Кавий Кават [“Яшт” 13.132; 19.72];
2. Кавий Апивох [“Яшт” 13.132; 19.72];
3. Кавий Усан [“Яшт” 13. 121, 132; 14.39; 19.71];
4. Кавий Аршан [“Яшт” 13.132; 19.71];
5. Кавий Пишин [“Яшт” 13.132; 19.71];
6. Кавий Бияршан [“Яшт” 13.132; 19.71];

7. Кавий Сияваршан [“Яшт” 9.18; 13.132;19.71];
8. Кавий Хишрав [“Яшт” 5.49; 9.17-23; 13.137; 15.31-33; 132. 17, 41-43; 19.71, 73-74, 7, 93];
9. Кавий Арватасп [“Яшт” 5.105];
10. Кавий Виштасп [“Яшт” 5.105, 108, 117, 132; 9.29, 87, 93; 13.99; 15.36; 17.52, 61; 19, 84, 87, 93; “Ясна” 12.7; 23.2; 26.5; 28.7; 46.14; 51.16; 53.2].

Эътибор берган бўлсангиз, маълумотлар кўпроқ “Яшт” қисмда келтирилган. Унда арий ҳукмдорларнинг исмлари, мансаб ва мартабалари тўғрисидаги маълумотлар берилган. Маълумотлардан кавий ҳукмдорлар жамоаларнинг ижтимоий-сиёсий ҳаётида бош ролни бажарганлигини билиш мумкин. Манбада уларнинг генеологияси деярли тўлиқ берилган ва қадимги арий халқларида жамоа – қабила ҳукмдорлари ва диний раҳномалар, диний ишлар бошлиқлари “кавий” титулида бўлганлиги маълум бўлади.

Кавийлар илк дафа аҳолининг диндор қатлами вакили сифатида фаолият юритганлиги кузатилади. “Авеста” таҳлилига кўра кавий сўзини “сезмоқ”, “билмоқ”, “билимдон” деб таржима қилиш мумкин ва кавий титули авлоддан-авлодга ўтганлиги маълум бўлади [11. с. 114-118].

“Авеста”нинг Гат қисмида кавийлар жамоанинг ҳукмдори сифатида ёритилган бўлса “Кичик Авеста”да улар девлар қаторига қўйилган ва ҳукмдорлар дея қуйланган. Демак, кавийларнинг иккита омоними мавжуд. Биринчиси, девлар замонининг ҳукмдорлари бўлиб, зардуштийликдан йироқ бўлган. Иккинчиси, кавийлар (кайонийлар) династиясининг ҳукмдорлари бўлиб, зардуштийликка сиғинган, динни қўллаб-қувватлаб, ривожлантирган.

Шуни алоҳида қайд этиш лозимки, Сосоний ҳукмдорлар ва илк ўрта асрлар даврида ҳам кавийлар тўғрисида қуйланиб келинган. Жумладан, пахлавийларнинг асосий, зардуштийлик манбаси бўлган “Бундахишна” (дунёнинг яратилиши) ва “Ден карт”да (эътиқод) улар тўғрисида маълумотлар сақланган [5. с.479-480]. Бу маълумотлар қаҳрамонларни эслаш, қуйлаш тариқасида ифодаланган бўлиб, ҳақиқий тарихий манба вазифасини бажара олмайди. Аммо, авесташунос олимлар томонидан бу манбалар “Авеста”ни ўрганишда, унинг унутилган ёки йўқолган қисмларини тиклашда фойдаланиб келинмоқда [8. с. 724-727; 9. с.3-11].

Кавийлар тўғрисидаги кейинги маълумотлар тарихи адабий, эпик асарларга кўчган. X асрнинг шох асарларидан бири А. Фирдавсийнинг “Шохнома”сида кавийлар ҳақида кенг маълумотлар учрайди, улар эпик қаҳрамонларга айланган [7]. Асарда Қадимги Эронзамин ва Туронзаминда ҳукмронлик қилган ровий ҳукмдорлар ҳамда уларнинг ўзаро курашлари тарихи ёритилган. Тадқиқотчилар манбада келтирилган, қуйланган

шоҳларни учга бўладилар. Биринчиси, мифологик, иккинчиси қаҳрамон ва сўнггиси тарихий қаҳрамонлардир [1. с.276]. Мифологик қаҳрамонлар давр жиҳатидан энг қадимгиси бўлиб, биз ўрганаётган кавийлар ҳукмронлиги шу қисмда ифодаланган. Асарнинг бош ғояси яхшилик ва ёмонлик кураши бўлиб, аввал Ахурамазда ва Ахриман, сўнг эса Эрон ва Турон ҳукмдорлари кураши ифодаланган.

“Авеста” тарихшунослигига эътибор бўлсак, кавийларнинг тарихий шахс бўлганлиги масаласида тадқиқотчилар бир фикрга келганларича йўқ. Бу борада уларни икки гуруҳга бўлиш мумкин. Биринчи гуруҳ олимлар, яъни А. Кристенсен ва Е. Йашатер сингарилар кавийлар династиясини тарихий шахслар бўлган деб ҳисобласалар, иккинчи гуруҳ олимлар эса “кавийлар “Авеста” ижодкорлари томонидан тўқилган ижод намунаси ва маҳсулидир” деган фикрни илгари сурадилар.

Манбада кавий ҳукмдорларнинг худоларга сиғингани, худоларнинг уларга мадад берганлиги хусусида маълумотлар келтирилади. “Авеста” ва бошқа манбаларда кавий ҳукмдорлар исмлари географик номлар билан боғланиб келади. Улар гоҳида тоғ чўққисиди, гоҳида дарё, гоҳида эса денгиз бўйларида туриб Ардвисурага сиғинади, итоат қилади. Тоғ, дарё ва денгизларнинг номлари асосида тарихий географик тадқиқотлар олиб бориш тарих фанига янги маълумотлар келтириши билан бирга маълумотларнинг тарихийлигини тасдиқлайди [10]. Эътибор берсак, учта кавий ҳукмдорнинг, яъни Кавий Усан [“Яшт” 13. 121, 132; 14.39; 19.71], Кавий Хишрав [“Яшт” 5.49; 9.17-23; 13.137; 15.31-33] ва Кавий Виштаспанинг [“Яшт” 5.105, 108, 117, 132; 9.29, 87, 93] битта тоғ устида, яъни Эрзифья қалъасида Ардвисурга эътиқодини кузатиш мумкин.

Шуни алоҳида таъкидлаб ўтмоқчимизки, “Авеста” ва бошқа зардуштийлик манбаларнинг хабарлари бўйича олиб борилган тадқиқоларга кўра, Йиманинг Вар қалъасида бутун инсоният ва жонли мавжудот учун турар жой қурганлиги [“Вендидат” 2. 33-42] ёки Сияваршанинг Канх қалъасини қурганлигини [МХ. 26. 60-61] ҳамда Кавий Виштаспа қалъасидан Зардушт кўним топганлиги, Кави Хишравнинг Турларнинг ҳукмдори Франгярсан билан тинимсиз жанг олиб борганлиги воқеалари [“Яшт” 17.38, 41-42] тарихий ҳақиқатга айланиб бўлди.

Бизнинг фикримизга кўра “Авеста”да келтирилган персонажларни уч гуруҳга бўлиш мумкин: Биринчиси, мифик персонажлар (Хаушянха парадаталари, Трайтуана) бўлиб, улар Хаома, Митра, аждарҳо Дахака, Креспаларни куйлаб ўтишган. Мана шу персонажлар ҳақидаги маълумотларни археологик манбалар билан боғлаб, Ўзбекистон тарихи фанига шаҳар-давлат тушунчаси киритилди ва янги тарихий маълумотлар билан бойитилди [12. б.34]. Иккинчи гуруҳ персонажлар Кави

Виштаспанинг Кавий Каватдан тортиб, токи Кавий Хишравгача бўлган аждодлари ва улар билан бирга куйланадиган эпик қахрамонлар. Учинчи гуруҳ персонажлар эса Кавий Виштаспанинг ўзи ва у билан бирга эсланадиган қахрамонлардир. Манбаларда келтирилган барча персонажлар кавийлар династиясининг тарихийлигини, тарихий ҳақиқат эканлигини яна бир бор тасдиқлайди.

Кавий титулида бўлган ҳукмдорлар ҳақида келтирилган маълумотлар ҳақида тўхталсак, уларда ҳам маълум миқдорда тарихий маълумотлар келтирилган. Пахлавий манбаларга кўра Кавий Усан давридан бошлаб Эрон ва Турон ҳукмдорлари ўртасида чегаралар кураши бўлиб ўтган. Унинг Франгисян билан кураши тарихий воқелик ва персонажлар билан боғлиқ ҳолатда тасвирланган [Vd.34.7].

Фикримизча, энг тўлиқ ва ишонарли маълумотлар Кавий Хишрав номи билан боғлиқ [“Яшт” 5.49; 9.17-23; 13.137; 15.31-33]. У кавий Сяваршанинг ўғли ва Кавий Усаннинг набираси бўлган. У билан кўплаб тарихий воқеалар боғланган. Кавий Хишрав отаси арийлар юртини ташлаб Турлар ҳукмдори Франгисян хизматига ўтгандан сўнг, Туронзаминда туғилган. Унинг сиёсий маркази Кангхага асос солган. Воқеаларнинг тарихийлиги ва Хишравнинг тарихий шахс эканлигини топонимик манбалар ҳам тасдиқлайди. Тошкент воҳасида Хишрав номли жой номининг, Қанг номли тарихий топонимларнинг кенг тарқалиши шундан далолатдир.

Кавий Хишравнинг тарихий шахс бўлганлигини топонимикага оид манбалар асосида янада чуқурроқ тадқиқ этиш мумкин. Маълумки, “Авеста”да кўп бора эсланадиган, воқеалар марказида турадиган “Ранха” дарёсини кўплаб тақиқотчилар Сирдарё билан боғлашади [4. с.202-204]. “Шохнома”да ушбу дарё Қанг давлатидаги Гулзарриён деб эсланади, албатта манбада дарёнинг “Шош дарё”си, “Хўжанд дарё”си деган номлари ҳам эсланади. Тадқиқотчилар эслаб ўтилган учта ном ҳам Сирдарёга тегишли эканлигини тасдиқлашган [6. С.303]. Шу ҳудудларда, Сирдарё бўйларида “Авеста”да эсланадиган “тур” халқлари яшаганлигига ҳеч кимда шубҳа туғдирмайди ва бу археологик манбалар асосида ҳам тўлиқ тасдиқланади [2. с.238]. Ўрта Осиё халқларининг энг қадимги ёзма манбасида эсланадиган, Кавий Хишрав қурган Канха, Сирдарё бўйидаги, воҳа маркази бўлган Қанг шаҳри ва топоними билан боғланишини биз ҳам энг тўғри вариант деб ҳисоблаймиз.

Бизнинг тадқиқотимиз учун энг асосийси “кавий” иборасининг ва “кавий” бошқарув тизимининг Бақтриядан шимолга Тошкент воҳаларига ҳам тарқалганлигидир. Хишрав ўзи билан бирга кавий бошқарув тизимини ҳам олиб борган, албатта. Чунки у манбаларда Кавий Хишрав номи билан машҳурдир.

Адабиётлар рўйхати:

1. Брагинский И.М. Из истории таджикской поэзии. - М., 1956.
2. Буряков Ю.Ф. Генезис городской культуры Чача. - Ташкент, 1983.
3. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. – VIII в. н.э. - М., 1999.
4. Гафуров Б.Г. Таджики. Т.1. - Душанбе, 1989.
5. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб., - М., 1998.
6. Птицин Г.В. К вопросу о географии Шах-наме // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т.4. - Л., 1947.
7. Фирдоуси А. Шах-наме. В 6-томах.Серия: Литературные памятники. - М., 1969.
8. Ходжаева Г. Географические реалии “Авесты” и современная Центральная Азия // Арийская цивилизация в контексте евроазиатских культур. - Душанбе, 2006. С. 724-727.
9. Ходжаева Н. Авестийские географические названия в преданиях о кеянидских царях // Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе, 2010.
10. Ходжаева Н.Д. Динамика развития географических представлений о Центральной Азии в древней и раннесредневековой иранской традиции. Автореф. д.и.н. Душанбе, 2016.
11. Ходжаева Н.Д. Храм Окса и локализация Авестийской Вахвидати // Археология, этнография и этнология Евразии. - Душанбе, 2013. Вып. 1.
12. Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва тараққиёти босқичлари. Автореф. дисс. т.ф.д. - Самарқанд, 2009.

Раимкулов А.А.

*т.ф.д., Ўзбекистон Республикаси ФА
Самарқанд археология институти*

ҚАЛЪАЙИ ЗОҲҲАКИ МОРОН (ҚАДИМДА, КЕЧА ВА БУГУН)

Милоддан аввалги II асрда Жанубий Сибир ва Олтой ўлкаларида азалдан яшаб келган юэчжи қабилаларининг жануби–ғарбга қараб оммавий равишда кўчишлари Ўрта Осиёнинг демографик қиёфасини сезиларли даражада ўзгартириб юборади. Бу қабилаларнинг юришлари Қашқадарё воҳасида жойлашган Нахшабнинг шаҳарсозлик маданиятига ҳам сезиларли таъсир этади ва мана шу даврда бу воҳада яна бир йирик шаҳарга асос солинади. Бу қадимий шаҳарнинг ҳаробалари бизнинг кунларгача Қалъайи Зоҳҳаки Морон номли улкан археологик ёдгорлик

сифатида етиб келган. Бу обида ҳозирги Қарши вокзали яқинидаги бозорнинг орқа томонида жойлашган улкан тепалиқдир.

Қалъайи Зоҳҳаки Мороннинг ёдгорлик сифатидаги маҳобати, улкан мудофаа деворларининг қолдиқлари бу ҳудудга ташриф буюрган олимларда катта қизиқиш уйғотган. Ёдгорлик дастлаб археолог олим Сергей Кузьмич Кабанов томонидан қисман ўрганилган, лекин археологик қазилма ишлари олиб борилмаган [2, с. 47-49]. Кейинги тадқиқотлар 1965-1966 йилларда Тошкент давлат университети “Ўрта Осиё археологияси” кафедрасининг академик М.Е.Массон раҳбарлигида Кеш археологик топографик экспедицияси (КАТЭ) олимлари томонидан олиб борилди. Ўша даврда Қалъайи Зоҳҳаки Морон устида иш олиб бориш кафедранинг ёш олимлари Галина Яковлевна Дресвянская ва Борис Дмитриевич Кочневларга юклатилган. Улар томонидан ёдгорликнинг топографик плани-тарҳи қоғозга туширилган ва унинг ташқи деворлари қолдиқлари бўлиши мумкин бўлган жойда шурф солинган ва қандайдир мустаҳкам, қалин деворлар қолдиқлари қисман тозаланган ва аниқланган. Мана шу тадқиқотлар натижалари боис, М.Е.Массон томонидан Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлигини уч қатор мудофаа девори мавжудлиги, унинг ташқи мудофаа девори билан ўралган ҳудуднинг ҳажми 1,5x1,5 км эканлиги ва шаҳарнинг умумий майдони 225 га бўлиб, у шаҳар антик дунёнинг энг йирик шаҳарларидан бири сифатида фаолият кўрсатганлиги тўғрисидаги фикр илгари сурилган [3, с. 23] (1-расм).

Ёдгорликнинг умумий топографик хусусиятларига тўхталсак, унинг марказида, томонлари 60x60 м ва баландлиги 12-15 м бўлган квадрат шаклдаги арк жойлашган. Аркни барча томондан томонлари 210x210 м, қуйи қисмида эни 20-30 м бўлган биринчи мудофаа девори ўраб туради. Бу мудофаа деворининг бирор жойида узилиш кўзга ташланмайди ва шунинг учун бу девордаги дарвозаларнинг ўрни маълум эмас. Кейинги иккинчи мудофаа девори аркни ва биринчи мудофаа деворини ташқаридан тўлалигича ўраб олган ва у эгаллаган квадрат шаклидаги майдон 400x400 метрни, яъни 16 гектарни ташкил этади. Учинчи мудофаа девори эса 16 гектарлик улкан ички қалъани барча томондан ўраб олган ва бу девор эгаллаган майдон 1,5x1,5 км.ни, яъни 225 гектарни ташкил этади.

Лекин С.К. Кабанов М.Е.Массоннинг фикрларга қўшилмаган ва ташқи мудофаа деворининг мавжудлигига шубҳа билан қараган. Олимнинг фикрига кўра, шаҳар томонлари 400x400 м бўлган 16 га майдонни эгаллаган мудофаа деворлари ичида фаолият кўрсатган.

С.К.Кабанов М.Е.Массон ўртасидаги қарама-қарши фикрларни аниқлаштириш ва Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлигининг учинчи ташқи мудофаа деворлари қолдиқларини топиш мақсадида ўтган асрнинг 70-йилларининг охирларида яна бир археолог олим М.Тўрабеков Қарши

темирйўл вокзалининг орқа томонидаги ҳудудларда археологик қазишма ишлари олиб борди. Тадқиқотлар натижасида бу ҳудудда жойлашган пасткам ва кенг тепалик Қалъайи Зоҳҳаки Мороннинг ташқи учинчи мудофаа деворларининг қолдиқлари эканлиги маълум бўлди ва амалда М.Е.Массон томонидан билдирилган фикр тўғри эканлиги илмий жиҳатдан ўз тасдиғини топди [6, с. 69-70].

Қалъайи Зоҳҳаки Моронда кейинги йилларда ҳам археологик қазишма ишлари олиб борилган. 1984 йилда ёдгорликнинг марказидаги арк харобалари устида М.Ҳ.Исомиддинов ва Ш.А. Раҳмоновлар томонидан археологик тадқиқотлар олиб борилган ва араблар истилоси арафасида фаолият кўрсатган кикич бир қасрнинг бир қисми ўрганилган ва хоналарнинг биридан тақасимон шаклга эга бўлган алтар топилган [1, с. 46]. Кейинроқ бу қазишмалар ушбу сатрлар муаллифи томонидан давом эттирилди ва бу қасрнинг яна олти хонаси ва ҳовлисининг бир қисми очиб ўрганилди. Бу ерда очилган хоналар мажмуаси араблар истилосигача бўлган даврда Ўрта Осиё меъморчилигида кенг тарқалган “тароқсимон коридорли тарх” асосида бунёд этилганлиги аниқланди [4, с. 7-8].

Қалъайи Зоҳҳаки Морон ўрнидаги шаҳар қачон ўз фаолиятини тўхтатганлиги тўғрисидаги масала билан ҳеч ким шуғулланмаган ва унинг мудофаа деворлари устида тадқиқот олиб борган М.Туребеков ҳам бу борада бирон-бир фикр айтмаган.

Бизнинг фикримизча, Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлиги ўрнидаги қадимий шаҳар Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар Эрони ҳарбий иттифоқининг Эфталитлар билан 562–564 йилларда олиб борган уруши ва Эфталитлар империясининг тарих саҳнасида кетиши даврида бу давлатнинг марказий шаҳарларидан бири сифатида, Никшапайа-Нахшаб шаҳри (Еркўрғон ёдгорлиги) ва Шулуқтапа (кейинчалик Нахшаб-Насаф) ўрнидаги улкан шаҳарсимон қалъа билан бир пайтда вайронага айланган бўлса керак. Мана шу уруш оқибатида Қарши ва Ғузор воҳалари ҳудудларидаги жами шаҳарлар ва қишлоқларнинг аксарияти вайронага айланган. Қарши ва Ғузор воҳаларида олиб борилган археологик кидирувлар даврида қўлга киритилган маълумотлар жуда кўплаб шаҳарлар ва қишлоқлар айнан Еркўрғон билан бир даврда ўз фаолиятларини тўхтатганликларини кўрсатади, яъни улардан топилган сопол буюмлар парчалари Еркўрғоннинг энг устки қатламларидан топилган сопол буюмлар билан айнан бир хил.

Қалъайи Зоҳҳаски Морон ўрнидаги шаҳар вайрон бўлганидан кейин орадан 15-20 йил ўтиб, тахминан VI асрнинг сўнгги йилларида ва VII асрнинг бошларидан бошлаб бу шаҳарча ҳудудида қайта қурилиш ишлари олиб борилган, лекин мудофаа деворларида қурилиш ва таъмирлаш

ишлари кўзга ташланмайди. Бу даврда унинг марказида жойлашган арк вайронлари текисланиб, ҳосил бўлган платформа устида юқорида айтиб ўтилган кичикроқ қаср барпо этилган. Бу қаср араблар истилоси даврида вайронага айланган ва маълум муддат унинг ўрни ҳувиллаб қолган.

Араблар истилосидан кейинги даврда, хусусан қорахонийлар сулолалари ҳукмронликлари даврида шаҳар харобалари ўрнида, аркнинг устида ва унинг атрофларида кичикроқ ўрта аср қишлоғи фаолият кўрсатган. Биз томонимиздан арк устидаги қаср харобаларини ўрнилиши даврида унинг энг юқори қисмида мана шу даврга оид маданий қатламлар ва сирланган сопол буюмлар парчалари учраб турди. Ўрта асрларга оид бу қатламлар анчайин юпқа бўлиб, уларда бирон-бир меъморий қолдиқлар кузатилмади. Қисқа муддат фаолият кўрсатган бу қишлоқнинг ночор уйлари қолдиқлари тик кўтарилган аркнинг устидан қисқа муддатларда тамоман ювилиб кетганлигини тахмин қилиш мумкин. М.Е.Массоннинг маълумотларида хусусан олим томонидан тақдим қилинган ёдгорлик тархида аркнинг атрофларида XI-XII асрларга оид археологик буюмлар учраши қайд этилган. Худди мана шундай ҳолат биз томонимиздан қадимий Насаф шаҳри харобалари бўлмиш Шулуқтепа аркида олиб борилдган археологик қазилмалар даврида ҳам кузатилди. Шулуқтепа аркидаги йирик иншоот-қалъа араблар истилоси даврида ёки ундан сал аввалроқ вайронага айланган. Кейин эса қарийб икки юз йил ҳувиллаб ётган ва қорахонийлар даврига келиб унинг устида оддий аҳолининг уй-жойлари пайдо бўлган. Олиб борилган қазилмалар даврида у ерда ҳам худди Қалъайи Зоҳҳаки Морондаги каби қорахонийлар даври меъморий иншоотлар қолдиқлари учрамасдан, фақат юпқа маданий қатламлар ва бадраблар учради.

Араблар истилоси даврида ва ундан сал олдиқроқ даврдан бошлаб Осиёнинг жуда кўплаб шаҳарларида антик ва илк ўрта асрлар даврида шаҳарлар мудофасининг муҳим буғини сифатида фаолият кўрсатган аркларнинг ёппасига истеъмолдан чиқиш ҳолатлари кузатилади. Уларнинг қолдиқлари устида кейинги асрларда оддий аҳолининг турар-жойлари, ҳунармандчилик устахоналари ва бошқа вазифаларга мўлжалланган иншоотлар пайдо бўлади. Ҳатто айрим шаҳарларда арк устида саройлар ҳам бунёд этилади. Мана шу даврда Жанубий Суғднинг ўндан ортиқ шаҳарларида ҳам арклар истеъмолдан чиқадилар. Худди шу каби ҳолат Қалъайи Зоҳҳаки Морон аркида ҳам рўй бериб, бу ерда араблар истилоси арафасида оддий аҳолининг турар-жойи пайдо бўлади.

Мавзуга қайтсак, олимларнинг фикрларича, бу шаҳар Жанубий Сибир ва Олтой ўлкаларида азалдан яшаб келган ва милoddан аввалги II асрда жанубга йўл олган улкан юэчжи қабилалари томонидан барпо этилган бўлиб, унинг меъморий хусусияти ва тархи Суғднинг шу

пайтгача мавжуд бўлган шаҳарларидан тамоман фарқ қилади. Бу шаҳарнинг ўзига хос хусусияти шундаки, шаҳар улкан квадрат тархга эга, уч қаторли мудофаа деворларига билан ўраб олинган бўлиб, ўзида Жанубий Сибир, Олтой ва Мўғулистон ўлкаларида қадимдан мавжуд бўлган шаҳарсозлик анъаналари асосида бунёд этилган кўчманчиларга хос шаҳардир. Кейинги асрларда, хусусан, Чигатой улуси даврида Қашқадарё воҳасида худди мана шундай кўчманчилар шаҳарлари сифатида 1318-1326 йилларда Қарши қалъаси, 1334-1336 йилларда Занжир Сарой қурилган [5, с. 215-225].

Қалъайи Зоҳҳаки Мороннинг ҳар учала деворлари ораларидаги ҳудудларда қадимий турар-жойларнинг қолдиқлари кўзга ташланмайди, сабаби шаҳар қурилган пайтда ва унинг кейинги йиллардаги фаолияти давомида унинг барча ҳудуди юэҷжи қабилалари аъзоларининг ўтовлари билан банд бўлган. Томонлари 1,5х1,5 км ҳудудни эгаллаган майдонда оддий қабил аъзоларининг ўн минглаб ўтовлари тикилган бўлса, майдони 400х400 м бўлган ва кучли ҳимоя қилинган қалъада қабиланинг юқори табақалари вакиллари, кўшин бошлиқлари истиқомат қилганлар. Томонлари 210х210 м бўлган қалъа ичида ва шаҳар марказидаги маҳобатли арқда қабилалар иттифоқининг энг юқори табақа вакиллари, подшоҳ, унинг оиласи, ака-укалалари, вазирлар, сарой аёнлари, хуллас юэҷжи қабилалар бошлиқлари яшаганлар. Улар бу шаҳарда доимий ўтроқ яшаганларми ёки мавсум келганида кўчиб ҳам турганларми, бу номаълум. Мана шу пайтда бутун Суғд юэҷжи қабилалари томонидан тўла истило қилинган. Юэҷжи қабилалар иттифоқининг бир қисми бўлган гуйшуан қабилалари жанубга йўл олишиб Бактрия ҳудудларини эгаллаганлар ва улкан Кушон подшолигига асос солганлар.

Қалъайи Зоҳҳаки Морон ўрнидаги шаҳар маълум бир даврда Нахшабнинг сиёсий маркази ҳам фаолият кўрсатган. Лекин шаҳарнинг номи нима бўлганлиги, қайси даврдан бошлаб Қалъайи Зоҳҳаки Морон деб атала бошлаганлиги тўғрисида бирор-бир маълумот йўқ. М.Е.Массоннинг фикрига кўра, илк ўрта асрларда воҳанинг марказий шаҳри бўлган Нахшаб мана шу Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлиги ўрнида фаолият кўрсатган.

Қадимий шаҳар харобалари бўлган ушбу ёдгорликнинг айнан Қалъайи Зоҳҳаки Морон, яъни “Илонлар подшоси Зоҳҳакнинг қалъаси” деб номланиб кетиши ҳам қизиқ. Лекин бу ном қачон, қайси даврда, нечанчи асрдан бошлаб пайдо бўлганлиги тўғрисида бирон-бир жўяли фикр айта олмаймиз. Албатта қадимданок Шарқ халқлари мифологиясида кенг тарқалган ривоятлардан бирининг қаҳрамони золим шоҳ Заҳҳок тўғрисидаги ривоятлар, асотирлар ота-бобларимизга маълум бўлган. Улар подшоҳ Зоҳҳак мана шу қадимий қалъада яшаган, деган ривоятларга

албатта ишонганлар ва ушбу қадимий қалъа харобаларини елкаларидан одамхўл илонлар ўсиб чиққан шохнинг қароргоҳи деб ҳисоблаганлар.

Фирдавсийнинг машҳур “Шохнома” асарида айтилишича, қадим замонларда одамлар дастлаб ўсимликлар истеъмол қилганлар, кейинчалик ёвузлик худоси Аҳриман ошпаз кўринишида намоён бўлиб, Зоҳҳакни гўшт ейишга ўргатган. У биринчи куни Зоҳҳакни тухум ва тухум сариғи билан тўйдирган. Унга бу овқат ёққанидан кейин у қуш овлаб едирган ва учинчи куни кўзичоқ гўшти ва тўртинчи куни эса хўкиз гўшти билан меҳмон қилган. Бундан хурсанд бўлган Зоҳҳак уни мукофотламоқчи бўлганида Аҳриман унинг пинжига ёпишган ва шу маҳалда Зоҳҳакнинг икки елкасидан иккита илон ўсиб чиққан. Зоҳҳак бу илонлардан қандай қутилишни билмай турганида Аҳриман табиб кўринишига кириб, унга бу илонларни одам мияси билан боқишни маслаҳат беради.

Ўша даврда Эрон халқи шох Жамшиднинг зулмидан норози бўлиб, унинг ўрнига Зоҳҳакни шох қилиб кўтардилар. Жамшидни эса арралаб ўлдирадилар. Зоҳҳак тахтга чиққанидан кейин Жамшиднинг иккита синглисини тарбия қилади ва қизлар вояга етганларидан кейин уларга уйланади. Унинг золимона, мустабид подшолиги минг йил давом этади.

Подшонинг буйруғи билан ҳар куни иккита ёш йигит ёки қиз ўлдирилиб, уларнинг миясидан илонларга овқат тайёрланарди. Мана шу даврда Армоил ва Кармоил деган иккита донишманд қурбонлик қилинаётган ёшларнинг биттасини бўлса ҳам қутқариб қолиш мақсадида подшоҳ саройига ошпаз бўлиб ишга кирадилар ва ўлдирилиши лозим бўлган битта ёш йигит ёки қизнинг мияси ўрнига қўй миясини қўшиб овқат пиширадилар. Қутқарилганларни эса тоғу-тошларга жўнатиб юборадилар ва улардан курд халқи пайдо бўлади.

Бир куни тунда Зоҳҳак туш кўради, тушига уч ака-ука киради, кенжасининг кўлида сигир боши кўринишида ясалган қатта гурзи бор эди. У мобадлардан тушини таъбирини топишни талаб қилади. Туш Фаридуннинг дунёга келишини башорат қилганди. Зоҳҳак Фаридунни гўдаклигидаёқ ўлдиришга ҳаракат қилади, лекин ҳар сафар нимадир бунга ҳалақит берарди.

Бир куни Зоҳҳак мобадлар олдида нутқ сўзлади ва қўшин тўпламоқчи эканлигини билдирди. Шунда темирчи Кава подшоҳдан ёлғиз ўғлини жангга юбормасликни илтимос қилиб сўради, чунки унинг 17 та ўғли қурбонлик қилиниб, уларнинг мияси Зоҳҳакнинг илонларига берилган эди. Ўғли қутқарилгандан кейин Кава халқни тўплаб подшоҳга қарши исён кўтаради, Зоҳҳак эса исённи бостира олмасдан яширинишга мажбур бўлади.

Фаридун қўшини билан Зоҳҳакнинг пойтахти Иерусалимни эгаллайди, Зоҳҳак эса Ҳиндистонга қочади. Кейинроқ Зоҳҳак яна қайтиб

ўз пойтахтини эгаллайди ва саройга бориб Фаридун билан яккама-якка жангга киради. Фаридун гурзиси билан унинг дубулғасини иккига бўлиб ташлайди. Бунда ҳам ўлмаган Зоҳҳакни тубсиз жар устидаги қояга қоқиб ташлайдилар ва у мана алфозда азобли ўлим топади.

Қарши воҳасидаги қадимий ёдгорликни Қалъайи Зоҳҳаки Морон, яъни илонли Зоҳҳак қалъаси деб номланишига балки Фирдавсийнинг “Шоҳнома” асари сабаб бўлган, ёки бизнинг ота-боболаримиз “Шоҳнома” сиз ҳам Зоҳҳак тўғрисидаги ривоятдан хабардор бўлганлар. Бу ривоят бутун Шарқ халқлари орасида кенг тарқалган, Фирдавсий ҳам ўзининг шоҳ асарига ушбу ривоятни киритган бўлса керак.

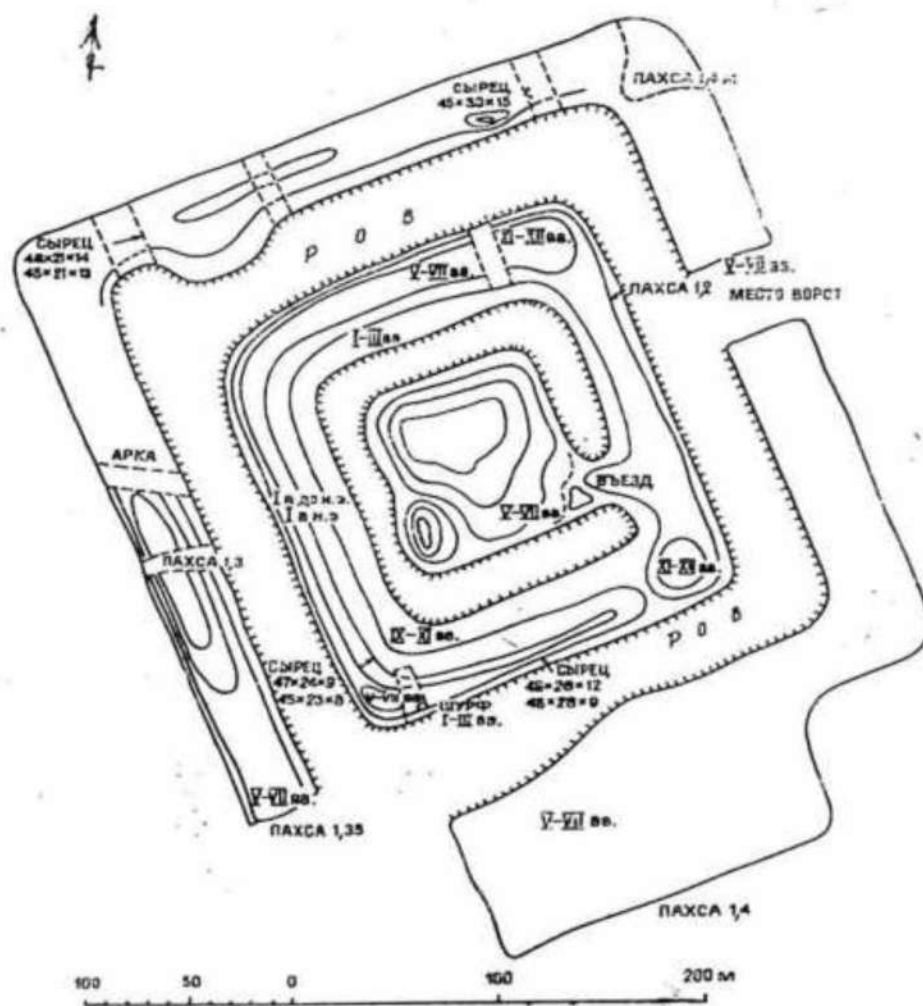
Хуллас, Қарши воҳасида Никшапайа (Нахшаб) билан бир вақтда фаолият кўрсатган қадимий улкан шаҳарнинг тарихи ва унинг Қалъайи Зоҳҳаки Морон номи билан аталганлиги тўғрисида мана шу маълумотлар мавжуд.

Минг афсуски, ушбу мақола сўнггида Қалъайи Зоҳҳаки Морон номи билан аталадиган ноёб археологик обиданинг бугунги тақдири аянчли эканлигини айтмасдан иложимиз йўқ. Унинг 1,5x1,5 км майдонни эгаллаган ташқи учинчи девори қадимдаёқ бузилиб кетган. Лекин 400x400 м майдонни эгаллаган иккинчи қатор мудофаа деворининг 200–300 м узунликдаги қисми унинг шимол ва жануб томонларида ўтган асрнинг 70–80 йилларида ҳам бор эди. Ҳозир эса бу девордан ному– нишон қолмаган, ҳатто 210x210 м майдондаги биринчи қатор мадофаа девори ҳам маҳаллий аҳоли томонидан бузилиб уй–жойлар қурилган ва ҳозир унинг ярми ҳам қолмаган. Хуллас, қадимги дунёнинг энг йирик шаҳарларидан бирининг қолдиқлари бўлган, бир ярим минг йил давомида бус-бутун турган Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлиги ўз халқимиз, ўз юртдошларимиз томонидан кўз ўнгимизда вайрон қилиниб бўлди, ҳисоби. Бизнинг эндиги вазифамиз бу улуғ обидани қолган қисмларини бўлса ҳам шундайлигича сақлаб қолишдан иборат.

Адабиётлар рўйхати:

1. Исамиддинов М.Х., Раҳманов Ш.А. Предварительное исследование цитадели городища Калаи Захоки Морон // Тезисы докладов конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». – Ташкент, 1985.
2. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
3. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966 гг.). Ташкент, 1973.

4. Раимкулов А.А. Культура сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего феодализма. Автореферат канд.дисс. Самарканд, 1992.
5. Раимкулов А.А., Султанова Д.Н. Города и селения монгольского и тимуридского времени в долине Кашкадарьи (археологическое изучение, интерпретация, локализация). Материалы международного симпозиума «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». Самарканд – Бишкек, 2005.
6. Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Морон// ИМКУ, вып.15, Ташкент, 1979.

1-расм. Қалъайи Зоҳаки Мороннинг КАТЭ олимлари томонидан олинган 210x210 м ўлчамли биринчи мудофаа девори ҳажмдаги плани.

ТОХАРИСТОН ВА СЎҒДАГИ ДИНИЙ ЭЪТИҚОДЛАР МИГРАЦИЯСИ МАСАЛАЛАРИ

Антик даврнинг охирлари, яъни IV-V асрлар Ўрта Осиё халқлари тарихида муҳим босқич ҳисобланади. Айнан мана шу даврда антик дунёнинг улкан салтанатларидан бири бўлган Кушон давлати ички ва ташқи сабабларга кўра бир нечта мустақил мулкларга бўлиниб кетади. Хусусан, минтақанинг жанубида Тохаристон ва Марв алоҳида ажралиб чиқади. Улардан шимолда, Қашқадарё ва Зарафшон дарёлари воҳаларида Сўғд, сўнг кўшни Уструшона, ундан кейин Фарғона, Ўрта Осиёнинг шимолий худудларида Чоч ва Хоразм мулклари шаклланади.

Миграция жараёнларида диний муносабатларнинг ўрни доимо бўлакча бўлган. Илк ўрта асрларнинг дастлабки даврида Ўрта Осиёдаги диний қарашлар мураккаб ҳолатда эди. Тадқиқотчиларга кўра, бу даврда тўртта йирик динлар-зардуштийлик, буддавийлик, христианлик ва монийлик диндорлари (коҳинлари) ўз динларини тарғиб қилишга ҳаракат қилганлар. Шу билан бирга, биров куйроқда кўриб ўтиладиганидек, бу даврда, хусусан, Турк хоқонлиги даврида минтақада қадимги туркларга хос эътиқод – Тангричилик эътиқоди ҳам ёйила бошлайди.

Сўғд ва Тохаристонда илк ўрта асрларда мавжуд бўлган динлар орасида албатта зардуштийлик ва буддавийлик етакчилик қилган бўлиб, улар орасида иккинчиси борган сари кенг ёйила борган. Гарчи ҳозирги кунда археологик материалларда ўз исботини топмаган бўлса-да, илк ўрта асрларда Сўғдда буддавийлик ўз таъсирини кўрсатганини тасдиқлайдиган ёзма маълумотлар мавжуд. Жумладан, “Тан-шу” йилномасида Самарқанд ҳукмдорлигидаги диний эътиқодлар билан боғлиқ “*Буддавийлик қонунига амал қилишади. Заминнинг ёмонлик руҳига илтижо қилишади. Юқори даражадаги маҳоратга эга дастгоҳлар яшади. Ўн биринчи ойда чилдирма [чалишади] ва [рақс] тушиб илоҳдан совуқ [юбориши]ни сўрашади, вақтичоглик қилиб бир-бирларига сув сепишади*» [2, 310; 4, 35] мазмунида маълумот учраб, ушбу маълумотдан ҳар иккала диннинг ўзаро қоришгани пайқалади. Яъни йилномада “*Буддавийлик қонунига амал қилишади*” деб урғу берилиши билан бирга унинг ортидан “*Заминнинг ёмонлик руҳига илтижо қилишади Ўн биринчи ойда чилдирма [чалишади] ва [рақс] тушиб илоҳдан совуқ [юбориши]ни сўрашади, вақтичоглик қилиб бир-бирларига сув сепишади*” мазмунида маълумот берилиши Сўғднинг марказий ҳокимияти мавқеидаги Самарқандда буддавийлик давлат даражасидаги эътиқодга айланганини, бироқ маҳаллий диний

анъаналар ҳам унутилмаганини кўрсатади. Сўғднинг нисбатан чекка ҳудудларида эса зардуштийлик эътиқоди нисбатан кучли сақланган бўлиб, «Бэй-ши» ва «Суй-шу» йилномаларида Цао (Иштихон ёки Кабудон) ҳукмдорлигидаги диний эътиқод билан боғлиқ келтирилган куйидаги маълумот бу фикрни тасдиқлайди: *“Ушбу ҳукмдорликда Дэси руҳи бор бўлиб, Ғарбий денгиз (Каспий) шарқда жойлашган ўлкаларидаги бутун ҳукмдорликлар унга сизинадилар ҳар кун унга бешта туя, ўнта от ва юзта қўй қурбонлик қиладилар. Қурбонлик келтирувчиларнинг сони баъзан бир неча минг кишидан ошади ва қурбон қилинган (моллар)ни еб тугатишининг иложи бўлмайди”*[2, 274, 286-287]. Ушбу диний урф-одатлар буддавийлик анъаналаридан тубдан фарқ қилиб, афтидан бу ерда кўпроқ минтақанинг ўтроқ аҳолисига хос зардуштийлик ва кўчманчиларга хос анъаналар (эхтимол, Тангричилик) ўзаро қоришган бир диний эътиқоди тизими шаклланган эди.

Шунингдек, “Тан-шу” йилномасида Иштихон тўғрисида куйидагича маълумот учраб, унинг мазмунидан илк ўрта асрларда бу ерда маҳаллий диний эътиқодлар билан боғлиқ ибодатхона жой олган эди: *“Ғарбий Цао (Иштихон) ҳукмдорлиги – жанубдан Ши (Кеш) ва Болан (Нахшаб) ҳукмдорликлари билан чегарадош. Сидихин (Иштихон) шаҳридан бошқарилади. Шимоли-шарқда Юйди шаҳридан ўтилади, Дэси руҳи ибодатхонаси бор. Аҳолиси унга сизинишади. Бу ибодатхонада ёзувли олтин анжом бор, ёзилишича бу анжомни Хан сулоласидан бўлмиш Осмон Ўғли (Хитой императори) тақдим этган”* [2, 312-313; 4, 38-39].

Ушбу маълумотдан ҳам англашилича, Сўғднинг Самарқанддан бошқа ҳукмдорликларда “Дэси руҳи” тушунчаси буддавийликка нисбатан кенг ёйилган бўлиб, ушбу тушунча айнан қандай эътиқод билан боғлиқлиги ҳалигача етарли ўрганилмаган. Шунга ўхшаш тушунча эхтимол Кеш ҳукмдорлигида ҳам мавжуд бўлган. Дарвоқе, Сўғд ўлкасининг жануби-ғарбий қисмида жойлашиб, Тохаристоннинг Чағониён, Шуман ва Ахарун каби ҳокимликлари билан қўшни бўлган Кеш (Шахрисабз) ҳукмдорлигидаги диний эътиқод билан боғлиқ “Тан-шу” йилномасида шу тарика маълумотлар *“Ши (Кеш)да ҳар бир қурбонлик келтириши маросимида мингтагача қўй сўйиладиган ибодатхона бор. Ҳар бир урушга кетишдан олдин бу ерда ибодат амалга оширилади”* ўрин олган[4, 43]. Бу маълумот мазмунидан Иштихон ва Кабудондаги каби бу ерда ҳам қурбонлик қилиш анъанаси мавжуд бўлиб, ушбу анъана замирида зардуштийлик ва кўчманчиларга хос маросимлар ўзаро синтезлашгани кузатилади.

Бу ҳолат, яъни Сўғд ва Тохаристонда зардуштийлик ҳамда буддавийликнинг аралаш ҳолда учраши нафақат ёзма манбалар, балки моддий ёдгорликлар асосида ҳам ўз тасдиғини топган. Олиб борилган

тадикотларга кўра, Тохаристонда ёйилган буддавийлик зардўштийликнинг айрим жиҳатларини, хусусан, оловга сажда қилиниши ўзлаштирган бўлиши мумкин. Мисол учун, Вахш воҳасидаги хукмдор саройидан катта ўчоқ излари, сарой ёнидан эса, буддавийлик ибодатхонаси қолдиқлари аниқланган[12, 41]. Бироқ бу фикр ҳали етарлича ўз тасдиғини топмаган.

Бу даврда Ўрта Осиёда кенг тарқалган динлар орасида зардўштийлик энг қадимгиси бўлиб, бошқа динлар кириб келгунига қадар Ўрта Осиёнинг деярли барча ҳудудларига ёйилиб бўлган эди. IV-V асрларга келиб Ўрта Осиёнинг марказий ва шимолий ҳудудларида бу диннинг устунлиги сақланиб қолган эди. Мисол учун, Қашқадарё (Жанубий Сўғд)даги Ерқўрғон кўҳна шаҳри харобаларни қазиш жараёнида иккита – шарқий ва ғарбий ибодатхоналардан иборат мажмуа қазиб очилган. Зардўштийларга тегишли бўлган ушбу ибодатхоналар катта ҳовли, сиғиниш хонаси, дуолар ўқиладиган катта хона, доимий олов ёниб турадиган ўчоғ (алтарь)дан иборат бўлган. Ибодатхоналарнинг қазишмалари пайтида диний эътиқодлар билан боғлиқ кўплаб ашёлар топиб ўрганилган [32, 131-143].

V-VI асрларга оид оғзадон (оссуарий)лар билан дафн этиш маросимларининг излари Бухоро воҳасидан аниқланмаган. Бундай дафн маросимлари Тохаристонда эса жуда кам учрайди. Хусусан, Ҳисор водийсидан топилган ағзадонда сўғд ёзувлари аниқланган. Сўғд ва Тохаристонда баъзи ҳолларда ағзадон ўрнига хумларга дафн этиш маросимлари ҳам аниқланган. Тадқиқотчилар орасида оғзадонларга дафн этиш Тохаристон эмас, Сўғд учун хос бўлган, деган фикрлар ҳам бор [23, 31-44].

Буддавийлик асосан минтақанинг жанубий ҳудудларига ёйилган эди. Илк ўрта асрлар даврида Термизга буддавийлик марказлари Қоратепа ва Фаёзтепа, Қубодиён (Кободиён)даги, Амударё бўйида жойлашган Уштурмулло монастири вайронага айланиб, ташлаб кетилади. Тадқиқотчиларнинг фикрича, бу ҳолат аввало Эрон сосонийларнинг босқинчилик ҳаракатлари, кейинроқ эса, Эфталийлар олиб борган сиёсат билан боғланади[26, 49-56]. Аммо, бу ҳудудларга буддавийликнинг кириб келиши эфталийлар билан боғлиқ ҳолда кечмаган.

Насронийлик (христианлик) дини масаласига келадиган бўлсак, бу дин Ўрта Осиёга анча илгари кириб кела бошлаган. Айрим тадқиқотчилар бу ҳолатни Сосонийлар Эронда насронийларнинг таъқибга учраб, Шарққа кўчишлари билан боғлайдилар. Ўрта Осиё минтақасида насронийларнинг маркази Марв шаҳри эди. Хусусан, Гяур қалъада насронийларнинг ибодатхонаси, кўҳна Марвда эса насронийларнинг

қабристонни казишмалар орқали аниқланган. Бу диннинг Марв воҳасида кенг ёйилганлиги ҳақида кўплаб маълумотлар мавжуд [10; 9, 91-95].

Насронийликнинг Бактрия ҳудудларига кириб келиши кушон даври билан боғланади. Бу ҳудудлардаги эфталийларнинг бир қисми бу динни қабул қилиб, 549 йилда несториан патриархи Мар Абудан ўзларига епископ жўнатишини сўраб мурожаат қиладилар [22, 121-134].

Зардуштийликнинг мавқеи кучли бўлганлигига қарамадан Сўғдда ҳам насронийлик тарқалган эди. Мисол учун, М.Е. Массон 1938 йилда Самарқанд вилоятининг Ургут туманида насронийлик ибодатхонасининг қолдиқларини аниқлаб, бу диннинг Ўрта Осиёга кириб келишини Сурия ва Эрон ҳудудлари билан боғлаган [19, 21]. Шунингдек, Ургут туманидаги Қўштепа 1 манзилгоҳидан VII-VIII асрларга оид насронийлик сиғиниши иншооти, унинг ёнидан, IX-X асрларда оид насронийлик қабристонни аниқланган. Бу қабристондан топилган ёзувларни таҳлил қилган Ю.Ф. Буряков уларни “насронийликка давъат этувчи битиклар”, деб таъриф берган [7, 21-26]. Демак, бу ҳудудларда IX-X асрларда ислом дини билан бирга насронийлик ҳам мавжуд бўлган.

Яқин йилларда А.А. Раимқулов Сўғддаги Шайхали кўрғони (Қарши атрофида)да тадқиқотлар олиб бориб, насронийликка оид дафн этиш иншоотини аниқлади. Ушбу иншоотда ҳали Ўрта Осиёда номаълум бўлган 3 хил кўринишдаги насронийлик дафн этиш анъаналари кузатилди. IV-VI асрларга оид дафиналар кичик ғорсимон хоналардан топилди. Муаллиф ушбу иншоотнинг пайдо бўлишини миграция жараёнлари билан боғлайди [24, 222-231].

Э.В. Ртвеладзенинг изланишларига кўра, VI-VII асрларда насронийликнинг несториан оқими кучайиб, насроний жамоаларининг кўпайиши натижасида йирик шаҳарларда митрополит (дин тарғиботчиси, олий даражали руҳоний) бошчилик қилувчи насроний жамоалари шаклланади. Сурёний манбаларнинг хабар беришича, патрифарх Иешуб II (628-643 йй.) даврида Самарқандда, Ҳиротда, Ҳиндистон ва Хитойда насронийлик жамоалари ва уларнинг ибодотхоналари ташкил этилган [29, 172].

Сўғдда насронийлик жамоаларининг миграцияси ва шаклланиши X асрда ҳам давом этганлиги ҳақида араб географи Ибн Хавқал маълумот беради. Унинг хабарига кўра, *“Самарқанддан жануб томонда Шавдар тоғи бор Шавдар тоғида насронийларнинг ибодатхонаси бўлиб, бу ерда насронийлар йиғиладилар ва ўз авлиёлари учун ибодат қиладилар. Мен у ерда ҳосилдор ерлар, қулай табиий шароит ва тоза ҳаво излаб Эрондан кўчиб келган насронийликларни учратдим. Кўплаб насронийлар доимий яшайдиган ибодатхонада кўчмас мулк ҳам мавжуд. Сўғднинг катта*

қисмига таъсир ўтказадиган бу жой Вазгерда номи билан маълумдир” [13, 18-20].

В.В. Бартольднинг фикрига кўра, насронийларнинг бу қишлоғи, Самарқанддан жанубда, Ургут тумани худудида жойлашган [1, 74]. Шу жойдан, Ургутнинг жануби-ғарбидаги Гулбоғ дарасидан сурия ёзувлари ва хоч (крест)лар тасвири туширилган ўнлаб тошлар топилган [29, 175]. Ушбу маълумотлар Ургут ва унинг атрофлари бир неча асрлар давомида Ўрта Осиёдаги насронийлик маркази бўлганлигидан далолат беради.

Тохаристон худудларига насронийликнинг кириб келиши Эрон ва Сурия худудлари билан боғланиб, бу ердаги Буюк ипак йўлининг тармоқлари орқали Шарқий Туркистон ва Хитойга ёйилади. Насронийлик анъаналарига кўра, бу диннинг Шарққа, Ҳиндистонга ва унга қўшни бўлган худудларга, хусусан, Тохаристонга ёйилиши роҳиб Фома номи билан боғланади [5, 47]. Роҳиб (апостол) Фоманинг фаолиятидан ташқари фанда янада ишончлироқ бошқа маълумотлар ҳам бор. Мисол учун, насронийликнинг Ўрта Осиёга, хусусан Бактрияга кириб келиши ҳақида муаллифи Вардессан (154-222 йй.) ёки унинг шогирдлари томонидан III аср ўрталарида яратилган Суриянинг “Мамлакатлар қонунлари китоби”да маълумотлар мавжуд [17, 101-102].

Арман тарихчиси Егеше Вардапед ҳам Тохаристонда насронийлик ёйилишини Сурия ва Эрондаги насроний қавмларнинг миграцияси билан боғлайди [28, 44-48].

Э.В. Ртвеладзенинг хулосаларига кўра, милонинг дастлабки асрлари (II-V)да насронийлик Марв ва Тохаристонда кенг ёйила бошлайди. Дастлабки пайтларда насронийларнинг миграцияси стихияли равишда бошланган бўлса, VI-VII асрларга келиб бу жараён мақсадли равишда кенгайиб борган. Ушбу миграция жараёнларида насронийлик динининг несториан оқими етакчи мавқега эга бўлган бўлиб, бу фактни далилловчи маълумотлар Тохаристон ва унга қўшни бўлган худудлардан кўплаб топилган [28, 46; 21, 42-55].

Мисол учун, ўтган асрнинг 30-йилларида М.Е.Массон Термиз атрофларида олтин медальонни қўлга киритади. Бу топилманинг бир томонида қўй тасвири, унинг тагида эса кичкина хоч (крест), орқа томонида эса одам тасвири туширилган. Олим ушбу топилмада насронийлик киёфаси ва рамзлари туширилганлигини асослаб берган [20, 18-20].

1959 йилда Л.И. Альбаум бошчилигида Сурхондарё вилояти ўлкашунослик музейи илмий ходимлари ва Ўзбекистон ФАнинг илмий ходимлари билан ҳамкорликда археологик экспедицияда иштирок этдилар. Ангор туманига уюштирилган ушбу экспедиция давомида Зангтепа ёдгорлигида қазилма ишлари олиб борилди ва кўплаб моддий

маданият буюмлари топиб, ўрганилди. Дикқатга сазовор томони шундаки, ушбу топилмалар орасида ҳам метал медальон (тумор) топилган бўлиб, унинг ҳам бир томонида кўй тасвири, тасвир тагида кичкина хоч, орқа томонида одам тасвири туширилган [6, 39-40].

Сўнгги йилларда насронийлик рамзлари акс эттирилган Ўрта Осиё тангаларининг топилиши ҳам дикқатга сазовордир. Масалан, Панжикентдан топилган танганинг терс томони марказида несториан типидagi хоч ва ёнида Сўғд ҳукмдорликлари сулоласининг сулолавий белгиси кўйилган танга, Варахша кўҳна шахридан топилган тангада эса ёввойи ҳайвон ва марказида несториан хоч тасвири туширилган. О.И. Смирнованинг фикрича, бу типдаги тангалар насроний Сўғд мулкдорлари ёки насроний жамоалари ёхуд насроний ибодатхоналар томонидан зарб этилган бўлиши мумкин [31, 48].

Афросиёб тепалигининг тарихий қисмларидан бирида VII асрга оид бронза танга топилган. Ушбу танганинг ўнг томонида монголоид ирқи белгилари бўлган ҳукмдорнинг кўкракдан юқори қисми баланд бош кийимда тасвирланган. Бошнинг ўнг томонида несториан типидagi катта хоч туширилган. Тадқиқотларга кўра, хочларни бу кўринишда тасвирлаш Византияда, Юстиниан I (527-595 йй.) зарб эттирган тангаларда ҳам учрайди [11, 61-62]. Тангаларда насронийлик рамзларининг кўп учраши маҳаллий ҳокимларнинг ушбу динни кўллаб-қувватлаганларидан ҳамда маҳаллий ҳокимиятнинг насронийлар номидан тангалар зарб этилишига монелик қилмаганларидан далолат беради.

Ўрта Осиёнинг турли археологик ёдгорликларидан насронийлик динининг ёйилганидан далалот берувчи тангалардан бошқа моддий маданият буюмлари ҳам кўплаб топилган. Жанубий Туркманистондаги Кўктепа (Гўкдепе)дан топилган бронза тумор, айлана тўқалар, Ургут ёдгорликларидаги хум туткичи, чирок, Самарқанддаги “Муқаддас Мин ампуласи” (унча катта бўлмаган, икки туткичли идиш), Ўшдаги сопол плитка, Афросиёбдаги бронза хоч, Панжикент насроний қабрларидаги ашёлар шулар жумласидандир.

Насронийликнинг Ўрта Осиёга миграцияси ҳақида айрим ёзма ёдгорликлар ҳам мавжуд. Мисол учун, Панжикентдан топилган сопол парчаси VIII асрнинг ўрталарига оиддир. Ушбу сопол парчасида Библиянинг сурия вариантыдан парча битилган. Насроний мазмундаги бундай сурия битиклари Ургут ҳудудларидаги ёдгорликлардан кўплаб топилган. Аммо, ёмон сақланганлиги боис улардан кўпчилигининг ўқилиши жуда қийинлиги ҳақида маълумотлар бор [30, 41-42].

Насронийлик дини миграцияси билан боғлиқ ёзма ёдгорликлар шунингдек Қирғизистондаги Чу водийси, Тароз (хоз. Жамбул), Оқ Бешим, Туркманистондаги Марв, Шарқий Туркистон ёдгорликлари ва Тибетдан

топиб ўрганилган. Маълумотларга кўра, насронийлик кенг ёйилганлигини тасдиқловчи ушбу ёзувларни кўпчилиги сурия алифбосида сўғд тилида битилган. Шу билан биргаликда насроний матнларни ўз тилларига ўгирган сўғдийлар сўғд ёзувидан ҳам фойдаланганлар [14, 93].

Фикримизча, антик ва илк ўрта асрлар даврида Сўғд, сўғдийлар ва сўғд тилининг халқлар ҳамда диний оқимлар миграцияси, худудлар ўртасидаги иқтисодий ва этномаданий алоқалардаги, маданиятлар миграцияси ва алмашинувидаги аҳамиятини, Шарқ ва Ғарб ўртасидаги воситачилик мавқеини (ушбу ҳолатларни далилловчи фактик маълумотлар жуда кўп), айниқса, маданий муносабатларидаги хилма-хилликни бу ўринда яна бир марта эътироф этиш мақсадга мувофиқдир.

Чағониёнда ҳам монийликнинг мавқеи кучли бўлиб, маълумотларга кўра, VIII аср бошларида (719 й.) Чағониён ҳукмдори Хитой императорига монийлик тарғиботчиси (буюк Мо-жо)ни ушбу диннинг роҳиби ва элчи сифатида юборди. Ҳукмдор императорга ёзган мактубида Мо-жо фалакиёт (астрономия) бўйича билимдон эканлиги, зукко донишмандлиги, у жавоб бера олмаслиги мумкин бўлмаган бирорта ҳам савол йўқлиги ҳақида ёзиб, тарғиботчига ўз дини (яъни, монийлик – Ш.Н.) қонун-қоидаларини адо этиш учун ибодатхона куриб беришини сўрайди [29, 182].

Ушбу маълумотлардан Чағониёнда монийлик дини нафақат ҳатто ҳукмдор тан олган расмий дин, балки аҳоли орасида бирмунча тарқалган инонч тизими ҳам бўлган бўлиши мумкинлиги ҳақидаги тахминни илгари суриш мумкин.

Бу ўринда Афросиёбнинг деворий суратлари орасига битилган ҳамда В.А.Лившиц томонидан ўқиб, таҳлил этилган ёзув диққатга сазовордир. Унда Чағониён ҳукмдори Туронтошнинг Самарқанд ҳукмдори Авархуманга юборган элчилиги ҳақида маълумот берилади. Хусусан, Сўғд пойтахтига келган Чағониёнликлар Самарқанд аҳолиси ўртасида ўз динларини тарғиб этишлари ҳақида сўз боради. Олимнинг фикрича, бу ерда сўз монийлик дини ҳақида бораётир [15, 87-93].

Ўтган асрнинг 70- йиллари охирида Сурхондарё дарёсининг чап қирғоғида, Боботоғ этакларидаги Биттепа мазор-қўрғонида тадқиқотлар ўтказилган. Тадқиқотлар натижасида 15-20 метрли бир нечта тепаликлардан иборат қабрлардан инсон суяклари билан диний маросимлар билан боғлиқ ашёлар топилган. Бу даҳмадан 4 км узоқликда илк ўрта асрларга оид Будрач кўҳна шаҳри харобалари жойлашган бўлиб, Э.В. Ртвеладзе Биттепа даҳмаси ушбу кўҳна шаҳар аҳолисига тегишлилигини тахмин қилади. Олим бу фикрини, даҳманинг кўҳна шаҳардан анча узоқда (кўпчилик даҳмалар шаҳар атрофи, шаҳар ёки қишлоқ яқинида жойлашади) жойлашганлиги боис, у қандайдир алоҳида

диний жамоага тегишли бўлиши мумкинлиги ҳамда кўмиш маросимидаги айрим анъаналар моний жамоаларига хослиги билан изоҳлайди ҳамда қиёсий таҳлилларни келтиради [25, 123-130; 27, 123-130].

Тадқиқотчиларнинг фикрига кўра, Турк хоқонлиги даврига келиб вазият ўзгаради. Яъни, VI асрнинг ўрталарига келиб, Шарқий Турк хоқонлиги буддавийлик ташвиқотининг кучли таъсирида бўлади. VII асрнинг бошларидан бошлаб бу таъсир Фарбий Турк хоқонлигига ҳам ёйилади. VII асрнинг бошларида Иссиккўл атрофларида бўлган Тун Ябғу-хоқон Хитой роҳиби Сюань Цзанни дўстона қабул қилиб, унинг дуоларини эшитади[3]. Ажинатепа йирик буддавийлик монастири айнан VII асрнинг иккинчи ярми – VIII асрнинг иккинчи чорагига оидлиги аниқланган [16]. Тохаристондаги ёдгорликлар – Хиштепа ва Қалъаи Кофирниҳондаги ибодатхоналар, Кофирқалъа шаҳридаги буддавийлик сиғиниш жойи VII-VIII асрларга оиддир[18, 22-23].

Шарқий Турк хоқонлигидан фарқли ўлароқ ўз этник таркибига кўра, Ўрта Осиё ва унга туташ ҳудудлардаги кўчманчи ва ўтроқ аҳоли ўзаро қалин алоқадаги ҳудудларни ўз ичига олган Фарбий Турк хоқонлигининг аҳолиси полиэтник характерда эди. Яъни, Шарқий Туркистондаги тохар ва хўтан (шарқий эроний) ҳамда Амударё–Сирдарё оралиғи ва унга туташ ҳудудлардаги сўғдий, бактрий, пахлавий, хоразмий каби шарқий эроний тилли воҳа давлатларининг Фарбий Турк хоқонлиги таркибида бўлиши, зардуштий, моний, буддавий динларга эътиқод қилувчи аҳолининг борлиги [8, 147-164] хоқонликка нафақат маданий ва мафкуравий жиҳатдан таъсир қилган балки унинг сиёсий бошқаруви билан боғлиқ унвонлар тизимига ҳам таъсир кўрсатмасдан қолмаган. Бу эса ушбу хоқонликда турли дунёқарашлар ва диний эътиқодларнинг бир-биридан ўзаро таъсирланиши учун имконият яратган.

Адабиётлар рўйхати:

1. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. – М.: Наука, 1965. – С. 74.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Том II. – С. 274, 286-287.
3. Бобоёров Ғ. Тун ябғу-хоқон. – Тошкент: Abu Matbuot Konsalt, 2011.
4. Бобоёров Ғ., Кубатин А., Зиёев Ш. “Тан шу” (“Тан сулоласи тарихидан”) / Ўзбекистон тарихи. Хрестоматия, 2/1. – Т.: Фан, 2014. – Б. 35.
5. Боричевский И.А. Митраизм и христианство. – М.: Наука, 1979. – С. 47.
6. Ботиров И.Т. Сурхондарё вилояти ўлкашунослик музейи тарихи. – Тошкент: “Фан”, 2011. – Б. 39-40.

7. Буряков Ю.Ф. Этнокультурная ситуация в Среднеазиатском Междуречье в древности и средневековые // Ўзбекистонда демографик жараёнлар. Халқ конф.мат. I қисм. – Тошкент, 2005. – С. 21-26.
8. Горячева В.Д. Городская культура... – С. 147–164.
9. Дресвянская Г.Я. Проникновение христианство в Средней Азии // Миграция и культура Средней Азии в древности. – Ташкент: Фан, 1990. – С. 91-95.
10. Дресвянская Г.Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания.– Ташкент.: Фан. 1978;
11. Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М.: Наука, 1983. – С. 61-62.
12. Зеймаль Т.И. Вахшская долина в древности и раннем средневековые. – М.: Наука, 1973. С. 41.
13. Ибн Хаукал. Китаб сурат ал-арз. Извлечение Перевод с арабского О.Б.Фроловой // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. – Ташкент: Фан, 1988. – С. 18-20.
14. Кляшторный С.Т. Древнесогдийские письменные памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1984. – С. 93.
15. Лившиц В.А. Согдийский надпись сопровождающая настенную живопись Афрасиаба // ВДИ. №4. 1981. – С. 87-93.
16. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. – М.: Наука, 1971.
17. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1984. – С. 101-102.
18. Литвинский Б.А., Соловёв В.С. Средневековая культура Тохаристана. – М.: Наука, 1985. – С.22-23 (124)
19. Массон М.Е. Генезис и этапы развития религиозных верований в Средней Азии. – Ташкент, 1938. – С. 21.
20. Массон М.Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936-1937 гг. // Социалистическая наука и техника. – Ташкент, 1938. №7. – С.18-20.
21. Мусакаева А.А. О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным) // Из истории древних культов. Христианство. – Т., 1994. – С. 42-55.
22. Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековые) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1990. – С. 121-134.
23. Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ, Вып. 4. – Ташкент: Фан, 1989. – С. 31-44.
24. Раимкулов А.А. О трёх неизвестных типах христианских культовых сооружений Средней Азии // ИМКУ, 34. – Самарканд, 2004. – С. 222-231.

25. Ртвеладзе Э.В. Новые археологические данные к истории городища Бударч // ИМКУ.- Ташкент, 1983. Вып. 18. – С.123-130.
26. Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана – Ташкент, 1989. – С. 49-56.
27. Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА, 1986. №4. С. 72-78;
28. Ртвеладзе Э.В. Христианство Средней Азии в раннем средневековье // ОНУ. №4. – Ташкент, 2002. – С. 44-48.
29. Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. – Ташкент, 2005. – С. 172.
30. Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А. Памятники древней письменности. – Ташкент: Узбекистан, 1985. – С. 41-42.
31. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М.: Наука, 1970. – С. 48.
32. Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана: Предварительные результаты изучения // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С. 131-143.

Ильясов Дж.Я.

*кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник
Института искусствоведения АН Республики Узбекистан*

НОВАЯ АРАБСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТАШКЕНТА

Годы обучения на Кафедре археологии Исторического факультета Ташкентского Государственного Университета (1978-1983) незабываемы, ведь они не только дали возможность освоить любимую профессию, но и задали направление всей дальнейшей жизни. Первая лекция по археологии, которую я прослушал, была прочитана А.С. Сагдуллаевым, ныне академиком, а в 1978 году – молодым преподавателем, читавшим основы археологии студентам первого курса узбекского отделения Исторического факультета. Затем последовали лекции С.Б. Луниной, З.И. Усмановой, Н.И. Крашенинниковой, Г.Я. Дресвянской, А.М. Матвеева, Э.В. Ртвеладзе и других. Полученные теоретические знания закреплялись активной полевой практикой на археологических памятниках в Кашкадарьинской и Ташкентской областях Узбекистана, а также на грандиозном городище Старый Мерв в Туркменистане. Изучались на кафедре также основы арабского языка.

Курс средневекового керамического производства читала С.Б. Лунина. Она это делала великолепно, но, должен признаться, что меня, увлеченного доисламской культурой Средней Азии, средневековая

глазурованная и неглазурованная керамика оставляла в ту пору равнодушным. И лишь со временем, после самостоятельных раскопок на городище Будрач (Саганийан) в Сурхандарьинской области, пришло осознание и исторической значимости, и информативности, и эстетического великолепия глазурованной керамики Средней Азии.

В последние три десятилетия автору удалось найти, изучить и опубликовать некоторое количество средневекового материала, выделить группу неизвестной прежде глазурованной керамики Тохаристана и ввести в науку корпус керамической эпиграфики Ташкентского оазиса [2, с. 76-83; 3, с. 379-519; 4, с. 4-7; 17, р. 50-87]. И полученные на кафедре уроки в этом, конечно, помогли несказанно. Ведь традиции изучения глазурованной керамики Средней Азии всегда были здесь сильны, достаточно перечислить кандидатские диссертации и монографии выпускников Кафедры археологии ТашГУ разных лет, посвященные данной тематике. Это работы С.Б. Луниной, И. Ахрарова, Ш.С. Ташходжаева, Г.В. Шишкиной, Н.П. Столяровой, С.Р. Ильясовой [10; 11, с. 217-418; 1; 13; 14; 15; 12, с. 116-136; 8; 9].

Как дань уважения нашим Учителям хотелось бы опубликовать здесь новый материал по арабской эпиграфике Ташкента.

В коллекции Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани (Москва) хранится керамическое блюдо с круговой арабской надписью, которое, с любезного разрешения главы Фонда Р.Р. Сулейманова, публикуется здесь впервые. Размеры сосуда: диаметр венчика – 37 см, диаметр кольцевого поддона – 13 см, высота – 6,5 см., инв. № ИМ/К-892 (рис. 1). По имеющимся данным, фрагменты блюда были когда-то найдены в одном из котлованов в ходе строительных работ на территории Старого города в Ташкенте. Тарелки или блюда аналогичной формы, в том числе и с надписями, уже находили на территории Ташкента [9, с. 287, 395, 406, 430].

Блюдо расписано тёмно-коричневой краской по белому ангобу и покрыто прозрачной бесцветной глазурью. Декор блюда – круговая надпись почерком простого или строгого куфи, начало надписи отделено от ее конца узким петлевидным знаком (рис. 1). По почерку сосуд можно отнести к IX-X вв.

Надпись представляет собой следующую фразу:

“Man abra ma al-amru bi-la tadbiri sayirahu al-dahru ila tadmiri”

Перевод: «Того, кто принимает решения без обдумывания (подготовки), судьба погубит».

Чтение и перевод данной фразы любезно осуществил по моей просьбе выдающийся иранский исследователь арабской и персидской

эпиграфики Абдаллах Кучани (Abdallah Ghouchani), к величайшему сожалению, умерший в августе 2020 г. от осложнений COVID-19.

Консультацию по переводу я получил также от выпускника нашей Кафедры археологии, д.и.н. Б.М. Бабаджанова, которому приношу искреннюю благодарность. Он посоветовал, помимо смыслового перевода, привести перевод буквальный, который звучит следующим образом: «Тот, кто принимает решения без размышлений, того судьба бросит в забвение». Кроме того, он указал мне на то, что в XIX в. существовала узбекская поговорка «Тадбирсиз амр айлагувчи, охират ани барбод килур», которая не просто передаёт смысл нашего афоризма, но является калькой арабской фразы, написанной на ташкентском изделии IX-X вв. Ее, вероятно, можно найти в сборниках арабских/восточных пословиц и поговорок, имевших хождение на протяжении веков.

Сохранились не все фрагменты публикуемого сосуда, а на частичной реконструкции, сделанной до прочтения надписи и представленной на фото, не всё, к сожалению, выполнено корректно (рис. 1). Но, благодаря недавней публикации Оливером Ватсоном коллекции исламской керамики семьи Сарихани (Великобритания), удалось подтвердить правильность предлагаемого чтения надписи. На небольшом фрагменте конической чаши, также происходящей из Ташкента, мной прочитаны начало и конец аналогичной надписи, а именно, первые два слова и часть последнего слова фразы. В каталоге О. Ватсона данная надпись названа нерасшифрованной [18, р. 104, No. 43].

Итак, перед нами афоризм, до сих пор не встречавшийся на изделиях средневекового декоративно-прикладного искусства. По крайней мере, среди почти шести десятков афоризмов, известных на нишапурской глазурованной керамике [16], и среди трех десятков афоризмов, прочитанных на самаркандской и ташкентской керамике, данная фраза не встречалась. Теперь мы знаем ее по двум сосудам из Ташкента. Она хорошо вписывается в общий контекст афоризмов, служивших для украшения использовавшейся в быту парадной посуды, и имевших назидательное значение. Среди них, помимо пословиц и поговорок, встречаются, как известно, хадисы, а также популярные выражения из сочинений известных поэтов и литераторов [5, с. 19-30; 6, с. 66-87; 7, 88-94].

Публикуемая находка, таким образом, дополняет составляемый нами корпус керамической эпиграфики Мавераннахра IX-X вв. Число известных науке афоризмов на керамике Шаша теперь перевалило за тридцать. Примечательной особенностью этих материалов является их уникальность. То есть, многие из них пока известны только в одном-двух экземплярах и только на ташкентской керамической посуде. Блюда

является еще одним примером высокого уровня интеллектуальной жизни в Шаше в период правления династии Саманидов и показателем вовлеченности представителей образованных слоев населения, в данном случае, каллиграфов, в процесс гончарного производства.

Список литературы

1. Ахраров И. Керамика Ферганы IX-XII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1966.

2. Ильясов Дж.Я. Глазурованная керамика Тохаристана // Девяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX-XIX веков. Москва, 2013. С. 76-83.

3. Ильясов Дж.Я. Арабские надписи на керамике Ташкентского оазиса IX-XI вв. // Ильясова С.Р. и др. «Нет блага в богатстве ...». Москва, 2016. С. 379-519.

4. Ильясов Дж., Ильясова З. Глазурованная керамика Чаганиана X-XI вв. // San'at. Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент, 2011, № 3. С. 4-7.

5. Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX-X вв. // Эпиграфика Востока. Вып. 26. Москва, 2001. С. 19-30.

6. Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Новые арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX-X вв. // Эпиграфика Востока. Вып. 32. Москва, 2016. С. 66-87.

7. Ильясов Дж.Я., Хасанов М. "Отец безумия": от Багдада до Самарканда // Эпиграфика Востока. Вып. 32. Москва, 2016. С. 88-94.

8. Ильясова С.Р. Глазурованная керамика Шаша и Ферганы IX – начала XIII века: Сравнительный анализ художественных традиций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самарканд, 2008.

9. Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. «Нет блага в богатстве ...» Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX-XII вв. Москва, 2016.

10. Лунина С.Б. Гончарное производство Мерва X – начала XIII вв. (По материалам раскопок квартала керамистов в западной части пригорода Рабада). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1961.

11. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том 11. Ашхабад, 1962. С. 217-418.

12. Столярова Н.П. Орнаментация глазурованной керамики IX – начала XIII вв. Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 116-136.

13. Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII вв. Ташкент, 1967.

14. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII вв.). Ташкент, 1979.

15. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.

16. Ghouhani A. Inscriptions of Nishabur Pottery. Tehran, 1986.

17. Ilyasov J.Ya. Exotic Images: On a New Group of Glazed Pottery of the 10th and 11th Century // Journal of the David Collection. Vol. 4. Copenhagen, 2014. P. 50-87.

18. Watson O. Ceramics of Iran. Islamic Pottery in the Sarikhani Collection. Yale University Press, New Haven / London, 2020.

Рис. 1

Пардаев М.Х.
тарих фанлари номзоди,
ЎзР ФА Миллий археология маркази
Самарқанд археология институти етакчи илмий ходими

Пардаев Ш.М.
ЎзР ФА Миллий археология маркази
Самарқанд археология институти кичик илмий ходими

УСТРУШОНАГА АРАБЛАРНИНГ ИЛК ЮРИШЛАРИ ВА АФШИНЛАРНИНГ ЭТНИК ТОБЕЪЛИГИГА ДОИР АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

VI аср охирларида Турк хоқонлигини пароканда қилган ўзаро ички низолар, қабилалар орасида ҳокимият учун курашлар натижасида туркийларнинг энг қудратли, улкан давлати ҳисобланган хоқонлик 603 йилда икки мустақил давлатга ажралиб кетади. Улардан дастлабкиси Мўғулистонда ташкил топган Шарқий Турк хоқонлиги, иккинчиси Шарқий Туркистон, Жунғория ва Ўрта Осиёни ўз тасарруфига олган Ғарбий Турк хоқонлиги эди.

VII асрнинг бошидан охирига қадар Уструшона хоқонлик тасарруфидаги номинал давлат мақомида фаолият кўрсатган. Н. Негматовнинг фикрларига қараганда, “турк хоқонларининг Уструшона устидан ҳукмдорлиги кучсиз эди. Уструшоналиклар хоқонлик хазинасига доимий равишда ўлпон тўламаганлар. Турк хоқонлари ўзларининг ҳарбий қўшинларини Уструшонада сақламаганлар, давлат бошқарувига ўз ноибларини юбормаганлар. Шунга қарамадан, мамлакатнинг сиёсий ҳаётига, айниқса, ташқи сиёсатига хоқонликнинг бир қадар таъсири, шубҳасиз бўлган. Турк хоқонлиги Хитойга бўйсунгандан кейин Уструшона номинал ҳолатда Хитой ҳукмронлигини тан олди. Хитой ҳокимияти тепасига Тан сулоласи (618-907) вакиллари келгандан сўнг Уструшона ҳукмдори 618-626 йилларда Хитой императори Гао-Цзу ҳузурига ўз элчиларини юборади ва у орқали ўзини унинг байроғи остида хизмат қилишга тайёр эканлигини билдиради” [2, 1957, с. 132]. Уструшонанинг кейинги сиёсий ҳаёти Ўрта Осиёнинг бошқа вилоятлари каби асосан Араб халифалигининг босқинчилик юришларига қарши курашлар, дипломатик муносабатлар тарихидан иборатдир.

Маълумки, 651 йилда Араб халифалигининг шиддатли ҳужумлари натижасида Эронда қарийб беш юз йил ҳукмронлик қилган сулола Сосонийлар давлати барҳам топади. Араблар салтанатнинг йирик шаҳарларидан бири Марвни жангсиз эгаллайдилар. Бу пайтда ҳозирги Афғонистоннинг шимоли, Эроннинг шимолий-шарқий қисми ҳамда

жанубий Туркманистондан Амударёгача бўлган ҳудудлар Хуросон деб аталар ва унинг маркази Ўрта Осиёдаги энг йирик ва қадимги шаҳарлардан бири Марв шаҳри эди. Хуросон халифалик томонидан тайинлаган ноиб томонидан бошқарилган ва Амударёдан шимолда жойлашган ўлка бўлган. Мовароуннаҳрга дастлаб талончилик кўринишдаги ҳужумлар ушбу вилоят ноиби томонидан ташкил этилган.

Арабларнинг Мовароуннаҳр вилоятларига уюштирган ҳужумлари мазмун-моҳият ва хронологик жиҳатдан икки даврга бўлинади. 654 йилдан 705 йиллар мобайнида бўлиб ўтган дастлабки давр ҳарбий тўқнашувлари том маънода босқинчилик урушлари бўлиб, бу даврда арабларнинг асосий мақсади бойлик орттириш, халифалик хазинасини тўлдириш, маҳаллий ҳукмдорларнинг ҳарбий қудратини синаш учун бўлган. 705 йилда Хуросон ноиби этиб Қутайба ибн Муслим тайинлангандан кейин араблар томонидан Мовароуннаҳрга уюштирилаётган ҳарбий ҳаракатлар истилочилик кўринишини олади. Иккинчи даврдаги курашлар замирида Мовароуннаҳрни Араб халифалиги таркибига қўшиб олиш сиёсати асосий мақсад қилиб қўйилади. Мовароуннаҳр вилоятларини бутунлай ўз тасарруфларига олиш учун араблар деярли бир аср кураш олиб борадилар ва ниҳоят ўз ниятларини VIII аср охири IX аср бошларида рўёбга чиқарадилар. Уструшона афшинлари бу даврда Араб истилосига қарши мудофаа жанглари, халифаликнинг ташқи сиёсатига нисбатан муносиб дипломатик фаолиятни олиб борганлар. Шу сабабли, Уструшона Мовароуннаҳрнинг бошқа ўлкаларидан фарқли равишда тўлиқ Араб халифалиги таркибига энг охириги вилоят сифатида 822 йилда ҳарбий куч орқали киритилган.

Н. Негматов эътирофига кўра, Уструшона ҳудудида арабларнинг илк маротаба пайдо бўлиши Хуросон ноиби Салим ибн Зиёд (680-683) даврида, халифаликнинг Мовароуннаҳрга уюштирган учинчи талончилик юриши даврига тўғри келади. Самарқандга етиб келган Салим ибн Зиёд қўшинни ёрдамчилари ихтиёрига топшириб уни Хўжанд йўналиши томон сафарбар қилади. Манбалар хабарига кўра, бу қўшин Уструшона ҳудуди орқали Хўжандга етиб келади ва шаҳар остонасида маҳаллий ҳарбий кучлар томонидан қаттиқ мағлубиятга учрайди.

Арабларнинг Уструшонага иккинчи юришлари Муҳаллаб ибн Суфра (697-701) кўмондонлигида содир бўлади. Хўжандгача борган ушбу қўшин шаҳар ва унинг атрофидаги мавзеларни талон-тарож қилади. Хуросоннинг навбатдаги ноиби Язид ибн Муҳаллаб (701-704) ва унинг ўғли Муҳаллад даврида Буттам (Бургар ва Мастчоҳ) вилояти истило қилинади. Лекин орадан кўп ўтмай Буттам аҳолиси кўзғолон кўтаради ва араблар томонидан қолдирилган гарнизонни ҳайдаб юборади. Ал-Балазурийнинг хабар беришича, Қутайба ибн Муслим (704-715) даврида лашкарбоши

Жаҳма ибн Заҳр қўшинлари томонида Буттам қайтадан бўйсундирилади, у ердан катта миқдордаги бойлик, жумладан олтиндан ясалган санамлар ташиб кетилади. Тоғли ҳудудда жойлашган Бургар ва Мастчоҳ рустокларига қарашли қишлоқ манзиллари - қалъа ва кўрғонларнинг чиқиш қийин бўлган қоялар устида жойлашганлиги, воҳаларнинг тоғлар билан ўраб олингани, йўллардаги қийинчиликлар маҳаллий аҳолига ўзларининг мустақилликларини узоқ вақт сақлаб қолишларига, араб қўшинлари ғолиб келиб ўз ҳукмронликларини ўрнатганларидан кейин ҳам бу ҳукмронлик рамзий маънода ўрнатилганига сабаб бўлади. Бу ҳолатлар эса Уструшонада Араб халифалигига тобеликни имкон қадар кучсизлантиришга, нисбатан мустақилликни IX асрга қадар сақлаб қолишга имконият яратган [2, 1957, с. 133].

Уструшонашуносликнинг айрим масалаларига доир Суғд-Уструшона муносабатлари илк ўрта асрларнинг айнан шу даврлари тарихига тааллуқлидир. Хусусан, Қутайба ибн Муслим 709 йилда ўткир ҳийла билан қудратли мудофаа истехкомларига эга Бухоро шаҳрини забт этганидан сўнг, воқеаларни бундай тус олишидан кўрқиб кетган Суғд ихшиди Тархун Қутайба билан тўқнашувдан қочиб унга тинчлик сулҳи тузишни таклиф қилади ва бунинг эвазига бир зайлда ўлпон тўлаш мажбуриятини олади. 710 йилда Тархун навбатдаги ўлпонни тўлагандан сўнг мамлакат ичкарасида унга нисбатан норозилик кучайиб кетади ва суғд зодогонлари уни тахтдан четлаштирадilar, унинг ўрнига Ғурак (710-737) тахтга ўтиради.

Ғуракнинг Суғд тахтига ўтиришини баъзи мутахассислар тасодифий ва ҳатто ноқонуний бўлган, деб ҳисоблашади. Бунинг асосий сабабларидан бири сифатида Ғуракнинг Уструшона афшинлари сулоласи билан яқин қондошлиги рўқач қилинади [5, 2016, 294-298 б.].

Аслида эса Ғурак (710-738)нинг “Суғд ихшиди, Самарқанд афшини” нисбаси билан Суғд тахтига ўтириши, суғдийларнинг араб истилочиларига қарши олиб борган кураш тарихда муҳим воқеа бўлди. Чунки у, ўз замонасининг моҳир сиёсатдони, ватанпарвар довлат арбоби сифатида фаолият олиб борди, қарийб 30 йиллик ҳукмдорлиги даврида арабларга қарши ғайрат билан кураш олиб борди, атрофига имкони борича юртпарвар, мустақиллик учун курашувчи сиёсий кучларни йиғишга ҳаракат қилди.

Абу Хафс Умар ибн Муҳаммад ан-Насафий қаламига мансуб “Ал-Қанд фих зикри уламо Самарқанд” (“Самарқанд уламолари зикрига доир қанддек ширин китоб”) асарда Суғд ҳукмдори Ғуракнинг асли келиб чиқиши туркийлардан эканлиги қайд этилган. Ушбу асар маълумотида кўра, Ғуракнинг авлодларидан бири ҳадисшунос уламо бўлган, унинг шажараси қуйидаги тартибда берилган: Абу Ҳусайн Убайдуллоҳ ибн ал-

Морзбон ибн Туркаш Тақий ибн Касийр ибн Тархун ибн Баножур ибн Ғурак [1, 2001, 127 б.]. Демак, мазкур шажара Ғурак билан қўшиб ҳисоблаганда етти авлод вакилидан таркиб топган. Ўрнатилган тартибга кўра, ҳар бир авлод орасидаги ўртача вақтни 25-30 йил қилиб оладиган бўлсак, демак Ғуракдан кейинги қарийб 200 йиллик тарихга эга мазкур шажарада унинг авлодлари қайд этилган.

Айрим мутахассислар қандайдир манба маълумотлари асосида Ғуракни Уструшона афшинлари хонадонининг аъзоси, яъни қайсидир афшиннинг набираси, деб талқин қилади. Ғуракнинг насл-насаби ҳақидаги масалага Панж вилояти ҳокими Деваштичнинг Хуросон ноиб ал-Жарроҳ ибн Абдуллоҳга (717-719), араб тилида ёзган хати анча ойдинлик киритади. Муғ калъасидан топилган ушбу хатда Деваштич Сулаймон ибн Абу ас-Сорий хонадониди яшаётган икки шаҳзода Тархун ўғилларини амир ўз қарамоғига олишини, уларга ўз отасининг қонуний тахтига эгалик қилишларига ёрдам беришини сўрайди. Бу орқали Деваштич Самарқанд тахтига Тархуннинг ўғилларини қайтариб ихшидлар сулоласини давом этишини таъминламоқчи бўлади. Н. Негматов фикрича, воқеаларнинг бу йўсинда давом этишини араблар ҳам хоҳлаган. Чунки Ғуракнинг мустақил сиёсат юритишга мойиллиги, 712 йилдаги Самарқанднинг арабларга қарши муваффақияти, мудофаа жанглари, 718-719 йилларда Хитой императори хонадонига арабларга қарши курашда ёрдам бериб юборилган суғд элчилиги истилочилар хотиржамлигига раҳна соладиган ҳолатлар эди. Бу эса Ғуракни ихшидлар хонадонининг тўлақонли аъзо эмаслигини кўрсатади. Шундай қилиб, Ғурак Уструшона афшинлари сулоласини вакили эканлиги ҳақидаги фикрларнинг тўғрилиги эҳтимоли янада кучаяди [2, 1957, с. 134].

Демак, Суғд ихшиди сифатида тахтга чиққунга қадар Ғурак Уструшона афшини бўлган, ёки Суғднинг ўзида олий мақом мансабга эга бўлган. Суғдда тахтга ўтиргандан кейин ҳам бир мунча муддат Уструшона афшини ҳуқуқини сақлаб қолган. Бунга Самарқанддан бошқа жойда, эҳтимол Уструшонада ихшид Ғурак номи билан зарб қилинган тангалар ҳам гувоҳлик бериши мумкин. Ғуракка қадар Суғд тахтида сулолавий (отадан ўғилга) бошқарув тизими фаолиятда бўлмаган. Тархундан сўнг тахтга чиққан Ғуракдан бошлаб давлат бошқарувининг сулолавий тизимига асос солинади. Манбаларда, хусусан хитой хроникаларида Ғуракнинг номи Улэга, Суғд тангаларида Уграк, Урак тарзида қайд этилган. Бу борада тадқиқотлар олиб борган тадқиқотчиларнинг фикрича, “Ғурак” атоқли отнинг луғавий маъноси “кучли”, “қудратли” маъноларини англатади [6, 1963, с. 27; 4, 2010, 91 б.].

Бизнинг фикримизча, агар ростдан ҳам Ғуракнинг Уструшона афшинлари хонадонига мансублиги тарихий ҳақиқат бўлса, унинг номи

луғавий маъноси ҳақида яна бир бор ўйлаб кўриш лозим. Кўпгина тадқиқотчилар Ғурак номини ҳозирда ҳам Ғурак тарзида ўқишади ва ўз илмий ишларида шу тарзда ифода этишади. Бизнинг фикримизча, бу номни Ғуракдан кўра Ғурак шаклида ифода этилишида илмий жихатдан янада аҳамиятли маъно бордек. Хусусан, азалдан кўркмас, жасоратли ҳукмдор ва лашкарбошилари арслон, йўлбарс (бобур), бўри (гург) буғро (қора буғро) каби тотем жониворлар номи билан аташ расм бўлган. Бу фикрларга мисоллар жуда кўп бўлгани ҳолда айтиш масалага яқинлиги учун сосонийларнинг машҳур лашкарбошиси Баҳром гўргни эслатишимиз кифоя. Суғд ихшиди Ғурак номининг бош ўзаги гур (г) бўлиб, у бўрини англатади, “ак” суффикси эса кичрайтирувчи маънони билдириб, бу атаманинг умумий ҳолатда “кичик бўри”, “бўрича” маъносини билдиради.

Уструшонода эса, айниқса бу мамлакатнинг олий ҳукмдорлари табақаси орасида бўри тотеми, топинчига эътиқод қилиш илк ўрта асрларда катта аҳамиятга эга бўлган. Ҳатто, Уструшоно афшинлари саройида 6 м.ли деворий рангли паннода икки гўдакни эмизаётган Она бўри тасвирланган. Бу албатта, Турк ҳоконлигининг асосчиларидан бири ашина қабиласининг тотем ҳайвони “она бўри” тасвиридир. Ихшид Ғурак номининг луғавий маъноси ҳақидаги биз юқорида билдирган фикрлар тўғри бўлса, унда Ғуракнинг Уструшоно афшинлари хонадонидан эканлигига шубҳа қолмайди.

712 йилда Самарқанд Қутайба томонидан ишғол қилиниб оғир товон тўловларига келишилгандан сўнг Ғурак Самарқанд ҳукмдори сифатида Қутайба томонидан расман тасдиқланади. Самарқанд Суғдидан ташқари Кеш ва Насаф ҳам унинг ҳукмронлиги тасарруфига ўтади.

Суғд аслзодалари ўртасидаги тахт учун ички курашларнинг кучайиши ҳамда Ғуракнинг Суғд ихшиди сифатида араблар томонидан тан олингани Панж ҳокими Деваштичани арабларга қарши курашувчи кучларга кўшилишга мажбур қилади. 712-713 йилларда араб истилочиларига қарши кураш учун Турк ҳоконлиги бошчилигида Суғд, Чоч, Фарғона коалицияси тузилиб қаршилик фаолиятини бошлаган эди.

Ушбу коалицияга Уструшонани кўшилгани ёки кўшилмагани ҳақида аниқ фикрлар, маълумотлар йўқ Деваштичнинг элчиси сифатида Чочга келган Фатуфарннинг ҳисобот ёзувларига караганда бу пайтда Уструшонанинг катта қисмини араблар ишғол қилган [3, 1989, с. 19].

Н.Негматов фикрича, Қутайба арабларнинг навбатдаги юришини Уструшонога 713 йилда, Фарғонага “ҳарбий юриш” уюштирган пайтда амалга оширган. 713-714 йилларда Қутайба бир неча марта Чоч ва Фарғонага ҳужум қилган ва ҳар сафар ғалаба қозонган. Манбаларнинг хабарига кўра, бу даврда у Уструшонанинг нафақат текислик ҳудудларида жойлашган аҳоли манзилларига, балки тоғ, тоғ олди ҳудудидаги шаҳар,

қишлоқларга ҳам хужум қилган. Хусусан, ибн Хавқал ва ал-Истахрийнинг эътирофига қараганда Қутайба ибн Муслим Минк қалъасида қора либос кийган одамлар билан жанг қилган, ал-Афшинни қамал қилган [7, 1994, с. 60].

Мутахассисларнинг аксарияти Минкда Қутайба томонидан қамал қилинган ал-Афшинни IX асрнинг 20-30 йиллари халифа Муътасим даврида хизмат қилган Уструшона валиаҳди Ҳайдар ал-Афшин билан чоғиштириб ўрта аср муаллифларини хатога йўл қўйганликда гумон қилишади. Аслида эса муаллифлар хатога йўл қўймаган, балки Минкда қамал қилинган афшин номи бизгача етиб келмаган Уструшонанинг бошқа хукмдори, Ҳайдар ал-Афшиннинг аждоди бўлган. Шунингдек, арабларга қаршилик кўрсатган “қора кийимлилар” масаласида ҳам манбалар маълумотига беписанд, шубҳа билан қарайдиганлар ҳам бор. Л. Сверчков бу масалада қуйидагича фикр билдиради: - “Умуман олганда мусулмон анъанаси бўйича “динсизларни” “оқ кийимли”, “қора кийимли”га ажратиш характерли бўлиб, бу ҳолат на этнографик, на лингвистик асосга эга” [7, 1994, с. 60]. Аслида эса қадим ва ўрта аср жанггоҳларида курашга кирган кўп сонли қўшинлар ўз сафдошларини душманлардан ажратиш учун бир хил рангли кийим кийишган. Бундан ташқари халқ ҳаракатлари, кўзғолонларнинг ғоясидан келиб чиққан ҳолда кўзғолончилар рамзий маънода турли рангли кийимлар кийишган. Хусусан, уммавийлар ҳукмронлигига қарши аббосийлар манфаати учун курашган Абу Муслим қўшинларини “қора кийимлилар”, Мовароуннаҳрни араблар зулмидан озод қилишни ўз олдига мақсад қилиб олган Муқанна ва унинг маслакдошлари “оқ кийимлилар” сифатида тарихий манбалардан ўрин олган.

Ўрта аср тарихчи, географлари асарларидаги баъзи маълумотлар мунозарали ёки очикдан-очик хатодир. Хусусан, ибн Хавқалнинг қайд этишича, Қутайба ибн Муслим Уструшонанинг Минк рустоки ҳудудида ўлдирилган, аслида эса уммавийлар тахтига ўтирган янги халифа, ўзининг азалий душмани Сулаймонга (715-717) қарши Фарғонада исён кўтаради ва мағлубиятга учраб шу ерда 715 йилда ўлдирилади.

Хуросоннинг янги ноиб Саид ибн Абдулазиз (720-721) даврида Мовароуннаҳрдаги коалиция – Суғд, Фарғона ва туркларнинг араб истилочиларига қарши кураши авж олади. Фарғона бу қаршилик ҳаракатида асосий ўрин эгаллайди. Бу пайтда араблар ҳукмронлигидан ташқарида бўлган Фарғона хукмдори Алутарнинг розилиги билан кўзғолонда енгилган кўплаб суғдий қочоқлар, зодагонлар ва совдогарлар паноҳ топадиган ўлкага айланган эди. Арабларнинг Фарғона, Чоқ кўзғолончиларига қарши ҳарбий юришга чиққан жазо отряди ҳар сафар Уструшона ҳудудидан ўтар ва бу албатта, навбатдаги уруш

вайронагарчиликни келтириб чиқарар эди. Шу сабабли, Мовароуннаҳрда 721-722 йилларда бўлиб ўтган кўзғолонлар тарихи шубҳасиз Уструшона тарихи билан чамбарчас боғланиб кетган.

737 йилда Хуросон ноиб Асад ибн Абдуллоҳ ал-Қушайрий (735-738) Хутталон вилоятини забт этиш учун кўшин тортади. Вахш воҳаси ва унинг атрофидаги мавзеларни ўз тасарруфига олган Хутталон вилояти шу пайтгача ўз мустақиллигини сақлаб қолган, арабларнинг бир неча ҳужумларини муваффақият билан қайтариб, ҳатто уларни оғир мағлубиятга учратган ҳам эди. Хутталон вилоятининг ўша пайтдаги ҳокими Бадр-Тархонга Турк ҳокони ва Уструшона афшини Хара бугро катта кўшин билан ёрдамга келади. Амударё ёқасидаги биринчи жангда иттифоқчиларнинг кўли баланд келади ва Асад ибн Абдуллоҳ кўшинни мағлубиятга учраб дарёнинг нариги қирғоғига қочиб ўтади. Ат-Табарийнинг хабарига кўра, ушбу ғалабадан қувониб, хушёрликни йўқотган ҳокон кўшини жангчилари ғалабани нишонлаш учун атрофдаги қишлоқларга тарқаб кетади. Бу ҳолдан Асад фойдаланади, тезлик билан ўз кўшинини ортга қайтариб бу пайтда ортга қайтмоқчи бўлиб турган иттифоқчилар кўшинига қакшатгич зарба беради. Турк ҳокони ўз юртига Уструшона орқали қайтади, уни афшин Хара бугро катта иззат-икром билан кутиб олади. Ҳокон ва унинг кўшини ташрифи муносабати билан довул қоқилади, зотдор тулпорлар ва турли совғалар ҳоконга ва унинг кўшинига тортиқ қилинади, меҳмоннавозлик кўрсатилади [3, 1989, с. 27].

Иттифоқчилар кўшинининг мағлубиятидан сўнг, Асад ибн Абдуллоҳ Хутталонни эгаллайди. Хутталонлик кўплаб аслзодалар, бой-бадавлат дехқонлар ва подшоҳ ас-Сабалнинг валиаҳди Аха Жиш “Хитой томонга” қочишни ихтиёр этадиар. 738-739 йилларда Хуросон ноиб Наср ибн Сайёр (738-748) томонидан Фарғонага ҳоким этиб тайинланган Муҳаммад ибн Холид қочоқларни Фарғона худудидан ҳайдаб чиқаради. Ўз юртига қайтишнинг иложи йўқлигидан Аха Жиш ва унинг аслзода ҳамроҳлари Уструшонада тўхтайдилар. Ат-Табарийнинг ёзишича, хутталонликлар ўзлари билан кўп сонли санамларни Уструшонага олиб келишган ва шу ерга ўрнатишган. Н. Негматовнинг фикрича, Хутталонлик қочоқларнинг санамлар билан бирга Уструшонага қочиб келиши бежиз эмас. Уструшона аҳолисининг диний эътиқодида зардуштийликнинг Ўрта Осиёча тизими алоҳида аҳамият касб этиб, унда олов билан бирга санамларга ҳам сиғинилган. Санамларга сиғиниш Дэси руҳига сиғиниш сифатида талқин қилинган. Энг асосийси эса бу даврда Уструшона, нафақат сиёсий, балки диний-маънавий ҳаёт бўйича паноҳ мамлакат ролини бажарган [2, 1957, с. 137].

Фикримизча, Хутталон вилояти мудофаа жангларида Уструшона афшини Хара бугрони ўз кўшини билан қатнашиши араб сиёсатдон

ҳарбийларига ёқмаган ва бу омил 739 йилда Наср ибн Сайёрни Уструшонага қўшин тортишига баҳона вазифасини ўтаган. Ал-Балазурийнинг эътирофига караганда арабларнинг бу юриши муваффақиятсиз якунланган, аммо ат-Табарийнинг ёзишича, Уструшона ҳукмдори Насрга ўлпон тўлаган ҳамда Курсул қўмондонлигидаги турк қўшинлари билан Сирдарё кечуви яқинида бўлган жангда уструшоналиклар араблар томонида туриб жанг қилганлар. Шунингдек, бу даврда Наср ибн Аҳмадни Уструшонанинг Шавгар рустоқига қилган ҳужуми ҳақида ҳам ал-Истаҳрий ва Ёкут хабар беришади. Н. Негматов фикрича, бу воқеа ҳам 739 йилда содир бўлган.

VIII асрнинг 20-30 йилларидан бошлаб Араб халифалиги томонидан босиб олинган мамлакатлар ичида Мовароуннаҳр энг нотинч ва исёнкор ўлкалардан бири бўлиб қолаверди. Мовароуннаҳрда арабларга қарши кўзғолонлар авж олаётган бу даврда уммавийлар бошқараётган халифаликнинг ички ижтимоий ва сиёсий ҳаётида кескин инқирозлар пайдо бўла бошлаган эди. Хусусан, Ажам халқларининг истило қилинган ўлкаларидан араб зодагонлари хазинасига беҳисоб бойликлар оқиб келаётган бир шароитда халифаликка қарши халқ кўзғолонларининг авж олиши зодагонлар манфаатига бутунлай тескари бўлиб, бу манфаатнинг давомийлигига раҳна соларди. Бу эса халифаликнинг олий мақом зодагонлари олдида, аввало Арабистонда, қолаверса Ажам ўлкаларида сиёсий барқарорликни ўрнатишдек ўта муҳим, жиддий чора-тадбирларни бажариш вазифаси турар эди.

Адабиётлар рўйхати:

1. Нажмиддин ан-Насафий. Самарқандия. Араб тилидан Усмонхон Темурхон ўғли ва Бахтиёр Набихон ўғли таржимаси. ЎМЭ. Тошкент, 2001.
2. Негматов. Н.Н. Уструшана в древности и ранне средневековья. Сталинабад, 1957.
3. Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. I. Душанбе, 1989.
4. Отахўжаев А. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида Турк-Суғд муносабатлари. Тошкент, 2010.
5. Пардаев М.Ҳ., Ғофуров Ж.И. Уструшонанинг илк ўрта аср қишлоқ маконлари (ёзма ва археологик манбалар асосида). Тошкент, 2016.
6. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Панджикент. Москва, ИВЛ, 1963.
7. Сверчков Л.М. Замок Мык и его округа. Древний Заамин. Ташкент. 1994.

Ражабова Н.Н.
*к.и.н., доцент Каршинского
государственного университета*

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ В УЗБЕКИСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РАБОТ КАТЭ НА ТЕРРИТОРИИ КАШКАДАРЬИНСКОГО
ОАЗИСА В 60-Х Г. XX В.)**

До начала 60-х годов XX в., в Кашкадарьинской области не существовало постоянно действующей экспедиции, несмотря на определенные успехи, область оставалась менее обследованной в археологическом отношении, чем другие районы Узбекистана. В связи с этим в 1963 г. кафедрой археологии ТашГУ (ныне НУУз им. Мирзо Улугбека) была создана Кешская археолого-топографическая экспедиция (КАТЭ) под руководством проф. М.Е. Массона, поставившая целью комплексное изучение региона в археологическом и историко-культурном отношении [1, с.11]. С этого момента начинается систематическое изучение археологических памятников, расположенных в верхней части Кашкадарьи.

Первые археологические работы КАТЭ в Восточной Кашкадарье сразу выявили интересный и разнообразный материал, ранее еще не известный среди древностей области. Было установлено, что древняя районная стена, протяженность которой составляла 60 км, окружала Шахрисабз и Китаб, на ряде сельских поселений получены материалы античного времени, составлены топографические планы городов оазиса.

Обследование окрестностей г. Шахрисабза показало, что только одна крупная дехканская усадьба VI – VIII вв. (ныне Чилмазартепа), находилась у южной стены будущего Шахрисабза. Никаких признаков большого города до X в. здесь обнаружено не было. Только в XI–XII вв. вырастающий на этой территории городок получил дальнейшее развитие и занял большую часть площади будущего хисара Шахрисабза эпохи Темура [2, с.2-4].

При изучении городской стены Шахрисабза, возведенной по распоряжению Темура в 1378–1379 гг. были выявлены разнообразные ремонтные кладки позднейшего времени, в одной из которых нашли посеребренный дирхем, выпущенный в Самарканде во втором десятилетии XIII в. от имени хорезмшаха Мухаммада. Оказалось, что фиксирующийся в рельефе южный фас целиком относится к позднему времени, стена же XIV – XV вв. проходила здесь почти на 450 м южнее.

В целом, результаты археологических разведок и раскопок дали возможность сделать вывод о том, что город при Темуре имел большие размеры, чем Шахрисабз XIX в. [3, с. 2-3]

В свое время Г.А. Пугаченкова предложила локализацию Сусе на месте Китаба [4, с. 20], вслед за ней М.Е. Массон уточняет, конкретизируя его на Каландартепа [5, с. 29-30]. Для выяснения возможности локализации этого владения на Каландартепа в Китабе начались археологические работы под руководством Н.И. Крашенинниковой.

В пахсовой платформе Каландартепа в довольно, большом количестве встречалась керамика III–II вв. до н.э. На некоторых участках платформа была выведена из сырцовых кирпичей характерных для эпохи античности. Ряд помещений, возведенных на ее поверхности, был заброшен ещё в древности, а затем забутован. При этом в монолит попали фрагменты каменных баз и керамики I в. до н.э. – I в. н.э.

В западной части Китаба, близ позднейших его городских ворот у мазара Ходжа Руиной, на склоне тепа Тупхона были проведены зачистки, выявившие два культурных слоя античного времени. Нижний дал интереснейший единовременный комплекс III – II вв. до н.э. Вышележащие слои с остатками стен заключал в себя керамику I в. до н.э. и позднее [6, с. 1-3].

При расширении стратиграфического шурфа с западной стороны Каландартепа у его основания, был получен большой и разнообразный комплекс материалов III–I вв. до н.э. [7, с. 2-3]

Заметим, археологические работы на Каландартепа выяснили мощные культурные слои античного и раннесредневекового периода, составляющие 17,5 м. Многочисленные шурфы и зачистки позволили установить, что размеры города в древности в пределах окружавшей его крепостной стены, включая цитадель, составляли не менее 40 га [8, с. 3]. В западном обресе Каландартепа были обнаружены следы застройки и мощный отвал мусора XII – нач. XIII вв. Таким образом, в предмонгольское время территория современного Китаба также была в какой-то степени заселена [9, с. 2-3]. Дополнительные исследования Тупханы, дали возможность утверждать, что здесь располагалась крупная загородная усадьба, возведенная на мощной пахсовой платформе не позднее III–II вв. до н.э. [10, с. 406-407].

Таким образом, археологические раскопки на Каландартепа, дали возможность утверждать, что это городище действительно является остатками античного города, который, вероятно, упоминаются в китайских источниках под именем Сусе (Сухе).

С момента создания КАТЭ изучение городов разных периодов стало одной из главных задач экспедиции. Сотрудники КАТЭ

участвовали в работах экспедиции, собирая материал по фиксации, обследованию, выявлению ранее неизвестных объектов, стратиграфическому и раскопному изучению городов и поселений Южного Согда.

Общий обзор городов был основан, прежде всего, на работах КАТЭ. Впервые была произведена разведка в Касби, в ходе которой путём топографические съёмки были определены его подлинные размеры. Обращаясь к историческим источникам, М.Е. Массон писал, что в армянских летописях VI в. н.э. город упоминался под названием «Казбион». Согласно сообщениям арабских и персидских источников Кесба X в. была крупнее Несефа – главного города области. Городским пунктом она перестала считаться только после кризиса XVII в., оставаясь в то же время сильной крепостью. Таким образом, исследования 1964 г. значительно дополнили сведения о Касби, содержащиеся ещё в публикациях В.В. Бартольда, Н.Н. Мокина, Я.С. Ефименко и самого М.Е. Массона в довоенные годы.

Этим вопросом занимался и Э.В. Ртвеладзе. Он обратил внимание, что на русских топографических картах конца XIX – начала XX вв. упоминается местность «Габзан» или «Казбион». И. Маркварт локализовал Казбион в Бухарском оазисе, М.Е. Массон – на месте городища Касби. Э.В. Ртвеладзе, основываясь на археологических данных, полученных при обследовании трассы Железных ворот и кишлака Дербент, локализовал Казбион в горном районе к западу от Железных ворот [11, с. 123-124].

Особое внимание экспедиции было обращено на городище Куня-Фазли. М.Е. Массон обследовав его, пришёл к выводу, что город функционировал с конца VI – начала VII вв. и до XII в. н.э. [12, с. 10-11] При последующих исследованиях на городище Касби был расширен шурф 1964 г. у восточного фаса цитадели. Обследовавший ранее Касбитепу, С.К. Кабанов считал, что городище существовало со времени раннего средневековья и до XIX в. как ремесленно-торговый центр среди обширной степи, населенной оседлым земледельческим и кочевым населением. В ходе археологических работ, проводившихся С.К. Кабановым на Касбитепу, выяснилось, что городище было одним из немногих поселений, продолжавших развиваться после монгольского завоевания на прежнем месте. Об этом свидетельствовали архитектурные комплексы с некрополем, сложившиеся в XIV– XVI вв. Раскопки КАТЭ выяснили, что поселение возникло в античное время, в начале VI– VII вв. переживало новый этап развития, а с IX в. до начала XIII в. представляло собой очень крупный пункт, превосходящий размерами и мощью цитадели главный город

области Насаф. Изучив полученные материалы, М.Е. Массон пришел к заключению, что после монгольского завоевания с первой половины XIV в. город переживал новый подъём и продолжал существовать до кризиса XVIII в. [13, с. 11]

КАТЭ проводила раскопочные работы на городище Еркурган. Осуществившая закладку стратиграфического шурфа и зачистку обрывов городских стен и приведшая к новому истолкованию его происхождения и истории на базе суммированных фактов, установленных еще в 1946-1948 гг. С.К. Кабановым.

В ходе исследования Еркургана был снят топографический план городища. Во время археологических работ было установлено, что руины основных фортификационных сооружений Еркургана представляли собой во II– I вв. до н.э. и в первых веках н.э. Первоначальные стены города были из чистой пахсы [14, с. 76].

В ходе работ были получены много керамических изделий, среди которых особый интерес представлял кусочек оссуария. М.Е. Массон отметил, что такие оссуарии связаны со среднеазиатским маздеистическим вариантом зароастрийского погребального культа [15, с. 15].

Таким образом, стратиграфические шурфы 1965 г., как и наблюдения над остатками фортификационных сооружений Еркургана, в силу ряда обстоятельств, не дали достаточно уточненного представления о времени начальной стадии сложения города. По заключению М.Е. Массона, в период расцвета рабовладельческого общества крупнейший город этого времени в низовьях Кашкадарьи предстает уже достаточно развитым и до своего запустения переживает несколько этапов разной значимости [16, с. 16]. Исследователи подтвердили ранее высказанное заключение о том, что городище Еркурган в древности являлось самым крупным городом на территории Нахшаба. М.Е. Массон считал, что городище возникло в I в. до н.э. и перестало обживаться в начале VII в. н.э. Он также полагал, что именно Еркурган является развалинами античного города Наутака, упоминаемого источниками с конца IV в. до н.э. [17, с. 12].

Некоторые исследователи считают, и мы с ними согласны, что, область Нахшаб в древности называлась Ксаниппой, а Кеш – Наутакой [18, с. 144-145]. В одной из последних работ Э.В. Ртвеладзе, анализируя пути движения в Среднюю Азию фаланг Александра Македонского, вновь локализует Наутаку в Кеше [19, с. 34]. Слудующий исследователь, соглашаясь с Ф.Грене, объясняет также статус Наутаки как области, это «страна девяти рек», т.е. древняя дорога из Самарканда к Железным воротам, пересекала как раз девять рек (с севера на юг Кумдаря,

Аякчидарья, Кашкадарья, Аксуб, Танхоздарья, Кызылдарья, Лангар, Катта-Урадарья, Кичик-Урадарья)[20, с. 10-11]. Сейчас найден письменный документ эпохи Александра Македонского, где Еркурган назван Никшапайя [21, с. 34].

В ходе изучения Шуллюктепа, выяснилось, что поселение здесь возникло в конце VI – VII вв. и являлось не только административным, но и крупным торгово-ремесленным центром. М.Е. Массон, как ранее и С.К. Кабанов, пришёл к выводу, что конец жизни города совпадает со временем нашествия на Среднюю Азию монголов [22, с. 12-15].

Один из отрядов КАТЭ, занимавшийся исторической топографией Каршинского оазиса, занимался разведкой Калаи Захоки Морон. В процессе изучения производился опрос населения, осуществлялся сбор подъемного материала по всей площади городища, составлена археолого-топографическая схема его плана, на краю южного фаса в проломе был заложен стратиграфический шурф и осуществлена зачистка на западной стороне внешнего кольца стены – вала. В результате было установлено следующее: план городища представлял собой правильный квадрат. Оно состоит из трех частей: дворец, шахристан и рабад.

М.Е.Массон считает, что Калаи Захоки Марон являются развалиной города, упоминавшихся в китайских источниках – Боло. Одновременно он назывался местным согдийским населением Нахшаб, может быть, также Нахшаб-боло, т.е. Высокий Нахшаб [23, с. 28].

В ходе изучения Каршинского оазиса члены КАТЭ также обследовали и сам город Карши. В разных местах «старого города» было заложено несколько стратиграфических шурфов, которые показали, что жизнь на этой территории возникает не ранее первой половины XIV в., т.е. в годы правления хана Кебека (1318–1326) [24, с. 49].

Археологическая рекогносцировка КАТЭ в Гузарском оазисе показала, что в районе самого Гузара наиболее древним обжитым пунктом являлось находящееся на левом берегу Гузардарьи Мардтепа, где отмечены фрагменты керамики античного времени. На остальной площади города встречались жженые кирпичи X – XI вв., интересные надгробия XVI в. и другие более поздние археологические материалы.

Членами экспедиции были осуществлены маршрутные поездки по горному району на юг от Гузара к ущелью Бузгала-хана («Железным воротам»). Выяснилось, что в древности здесь пролегалo несколько караванных трасс, ведущих из Кеша в земли правобережного Тохаристана, которые не совпадали с современным Термезским трактом. В частности, в стороне от него был обнаружен средневековый пункт, именуемый ныне Мадинтепа, который был отождествлен с упоминаемым в X веке Кендиком [25, с. 13-14].

В последующее годы КАТЭ продолжала свою работу в долине Кашкадарьи. Основной задачей исследований была поставлена подготовка историко-географической карты бассейна Кашкадарьи для поры X – начало XIII вв., материалы которого были выявлены более, чем на 70 объектах. На ряде из них закладывались археологические и стратиграфические шурфы, производились зачистки, были сделаны разрезы остатков былых стен, осуществлялся сбор подъемного материала, и снимались археолого-топографические схемы.

Чимкурганский отряд под руководством С.Б. Луниной осуществлял маршрутные работы в районах Гузара и Камаша с целью установления местонахождения трех городов эпохи средневековья, расположенных в области Кеш и упоминавшихся в трудах В.В. Бартольда: Субах, Искифагн и Наукад-Курайш. В результате исследований Субах был локализован на месте городища Улюктепа, в 8 км к северо-востоку от Гузара, Искифагн – на месте городища Ходжа-Бузрук, в 9 км к северо-востоку от Гузара и Наукад-Курайш на месте Алтынтепа, близ селения Карабаг [26, с. 3-5].

В зоне затопления Чимкурганского водохранилища слои периода поздней античности были отмечены на поселениях Янгикурган, Куртультепа, Кичикджартепа и др. На поселении между городищами Чимкургантепа и Сарытепа, указанном в отчетах С.К. Кабанова как Безымянное тепа № 9, были собраны относящиеся к нижнему горизонту керамические материалы, датированные IV – III вв. до н.э., т.е. раннеантичным периодом [27, с. 53].

В историко-топографическом отношении изучались также Шахрисабз и его окрестности. В самом городе с целью получения новых данных по стратиграфии культурных напластований было заложено несколько шурфов, которые показали непрерывность обживания его территории начиная с VI в. н.э. и до настоящего времени. В шурфе, разбитом к югу от склепа Темура, на месте бывшего Мион-сарая в комплексе Дор ус-Саодат, были получены жженые кирпичи, мраморные плиты, керамика XV в., облицовочные изразцы, куски алебаstra со следами росписей, принадлежавшие декору здания Мион-сарая [28, с. 423-424].

В начале 70-х годов КАТЭ, как и другие экспедиции приступила к планомерному широкомасштабному обследованию восточных районов Кашкадарьинской области с целью созданию свода памятников и археологической карты.

Продолжились археологические работы на Алтынтепа. С целью обнаружения ранних культурных слоев были заложены шурфы в восточной части основного бугра, где были обнаружены остатки пахсовой стены и стены из сырцового кирпича, характерного для VI– VIII вв. и керамические материалы во фрагментах [29, с. 3-4]. В центральной

части городища на площади 70 кв.м. были выявлены остатки сооружения двух строительных периодов [30, с. 9-15]. Важной находкой стали остатки мечети, датированные по ряду признаков XI– XII вв. [31, с. 3-8] В ходе расчистки печей был обнаружен клад из 26 медных монет [32, с. 2-5].

На основании изучения Алтынтепа в результате многочисленных работ был выявлен процесс исторического развития города. Первоначально здесь в V– VI вв. н.э. возникает небольшое поселение или отдельно стоящее сооружение, разрастающееся в VII– VIII вв. Основной бугор окружается стеной и в этот период идет процесс перерастания поселения в город. При раскопках удалось выделить ряд периодов функционирования города (IX в. – первая половина X в.; вторая половина X в. – начало XI в.; XI– XII вв.; вторая половина XII– начало XIII вв. и возрождение жизни после монгольского нашествия в 30-х годах XIII в. [33, с. 32]

Обследование городища также показало, что в пору развитого средневековья здесь процветали различные ремесла: гончарное и производство кирпича, стекольное. В целом, размеры Алтынтепа, характер его обживания, материалы раскопок позволили говорить о нем как о средневековом городе, расцвет жизни в котором падает на начало XIII в. [34, с. 14-17].

Отрядом КАТЭ осуществлялись маршрутные поездки по восточной части Кашкадарьи. К северу от районного центра Чиракчи были отмечены несколько небольших городищ, среди которых три в основе оказались античными (самое большое 200x200 м) и имели цитадели с прилегающей к ней укрепленной пониженной частью. У селения Янгикент был собран подъемный материал периода поздней античности [35, с. 519-520].

К северу от Карабага были обследованы Таштепа (V– VI вв. н.э.), Кендаклитепа (археологические раскопки здесь велись В.Д. Жуковым, который датировал памятник I и V– VI вв. н.э.), Бердалитепа, Бахритепе, Маллабуватепе, Гышттепа, Каратепе и др. Все эти поселения, судя по подъёмному материалу, возникли в раннем средневековье и обживались до эпохи развитого средневековья [36, с. 7].

Выявленные в ходе разведок археологические пункты были распределены на следующие группы:

1) Отдельные тепа: Чимкургантепа, Учтепа, Актепа, Сигиртепа, Ялпактепа, Сарытепа, Таяклитепа, Иулутиштепа и два тепа под названием Кандахар.

2) Караульные башни. Отличаясь формой от сельских тепа, были сильно задернованы и содержали мало керамических материалов. Это: Тешиктепа, Зиятепа, Усантепа, Хадырбуватепа и Караултепа.

3) Городища со стенами, цитаделью в центре, рвами вокруг цитадели и вокруг стен городища: Кендаклитепа, Бердалитепа, Шаманбуватепа, Куюмазартепа, Саусантепа, Кошшатепа, Караултепа, Бауртепа (Бабуртепа), Бильдактепа.

4) Городища с цитаделью углом. Цитадель находилась в юго-западном углу (Гышттепа), в юго-восточном (Учтепа) и в юго-северном (Бахринтепа) углу памятника. Все городища раннесредневекового времени.

5) Городища с цитаделью в северной части: Учтепа, Куйиктепа, Каттакасабтепа.

6) Городища с цитаделью в южной части: Каратепе, Сарытепа 2, Таштепа, Кызылтепа, Темиралитепа, Алтынтепа [37, с. 472-473].

Кроме того, были обследованы памятники V – IV вв. до н.э., расположенные в зоне Чимкурганского водохранилища и обнаруженные ещё в 1967 г. Отрядом КАТЭ. Было установлено, что этот район совпадал с местонахождением Безымянного тепа № 9, указанного на схематической карте С.К. Кабанова. В 50 м к западу от поселения, в обресе береговой линии Чимкурганского водохранилища были отмечены культурные слои позднеахеменидского и античного времени (V в. до н.э. – II в. н.э.).

На Сарытепа во время разведочных раскопок была найдена голова идола в виде шара с чуть приплюснутой тыльной частью, ярко выраженными тюркскими чертами лица, с условной передачей волос в виде волнистых линий. Кроме того, были обнаружены и другие антропоморфные изображения, а также зооморфные фигурки и фрагменты керамики [38, с. 15-29].

В целом, выяснилось, следующее:

1. Античные памятники в районе продолжали обживаться и в раннем средневековье.

2. На этот период приходится расцвет жизни большинства тепа. Тогда же отмечается обживание новых территорий.

3. В эпоху развитого средневековья количество населенных пунктов сокращается, формируются крупные городские центры типа Саусантепа, Яртепа, Бахринтепа и др.

4. Верования населения древней и средневековой Кашкадарьи можно было связать с одной из разновидностей зороастрийского культа [39, с. 8].

В 1972 году Х. Дуке вел археологические раскопки на Чиракчинском поселении, на южном берегу Чимкурганского водохранилища, в 13 км к западу от районного центра Чиракчи.

В ходе раскопок он расчистил 12 ям, использовавшихся, по мнению автора первоначально для хранения зерна, а затем для свалки мусора. Полученные материалы были представлены керамикой (в том числе с росписью) и в незначительном количестве – каменными орудиями. Впервые Чиракчинское поселение еще было обследовано С.К. Кабановым и предположительно отнесено к эпохе поздней бронзы и раннего железа [40, с. 2-4, 5-6]. Это предположение и было выяснено работами Х. Дуке, которым памятник был датирован началом I тыс. до н.э. После тщательного анализа выяснилось, что по всей вероятности, основа хозяйства местных коллективов была земледельческо-скотоводческой.

В этом же году по заданию Республиканского общества охраны памятников З.И. Усманова и Г.Я. Дресвянская проводили маршрутные работы по составлению археологической карты Камашинского района. С целью изучения верхних (VIII–XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища на территории городища Сарытепа, ранее обследовавшиеся В.Д. Жуковым в его юго-западной части был заложен раскоп площадью 450 кв. м.

Разведочными раскопками обследовалось Большое Кызтепа, в 2 км к западу от Сарытепа, где в 1957 г. археологические раскопки проводил С.К. Кабанов, датировавший верхний культурный слой IX–XII вв.

Значительно больше данных, относящихся к этому периоду, было получено в нижнем ярусе поселения. В южной части раскопа были расчищены стены крупного помещения шириной 7 м, получено много керамического материала, датировавшегося начиная с VIII– IX вв. н.э. [41, с. 103-107, 109, 114].

В предгорной и горной части Камашинского района маршрутным отрядом КАТЭ были обследованы более 30 памятников античной и раннесредневековой эпохи, 16 из них были взяты под охрану Обществом охраны памятников. Наибольший интерес представляла собой крепость Дунётепа античного времени и поселение Саусантепа. На Саусантепа был заложен небольшой шурф, в котором обнаружены керамические материалы античного периода. В 2 км восточнее Саусантепа обследовалось Безымянное городище раннесредневекового времени необычной планировки [42, с. 5].

Продолжались археологические работы в Китабском районе: в зоне орошаемых земель, на предгорных лёссовых буграх, в горных районах. В хронологическом отношении выделились несколько групп памятников, которые содержали слои античности, V–VI вв. н.э., VII–VIII

вв., IX– нач. XIII вв., XIII–XVII вв. и XVIII–XIX вв. Шурфовка производилась на Кургантепа и Ризвантепа, на Мунчактепа были осуществлены зачистки обреза. Были продолжены раскопки на Каландартепа.

На одном из самых крупных замков района - Ризвантепа, расположенном на восточной окраине Китаба, был заложен небольшой шурф, материалы которого показали, что поселение возникло в античную эпоху и обживалось до XII в. [43, с. 7].

Во время маршрутного проезда в обресе северного берега р. Аксу было обнаружено хумное кладбище, которое размывалось ежегодным половодьем. Зафиксированные погребения находились на расстоянии трёх и более метров друг от друга. Обломки хумов и нескольких неполивных черепков датировались V–VII вв. Обследовав захоронения, Н.И. Крашенинникова пришла к выводу, что в эпоху раннего средневековья местными маздеистами практиковались три вида погребений: в хумах, в оссуариях и в виде кучек костей на полу погребальных камер [44, с. 13].

Подводя итог обзору работ Кешской археолого-топографической экспедиции на памятниках древности в первой половине 60-х гг., необходимо отметить следующие основные моменты:

1) экспедиция под руководством М.Е. Массона проводила археологические раскопки на всей территории Кашкадарьинской области, что было необходимо, учитывая географические и культурное единство региона;

2) сумма всех археологических наблюдений привела к выводу, что оазисы нынешней Кашкадарьинской области в историко-культурном отношении включались в согдийский культурный комплекс.

3) члены КАТЭ пришли к выводу, что для античного времени на территории области было два наиболее крупных городища: одно – на месте Китаба; другое – Еркурган, определив их соответственно Ксениппу и Наутаку.

Список литературы:

1. Усманова З.И. Кафедра археологии ТашГУ – 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азия. – Ташкент: Фан, 1990. – С. 11.
2. ИНВ. А 2937/М 32. Массон М.Е. Полевой отчёт о работе Шахрисабзско-Китабской археологической экспедиции в 1963 г. Архив ГлавНПУ объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистана (ниже Архив ГлавНПУ РУз.). – Т.: 1963. – С. 2-4.

3. ИНВ. А 2940/М 32. Массон М.Е. Полевой отчёт о работе Шахрисабзского-Китабской археологической экспедиции. 1964 г. Архив ГлавНПУ РУз. – Т.: 1964. – С. 2-3.
4. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке... – С. 20.
5. Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области Уз ССР // Сб. науч. тр. ТашГУ. Археология Средней Азии. Вып. 533. – Т.: 1977. – С. 29-30.
6. ИНВ. А 2945/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результатах полевых работ КАТЭ в 1964 г. Архив ГлавНПУ РУз. – Т.: 1964. – С. 1-3.
7. ИНВ. А 2945/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результатах полевых работ КАТЭ в 1965 г. Архив ГлавНПУ РУз. – Т.: 1965. – С. 2-3.
8. ИНВ. А 3021/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о работе КАТЭ в 1967 г. Архив ГлавНПУ РУз. – Т.: 1967. – С. 3.
9. ИНВ. А 3262/К 78. Крашенинникова Н.И. Отчёт о работах КАТЭ в 1969 г. Архив ГлавНПУ РУз. – Т.: 1969. – С. 2-3.
10. Крашенинникова Н.И. Работы в Китабе // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 406-407.
11. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т.: 2002. – С. 123-124.
12. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1967. – С. 10-11.
13. Массон М.Е. Столичные города... – С. 11.
14. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже... – С. 76.
15. Массон М.Е. Столичные города... – С. 15.
16. Там же. – С. 16.
17. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1967. – С. 12.
18. Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшеба в III-VI вв. н.э. ...; он же: Нахшабские монеты // ВДИ. – 1961. – № 1. – С. 144-145.
19. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т.: 2002.
20. Грене Ф. Заметки о топониме Наутака // «Роль города Шахрисабза в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Шахрисабза. – Т.: 2002. – С. 10-11.
21. Шакед С. Раннее упоминание о городе Нахшаб // «Роль города Карши в истории мировой цивилизации». Сбор. тез. докл. междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Карши. – Т.: 2006. – С. 34.
22. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1967. – С. 12-15.

23. Массон М.Е. Столичные города... – С. 28.
24. Там же: – С. 49.
25. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результате полевых работ КАТЭ... – С. 13-14.
26. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчёт о результате полевых работ КАТЭ в 1966 г. – Т.: 1966. – С. 3-5.
27. Усманова З.И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // ИМКУ. Вып. 10. 1973. – С. 53.
28. Усманова З.И. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции // АО 1968 года. – М.: 1969. – С. 423-424.
29. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Ранние культурные слои на городище Алтынтепе // Сб. науч. Тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Т.: 1981. – С. 3-4.
30. Столярова Н.П. Изучение верхнего культурного слоя городища Алтынтепе и характеристика керамики // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы истории, историографии и археологии. – Т.: 1978. – С. 9-15.
31. Лунина С.Б., Богомолов Г.И. Архитектурный декор в памятниках Алтынтепе // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Т.: 1978. – С. 3-8.
32. ИНВ. А 3341/К 78. Крашенинникова Н.И. Краткий отчёт 1973 г. Обследования археологических памятников Китабского района. – Т.: 1973. – Л. 2-5.
33. Лунина С.Б. Города Южного Согда... – С. 32.
34. Лунина С.Б. Городище Алтынтепа // АО 1970 года. – М.: 1971. – С. 419-420; её же: Древние города в долине Кашкадарьи. – Т.: 1988. – С. 14-17.
35. Лунина С.Б., Столярова Н.П., Усманова З.И. Кашкадарьинская экспедиция... – С. 519-520.
36. ИНВ А. 3642/Л 82. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Полевой отчёт а Камашинском районе 1972 г. – Т.: 1972. – Л. 7.
37. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии Средней Азии. – Т.: 1975. – С. 15-29; они же: Работы на Кашкадарье // АО 1972 г. – М.: 1973. – С. 472-473.
38. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Новые данные к изучению памятников... – С. 15-29.
39. ИНВ. А 3741/У 91. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Полевой отчёт в Камашинском районе 1972 г. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1972. – Л. 8.
40. Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 2-4, 5-6.

41. Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних (VIII -XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ. Вып. 12. – Т.: 1975. – С. 103-107, 109, 114.
42. ИНВ. А 3841/Д 73. Дресвянская Г.Я. Полевой отчёт 1973 г. Архив ГлавНПУ.– Т.: 1973. – Л. 5.
43. ИНВ. А 3341/К 78. Крашенинникова Н.И. Краткий отчёт 1973 г. Обследования археологических памятников Китабского района. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1973. – Л. 7.
44. Крашенинникова Н.И. К археологической карте Китабского района // Сб. науч. тр. ТашГУ. – Т.: 1977. – С.13.

Абдуллаев К.А.

т.ф.н., Туркиянинг Санъат институти профессори

Хушваков Н.О.

т.ф.н., “Шахрисабз” давлат музей кўриқхонаси бош директори

ПРОБЛЕМЫ КАЛЫ МУКАННЫ

Приход арабов в Среднюю Азию и внедрение новой религии – ислама были восприняты местным населением далеко не однозначно, и весь VIII в. представлял собой череду антихалифатских движений, направленных против иноземного нашествия и на завоевание независимости. Во многих случаях эта борьба облекалась в различные религиозные формы, в ней участвовали «пророки», «мессии» и даже «боги», что, впрочем, служило успешной консолидирующей силой различных слоев населения.

Восстание, во главе которого стоял Муканна, началось во второй половине VIII в. н.э. и вскоре охватило почти весь Мавераннахр. Интерес к Кале Муканны у археологов присутствовал всегда. С одной стороны, он был вызван яркостью исторической личности Муканны, исполненной мистицизма и таинственности, неординарностью человека, чья деятельность подвигла население Мавераннахра на борьбу против халифата.

Вторая сторона вопроса связана с особенностями самой крепости – ее сложную планировку источники описывают в туманных выражениях. Почти во всех публикациях, касающихся археологии и истории Кеша, авторы непременно упоминали крепость Муканны, находящуюся в труднодоступной высокогорной местности, однако конкретное место ее расположения оставалось в области догадок и предположений.

В одном из ранних исследований по топографии Кеша В.В. Бартольд, анализируя топоним Кешк-руд, связывает его с названием реки

и отмечает, что это же название носила (по Хаукалю) волость, где находились истоки реки. Асруд – другой рукав реки, вытекавший из гор Сиам или Синам; близ его русла находились Южные ворота Кеша; такое же название носили горы, из которых вытекает Каратаг-дарья. Название это распространялось на всю северную часть Гиссарского кряжа; в горах Сиям, по мнению Бартольда, находилась крепость, «где в 70-х годах VIII века заперся со своими приверженцами пророк Муканна, в течение нескольких лет успешно отражавший нападения арабов»⁵.

Регулярные археологические разведки и раскопки памятников древней культуры Средней Азии, и в частности, Кашкадарьи начались в первой половине XX века. В ходе археологических исследований Кашкадарьинской области были локализованы некоторые города и селения, которые упоминаются в связи с освещением событий движения Муканны.

Об одном из своих ранних маршрутов по исследованию верхнего течения Кашкадарьи, районов Яккабага и Ташкурмана (горный район, окаймляющий оазис Шахрисабза с южной стороны), предпринятых в начале 50-х годов прошлого века, С.К. Кабанов пишет: «Гиссарский хребет известен в средневековых источниках как горы Сиям или Синам. Эти горы упоминаются в связи с крупным народным движением VIII в. н.э. – восстанием Муканны, направленным против арабских завоевателей. Одним из эпизодов этого восстания была многолетняя оборона Муканны в горах Синам, причем источники указывают, что в этих горах существовали внутренняя и внешняя крепости Муканны. Что представляла собой внутренняя крепость и находилась ли она в горных долинах, осмотренных нами, или же в соседних – этого нельзя сказать до сплошного обследования всех долин горных рек, несущих свои воды с юга в Кашкадарью. Внешней же крепостью, как уже и теперь ясно, являлась одна из этих долин, так как каждая из них могла быть неприступной твердыней, сводой и с посевами, в которой можно было защищаться много лет; это была естественная крепость»⁶.

Дальнейшее археологическое изучение этого региона связано с разведочными и стационарными работами кафедры археологии Ташкентского университета и Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции под руководством М. Е. Массона. Большой вклад в изучение древней культуры Каршинского оазиса (Нахшаб) был внесен группой исследователей Института археологии АН Республики Узбекистан⁷.

⁵«Кала Муканны» часто употребляется как имя собственное для обозначения конкретной крепости, в которой скрывался Муканна в последние годы жизни.

⁶Кабанов 1955, 104.

⁷Сулейманов 2000.

В результате разведочных работ по исторической географии древнего Кеша и Нахшаба были отмечены памятники, расположенные в высокогорной части (более 2000 м над уровнем моря), представлявшие собой руины различных крепостей, основной период обживания которых приходится на VII–IX вв., т.е. эти памятники синхронны времени Муканны⁸.

Весной 1975 г. археологи Ташкентского госуниверситета обследовали более 60 разновременных памятников – крепости, замки, усадьбы – расположенные по течению Кызылдарьи, от Яккабага до селения Татар на протяжении 30 км⁹. Результаты разведочных работ свидетельствуют, насколько густонаселенным был Кешский оазис в эпоху раннего средневековья (V–VIII вв.). Так, например, в Чиракчинском районе было зафиксировано 38 памятников; в Камашинском районе – 29 памятников, наконец, в Яккабагском районе – свыше 200 памятников; на 120 из них была собрана керамика раннесредневекового времени¹⁰. Эти цифры в определенной мере дают возможность представить общие масштабы антихалифатского движения.

Следует сказать, что крепость Муканны в археологическом отношении до настоящего времени не являлась предметом специального изучения, хотя предпринимались попытки ее обнаружения. Как отмечалось выше, главными причинами были труднодоступность и отсутствие каких-либо точных координат и привязок к местности. Было известно лишь то, что крепость была сооружена близ Кеша– Шахрисябза. Учитывая современное расположение этого города, окруженного со всех сторон горами за исключением западного направления к современному Карши (древний Несеф), ареал поиска представлялся весьма широким. С северной и восточной сторон Шахрисябз-Кеш окружен горами Зеравшанского хребта, между тем как южная часть охвачена кольцом западных и северных отрогов Гиссарского хребта.

Все перечисленные обстоятельства вынуждали к более внимательному анализу информации, заключенной в письменных источниках, в том числе и косвенных данных в сочетании с анализом характера ландшафта. Надежное место, где Муканна мог укрываться в течение длительного времени, должно было соответствовать определенным требованиям: изолированность и потаенность с одной стороны и удобство коммуникаций с различными частями Согда (Мавераннахра) – с другой. учитывая скорость распространения влияния Муканны в Бухарском, Самаркандском, Сангардакском направлениях, можно предположить, что крепость имела важное стратегическое

⁸Ртвеладзе, Сагдуллаев 1986, 49.

⁹Ртвеладзе, Сагдуллаев 1986, 40.

¹⁰ Лунина 1984, 18–19.

значение и располагалась на месте перекрещивания дорог разных направлений. К этому же надо добавить то, что связь с войском, часть которого должна была находиться рядом для защиты вождя и мобильность армии зависели от места расположения крепости, являвшейся своего рода штабом, откуда отдавались приказы.

О времени постройки крепости каких-либо точных сведений в источниках не имеется. Есть все основания предполагать, что оно укладывается в общие хронологические рамки выступления лидера движения и его миссионеров и последующего восстания. Хронология восстания Муканны - аспект противоречивый в источниках и дискуссионный в литературе. Здесь мы не будем касаться в деталях этого вопроса, а приведем лишь основные данные, затрагивающие историю сооружения крепости.

Временем *post quem* может служить отъезд Муканны из селения близ Мерва, где он прятался после приказа правителя Хорасана Хумайда ибн Кахтаба арестовать его¹¹. Этому событию предшествовала кампания араба Абдаллаха ибн Амра, который выдал за Муканну свою дочь, переправился через Окс и пришел в Нахшаб и Кеш, пропагандируя учение Муканны и вовлекая народ в новую веру. Наршахи сообщает, что много народу «было совращено с истинного пути. В Кеше и окрестностях этого города последователи Муканны были особенно многочисленны». По времени это произошло, скорее всего, после приезда Муканны в Кеш, где население этой части Мавераннахра составляли преданные и надежные сторонники движения.

Возведение крепости, по всей вероятности, можно связать с прибытием Муканны в Кеш, превратившийся к тому моменту в надежный оплот его учения. Хронологически этот этап можно отнести к подготовительной фазе перед восстанием, т.е. времени бегства Муканны из Мерва в Мавераннахр после 769 г. Теоретически уже 769 г. мог быть годом строительства крепости.

Далее, опуская ряд событий, развернувшихся в Мавераннахре¹², остановимся на важнейшем из них. Начало 880-х годов знаменуется покорением долины Кашкадарьи Саидом ал-Хараши и Мусаййабом. Согласно хронологии, предложенной Т. Кадыровой, к 775 году относятся

¹¹ Арест Муканны за участие в мятеже Абд ал-Джаббара, по мнению О.Г. Большакова, вполне мог иметь место в событиях 758–759 гг., см. Большаков 1976, 95. Однако Наршахи не связывает этот арест с восстанием, отмечая: «он стал претендовать на пророчество и некоторое время это делал. и Абу Джа`фар Даваники послал к нему, и тот перевез его из Мерва в Багдад, где его на несколько лет заточили в тюрьму» – см. Zotenberg 1874.

¹² После освобождения Муканна вновь возвращается в Мерв и уже в своей новой проповеди объявляет себя воплощением божества, что представляет реальный вызов предписаниям ислама. Наршахи датирует это событие в широких хронологических рамках – временем правления Хумайда б. Кахтабы (с ша`бана 150/20.VIII–17.IX 768 г.) – см. Hamza Isfahanensis 1884, 221; Большаков 1976, 95. Хумайд умер в начале ша`бана 159/конце мая 776 г. Следовательно, дата бегства Муканны из Мерва в Мавераннахр приходится между этими временными рамками.

такие важные события, как смещение ал-Мансуром Хумайда и назначением на его место Абу Ауна Абд ал-Малика. Однако это положение было пересмотрено О.Г. Большаковым, который отмечает, что Хумайд б. Кахтаба не был смещен ал-Мансуром, а умер наместником в ша'бане 159/25.V–22.VI. 776 г. и оставил своим преемником сына. По Кадыровой, к этой же дате (775 г.) относится развертывание военных действий вокруг Самарканда (отправка Абу Ауном подкреплений во главе с Укбой на помощь вновь назначенному наместнику Самарканда Джабраилу б. Иахйи) и Термеза – захват восставшими Чаганиана и Нахшаба. Большаков считает, что Абу Аун не мог быть наместником в 775 г., так как его назначил уже ал-Махди, а двукратное упоминание прибытия Му'аза с войском в Мавераннахр в 776 и 777–778 гг., по мнению Большакова, также ошибочно. К апрелю 776 года относится сообщение о борьбе с повстанцами под Наршахом. Остается неизвестной дата начала восстания в Согде, хотя к весне 776 г., как считает Большаков, были захвачены Навакет, Субах, Сангардак и некоторые замки под Кешем. В 777–778 гг. Самарканд захватывают повстанцы, к этому же времени относится прибытие в Мерв Му'аза б. Муслима. Далее к 780 г. относится сражение под Самаркандом. Саид ал-Хараши после двухлетней осады захватывает Самарканд. В это же время происходит осада крепости Муканны, однако она была прекращена или отложена из-за наступления зимы. Скорее всего, строительство домов вблизи осажденных по приказу ал-Хараши относится к этому же времени (возможно, осень 782 г.). Командование войском полностью переходит в руки ал-Хараши, между тем как Мусаййаба отъезжает в Мерв. Сложность в определении начальной даты строительства крепости заключается в отсутствии точного хронологического репера. Так, например, ат-Табари в своей предельно краткой хронике относит начало восстания к 161/777–778 г.: «Среди того, что произошло в этом году, было выступление Хакима ал-Муканна в Хоросане, он говорил о переселении (душ. – Авт.), относя это к себе. Он ввел в заблуждение множество народу, усилился и перебрался в Мавераннахр. Для борьбы с ним ал-Махди послал несколько военачальников, и среди них Му'аза б. Муслима, который был тогда наместником Хорасана, а с ним Укбу б. Муслима, Джабраила б. Йахйу и Лайся, мавлю ал-Махди. Потом ал-Махди поручил с ним одному Са'иду ал-Хараши, придав ему этих военачальников. и начал ал-Муканна собирать продукты, готовясь к осаде в замке около Кеша».

Время гибели Муканны ат-Табари относит к 163/779–780 г.: «Среди того, что произошло в этом году – гибель ал-Муканны. Дело было так; Са'ид ал-Хараши осадил его под Кешем, и стало ему тяжело в осаде. Когда он почувствовал свою гибель, то выпил яду и напоил им своих жен и

близких, умер сам, и, как сообщают, умерли все они. Мусульмане вошли в его крепость, отрубили ему голову и послали ее ал-Махди, который был тогда в Халебе»¹³. Приведенные выше хронологические рамки ат-Табари, как это очевидно, не охватывают всей длительности событий, во всяком случае подготовительного и начального этапов. Время окончательной сдачи крепости и гибели Муканны, как мы видим, определяется в источниках по-разному. Источники обычно дают 163/779 г., между тем как Салами помещает эту дату в 166/782, другие предлагают 167/783 г. или даже 169/785.

Для установления времени сооружения крепости есть и другая возможность, если принять во внимание упоминание Наршахи. Здесь мы передаем его слова о Муканне в переводе Ричарда Фрая: «He stayed in the castle with his women. He had the custom of eating and drinking wine every day with those women. So he passed fourteen years in this manner»¹⁴. В переводе Н. Лыкошина этот фрагмент заканчивается следующим образом: «Так он выдерживал осаду 14 лет, пока амир Герата не стеснил его и пока его войско не расстроилось».

Однако вряд ли можно представить возможность 14-летней осады, тем более что сам же Наршахи пишет далее, что Саид ал-Харашаи, расположившись у ворот крепости, стоял там лето и зиму, т.е. непосредственно осада самой крепости длилась не более года – до следующей весны и наступления тепла. Интересно, что цифра 14 присутствует и у ал-Бируни (Бируни, 211): «он разбил аль-Махди и владычествовал четырнадцать лет, пока его не осадили и не убили в сто шестьдесят девятом году хиджры»¹⁵. Более вероятным нам представляется то, что период в 14 лет подразумевает общее пребывание Муканны в крепости.

Наиболее вероятной представляется дата гибели его в 167/783 г., и тогда соответственно годом постройки крепости можно считать 769, если учесть тот факт, что Муканна какое-то время прятался недалеко от Мерва. Это в какой-то мере вдохновило лидера движения перебраться поближе к своим приверженцам. Несмотря на охрану берегов Джайхуна (Амударья) 100 всадниками, специально высланными Кахтабой, Муканне со своими 36 людьми удастся переправиться через реку и достигнуть области Кеш.

¹³Tabari 1892, 494.

¹⁴Frye 1954, 74.

¹⁵Бируни 1957, 217. Эта самая поздняя дата в версии гибели Муканны из письменных источников. Если вычесть от даты гибели 485/486 хиджры 14 лет владычества, то начало и до последних дней. Если рассуждать в логической последовательности, то дата возникновения крепости должна относиться ко времени после 768 г., т.е. после приказа Кахтабы об аресте Муканны и бегства последнего в Мавераннахр. Если мы берем во внимание вышеназванную цифру пребывания, то дату сооружения крепости мы получаем в зависимости от вышеперечисленных версий времени гибели Муканны.

Теоретически временем строительства мог быть и 768 г. (после месяца шабана, т.е. августа) при вступлении Кахтабы в свои обязанности, когда первостепенной задачей для него был захват лидера запрещенного движения. В этом случае для постройки крепости оставалось короткое время, так как во второй половине октября и в начале ноября в этой горной местности выпадают осадки и наступают холода. Точной информации, близ какого селения или города была построена крепость,

В источниках не имеется, но почти все сходятся на том, что крепость была построена в окрестностях Кеша. Одним из первых селений, которое присоединилось к Муканне и приняло его учение, было селение Субах; лидером здесь был Амр из Субаха (они подняли восстание и убили своего амира, благочестивого человека происхождением из арабов). Такое чтение мы встречаем у Самани и Якута. Селение Субах, по словам Самани, находилось в окрестностях Гузара, в 6 фарсах от Несефа (Карши).

В.В. Бартольд, ссылаясь на Истахри, размещает Субах на главной дороге из Несефа в Балх, на расстоянии 1 перехода от первого, а по ибн Хаукалю – на расстоянии 2 фарсахов от Кеша. Однако, по мнению ученого, «второе определение, несомненно, ошибочно, и вместо «2 фарсах» следует читать «2 перехода» как у Истахри¹⁶. Таким образом, Субах локализуется в окрестностях Гузара.

Интересно отметить, что на старых картах XIX в., картах советского периода и современных, до настоящего времени существует селение под названием Саубак, деятельности (не правления) и тем более строительства крепости уже не впишется в предложенную нами схему сохранившееся, по всей вероятности, свое изначальное название в несколько трансформированном виде.

Вначале, в 1963–1967 гг., в ходе работ археологической экспедиции, руководимой М.Е. Массоном, это селение было отождествлено с развалинами под названием Улюктепа («Мертвое тепа»), расположенными в 8 км к северо-западу от современного города Гузара¹⁷.

Для выбора места немаловажное значение имело географическое расположение, с независимым обеспечением питьевой водой и продовольствием. Наршахи говорит, что «в горах Сам была очень сильная крепость и в ней канал с проточной водой, деревья и пашни». Название «Сам» варьируется у средневековых авторов, например, Гардизи передает его как Сийям. Интересно, что ибн Хаукаль среди волостей Кешской области приводит название Сиям (или Синам).

¹⁶Бартольд 1963, 189.

¹⁷См. также: Ртвеладзе, Сагдуллаев 1986, 57.

В своем предельно кратком описании крепости Наршахи отмечает, что «в ней были ручей, деревья и возделанные поля». В следующем сообщении содержится не менее важная для нас информация, на которую не всегда обращают внимание: «Была еще одна крепость, более сильная, чем эта, которую он приказал перестроить. Там он собрал много богатства и бесчисленное количество вещей и разместил охранников». Однако располагалась ли вторая крепость также в горах Сама (Сиама), не уточняется. Теоретически, если название «Сам» могло означать горную местность (район – рустак), то, по нашему мнению, вторая крепость находилась тут же, но речь могла идти и о другой горе. Описывая вторую крепость, в которой обосновывается Муканна со своими приближенными, Наршахи упоминает снова, что «внутри крепости имелись источник воды, деревья и посаженные поля. Его (Муканны. – Авт.) приближенные и генералы вместе с мощной армией располагались в крепости». Интересно отметить, что об источнике, деревьях и пашнях, расположенных внутри крепости, Наршахи пишет дважды: в первый раз вначале при описании постройки и второй раз – осады крепости Саидом ал-Хараши: «Саид, который был амиром Герата, расположился у ворот крепости с большим войском. Он построил дома и бани и стоял там лето и зиму. Внутри крепости были родник воды, деревья и посева. Приближенные и военачальники с сильным войском были в крепости. Внутри крепости была еще другая крепость на вершине горы. Никто не мог войти в эту цитадель. Муканна с теми женщинами был в крепости (цитадели)».

Однако возникает вопрос: насколько независимым в экономическом отношении было положение обитателей крепости, несмотря на повтор о кажущемся изобилии крепости? Наршахи сам дает повод для сомнения в этом. Во внутренней крепости (цитадели) находились женщины – жены Муканны (дочери дихканов Согда, Кеша, Нахшаба) и приближенный раб – в другом месте он называет его имя – Хаджиб: «Что касается необходимого продовольствия, то ежедневно один раз отворялись ворота крепости, а вне крепости был один доверенный человек, который приготавливал все необходимое. Раб призывал этого человека, приносил в крепость продукты и снова запирали ворота крепости до следующего дня». Сообщение ат-Табари о том, что «начал ал-Муканна собирать продукты, готовясь к осаде в замке около Кеша», свидетельствует о том, что крепость зависела от внешнего снабжения; её собственных ресурсов было недостаточно, чтобы содержать то количество обитателей, что находилось в ней.

Выбирая наиболее удобное место для строительства, Муканна руководствовался вполне резонными соображениями, главными из

которых были безопасность и стратегическое положение места, о которых мы упоминали выше.

Гардизи (XXXV. 126) отмечает, что Муканна избрал для себя крепость Сийам, расположенную в округе [города] Кеша, и ту крепость обнесли оградой. По всей вероятности, под «оградой» следует понимать стену, так как другое ограждение в случае осады вряд ли могло выполнять защитную функцию. В другом отрывке, описывающем ситуацию, когда люди Муканны после столкновений с отрядами ал-Хараша потерпели значительный урон, а оставшаяся часть двинулась к Муканне в сторону Кеша, Гардизи отмечает, что Муканна засел в крепости Сийаме, окружил ее рвом и вступил в бой с мусульманами.

Дела у сторонников Муканны пошли плохо, но они терпели, пока не дошло до того, что они «стали поедать кожу друг с друга». Они запросили у Хариши мира без ведома Муканны, и Хариши дал согласие. Тридцать тысяч человек вышли из-за рва и ушли, а Муканна остался с двумя тысячами человек мужчин и женщин- невольниц, его последователей».

Более всего в этом отрывке нас интересует упоминание рва. Ров упоминается и у другого автора, а именно у ибн ал-Асира, который говорит, что во время осады «мусульмане во главе с Раджа преодолевают ров цитадели». Практически такой тип обороны в горной местности, а особенно учитывая, что крепость находилась на горе, возможен лишь в том случае, если структура скалы – грунт, поддающийся обработке. Трудно представить, что возможно выкопать ров в скалистом грунте, кстати, характерном для большинства гор этого края. Рвом могли называть и углубление естественного характера, но в любом случае наличие рва или его следов, становится одной из примет той крепости, о которой говорят источники. Для выяснения на местности вышеизложенных положений и предположений авторы статьи выехали в Камашинский район Кашкадарьинской области. из г. Шахрисябза, через перекресток Яккабаг маршрут следовал в сторону Камаша. После селения Кокбулок и небольшого отрезка вдоль Катта-урадарьи дорога следовала в северном направлении мимо урочища Майданак и далее, примерно в том же направлении до Кызылтома. Кызылтом представляет собой небольшое селение (кишлак), расположенное по обоим берегам реки Турнасай и южнее с небольшим отклонением на восток от горы Майданак. Высота горы Майданак чуть более 2900 м над уровнем моря. От Кызылтома путь лежал в северо-западном направлении вдоль Турнасай. С этого места была сфотографирована местность, называемая Дарваза (Ворота).

Дарваза представляют собой расщелину, образованную крутыми склонами – отрогами Гиссара; по дну этого ущелья протекает вышеупомянутая река. Дорога пролегла по склону правого берега

Турнася (другой вариант названия Тирнасай, иногда употребляется еще более краткий вариант – Тирна). Местность эта покрыта можжевельным лесом, некоторые из кустарников имеют довольно толстый ствол и пышную крону.

Примерно в 5 км к северу с небольшим отклонением на запад от селения Кызылтом находится урочище под названием Котов. В качестве жилья в Котов используется шатер, а также небольшие глинобитные сооружения. От Котов мы двигались в северном направлении: сначала шли под уклон до дна высохшего сая, затем взбирались вверх. Расстояние от Котов до археологического памятника примерно 1,5–2 км, но дорога в этой части очень трудная – крутой спуск и такой же крутой подъем.

К памятнику можно подняться с его южной стороны от дна сухого русла сая, образованного селевыми водами; отсюда круто вверх тянется овраг, вымытый стекающими с холма водами. При восхождении по склону оврага с левой стороны была зафиксирована стена, выложенная из рваного камня. Впоследствии она была изучена более детально. Памятник с северной и северо-западной стороны примыкает к обрывистой части холма. Городище имеет форму неправильного круга, к которому в его юго-восточной части примыкает аппендикс, вытянутый с севера на юг. Городище делится на две части: шахристан и так называемая цитадель, имеющая в плане округлую форму, укрепленная крепостной стеной по гребню возвышенной части с северной и северо-западной стороны. С южной стороны цитадель также отгорожена от «аппендикса» стеной, которую мы условно называем шахристаном. Сам шахристан укреплен стеной вдоль правого берега оврага (ориентация по течению стекающей воды) и имеет подтреугольную форму с острой вершиной, обращенной к югу. Следует отметить, что с точки зрения защиты от врага – это единственная уязвимая часть городища. Соответственно, вторая линия обороны могла проходить по стене, отгораживающей шахристан от цитадели. В южной и юго-восточной части городище неприступно в силу природных особенностей. В этой части холм, на котором расположено городище, имеет крутой обрывистый характер.

Стена, сложенная из крупных рваных камней и следующая от начала оврага в западном направлении, как бы отгораживающая цитадель от шахристана, сохранилась на высоту от 60 см до более чем 1 м. у основания стена имеет ширину более 1,5 м. В северной и северо-западной части стена цитадели, следующая по гребню холма в направлении юг–юго-восток, прослеживается на расстоянии более 260 м. Она значительно разрушена. Стена шахристана, следующая вдоль правого берега оврага по направлению север-юг, тоже значительно разрушена. Внутри пространства цитадели не выявлено следов каких-либо архитектурных

сооружений за исключением одного, расположенного в 150 м от угла, образованного крепостными стенами южной и северо-западной части памятника. На поверхности городища был найден лишь один фрагмент неглазурованной керамики, который не поддается диагностике. Можно сказать, что на данный момент практически не удалось обнаружить какого-либо подъемного материала.

Как уже отмечалось выше, городище находится на отроге-холме, разделенном глубоким ущельем, вдоль которого протекает река Турнасай, точнее, на ее правом возвышенном скалистом берегу. Вдоль этой реки следует дорога в северном направлении к селениям Туток (расположено западнее, с небольшим отклонением на север) и Ишкент, расположенному северо-западнее от городища на расстоянии ок. 5 км. Эта дорога хорошо просматривается с вышеописанного памятника. С высоты цитадели вдалеке, в северном направлении хорошо видны зеленые оазисы Китаба и Шахрисабза, еще далее на север эти оазисы замыкаются отрогами Зеравшанского хребта, за которыми простирается Самаркандский Согд. По свидетельству местных жителей, в юго-восточном направлении за горами, которые виднеются через долину Турнасай, дорога ведет в Сангардак, расположенный на территории современной Сурхандарьинской области.

При сопоставлении данных письменных источников о крепости Муканны и открытого нами археологического памятника обнаруживается масса совпадений, как-то: удобное и в то же время труднодоступное для неприятеля положение на высокой скале, как бы выдвинутой вперед, что позволяло обзирать все подступы и держать под контролем дороги. В наиболее высокой северной части, по всей видимости, располагалась цитадель. Она была отгорожена, судя по остаткам сохранившейся стены, от шахристана в южной части. Шахристан располагался на естественном оплыве, вытянутом с севера на юг и укрепленном по периметру каменной стеной.

Таким образом, можно сказать, что перед нами двухчастное сооружение на высокой скале, окруженной стеной – т.е. то, что некоторые авторы называют «оградой». При поверхностном обзоре ров, наличие которого отмечают некоторые авторы (Гардизи, Аль Асир), не виден, хотя за таковой можно принять овраг, который тянется с севера на юг на большом протяжении, и, как отмечалось при описании памятника, имеет вид естественного образования. Не исключено, что именно эту часть средневековые авторы могли счесть за ров, и, несомненно, сам ров за истекшие двенадцать веков должен был значительно видоизмениться. Таким образом, степень вероятности, что открытый нами памятник является «кре- постью Муканны», остается достаточно высокой.

Список литературы:

1. Абдиримов Р. 1983: Новые данные о городище Наршахтепа // История материальной культуры узбекистана. Вып. 18. Ташкент, 148–153.
2. Абу Са'ид Гардизи. 1991: Украшение известий. Зайн ал-Ахбар / Пер. А.К. Арендса. Ташкент.
3. Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. 1982: Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент.
4. Бартольд В.В. 1963: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. 1. М.
5. Бируни 1957: Памятники минувших поколений / Пер. М.А. Салье // Бируни Абу Рейхан. избранные произведения. Ташкент.
6. Большаков О.Г. 1976: Хронология восстания Мукадды // Эпиграфика Востока, 90–98.
7. Кабанов С.К. 1955: Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи // Труды института истории и археологии. Вып. 7 (Материалы по археологии Узбекистана). Ташкент.
8. Кадырова Т. 1965: Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в. Ташкент.
9. Қошғарий М. 1963: Туркий сўзлар девони. (Девони луғатит турк). III жилд. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. Муталлибов. Тошкент.
10. Лунина С.Б. 1984: Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент.
11. Массон М.Е. 1973: Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент.
12. Наршахи Мухаммад 1897: история Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина; под ред. В.В. Бартольда. Ташкент.
13. Ртвеладзе Э.В. 1974: Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. л., 74–84.
14. Ртвеладзе Э.В. 1980: исследование на городище Бударач // Археологические открытия. 1979 год. М., 456–457.
15. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев. А. 1986: Памятники минувших веков. Ташкент.
16. Сагдуллаев А.С. 1970: Древние поселения Кашкадарьи // Строительство и архитектура Узбекистана, № 7, 8–11.
17. Сиасет-наме 1949: Пер. Б.Н. Заходера. М.
18. Сулейманов Р.Х. 2000: Древний Нахшаб. Ташкент.
19. Якубовский Ю.А. 1948: Восстание Мукадды – движение «людей в белых одеждах» // Советское востоковедение. Т. V. 35–54.
20. Crone P. 2012: The Nativist Prophets of Early Islamic Iran. Rural Revolt and Local Zoroastrinism. N.Y.
21. Frye R.N. 1954: History of Bukhara. Translated from Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi. Camb. (Mass.).

22. Kochnev B. 2001: Les monnaies de Muqanna' // Studia Iranica. 30/1. 143–150.

Шамукарамова Ф.Ш.

к.и.н., с.н.с. Института истории АН РУз

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ Г.А. ПУГАЧЕНКОВОЙ КАК АРХЕОЛОГА-ИСКУССТВОВЕДА НА КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Невозможно говорить об истории формирования и развития археологии Узбекистана, в том числе Средней Азии, да и всей Центральной Азии, известной великими археологическими открытиями, без новаторского вклада Галины Анатольевны Пугаченковой в искусствоведческом направлении. Это направление прочно закрепилось не только в археологии, но и в исторической науке Узбекистана XX века¹. В этом огромная заслуга архитектора, искусствоведа, археолога, знатока истории изобразительного искусства Центральной Азии, организатора экспедиций, педагога Г.А. Пугаченковой. Освещению её жизни и научной деятельности посвящены целый ряд исследований, включающих монографии [9; 18], биобиблиографические очерки [6] и брошюры [4; 7; 8], диссертацию [16], статьи [5; 10; 12; 17; 36], воспоминания коллег и учеников [35, С. 121-139], а также специальные номера научных журналов [2; 19].

Однако, в данной работе я хотела бы показать через историко-историографический анализ первых лет научной деятельности Г.А. Пугаченковой, как она формировалась как археолог-искусствовед.

Биографические данные о Г.А. Пугаченковой даются во всех работах, посвященных ей. Тем не менее, чтобы показать её жизненный и исследовательский путь, целесообразно коротко остановиться на этом. Г.А. Пугаченкова родилась 7 февраля 1915 г. в семье архитектора. В 1937 г. она окончила архитектурное отделение Ташкентского Политехнического института (нынешний Политехнический университет) и поступила в аспирантуру кафедры “Архитектура Средней Азии”. В 1941 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата архитектуры, на тему: “Архитектура Средней Азии эпохи Навои”. С 1942 по 1960 гг. работала на кафедре археологии Средней Азии исторического факультета САГУ (нынешний Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). Параллельно с этим являлась старшим научным сотрудником Института искусствознания им. Хамзы АН Узбекистана. В 1959 г. Г.А. Пугаченкова защитила диссертацию на соискание ученой

степени доктора искусствоведения, на тему: “Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма”. С 1960 г. она заведующая сектором истории искусств и архитектуры в том же институте. В 1962 г. ей было присвоено звание профессора. Она была членом многих научных обществ, Советов, в том числе и международных, награждена рядом правительственных и международных наград [7, С. 5-6]. Важным моментом в ее характеристике является то, что авторы не раз применяют слово “впервые”, когда приводят разработанные ею сложные и малоизученные проблемы или темы.

Известно, что, так называемое, “археологическое крещение” Г.А. Пугаченкова получила как участница полевого сезона 1938 г. в Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. Молодой специалист-архитектор, только что закончившая институт, Галина Пугаченкова пришла работать в Узкомстарис. Там она познакомилась с завсекцией архитектуры Б.Н. Засыпкиным, который представил её М.Е. Массону, как специалиста, могущего сделать чертежи каменных архитектурных деталей, найденных в ходе предыдущего полевого сезона ТАКЭ. Она успешно справилась с заданием руководителя экспедиции, хотя внимательный до мелочей М.Е. Массон указал на некоторые неточности. Г.А. Пугаченкова об этой его требовательности и точности в исследовательской работе вспоминала: “Предельная точность передачи факта – это был принцип, которого М. Массон строго придерживался сам и неукоснительно требовал от других – будь то чертеж, или описание, или сопоставление деталей” [9, С. 76]. Таким образом, он включил Г. Пугаченкову в состав экспедиции 1938 г.

Именно первая археологическая практика в составе ТАКЭ как историка архитектуры и искусства способствовала Г.А. Пугаченковой придти к выводу и выработать собственное исследовательское кредо, о чем констатировала она сама и исследователи ее деятельности. Оно заключалось в том, что сохранившиеся наземные памятники и хранящиеся в музеях произведения искусства не в состоянии раскрыть общую картину развития архитектуры и искусства Средней Азии, ибо еще больше их хранится в земле и потому следует овладеть методами археологии [5, С. 59; 7, С. 8; 8, С. 11]. Этими методами Г. Пугаченкова и стала учиться.

Еще в процессе изучения фрагментов археологических находок и подготовки их чертежей в Ташкенте, Г.А. Пугаченкова увидела в них эллинистическую основу, что и отразилось в ее работе, вошедшую во II-ой том материалов ТАКЭ [25]. Она исследовала и представила подробный анализ 30 фрагментов колонн, обнаруженных в Старом Термезе.

Г.А. Пугаченкова в своих воспоминаниях о данной экспедиции отмечала и то, что полевой сезон 1938 г. в большей степени имел

искусствоведческий характер относительно периода развитого средневековья, что непосредственно входило в поле её деятельности. Дело в том, что основной задачей было изучение архитектурных памятников этого времени – развалин Кырк-кыз, комплексов Хаким ат-Термези и Султан-Саодат, мечети Чор-Сутун, дворца Термезских правителей с резной штучковой декорацией, остатков жилых и культовых зданий XIV – XV веков, построенных из сырцовых кирпичей. Их тщательное исследование «восполнили многие важные звенья в общей типологии средневековой архитектуры Средней Азии» [9, С. 91]. Однако, большее внимание Г. Пугаченковой привлекли домусульманские сооружения, в частности, буддийские памятники – ступа, названная «башня Зурмала» и монастырь Кара-тепа [9, С. 90].

Про свою первую экспедицию Г.А. Пугаченкова через много лет вспоминала так: “Участие в работах Термезской археологической комплексной экспедиции показал мне, что для постижения архитектуры среднеазиатской античности (так назвала я этот историко-культурный феномен, что вызвало, однако, протест сторонников признания античности лишь как европейского явления) нужны были объекты, погребенные в напластованиях веков и археологическое их извлечение. Приходилось однако, дожидаться, пока они будут выявлены археологами и предоставлены ими для изучения после многолетних оттяжек. Значит – решила я – следует самой овладеть археологическими методами, поставив при этом целью выявление и изучение памятников художественной культуры, чем я в дальнейшем и занималась многие годы. Но начало было положено участием в ТАКЭ” [1, Л. 7; 9, С. 92].

Вообщем, работая в составе ТАКЭ последнего полевого сезона 1938 года рядом с М.Е. Массоном и уже имевшим определенный опыт ведения археологических раскопок В.А. Шишкиным, Галина Пугаченкова получила для себя большой опыт, который послужил ей методической основой и обогатила в последующие годы и применялся ею в своих исследованиях. Самым важным аспектом является и то, что она ознакомилась с методами археологической школы, к тому времени уже выработавшей определенные принципы ведения археологических исследований. “... Лучшее, что дала мне “школа” Михаила Евгеньевича, это вера в силу материала, неживого памятника, оживляемого ... как глина под пальцами Пигмалионов от науки”, – вспоминала потом Г.А. Пугаченкова [18, С. 42-43]. Это еще раз доказывает, что первым учителем в ведении научных исследований для вчерашней студентки Галины Пугаченковой был М.Е. Массон.

Еще самый важный характер данной экспедиции – это комплексность исследований, что в будущем неизменно применяла Г.А. Пугаченкова уже для своих экспедиций.

Нельзя пройти мимо и того исторического факта в жизни Г.А. Пугаченковой, произошедшем именно в ходе работ ТАКЭ, а именно – знакомство с известным исследователем Л.И. Ремпелем², который в будущем стал соавтором ряда их монографических исследований по истории архитектуры и искусства Средней Азии. Но тогда молодая Галина Пугаченкова как специалист была загадкой для Л.И. Ремпеля, который сразу обратил на нее внимание. Впоследствии он очень интересно вспоминал об этом*: “Среди угрюмых и старчески усталых памятников мне неожиданно довелось встретить тогда еще молодую женщину-архитектора Г.А. Пугаченкову. Она не хваталась поминутно за рулетку и не размахивала рейсшиной, демонстрируя свою профессию, хотя ее келья в медресе Диванбеги, где останавливались приезжие, была завалена листами расчерченного ватмана. Жадно всматривалась она в обступившие прищельца громады. ...

Еще трудно было угадать в ней известного в будущем исследователя. Ее способность искать и находить в каждом явлении отблеск исторического события, а в каждом рационально осмысленном факте – его эмоциональное, поэтическое звучание уже тогда была феноменальна. ... Эта удивительная способность к стереоскопическому видению явлений искусства и пространственному восприятию архитектуры непривычна для многих педантов науки и по сей день. Там, где узкий археолог видит только план сооружения, нанесенный на бумагу, ей видятся все его пространственные формы как бы восставшими из руин. Там, где педант ограничивается описанием открытого “факта”, она вонзает изящный скальпель исследователя во многие недоступные ранее области исторической науки, пренебрегая окриками “несогласных” с таким нарушением “правил игры”, при котором ученый должен якобы лишь описывать явление или видеть в нем только отражение религии, культа, ремесла и техники своего времени. Между тем, по ее убеждению, об искусстве надо судить по законам искусства, созданным в каждую эпоху, по мере того как формируются лик общества, его социальные интересы, идеи, чувства, вкусы и представления. Искусство накапливает и непреходящие ценности, пренебрежение которыми – плод самонадеянности и невежества. В стремлении познать искусство Среднего Востока в его собственных глубинах, привлечь к объяснению искусства все исторические дисциплины, все гуманитарные науки и раскрывался позже ее талант автора многих увлекательных книг по искусству и

* Л.И. Ремпель дал настолько интересную характеристику Галине Анатольевне, что не хотелось сокращать.

архитектуре Востока...” [34, С. 25-26]. На мой взгляд, эта самая яркая характеристика, данная Г.А. Пугаченковой, где отражено все ее видение исследования истории культуры и искусства Средней Азии.

Вторая экспедиция Г.А. Пугаченковой вместе с М.Е. Массоном была посвящена изучению архитектурных памятников времени правления Амира Темура и Темуридов в Самарканд и Шахрисябзе.

У Г.А. Пугаченковой была особая любовь к Самарканду, впрочем, как и у многих других исследователей. В первый раз Галина Пугаченкова побывала в Самарканде в девятилетнем возрасте вместе с родителями, и была очарована историческими памятниками архитектуры города. Уже в зрелом возрасте в беседе с журналистом вспоминала: “Люблю этот город. Мне было 9 лет, когда я первый раз увидела Самарканд. А потом я ездила туда почти каждый год. Когда я впервые увидела самаркандские памятники, это уже навсегда запало в душу. И позднее, когда я училась в институте, меня увлекла история архитектуры Востока. Так что выбор был сделан здесь. Для меня моя Родина – это Средняя Азия” [3].

В связи с созданием государственной комиссии по празднованию 500-летнего юбилея Алишера Навои в экспедиционно-полевые работы созданной в 1940 г. кафедры Археологии Средней Азии на историческом факультете САГУ была заложена организация и проведение исследовательских мероприятий памятников материальной культуры времени Амира Темура и Темуридов [33]. Экспедиционные работы были начаты в 1940 г. М.Е. Массоном, Г.А. Пугаченковой и сотрудниками кафедры антропологии с изучения уникального мавзолея второй половины XV века, известного под названием Ишрат-хана («Дом радости»). На данном объекте они заложили шурфы для изучения фундамента сооружения, вскрыли склеп, произвели историко-архитектурное исследование здания (эта часть работы была возложена именно на Г.А. Пугаченкову) и археолого-топографическое изучение окрестностей памятника.

Позже, т.е. в 1958 г. под редакцией М.Е. Массона была издана коллективная монография «Мавзолей Ишратхана» [13].

В 1941 г. Г.А. Пугаченкова принимала непосредственное участие в работе Самаркандской археологической экспедиции (САЭ) под руководством М.Е. Массона, организованной Музеем Алишера Навои [33, С. 4].

В 1942 г. по линии Узкомстариса М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова осуществили работы по археолого-топографическому и историко-архитектурному изучению памятников Шахрисябза [33, С. 5].

В 1943 г. все сотрудники кафедры археологии Средней Азии во главе с М.Е. Массоном, в том числе Г.А. Пугаченковой, и нескольких

студентов осуществили историко-археологическое изучение Гур-Эмира в Самарканде, так как на этом памятнике начинались крупные реставрационные работы [33, С. 5]. Естественно, что на Г.А. Пугаченковой лежала задача полного обмера здания, изучение его в историко-архитектурном плане, а в результате закладки шурфов вдоль стен сооружения, она исследовала и его фундамент. Все это и другие собранные новые данные были использованы при реставрации памятника. *Важным аспектом в приобретении археологического опыта для Г.А. Пугаченковой в экспедициях 1940 – 1945 годов явилось исследование сохранившихся монументальных культурных памятников Средней Азии, в том числе Узбекистана, в историко-археолого-искусствоведческом направлении*³ [16, С. 22].

Экспедиция в Самарканд и Шахрисябз сотрудников и студентов кафедры археологии Средней Азии проходила в нелегкие военные годы. Вероятно поэтому, результаты своих изысканий Г.А. Пугаченкова опубликовала только в 1945 г. [20; 21; 23]. Однако, к вопросам истории архитектуры, культуры и искусства в период Амира Темура и Темуридов, особенно Мирзо Улугбека, она возвращалась на протяжении всей своей научной жизни. Об этом свидетельствует целый пласт научных публикаций ученого, но не в достаточной мере анализированных в работах, посвященных ее деятельности. К тому же, начало многолетних исследований этого периода Г.А. Пугаченкова положила своей кандидатской диссертацией, защищенной в 1941 г. [21].

Особо хочется выделить работу Г.А. Пугаченковой, посвященную керамике Самарканда XV века [28]. Здесь проявились все знания уже полностью сформированного ученого, как знатока истории, экономики, ремесла, прикладного искусства, архитектуры и других особенностей, которыми должен обладать исследователь, ведя рассуждения, сравнения и делая аналитические заключения. Она на основе собранного керамического материала, обнаруженного в ходе археологических исследований, по кирпичикам разложила и изучила все аспекты, сопутствующие при постановки задачи – места и роли «восточной керамики», в частности эпохи Темура и Темуридов в развитии культуры. Это было связано с тем, как констатировала тогда Г.А. Пугаченкова, что в науке существовал спор о «Темуридском Ренессансе», а также «в части керамики литература крайне скудна» [28, С. 91].

Как и во всех фундаментальных исследованиях, в данной работе Г.А. Пугаченкова сначала дает постановку вопроса, историографический анализ предшественников и современников, в том числе зарубежных авторов, затем приводит классификацию видов глины для изготовления керамических изделий, рассуждения о цветовой гамме, манере росписей,

наиболее распространенных видов самаркандских изделий, их функциональные предназначение, принципы и мотивы орнаментации. На протяжении всего исследования идет сравнительный анализ с предшествующим и последующим периодами, с обоснованными доказательствами о высоком уровне ремесленного производства времени Темура и Темуридов.

Подводя общий итог своему исследованию Г.А. Пугаченкова, и как архитектор, и как искусствовед-археолог, и уже как историк, подчеркивая, что развитие высоко художественной керамической продукции в определенные эпохи часто являлось отражением высокого уровня культуры того или иного народа, страны, государства, справедливо писала: «... нити экономических и культурных связей, окрепших, вследствие его (Амира Темура – *Ф.Ш.*) целеустремленной политики, оказались несравненно крепче, и может быть никогда так ярко не ощущалось срединное положение Мавераннахра между странами Дальнего и Ближнего Востока. Скрещивание зарубежных культур на почве крепкой, полнокровной местной культуры привело к тому, что они впитывались, перерабатываясь и видоизменяясь в соответствии с местными традициями и вкусами. Мы наблюдаем и другой процесс, когда именно Средняя Азия становится фокусом рассредоточения культурных достижений в зарубежные страны. Самаркандская керамика XV в. как нельзя более иллюстрирует эти положения» [28, С. 118].

Экспедиционный период, посвященный историко-археолого-искусствоведческому изучению памятников XIV – XV веков стал для Г.А. Пугаченковой вторым этапом в ведении практических археологических изысканий.

Еще один примечательный аспект в её научных выводах состоит в том, что ей не приходилось изменять свою уверенную точку зрения в угоду существовавших тогда идеологических рамок, в отличие от тех исследователей, которые освещали политическую историю периода Амира Темура и Темуридов. Немного выходя за хронологические рамки исследований, отметим, что изучению и анализу архитектурных памятников данного периода Г.А. Пугаченкова посвятила много работ, особый акцент делая на строительной деятельности Мирзо Улугбека [38, С. 40-42], в том числе исследованию его знаменитой самаркандской обсерватории [38, С. 73-75].

Самый большой опыт ведения археологических изысканий Г.А. Пугаченкова, конечно же, приобрела в процессе участия в деятельности знаменитой Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством бессменного М.Е. Массона.

Начавшая свою работу в 1946 г. ЮТАКЭ делилась на семь отрядов, последний из которых под названием – «историко-архитектурный отряд» возглавила Г.А. Пугаченкова. Задача ее отряда состояла, как она сама вспоминала, заключалась из нескольких пунктов:

Во-первых, изучение вскрытых раскопками архитектурных объектов – фортификационных сооружений, памятников светского или храмового зодчества. Вследствие этого ей часто приходилось принимать участие и в работах других отрядов – в Нисе и в Мерве, осуществляя обмеры, фиксируя в чертежах их состояние на момент вскрытия, а также создавая их графическую реконструкцию.

Во-вторых, нужно было осуществить маршрутные исследования разбросанных по всему Южно-Туркменистанскому региону памятников зодчества, даже если они находились в пустыне Кара-кумы или в предгорьях Копетдага. Сведения о них предварительно собирались из письменных источников или путем опроса местных старожилов.

В-третьих, необходимо было изучить вновь открытые объекты изобразительного и прикладного искусства разных периодов [9, С. 129], так как до этого Г.А. Пугаченкова декларировала исследования художественных произведений как важнейшего аспекта ее научной деятельности [23; 24]. Однако, первоначально Г.А. Пугаченкова должна была всего лишь изучить архитектуру на городище Ниса [14, С. 8; 26].

Весь накопленный Г.А. Пугаченковой опыт в процессе работ в составе ТАКЭ и САЭ способствовал успешному выполнению поставленной перед ней и ее отрядом научной задачи, а также еще глубже вести свои исследования в искусствоведческом направлении. Вообще-то, эти же рассуждения и выводы констатируются и в работах, посвященных её жизни и научной деятельности, где перечислены все осуществленные Г.А. Пугаченковой работы в 1946 – 1958 годы в составе ЮТАКЭ [9, С. 119-134; 16, С. 23-32]. Кроме того, её публикации нашли отражение в многотомных изданиях ЮТАКЭ [11; 15; 27; 29; 30; 31]. Поэтому мы не будем их еще раз повторять, но список работ, осуществленных исследователем и её отрядом довольно внушительный. Самой крупной работой является ее авторская монография – «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализм» [32], названная в духе того времени (т.е. в периодизации формационный подход – *Ф.Ш.*), материалы которой вошли в докторскую диссертацию Г.А. Пугаченковой, защищенной в Москве в Институте истории и теории искусства [9, С. 134].

Г.А. Пугаченкова не изменяя себе и своим убеждениям, к которым она приходила в процессе скрупулезных и обстоятельных научных изысканий, в выводах к монографии придерживалась тех позиций, о

которых она писала по результатам самаркандской экспедиции. В частности, ученый справедливо констатировала, что *«архитектура в Южном Турменистане возникает в глубочайшей древности. Она возникает как результат сознательной деятельности местных оседло-земледельческих племен. И не «светлым пламенем Эллады», не стремительным шествием ислама обусловлен расцвет ее в эпоху рабовладения и феодализма, а закономерным развитием архитектурно-строительного дела на местной народной творческой основе, определившей собой глубоко оригинальное направление в истории мировой архитектуры»* [32, С. 476].

Следует остановиться еще и на том, что в формировании Г.А. Пугаченковой как настоящего специалиста своего направления, безусловно, сыграли свою роль определенные личности. Это, конечно же М.Е. Массон, ставший и спутником жизни, и соавтор её будущих монографий – Л.И. Ремпель. С. Горшенина в своей автобиографической книге о Г.А. Пугаченковой констатирует, что именно в этот период рядом с ней появляются два её самых верных друга и соратника – «Во-первых, муж, по сути слепивший, как Пигмалион Галатею, ученого из Г. Пугаченковой. Его глубокие знания истории и владение письменными и археологическими источниками всегда находились в полном её распоряжении и служили прекрасной базой для многих исторических построений вчерашнего архитектора, а его ключевое положение в среднеазиатской археологии (заведование кафедрой и руководство экспедицией) обеспечивало ей наиболее оптимальные условия для саморазвития. Во-вторых, Л. Ремпель, наиболее близкий соратник и неизменный соавтор, сильной стороной которого было умение концептуального и эмоционального осмысления произведений искусства с позиций историка и теоретика искусства. Многие публикации Г. Пугаченковой выкристаллизовывались в ходе их постоянной переписки» [9, С. 130]. И третьим аспектом, как справедливо отмечает С. Горшенина, «было её колоссальное трудолюбие, исследовательский талант и способность к синтезу разнохарактерного материала» [9, С. 130].

Огромное трудолюбие ученого отмечал и Б.В. Лунин в своей статье, посвященной 80-летию Г.А. Пугаченковой, где он писал, что «трудолюбие это действительно огромно и органически присуще Галине Анатольевне в неразрывном единстве ее личностных качеств ученого и человека. Работоспособность Галины Анатольевны не случайно поражает и восхищает всех знающих ее. ... В полевых условиях (иногда крайне тяжелых, в песках, при сорокоградусной и выше жаре, сухих и пыльных ветрах, строгом режиме питьевой воды) Галина Анатольевна не теряет ни минуты без дела, всегда в движении, сосредоточенности, поиске,

тщательной и пытливей фиксации, описании встречаемых памятников древности» [12, С. 10].

В целом, ЮТАКЭ была третья большая экспедиция, в составе которой Г.А. Пугаченкова приобрела самый большой опыт как археолог. Она более детально изучила и приняла принципы ведения подобных исследований, которые еще больше способствовали ей познанию истории архитектуры, художественной керамики, изобразительного искусства, нумизматики, а самое главное постижению архитектурной реконструкции памятников прошлого.

Таким образом, в результате участия в крупных экспедициях Г.А. Пугаченкова к концу 1950-х годов стала полностью сформировавшимся специалистом в археолого-искусствоведческом направлении, которая могла дать свое экспертное мнение по многим вопросам истории развития культуры и искусства.

В 1959 г. Г.А. Пугаченкова, работая в Институте искусствознания АН Узбекистана, организовала известную «Узбекистанскую искусствоведческую археологическую экспедицию» (УзИскЭ), принесшую множество новых открытий в археологии и искусстве, вследствие чего многие лакуны истории региона были заполнены.

Очень трудно переоценить вклад академика Г.А. Пугаченковой в становление и развитие искусствоведческого направления в археологии. Ведя свои исследования по всем аспектам искусствоведческого направления в изучении истории культуры Узбекистана и всей Центральной Азии, Г.А. Пугаченкова принимала непосредственное участие в развитии фундаментальных научных исследований и дисциплин. Здесь хочется привести слова А.А. Хакимова, который дал справедливую и великолепную оценку научной деятельности архитектора, искусствоведа, археолога Г.А. Пугаченковой: «Как говорили древние, наука не сосуд, который надо заполнять, а факел, который надо зажечь. Факел науки об искусстве Средней Азии, зажженный Галиной Анатольевной Пугаченковой, горит ярко, освещая путь вперед, и задача последующих поколений ученых – сохранить этот огонь и достойно ... пронести его по своей жизни» [37].

Примечания:

1. За исключением искусствоведческой экспедиции Музея Восточных культур во главе с Б.П. Денике.

2. Отряд ТАКЭ во главе с М.Е. Массоном в 1938 году проездом на короткое время останавливались в Бухаре, где тогда и был Л.И. Ремпель.

3. Г.А. Пугаченкова помимо Узбекистана, вместе с М.Е. Массоном до 1945 года осуществила подобные экспедиционные работы и на памятниках Туркмении, Киргизии и Казахстана.

Список литературы:

1. Alerte Héritage, архив Галины Пугаченковой, папка 008, часть 1, документ 2 – URL: <http://pugachenkova.net/catalog/getPhoto/1121>
2. Архитектура и строительство Узбекистана. – 1990. – № 2.
3. Багдасарова Г. Десять лет спустя после ухода живой легенды – академика Г.А.Пугаченковой. Элект. ресурс: <https://mytashkent.uz/2017/02/26/desyat-let-spustya-posle-uhoda-zhivoj-legendy-akademika-g-a-pugachenkovo>
4. Библиография научных работ академика Академии наук Узбекской ССР, доктора искусствоведения, профессора Галины Анатольевны Пугаченковой. – Самарканд, 1995. – 11 с.
5. Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Памяти академика Галины Анатольевны Пугаченковой // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2007. – Вып. 5. – С. 58-61.
6. Галина Анатольевна Пугаченкова // Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук в Узбекистане / Составитель Б.В. Лунин. Т. II. – Ташкент: Фан, 1977. – С. 37-41.
7. Галина Анатольевна Пугаченкова. [Библиография с кратким очерком научной, педагогической, общественной деятельности с указанием основных дат жизни Г.А.Пугаченковой] / Составитель Э.В. Ртвеладзе. – Ташкент: Фан, 1985. – 40 с.
8. Галина Анатольевна Пугаченкова. / Составитель В.А. Германов. – Ташкент: Издание Французского института по изучению Центральной Азии и Института археологии АН РУз, 1995. – 20 с.
9. Горшенина С. Галина Пугаченкова. – Ташкент, 2001. – 254 с.
10. Горшенина С. Архив Галины Пугаченковой в свободном доступе // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2020. – № 29. – С. 155-163.
11. Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А. Архитектура туркменского народного жилища // Труды ЮТАКЭ. Т. III. – М., 1953. – 80 с.
12. Лунин Б.В. На передовых рубежах археологии и искусствоведения Центральной Азии // ОНУ. – 1995. – № 5-6-7-8. – С. 3-11.
13. Мавзолей Ишратхана. – Ташкент, 1958.
14. Массон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года // Труды ЮТАКЭ. Т. I. – Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1949. – С. 5-15.
15. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. IV. – Ашхабад: Изд-во АН Туркм ССР, 1959. – 275 с.
16. Муродова Д.Х. Вклад Галины Анатольевны Пугаченковой в изучение археологии и истории культуры Узбекистана.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2005. – 167 л.

17. На переднем крае науки (К 60-летию Галины Анатольевны Пугаченковой) // ОНУ. – 1975. – № 3. – С. 86-88
18. Нурмухамедова Ш. Галина Анатольевна Пугаченкова (1918 – 2007 гг.) / Женщины-исследователи архитектуры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2013. – С. 42-78.
19. Общественные науки в Узбекистане. – 1995. – № 5-6-7-8. – 190 с.
20. Пугаченкова Г.А. Ансамбль Дар-ус-сиадат и Дар-ут-тилават в г. Шахрисябзе // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1945. – № 23. – С. 182-183.
21. Пугаченкова Г.А. Архитектура Средней Азии эпохи Навои // Автореф. канд. дисс. Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1945. – № 23. – С. 181.
22. Пугаченкова Г.А. Архитектурное наследие Средней Азии и проблемы его освоения в строительной практике социалистического Узбекистана // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1945. – № 23. – С. 183-184.
23. Пугаченкова Г.А. Зооморфные элементы в тимуридской керамике Самарканда // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1945. – № 23. – С. 184.
24. Пугаченкова Г.А. Типы художественной керамики эпохи Тимура и Улугбека из раскопок Гури-мира // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1945. – № 23. – С. 184.
25. Пугаченкова Г.А. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана // Труды Академии наук УзССР. Серия 1. История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. II. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1945. – С. 65-81.
26. Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. I. – Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1949. – С. 201-259.
27. Пугаченкова Г.А. Глазурованная керамика Нисы XV – XVI в.в. // Труды ЮТАКЭ. Т. I. – Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1949. – С. 400-417.
28. Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV века // Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки. Книга 3. Археология Средней Азии. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1950. – С. 91-120.
29. Пугаченкова Г.А. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. II. – Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1953. – С. 143-146.
30. Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса // Труды ЮТАКЭ. Т. II. – Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1953. – С. 192-252.
31. Пугаченкова Г.А. Ханака в Мехне // Труды ЮТАКЭ. Т. V. – Ашхабад: Изд-во АН Туркм ССР, 1955. – С. 163-170.

32. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 495 с.

33. Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов // Труды САГУ. Новая серия. Вып. LXI. Гуманитарные науки. Книга 6. Археология Средней Азии. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1953. – С. 3-15.

34. Ремпель Л.И. Далекое и близкое: Страницы быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записи. – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1981. – С. 25-26.

35. Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Книга I. – Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2012. – С. 121-139.

36. Сидоров Д.Н. Юбилей ученого // ОНУ. – 1965. – № 5. – С. 65-66.

37. Хакимов А.А. О значении трудов Г.А. Пугаченковой и их роли в развитии исторического искусствоведения Узбекистана // ОНУ. – 1995. – № 5-6-7-8. – С. 11-16. С. 15-16.

38. Шамукарамова Ф.Ш. Жизнь и творчество Мирзо Улугбека в историографии XX века. – Ташкент: Yangi nashr, 2012. – С. 40-42.

Мусакаева А.А.

к.и.н.,

*Государственный музей истории Узбекистана
АН Республики Узбекистан*

ТРЕМИССИС ИЗ МАЙСКОГО

После 2010 года в Государственный музей истории Узбекистана стали поступать предметы, связанные с Византией. Часть из них уже была опубликована автором (Мусакаева, 2012. С. 285 – 288; Musakaeva, 2012. С. 90 – 92). В мае 2013 года при прокладке лотков для воды рабочими в поселке Майский Ташкентской области были найдены предметы, свидетельствующие о погребении византийского воина или знатного лица. В числе поступивших в музей предметов наилучшую сохранность демонстрируют золотые бляшки с изображением ангелов и византийская монета. Остальные предметы поясного набора, золотые нашивки и бляшки на одежду, обкладка горита, фрагменты крученой проволоки остаются пока не изученными.

Так, в числе предметов из Майского был обнаружен тремиссис Византии приведем его описание:

Лицевая сторона.

На лицевой стороне тремиссиса из Майского передано погрудное изображение безбородого императора в парадной тиаре – царском головном уборе, просматривается верхняя часть доспехов и фрагмент щита с изображением всадника. Изображение императора развернуто в три четверти вправо. Над лбом ряд волос, переданный крупными буклями, на них непосредственно надета тиара, переданная в виде мелких точек частично слитых воедино. Между нижними мелкоточечными дугами, расположенными над буклями волос, изображена крупная овальная вставка из драгоценного камня. Над камнем три штришка с шариками. Штришки справа изображены очень близко друг к другу, а левый штришок расположен дальше. Резчик штемпеля этим приемом передал трехчетвертное изображение. За головой развеваются повязки с шариками на концах. В правом ухе серьга в виде горизонтального штришка под мочкой уха, к нему крепятся три бусины: первая в виде шарика, две нижние в виде овалов, нижняя бусина крупнее верхней. Внизу слева изображена точка – последняя бусина серьги, вдетой в левое ухо. Остальные бусины не видны – прием трехчетвертного изображения. За спиной императора изображение копья, на копье прикреплен бунчук – его изображение просматривается ниже наконечника копья. Слева у края монеты видна часть правой руки, сжимающей древко копья. Справа у края монеты левое плечо прикрывает щит с изображением всадника. Просматриваются голова, часть торса и поднятая рука всадника, а так же часть головы коня. По кругу латинские знаки легенды: « DN (I)YSTI ...X[C/G?] IY ...». Знаки легенды практически все оказались за краем монетного кружка, просматриваются лишь их нижние части, либо только штришки от букв. Начальные знаки легенды, вероятно, передают имя императора Византии Юстина I или Юстиниана I.

Оборотная сторона.

Изображение сидящей на троне богини победы – Виктории. В её вытянутой правой руке крест, укрепленный нижней ножкой на шаре, передающем изображение державы. В левой руке длинный посох – штандарт. Голова Виктории за краем монетного кружка, но часть шлема просматривается на уровне шеи. Спинка трона передана рядом мелких точек.

С правого края сохранились лишь кончики букв, остальное за краем монетного кружка. Под одной из букв изображен крупный пунсон. С левого края буквы ушли целиком за край монеты, ввиду более крупного по размеру штемпеля, чем сам монетный кружок. От правого уха через щеку проходит едва заметная царапинка.

Монетный кружок слегка деформирован с двух краем.
В. - 1,38 г. (1,375 г.) – тремиссис – 1/3 часть солида,
Д.- 14,6x13,5 мм., соотношение осей – 6 часов.

Иконографический анализ.

Иконографический анализ изображений показал, что легенда восстанавливается с определенной долей условности:

« DN (I)YSTI ...XC/GIY ...». Можно предположить, что ввиду очень маленького монетного кружка часть легенды ушедшая за край могла иметь после «DN» букву «I», но она оказалась чуть выше остальных видимых знаков и потому не просматривается. В таком случае это может быть император Юстин I или Юстиниан I. Тем более, что на имеющихся в составе комплекса вещей из Майского поясных пряжках есть изображение ангела.

Известно, что при Юстине I (518-527 гг.) произошли значительные изменения в иконографии оборотной стороны. До ангела на оборотной стороне его монет присутствовало изображение богини Виктории. Богиня Виктория на византийских монетах олицетворяла победу императора в войне. В период правления Юстина I, а вероятнее в конце его правления изображение богини Победы Виктории заменяет ангел. Его изображение не случайно на культовой стороне византийских монет. Согласно христианской традиции, ангел воплощал в себе образ предводителя небесного воинства против сил зла – образ Архангела Михаила. Кроме того, Михаил в христианской традиции выступает как посредник между богом и людьми. Он хранитель магических слов, которыми были сотворены небеса и земля, он заносит имена праведников в книгу. Михаил научил Адама земледелию, на горе Синай он передал скрижали Закона Моисею (Мифы народов мира, 1982, С.158-160).

Иконографический анализ монет Византии показал, что изображения ангела на монетах самого Юстина I и его преемника Юстиниана I разные. Изображение ангела на золотых бляшках из Майского почти идентично изображению этого персонажа на оборотной стороне довольно редкого типа золотых монет периода короткого совместного правления Юстина I и Юстиниана I (апрель-август 527 г.). На лицевой стороне этого редкого солида оба императора изображены в фас, сидящими каждый на своем троне. Ангелы идентичны и передачей формы крыльев, перьев на крыльях. Форма головы и прически так же идентичны. Крест на державе, также как и крест на скипетре имеют на боковых крыльях креста перпендикулярные ответвления. Эта специфичная передача формы крестов имеется, как на всех девяти бляшках из Майского, так и на монете периода совместного правления Юстина I и Юстиниана I.

Для сравнения можно рассмотреть еще и ангела на оборотной стороне солидов Юстиниана I. На них иные ангелы, отличающиеся крыльями, крылья на бляшках более пышные и чуть шире. Прически ангелов разные – на бляшках из Майского прическа имеет волны, тогда как на солидах Юстиниана I она идеально круглая. Форма крестов иная – без боковых ответвлений. Любопытно, что на оборотной стороне бляшек просматривается зеркальное изображение ангелов. Изображения на бляшках оттиснуты уже с готового изображения, таковым могло быть изображение ангела с оборотной стороны уже упоминавшихся монет совместного правления Юстина I и Юстиниана I. Монеты эти датируются 527 г.

Возвращаясь к изображению Виктории на тремиссисе из Майского, нужно учесть тот факт, что именно в правление Юстина происходит замена образа Виктории на оборотной стороне монет образом ангела со скипетром и державой в руках. Примечательно и то, что скипетр и держава – основные инсигнии власти. Они знаменовали момент совместного правления Юстина I и Юстиниана I и одновременно передачу власти Юстиниану. Юстин подготовил своего родственника к правлению, добровольно передав ему власть. Таким образом, монеты редкого типа, выпущенные в 527 г. дают нам возможность датировать тремиссис и бляшки с изображением ангелов из Майского. Присутствие Виктории на оборотной стороне монеты может указывать на время правления Юстина I.

Таким образом, разнящиеся между собой детали в передаче образов ангела на бляшках и монетах, и в то же время в совокупности с присутствием изображения Виктории на оборотной стороне тремиссиса из Майского позволяют предполагать, что, возможно, на монете изображен император Юстин I.

В дополнение к уже приведенным фактам по датировке описанных материалов можно привести еще несколько аргументов. Известно, что на золотых солидах императора Юстиниана I (527-565гг.) перестали изображать портреты в три четверти. С 538-539гг. портреты императоров стали передавать в фас. И фасовые портреты твердо и неизменно уже на несколько столетий занимают лицевые стороны византийских монет. Все эти факты позволяют также датировать предметы из Майского периодом от 527 г. до 538-539 годов. А сам тремиссис, возможно, либо 527 годом, либо временем до 527 г.

Весь комплекс предметов, обнаруженных в Майском, говорит о том, что, по всей видимости, рабочими было обнаружено уникальное погребение знатного византийского воина или вельможи. О том, что это был не простой человек, свидетельствуют детали золотого византийского

поясного набора. Предстоит еще огромная работа, как по датировке предметов, так и их назначению. Это долгий процесс, связанный с очисткой, реставрацией материалов, а также с тем, что основная масса предметов испорчена при непрофессиональном их извлечении. Так, имеются поразительной красоты изделия из серебра с сохранившейся частично позолотой. Это варварски извлеченные из земли детали обкладки с изображением фантастической птицы, напоминающей павлина, а также обкладки с великолепным растительным орнаментом. В составе материалов из селения Майский присутствуют фрагменты различных изделий из золота, крученой золотой проволоки. Вероятно, из неё была изготовлена гривна – важный предмет социальной значимости. Гривны украшались вставками из драгоценных камней. На монетах Византии, Чача, Хорезма, Согда правителей изображали с этим неизменным атрибутом. Предметы из Майского содержат, несомненно, изделия византийского производства, но также имеются отдельные детали, аналогичные находкам из курганов Алтая. Исследователями они датируются периодом I-го Тюркского каганата. Период V-VI вв. интересен тем, что это время поиска и восстановления контактов между Византией и согдийцами, а впоследствии и тюрками совместно с согдийцами в области торговли. Период поиска новых торговых путей. Как свидетельствуют письменные источники, труд этот увенчался успехом. Несмотря на трудности и сопротивление Сасанидской державы, между Византией и Тюркским каганатом были установлены и торговые и дипломатические отношения.

Исторические источники сообщают, что это было время, когда Византия и согдийцы в рамках Тюркского каганата, и те и другие искусные торговцы, искали способы и пути совершения торговых сделок. Серьезным препятствием тому был Сасанидский Иран. Причиной раздоров был шелк. Как известно, еще в кушанское время через Среднюю Азию проходил Великий шелковый путь. Он связывал страны Центральной Азии с Римом. Римская империя и Византия нуждались в шелке. Торговля шелком имела огромный процент в товарообороте Византии. Шелк преподносили в подарок даже императорам (Пигулевская, 1951.С.195-211).

Список литературы:

1. Мифы народов мира. Том второй. М: Советская энциклопедия, 1982, С.158 –160.
2. Мусакаева А.А. Византийская монета императора Аркадия с городища Канка. Древние культуры Евразии. Материалы конференции, посвященной

100-летию А.Н. Бернштама. Санкт-Петербург : «Инфо-ол». 2010. С 285–288.

3. Musakaeva A.A. Ein Brakteat nach Vorbild des Anastasius aus Zentralasien // Mitteilungen der Österreichischen Numismatischen Gesellschaft/ Band 52, Nr.2.Wien, 2012. S. 90 – 92.

4. Пигулевская Н. Византия на пути в Индию. М.– Л.: Академия Наук СССР, 1951. С. – 410.

Список иллюстраций:

Рис. 1

№1. Тремиссис из Майского

№2. Бляшка с ангелом из Майского.

1

2

Гюль Т.И.
м.н.с., Институт истории АН Республики Узбекистан

ВКЛАД АКАДЕМИКА Ю.Ф. БУРЯКОВА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В годы студенчества на историческом факультете Национального университета Узбекистана им. М.Улугбека, мне посчастливилось быть учеником известного учёного, историка и археолога Юрия Фёдоровича Бурякова. Он вёл лекции в магистратуре по предмету «Исторические реконструкции в археологии», и был моим научным руководителем. После окончания мною магистратуры, Юрий Фёдорович принял меня в свой отдел «История древности и материальной культуры» в Институте истории АН РУз. Эта статья дань памяти человеку, которого я знал лично, пусть и недостаточно долго, и к которому питал искреннее уважение и симпатию, как и все, кто был с ним знаком.

Однажды я уже писал статьи, посвящённые Ю.Ф. Бурякову и другому выдающемуся учёному и преподавателю, Маргарите Ивановне Филанович, на основе взятого у них в 2010 году интервью. Материалы интервью с Ю.Ф.Буряковым легли в основу этой статьи. За некоторыми подробностями, упомянутыми Юрием Фёдоровичем в общих чертах, я обращаюсь к замечательной биографической книге его ученицы Л.Г. Левтеевой «Юрий Фёдорович Буряков. Путь в науке длиною в жизнь» изданной в 2013 г. (см. библиографию).

Предки Юрия Фёдоровича были крестьяне по происхождению, и переселились из России в Среднюю Азию в конце XIX века. Родители будущего учёного, Фёдор Буряков и Натальей Быкова, познакомились в Ташкенте. Фёдор Буряков, ветеран гражданской войны (1917 – 1922), работал в сфере финансов. Его работа была связана с частыми переводами с места на место. Их дети – дочь Майя, сыновья Юрий и Евгений, родились в разных частях края. Юрий Буряков родился в кишлаке Учкурган в Киргизии, 15 марта 1934 года. Буряковы прожили здесь достаточно долго; там же Юрий пошёл в школу: «В школу я пошёл как раз в 1941 году, когда все было мобилизовано на войну, конечно, и нам, сельским детям приходилось работать и учиться... Школа была маленькая: 2 комнаты в обычном жилом доме, для 1 – 4 класса в две смены, а кухня – учительская». Юрию Фёдоровичу навсегда запомнились прекрасные преподаватели, которые искренне любили свое дело. В школе проснулся интерес к истории, в том числе благодаря преподавателю истории, который, по его воспоминаниям, был «заядлый краевед», и давал не только азы общей истории, но и среднеазиатское краеведение. И

будучи школьником, Юрий Буряков впервые познакомился с археологией: «...Интересно и то, что когда учился в школе, я видел археологов, когда прокладывали Чуйский канал, это была экспедиция Бернштама».

В 1949 году Фёдора Бурякова перевели в Ташкент, на должность инспектора инкассации Республиканского банка [2, с. 6-7]. Юрий Фёдорович закончил школу №34 в Ташкенте в 1951 г. – «Это была первая золотая медаль нашей школы №34, ташкентской, и учителя удивлялись, что, её получил сельский парень!» – улыбался, вспоминая Юрий Фёдорович. Сразу после окончания школы он сдал документы на факультет «Истории» Среднеазиатского государственного университета (ныне НУУз). В те годы в САГУ было пятилетнее обучение: первые два курса общеобразовательные, с третьего начиналась специализация. Как вспоминал Юрий Фёдорович, на первом курсе преподаватели разных кафедр проводили беседы со студентами, пытаясь заинтересовать их своим направлением. Огромное впечатление на Ю.Ф.Бурякова произвели беседы с М.Е.Массоном и Г.А.Пугаченковой. Они в свою очередь оценили по достоинству искренний энтузиазм и увлечённость студента-первокурсника. Михаил Евгеньевич посоветовал Юрию посещать лекции по археологии для старшекурсников. Так специализация по археологии началась для Юрия Фёдоровича с первого курса, а не с третьего, как у большинства студентов. Он стал активным участником СНАКа, знаменитого Студенческого научного археологического кружка М.Е. Массона. Здесь студенты слушали доклады и сообщения таких видных ученых, как археологи Б.Б. Пиотровский, М.Е. Массон, Е.А. Давидович, востоковеды Е.К. Бетгер, О.Д. Чехович, искусствовед Г.А. Пугаченкова и др. [2, с. 9]; и сами выступали с докладами, приобретая навыки научной дискуссии.

К тому времени, когда студенческая группа Ю.Бурякова впервые выехала на археологическую практику в древний Мерв, он уже имел достаточную теоретическую базу. Руководивший работами на Мерве М.Е. Массон достаточно высоко оценил навыки Юрия и посылал его работать отдельно от основной группы, самостоятельно. Таким образом, практика Юрия Фёдоровича выходила за рамки общего курса: он выезжал в разведку с Г.А. Пугаченковой в сторону Кушки (юг Туркменистана); в совместных поездках с Вадимом Массоном исследовали культуру Яздепе (кон. II тыс. до н.э. – IV в. до н.э., Мургабский оазис); работал на памятнике эпохи бронзы Тахирбай-тепе (конец II тыс. до н.э. – сер. I тыс. до н.э., Мургабский оазис); участвовал в самых первых раскопках на неолитическом поселении Джейтун. Помимо того, М.Е. Массон выделил Бурякову самостоятельный отряд в Мерве. Как вспоминал Юрий Фёдорович: «эта археологическая практика, благодаря своему

территориальному и тематическому разнообразию – от неолита до бронзы и железного века, стала неоценимой школой для меня».

По окончании САГУ в 1956 г., талантливому и трудолюбивому студенту предлагали аспирантуру и работу в Мерве, но по семейным обстоятельствам, Юрий Федорович не смог принять это предложение. Он устроился на работу в Музей истории народов Узбекистана: По рекомендации М.Е. Массона его приняли сразу на должность научного сотрудника. Значительный вклад Юрия Бурякова в комплектование музейного фонда, организацию экспозиций, выставок, организацию и проведение экспедиций, был высоко оценен руководством музея. В 1960 г. его назначили заместителем директора по науке, хотя Буряков ещё не имел ученой степени [2, с. 10-11]. Одновременно с работой в музее он продолжал собственные научные исследования.

«Первые археологические экспедиции в Средней Азии были направлены на изучение крупных городов, например Мерва, Самарканда... Но, уже эти работы показали, что история среднеазиатского региона многогранна, и она не складывается только из истории отдельных городов, даже самых крупных. Для того, чтобы знать историю региона, нужно изучать и развитие сельской местности, проводить исследование сырьевых, энергетических богатств» – рассказывал Ю.Ф. Буряков. – «И я начал исследование истории горного дела и металлургии. Я выезжал в самостоятельные экспедиции, в разведывательные поездки по Ташкентской области, с древности известной на Востоке своими крупными горнодобывающими, металлургическими центрами».

Изучение древних горнодобывающих, металлургических производств начинал ещё М.Е. Массон, и он был рад найти достойного последователя в лице своего ученика. Но первые исследования Ю.Ф. Бурякова по рекогносцировке рудников, упомянутых в средневековых письменных источниках, опровергали предположение Михаила Евгеньевича о местоположении знаменитого серебряного рудника Кухисим. Как вспоминал Юрий Фёдорович, собрав свои материалы, он с опаской отправился к Михаилу Евгеньевичу, который был известен резким, суровым характером. Но у них вышла долгая и продуктивная беседа, в конце которой М.Е. Массон одобрил работу Бурякова и рекомендовал её в печать. Впоследствии Юрий Фёдорович посвятил многие годы изучению истории развития горнорудного дела Средней Азии, и непосредственно в горных областях Ташкентского оазиса – средневекового Илака.

Так же благодаря М.Е. Массону, Юрий Фёдорович нашёл своё место в изучении истории и археологии Ташкента и Ташкентского оазиса. Михаил Евгеньевич поручил ещё студенту Юрию Бурякову заняться

исследованием Мингурюка, который на тот момент считался первым городом на территории Ташкента, основой его истории. С результатами этих исследований М.Е. Массон направил Ю.Ф. Бурякова на его первую всесоюзную студенческую конференцию в Москву (1954/55 г.). Уже работая в Музее истории, Юрий Фёдорович возобновил работы на Мингурике совместно с Н.Г. Зильпер.

При этом, Ю.Ф. Буряков продолжал исследования истории металлургического производства древнего Илака. Он выезжал в самостоятельные экспедиции и в экспедиции с геологами. Вместе они составляли карты рудников, исследовали их с целью определить время и объемы добычи металлов. Собранные за несколько лет работы материалы, легли в основу кандидатской диссертации Ю.Ф. Бурякова «Из прошлого Чаткало-Кураминского горнопромышленного района (к истории горного дела и металлургии Илака)», которую он успешно защитил в 1966 г. На тот момент Юрий Фёдорович работал в Министерстве культуры, в должности главного инспектора отдела «Культурпросветучреждений», которую он принял в 1965 году по настоянию министра культуры З.Р. Рахимбабаевой. В новой должности ему пришлось часто выезжать на места, проводить инспекцию музеев Ферганы, Бухары Термеза, Самарканда и других областных центров, знакомиться с их экспозициями и фондами. Он добивался понимания коллективами и руководством музеев их задач и возможностей. Результатом его трудов стали значительные улучшения в работе музеев республики [2, с. 24].

Когда Юрий Фёдорович выступал с отчетами в Институте истории и археологии, его особо отметил Яхья Гулямович Гулямов, возглавлявший «Отдел древних и средних веков». Будучи председателем совета по защите, Я.Г. Гулямов способствовал скорой защите Ю.Ф. Буряковым диссертации. А после защиты предложил ему возглавить археологический отряд на строительстве Чарвакского водохранилища. «На площади 30 км. кв. мы нашли ряд памятников, и, когда водохранилище стало заполняться, оно было уже изучено, а с ним Чаткал, Пскем...», – вспоминал Юрий Фёдорович. – «После этого было заново проведено изучение района Ташкентского моря – Туябугузского водохранилища». Результаты этих работ были отражены в сборниках «Древности Чарвака» (1976 г.) и «Древности Туябугуза» (1978 г.).

Ранее, в 1975 году, была издана монография Юрия Фёдоровича «Историческая топография городов Ташкентского оазиса». Так же им была составлена археологическая карта памятников Ташкентской области, по линии Общества охраны памятников. Работа Ю.Ф. Бурякова в сфере исторической топографии Ташкентского оазиса под руководством М.Е. Массона, стала перерастать в исследования генезиса и этапов развития

культуры региона. Результаты этих исследований отражены в докторской диссертации Юрия Фёдоровича «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса», успешно защищенной в Москве в 1984 г.

К тому времени Юрий Фёдорович жил и работал в Самарканде: «После смерти В.А. Шишкина (в 1966 г.), возглавлявшего Афрасиабскую экспедицию, руководство экспедицией передали Я.Г. Гулямову, и он с большими спорами вытаскил меня из Министерства культуры в Институт истории и археологии, и привлек меня, как своего заместителя на Афрасиабе». А в 1969 г. происходит разделение Института истории и археологии АН УзССР. Институт археологии был размещён в Самарканде, сюда же переехали многие археологи, в том числе Ю.Ф. Буряков. На новом месте ему пришлось заниматься не только научной, но и организационной работой: исполнять обязанности ученого секретаря, проводить хозяйственные работы, организовывать изучение памятников на новостройках. В 1979 г. он занимал должность заместителя директора по науке и руководителя научного отдела. Долгое время возглавлял программу ЮНЕСКО «Великий шёлковый путь – путь диалога народов», реализовывавшуюся на базе Института археологии. Одновременно, Буряков продолжал изучать Ташкентский регион, и руководил крупной Чач-Илакской (позднее Чач-Уструшанская) экспедицией [2, с. 29].

В 1991 год происходит распад СССР, в независимом Узбекистане оформляется своя Академия Наук. А в 1995 году неожиданно для себя, но совершенно заслужено, Юрий Фёдорович Буряков становится академиком. В 2003 году он возвращается в Ташкент, где становится руководителем отдела «История древности и материальной культуры» Института истории АН РУз, и одновременно преподаёт на факультете истории ТашГУ, на родной кафедре археологии. На этих должностях он трудился до конца своей жизни.

Юрий Фёдорович был человеком, наделенным тонким восприятием и богатым воображением. Его книги отличались живым слогом, у него хорошо выходили как научные, так и научно-популярные произведения: «Написал свою первую научно-популярную книжку и однажды бухгалтер в институте говорит: – Читайте вашу книжку и мне очень интересно, хотя я бухгалтер, а не историк и не археолог!». Во время интервью я спросил у Юрия Фёдоровича, связана ли для него археология с романтикой. «Конечно... – отвечал Юрий Фёдорович. – Вот мы вскрываем определенные руины и хочется как-то их оживить и понять... Археолог должен стремиться понять, представить, как оно было, какие это были люди, чем они жили. Это необходимо, чтобы познать историю. Хочется немного понять, как жили в палеолите, неолите, бронзе и, хочешь, не хочешь, ты вторгаешься в эту жизнь!...».

Юрий Фёдорович прожил долгую, продуктивную жизнь. Он располагал к себе людей своим умом, добротой и тонким чувством юмора. Его не стало 27 июня 2015 года в возрасте 81 года. Научная деятельность Ю.Ф. Бурякова была широко признана не только в Узбекистане, где он дважды становился лауреатом государственных наград за вклад в развитие исторической науки, но и мировой научной общественностью. В частности, он был зарубежным членом Института археологии Академии наук Германии и участником многих археологических экспедиций, подготовил ряд докторов и кандидатов наук, ему принадлежат более 550 научных и научно-популярных работ. Труды Юрия Фёдоровича Бурякова в области истории и археологии, комплексного системно-структурного анализа материалов археологии и реконструкции, истории горного дела и металлургии, исторической топографии населенных пунктов и урбанизации Ташкентского региона, Согда и Средней Азии в целом, стали неоценимым вкладом учёного в развитие исторической науки Узбекистана и Средней Азии.

Источники:

1. Интервью, взятое автором у Ю.Ф. Бурякова 8-го ноября 2010 года. Материалы интервью частично опубликованы в сборнике статей Устная история в Узбекистане: теория и практика. – Ташкент 2011: Гюль Т.И. История среднеазиатской археологии в лицах и судьбах. – С. 232 – 244.
2. Левтеева Л.Г. Юрий Фёдорович Буряков. Путь в науке длиною в жизнь. – Ташкент: Фан ва технология, 2014. – 236 с.

Ибрагимов Р.З.

кичик илмий ходим,

Ўзбекистон Республикаси ФА Миллий археология маркази

ТОШКЕНТ ВОҲАСИНИНГ ПАЛЕОЛИТ ДАВРИ ЎДГОРЛИКЛАРИНИНГ ЎРГАНИЛИШ ТАРИХИ (XX АСРНИНГ 50-60-ЙИЛЛАРИ)

Тошкент воҳаси Ўрта Осиёнинг тош даври даврида тарихий-маданий жараёнлар чуқур кечган муҳим ўлка ҳисобланади. Ўлка ҳудуднинг бой табиати ва географик муҳити қадимги одамларнинг яшаши учун қулай шароит яратган. Бу ердан бир нечта ўнлаб палеолит даври ўдгорликлар аниқланган бўлиб, улар асосан Чирчиқ ва Оҳангарон дарёларининг юқори оқими ерларида тўпланган.

Иккини жаҳон урушидан кейин Республикамизнинг барча ерларида бўлгани каби Тошкент воҳасининг археологик ёдгорликларини ўрганишга эътибор кучая бошлайди. Бу ердаги палеолит даври ёдгорликларини ўрганиш XX аср 50-йилларининг биринчи ярмидан бошланган. 1954 йилда Ўрта Осиё Давлат университети Геология факультети талабалари А.В.Головченко ва О.И.Исломовлар томонидан Янги йўлдан 10-12 км. шимоли-ғарбда қадимги Бўзсув канали бўйида жойлашган Шўралисой 1 (Бўзсув 2) макони очилган. Бўзсув 1 ва Бўзсув 2 ёдгорликлари илгаридан, яъни 1942 йил гидроэлектр станциянинг қурилиши давомида инженер Н.М.Соколов томонидан топиб олинган тош қуроллари орқали аниқланган. Мазкур йили Г.В.Парфенов улардан топилган тош қуролларининг палеолит даврига оидлигини аниқлагандан сўнг тадқиқотчиларни ўзига жалб қила бошлайди.

Бўзсув 2 ёдгорлигида археологик текшириш ишлари 1956 йилда А.П.Окладников бошчилигидаги археологлар ва геологлар гуруҳи томонидан амалга оширилиб, маконнинг юзасидан тош қуроллар ва палеоантропологик материаллар териб олинган. Топилмалар нуклеуслар, учриндилар, пластинкалар, ясашиши тугалланган тайёр қуроллардан иборат бўлган. Барча тош қуроллари ярим шаффоф, сариқ ва жигар рангли чакмоқтошлардан ясалган. Маконнинг даври суякларининг изотопли таҳлилига кўра мил.авв. 38000 йиллик билан саналанган. Тадқиқотчи маконни юқори палеолит даврига оид Мирзачўл ётқизифига тегишли, деб ҳисоблаб геологик жиҳатдан Q3 босқичига тўғри келишини билдирган [1, Б. 51-60].

Мазкур йилдан то 70-йилларнинг бошларигача давом эттирилган тадқиқот ишлари натижасида Бўзсув канали худуди ерлардан Бўзсув 1-6, Қорақамиш, Зах ва бошқа бар нечта палеолит даври ёдгорликлари ўрганилган [2,26]. 1958-1960 йилларда Шоимкўприк (Бўзсув 1) ва Бўзсув 2 маконларидан амалга оширилган тадқиқот ишлар натижасида ўзида леваллуа-мустье техникасини акс эттирган гардишсимон, бир-икки ва кўп зарб майдончали нуклеуслар, пластина ва учриндилардан иборат 241 дона тош қуроллари топилган. Маконлардан топилган тош қуроллари орасида сўнгги палеолит қирғич ва пичоқлар кўпчиликини ташкил этганлиги аниқланган [2, Б. 38-43, 60-65].

1957 йилда Г.В.Парфиёнов раҳбарлигидаги мактаб ўқувчилари томонидан Чирчиқ дарёсининг чап соҳилида Угам ва Чотқол дарёларининг қўшилган жойида, Хўжакент қишлоғида жойлашган Хўжакент 1 ғори очилган.

1958-1959 йилларда ЎзР ФА тарих ва археология институти А.П.Окладников раҳбарлигида археологик экспедиция мустье даврига Хўжакент 1 ғор маконида 36 кв.м. (6х6 м.) жойда қазишма ишлари олиб

бориб, мустье даврига оид тиғи текис пластина ва призмасимон шаклли нуклеуслардан иборат тош қуролларини топган. Ғор маконнинг безовта қилинмаган (Д-3) маданий қатламидан қалинлиги 1 см, диаметри 40 см ўчокнинг изидан дарак берувчи кул қолдиқлари аниқланган. Ғор-макондан топилган кам сонли тош қуроллари маҳаллий ҳудудда тарқалган оҳақтош, қайроқтош ва чакмоқтошлардан ясалган [3, Б. 23-24].

1959 йили Х.К.Насриддинов Хўжакент 2 маконида умумий майдони 49 кв. м. жойда казишма ишларини амалга оширади Ёдгорликнинг қуйидаги учинчи маданий қатламидан (7-60 см. қалинликда) мустье даврига оид 150 донга тош қуроллари топилган. Тош қуролларининг тури жуда камчиликни ташкил этади. Хом ашёси биринчи ёдгорликда ишлатилган қуролларники билан бир хил. Тош қуроллари бир томонли гардишсимон ва леваллуа нуклеуслар, узун пластинкалар, ва қирғичлардан иборат.

Хўжакент 1 ва 2 ёдгорликлари тош қуроллари кутбсимон нуклеус ва леваллуа усулда синдириб олинган техникаси асосланиб, леваллуа-мустье маданияти мажмуасигани ташкил этади [4, Б. 68-76]. Уларни А.П.Окладников ва Р.Х.Сулеймановлар ривожланган мустье даври билан саналанади [5, Б. 63-67]. В.А.Ранов маконларнинг тош қуролларини леваллуа техникасига киритиб, мустье даврининг сўнгги босқичига оид, деб ҳисоблайди [6].

1960 йилда М.Р.Қосимов ва А.Р.Мухаммаджоновлар томонидан Кўксой тоғи тизмасининг Қоратутбош тармоғида қияликларида жойлашган Тусиё маконини ўрганилган. Ёдгорликдан чиқариб ташланган тош ишланмалари орасидан маҳаллий ҳудудда учрайдиган чакмоқлашган сланецдан ясалган 40 та тош қуроллари териб олинган. Тош қуролларининг ўлчами катта ва оғир, уларнинг сирти табиий таъсир натижасида патинизация бўлган. Ёдгорлик мустье даврида хом ашё қазиб олинган кон вазифасини бажарган [7, Б. 19].

1962 йилда ЎЗР ФА Тарих ва археология институти Бўстонлик археологик отряди А.Р.Мухаммаджонов бошчилигидаги Чирчик дарёсининг юқори оқими ҳудудида кидирув ишларини олиб бориб, Оқтош, Худайдод Вали I-IV, Тўдахотин, Захсой ва Обирахмат каби бир нечта ғор ва очик жой маконлар топган [8, Б. 21-27].

Мазкур тадқиқот даврида, яъни 1962 йилнинг баҳорида Чатқол дарёсининг сўл irmoғи, Палтовсойнинг ўнг соҳилида жойлашган сўнгги мустье даврига оид Обирахмат ғор-маконида Х.К.Насриддинов бевосита А.П.Окладников илмий раҳбарлигида ғорнинг ғарбий қисмида 3x4 м жойни 1,1 м чуқурликда қазилиб, тўртта маданий қатлам аниқланган. Топилган тош қуроллари санчки, қирғич, ретушланган пластинкалар, учриндилардан иборат. Уларининг кўпчилигига иккиламчи ишлов

берилган. Ғор маконнинг юқори қатлаמידан топилган тош қуролларини тадқиқотчи ўзига хос леваллуа усулида ясалганлигини қайд этган. Айрим қирғичлар сўнгги палеолит даври усулида (концевой скрепка) ясалган [8, Б. 21-27]. Тош қуроллари ясаиш усулига кўра ўзида леваллуа техникасини акс эттирган ҳолда призмасимон техникага асосланганлиги қайд этилган [9, Б. 32].

1964-1965 йилларда Ўзбекистон ФА Тарих ва археология институти археологик отряди Р.Х.Сулейманов казиш ишларини давом эттириб, дастлаб қазилма 1-қазилма ва кейин 2-қазилма 9 метр чуқурликгача казиб тушилиб, 21 та маданий қатлам аниқланган. Бир нечта ўн минг тош қуроллари топилган. Тош қуроллари мажмуаси гардишсимон, бир, икки зарб майдончали нуклеуслар, леваллуа техникаси учун хос тўғри учбурчак кўринишдаги йирик ва узун тош қуроллари ва қирғичлардан иборат. Бир гуруҳ тош қуроллари призмсимон шаклга яқин. Юқори маданий қатлаמידан тош қуролларининг ясаиш усули пастдаги қатламларига нисбатан такомиллашган бўлиб, сўнгги палеолит даври хусусиятига эга бўлган [10, Б. 28-73].

Р.Х.Сулейманов олиб борган казиш ишлари натижасида топилган тош қуролларининг техник-типологик ва статистик таҳлилига асосан Обирахмат ғор макони 5 та мажмуа ёки “ярусга” ажратиш таклифини билдирган. А ярус (21-15 қатламлар) мустье даврининг сўнгги босқичи, Б ярус (14-9 қатламлар) мустье давридан сўнгги палеолит даврига ўтиш босқичига ва В ярус (8,7 қатламлар), Г (6-4 қатламлар) ва Д ярус (3-1 қатлам) сўнгги палеолит даврининг илк босқичи тааллуқли [10, Б. 105].

1964 йилда Х.К.Насриддинов 1960 йилда аниқлаган Октош маконида қазиган шурфида 5 та маданий қатлам аниқлаб, унинг учинчи маданий қатлаמידан оид икки зарб майдончали ва призмасимон нуклеуслар, пластинкалар ва учриндилардан иборат 30 дан ортиқ чакмоқтошдан ясалган тош қуроллари топилган. Тош қуроллари ясаиш усулига кўра сўнгги палеолит даври билан саналанган [7, Б. 24].

1964 йилда М.Р.Қосимов Чотқол дарёсининг ўнг соҳилида Чотқол маконини ўрганган. Тадқиқотчи топилган кам сонли тош қуролларини ясаиш усули ва хусусиятларига кўра Обирахмат тош қуролларига яқинлигини билдирган [7, Б. 24].

Обирахмат маконида казишма ишларини олиб бораётган бир вақтда Палтов ғор-маконида ўрганилган. Маконнинг мустье даврига оид маданий қатлаמידан топилган 49 та тош қуроллари хом ашёси ва ишлов берилиш усулига кўра Обирахмат ва Хўжакент маконларидан топилган тош қуролларига ўхшаш. бўлиб, улар леваллуа ва мустье техникасини акс эттирган [11, Б. 3-10].

Оҳангарон воҳаси ерларида ҳам палеолит даври маконларига бой ўлка ҳисобланади. Бу ерда палеолит даврига оид дастлабки топилма М.Е.Массонга тегишли. Тадқиқотчи 1932 йилда Олмалиқсой бўйида Жонибек қишлоғидан пастда порфирли шағал тошдан ясалган санҷқисифат тош қуролини топиб ўрганган [12, Б. 11].

1962 йилнинг кузида Ангрен тумани 18-ўрта мактаб ўқитувчиси О.М.Растовцев томонидан Чотқол тоғ тизмасининг жануби-шарқий ёнбағирида Қизилолмасой, Ғиштсой, Қорабоғсой ва Самарчук қишлоқлари ҳудудидан тош даврига оид бир нечта маконлар ва тош қуролига ишлов бериш устахоналари топилган.

Бу ердаги маконларнинг топилиши муносабати билан ЎзРФА Тарих ва археология институти палеолит даври археологик отряди Чотқол тоғининг жануби-шарқий қисмини бир неча мартаба текшириб чиқиб, бир қанча жойда чакмоқтошга ишлов бериш устахоналари аниқланган. Устахона маконлар Ангрен дарёсининг ўнг соҳилида палеоген ва бўр даври ётқизикларининг очилиб қолган жойларида аниқланган. Қизилолмасойнинг ҳар иккала соҳилидаги (Қизилолма I, II, III, IV) ва Ғиштсойнинг иккала соҳилида, Самарчук қишлоғининг жануби-ғарбидаги (Ғишт I, II) маконлардан палеолит даврининг барча босқичлар ва неолит даврига оид тош қуроллар топилган. Хусусан, Қизилолма I дан сўнгги палеолит ва неолит даврларига оид 70 дона, Қизилолма II маконидан мустъе, сўнгги палеолит ва неолит даврларига оид 184 дона, Қизилолма III дан 38 та ва Қизилолма IV маконидан неолит даврига оид тош қуроллари топилган [13, Б. 21-27].

Шу йили Кўлбулоқ маконида учта (1x1,5 м.) шурф казилиб, қирғич, санҷқи, пластина, нуклеус ва бошқа тош қуроллари топилган. Дастлабки хулосаларга кўра маконда ҳаёт мустъе давридан неолит давригача давом этганлиги тўғрисидаги хулосага келинган [14, Б. 57-58]. Тадқиқотчининг Ангрендаги ўрганилган тош хом ашёси казиб олинган маконларида қадимги одамлар тош қуролларини бирламчи, қисман иккиламчи ишлов бериш ишлари бажарган, деган фикрига келган [15, Б. 21-27].

1963 йилда Кўлбулоқ маконида амалга оширилган шурф 7 метргача чуқурлаштирилган. Маконнинг мустъе даври қатламларидан топилган тош қуроллари типологик жиҳатдан Ўрта Осиёнинг бошқа ҳудудлари учун хос бўлмаган тиғи ўйиқ-тишли қилиб ясалган таяк шаклидаги учли қуроллардан иборат бўлганлиги аниқланган [16, Б. 51-52].

1965 йилда Ангрен археология отряди Ғиштсойнинг ўнг соҳилида жойлашган тошга ишлов бериш устахонаси ва Кўлбулоқ маконида тадқиқот ишларини олиб боради. Маконда иккита (ҳар бирининг томонлари 2x3 м.) қазилма амалга оширилади. Натижада бир нечта

маданий қатлам аниқланиб, сўнгги ашелдан сўнгги палеолитгача бўлган даврларга оид бой археологик материаллар олинган.

1966 ва 1967 йилларда ЎЗР Тарих ва археология институти Ю.Ф.Буряков раҳбарлигидаги палеолит даври Чотқол-Қурама отряди Ангрэн шахрининг яқинида, Нишбошисойнинг ўнг соҳилида жойлашган ўрганган. Маконнинг ўрта асрлар даври маданий қатлампидан пастдан мустье даврига оид чакмоқтошдан ясалган кўп сонли тош қуроллари, гардишсимон, бир ва икки зарб майдончали нуклеуслар, пластинкалар, учриндилар топилган. Нуклеусларнинг зарб майдончасини ҳосил қилишда леваллуа аломатлари намоён бўлиши аниқланган. Илмий гуруҳ таркибида фаолият юритган О.Ташкенбаев Кўҳисим Кўлбулоқ аҳолисининг тош қуроллари ясалган жойи вазифасини бажарган, деган хулосага келган [17, Б. 11-15].

Кўлбулоқ маконида 1967 йилда бошланиб, 70-йилларнинг дастлабки йилигача давом эттирилган қазилар ишлари натижасида 8,30 метр пастга қазиб тушилиб, ўнта маданий қатламни аниқлаган. Унинг қуйи қисмидаги маданий қатламларининг тош қуролларини тадқиқотчи сўнгги ашел даври билан саналаган. Кўлбулоқ маконидан топилган тош қуроллари мажмуасини тадқиқотчи ўзига хос уйиқ-тишли ва таяк гуруҳига киритган. Бу бевосита Ўрта Осиё ва Қозоғистон ҳудудидаги Кўлбулоқ маданияти фаолият юритганлиги тўғрисида илмий фикрни илгари суришга асос бўлган [18, Б. 11-20].

Умуман ўтган асрнинг 50-60 йиллари давомида Тошкент воҳаси ҳудудидан палеолит даврига оид йигирмага яқин археологик ёдгорликлар ўрганилган. Ёдгорликлар воҳанинг барча ерларида тарқалган бўлиб, асосан тоғ ва тоғ олди ҳудудларида тўпланган. Уларнинг ўрганилиш ҳолати ҳам турли хил даражада. Асосан маданий қатламли ёдгорликлар нисбатан яхши ўрганилиб, улар қисман сўнги ашел, кўпроқ мустье ва сўнгги палеолит даврига оид. Ёдгорликлардан топилган топилмалар асосида уларнинг хусусияти, Ўрта Осиёнинг палеолит даври тутган ўрни масалалари ҳар томонлама таҳлил қилган. Топилган тош қуроллари мажмуаси техник-типологик хусусиятларига кўра алоҳида маданиятлар ажратилган. Умуман олганда мазкур даврда амалга оширилган тадқиқот ишлари ўлканинг ибтидоий давр археологиясини ўрганишнинг илк босқичи ҳисобланиб, кейинги давр палеолитшунослигининг ривожланишини бошлаб берган эди.

Адабиётлар рўйхати:

1. Окладников А.П., Исламов О.И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бузсу-2) // ИМКУ №2, Ташкент, 1961.

2. Исламов У.И. Памятники первобытной культуры Ташкента и его окрестности (памятники эпохи палеолита) // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент «Фан», 1982.
3. Окладников А.П. Краткий отчет о раскопах Ходжентской пещеры в 1958 г. // ИМКУ №4, Ташкент, 1963.
4. Окладников А.П. Ходжикентская пещера новый мустьерский памятник Узбекистана // КСИА, вып. 82. 1961.
5. Насриддинов Х. Ходжакентская пещера №2-мустьерский памятник близи Ташкента, ОНУ, 1962 №4.
6. Ранов В.А., Несмянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
7. Касымов М.Р. Палеолитические памятники в верховьях бассейна Чирчика // Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
8. Насриддинов Х.К. Грот Обирахмат // ИМКУ №5, Ташкент 1964.
9. Окладников А. П.. Средний палеолит-мустьерское время в Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М-Л. «Наука», 1966.
10. Сулейманов Р.Х. Статистический изучение грота Обирахмат Ташкент «Фан», 1972.
11. Омонжулов Т. Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане // ИМКУ №17, Ташкент, «Фан» 1982.
12. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
13. Касымов М.Р., Растовцев О.М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрэн // ИМКУ №8, Ташкент 1967.
14. Касымов М.Р. Палеолит каменного века в долине Ангрена // ОНУ 1967 №2.
15. Касымов М.Р., Растовцев О.М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрэн // ИМКУ №8, Ташкент 1967.
16. Касымов М.Р. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1961-1967 годах // ОНУ 1968 №3.
17. Ташкенбаев О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка) // ИМКУ №9, Ташкент 1972.
18. Касымов М.Р. О результатах работ Ахангеранского палеолитического отряда (по данным раскоп 1971 г.) // ИМКУ №10, Ташкент 1973.

Курбанов Г.Н.

к.и.н., доцент,

Бухарского государственного университета

ПЕЧАТИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА И СНГ

1. **Печати XIX – начала XX вв.:** происхождение коллекции следующее. Часть печатей поступила в 1922 г. – год основания музея. Печати были переданы Назиратом Просвещения Бухарской Народной Советской Республики. Вторая группа печатей этой коллекции поступила от придворного каллиграфа Абдуфаттаха Магдиева в 1927- 1932 гг. В 1967-2018 гг. коллекция была пополнена в ходе научно-собирательской работы сотрудников музея.

Печати изготовлены из металла (серебро, медь) и ювелирных камней (сердолик, нефрит, бирюза). Основную массу составляют серебряные печати, остальные из меди, бронзы, сердолика, нефрита и бирюзы.

Печати официальные, частные, вакфные, ритуальные.

Официальные печати представлены печатями правителей и членов династии Мангытов (сер. XVIII– начала XX вв.), печатями *улама* и светских чиновников. В коллекции представлены печати следующих глав династии Мангыт: Музаффар-хана (1860-1885); Абд ал-Ахад-хана (1885-1910); Алим-хана (1911-1920) и печати царевичей: Абд ал-Мумина и Алим хана. Печати *улама* представляют следующие ранги духовенства: *шайх ул-ислам, накиб, кази ал-куззат, кази, а'лам, муфти, раис, мударрис, ахунд.*

Оттиски печатей светских чиновников представляют следующие должности: *кушбеги, диванбеги, парваначи, дадха, инаки калон, джибачи, караулбеги, мирахур, туксаба, бахадур, бек, бий, шиик ака баши, хазиначи, удайчи, мирза, курчи, сурнайчи, бакаул.*

Особую группу составляют ритуальные печати, изготовление и употребление которых было прямо связано с деятельностью среднеазиатских суфийских братств в Бухаре в XVIII – начале XX века. Среди них печати, известные под названием *мухр-и Пир-и Дастгир, Мухр-и Дуо.*

2. **Коллекция печатей** Государственного музея истории народов Узбекистана (Ташкент), хранится в собрании отдела нумизматики. Коллекция составляет 124 единицы, одиннадцать из них, по-нашему предварительному определению, представляют печати Бухарского ханства. Среди них серебряная миндалевидная с ажурным навершием печать правителя из династии Мангыт Амира Насраллаха (1825 -1860). По нашим данным это пока единственно известная печать данного правителя,

остальные известны только по оттискам на документах и книгах [2, 10]. Имеется серебряная круглая печать кази муллы Мухаммад Юсуфа б. Мухаммад Садык 1313/1895-1896, овальная печать из яшмы Мухаммад Шарифа диванбеги б. Юсуфа, печать – талисман. Остальные печати частные.

3. Коллекция печатей Бухарского ханства хранится в отделе нумизматики Музея культуры народов Узбекистана (Самарканд) представлена в основном частными печатями (двадцать одна единица). Она была приобретена научными сотрудниками Самаркандского музея, известными исследователями О.А. Сухаревой, Г.П. Снесаревым в ходе научно-собирающей работы на базаре Бухары в 30-х годах XX в. В 80-х гг. XX в. коллекция была изучена и записана в Инвентарную книгу музея «Геммы и печати» заместителем директора по научной части М.Х. Урмановой. Ею же были составлены научные паспорта и карточки [1].

Печати металлические (серебро и медь) и из ювелирных камней (сердолика, халцедона). Состав надписи имя собственное, дата, иногда информация о принадлежности к суфийскому ордену. Печати различных геометрических форм: прямоугольная, восьмиугольная, овальная, листовидная. Одна печать из серебра демонстрирует печать *кори*.

4. Коллекция печатей Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) хранится в собрании Отдела Востока. Печати преимущественно XVIII – начала XX вв. официальные и частные. Печати, имеющие отношение к Бухарскому ханству (семь единиц) из ювелирных камней (сердолик, яшма). Официальные печати: печать в виде миндалевидной сердоликовой пластины принадлежит Айша бану ханум дочери Субханкули хана Аштарханида (1680 - 1702) и сердоликовая овальная печать Кутлуг бая диванбеги ибн Джанкелди. Остальные печати частные.

5. Коллекция печатей Государственного Музея Изобразительных Искусств имени А.С. Пушкина (Москва). Она начала формироваться на базе старой коллекции Московского Государственного Университета. В 1965 году в музей поступила коллекция А.И. Смирнова и в 1971 году – коллекция Е.А. Пахомова. В собрании отдела нумизматики представлены печати чиновников, вакфная печать и частные печати времени эмира Абд ал-Ахад-хана (1885-1910). Печати сделаны из металла и полудрагоценных камней.

6. Коллекция печатей Государственного Исторического музея (Москва), хранящаяся в отделе нумизматики. Часть печатей, согласно записям в Инвентарной книге музея происходит из коллекции А. Э. Шмерлинга. Материал одиннадцати печатей – ювелирные камни, серебро,

медь. Печати преимущественно частные, одна печать – обращение к Аллаху.

Таким образом, вышеописанные коллекции дают дополнительный материал для сфрагистики Бухары. Очевидно, что наиболее представительной является коллекция Бухарского музея и по количеству печатей и по их разнообразию. В коллекциях других музеев особенно ценными являются печать эмира Насраллаха (Музей истории Ташкент) и печать дочери Субханкулихана (Государственный Эрмитаж, Санкт Петербург).

Список литературы и примечания.

1. Архив Музея культуры народов Узбекистана.
2. Курбанов Г. Материалы по среднеазиатской сфрагистике. Бухара, XIX – начало XX вв. Ташкент, 2006, с.10.

Иловалар

Фототаблица I. Печати из коллекции Бухарского музея-заповедника.

Нормуродов Д. Р.
PhD., ЎзР ФА Тарих институти

ҚОВУНЧИ МАДАНИЯТИГА ОИД ЯНГИ ТОПИЛМАЛАРГА ДОИР

Ўзбекистон худудидан кўплаб археологик ёдгорликлар аниқланган бўлса-да, уларнинг бир қисми замонавий шаҳар, қишлоқ ва экин экиладиган майдонларининг кенгайиши натижасида йўқ бўлиб кетган. Бундай ёдгорликларнинг нафақат аниқланган жойлардан, балки тасодифий жойлардан ҳам топилиши, ҳалигача ўрганилмаган ашёларнинг мавжудлигини кўрсатади. Ана шундай топилмалардан бири ҳисобланган сопол буюмлардан 11 донаси 2020 йили Янгийўл туманидан топилди¹⁸. Шу жойдаги ўрани казиш пайтида суяклар атрофидан 10 дона сопол буюмлар кавлаб олинган (1.1-1.9, 1.11-расмлар).

Топилмалар қазиб олинган, томонлари 1,7 x 1,7 метр, чуқурлиги 6 метр бўлган ўра ўрганилди. Натижада ернинг устки сатҳидан 3 метр чуқурликдаги нам тупроққа қоришиб кетиши оқибатида чириб кукинга айланган, 3 та марҳумга тегишли бўлган суякқуйқаларининг излари аниқланди. Ўрганишлар шуни кўрсатдики, майитларбош томони шарққа, оёқ томони ғарбга узатилган ҳолатда узинасига ётқизилиб дафн қилинганлиги маълум бўлди. Бу ўранинг одам суяклари қуйқалари ва сопол идишлар тахлаб қўйилган сатҳни ўрганиш жараёнида ўранинг жануб томонидан яна 1 дона сопол буюм топилди (1.10-расмлар). Шундай

¹⁸Ушбу ашёларнинг ноёблигини тушунган уй эгаси Абдувоҳид Умирзоков ва маҳалла фаоли Ҳабибулла Юсупжоновлар шу масалада археолог Ахмадали Аскарровга мурожаат қилади. А. Аскарровнинг ташаббуси билан Д. Нормуродов, У. Исмоилов (ЎзР ФА Тарих Институти), Б. Исабеков (ЎзР ФА Миллий археология маркази) ва Х. Матякубов (Низомий номидаги ТДПУ Тарих факультети)лардан иборат ишчи гуруҳ кўрсатилган манзилга етиб бориб, илмий текшириш ишларини амалга оширди.

қилиб, ўрани казиш давомида чиққан ашёларга кўра, бу жой жамоавий тарзда кўмилган қабрнинг ўрни эканлиги маълум бўлди. Аммо одам суякларининг чириб кетганлиги туфайли уларни ўрганишнинг имкони бўлмади. Қабрдан топилган 11 дона сопол буюмларининг барчаси кўлда (чарх ёрдамисиз) ясалган. Идишлар қаймоқ (1.1-1.7; 1.9; 1.11 – расмлар) ва тўқ қизил (1.8; 1.10 – расмлар) рангда ангобланган. Ангоби кўчган ва синиб тушган жойларига қараганда, сопол пиширилгандан кейин жигарранг тусда бўлган. Бу сопол буюмларкўза, ёғлиғи-қадах (куружка) ва косалардан иборат бўлиб, улар қуйидагича тавсифга эгадир:

Кўзалар. Уларнинг сони 3 дона бўлиб (1.1-1.3 – расмлар), кўринишга кўракалта жумракли ва жумраксиз (1.3 – расм) кўзаларни ташкил қилади. Бу кўзалар орасида жумракли кўзалар (1.1-1.2 – расмлар) 2 дона бўлиб, улар жумрагининг бир учи оғзига ва иккинчи учи елкасига уланган ярим ҳалқа шаклдаги дастасининг қарама-қарши томонда жойлашган. Улардан бирининг бўйи 40,5 см.ни, оғзининг диаметри 12 см.ни, тагининг диаметри 22,5 см.ни, жўмрак оғзининг диаметри 5 см.ни, деворининг қалинлиги 0,7-0,8 см.ни ташкил этади (1.1 – расм). Иккинчисининг бўйи 24,5 см.ни, оғиз диаметри 12 см.ни, таг диаметри 14 см.ни, девор қалинлиги 0,5 см.ни, учиб тушган жумрагининг синган жойини диаметри 3 см.ни ташкил қилади (1.2 – расм).

Иккинчи кўринишдаги жумраксиз, бир учи бўйнига ва иккинчи учи елкасига уланган ярим ҳалқа шаклдаги дастали кўзанинг бўйи 21,5 см.ни, оғизининг диаметри 10,5 см.ни, таг диаметри 11 см.ни, деворининг қалинлиги 0,5-0,6 см.ни ташкил қилади (1.3 – расм).

Ёғлиғи-қадахлар. Топилмаларнинг кўпчилиги ёғлиғи-қадахлар бўлиб, улар етти донадан иборат. Бу ёғлиғи-қадахларнинг деворлари қалинлиги 5-7 мм. дан иборат. Уларнинг ярим ҳалқа шаклидаги дастаси бўлиб, дасталарнинг бир учи елкасига, иккинчи учи эса танасининг кенг жойига уланган. Дастасининг кўриниши икки хилда: биринчи хилида ярим ҳалқа шаклдаги дастанинг устки қисми ҳайвон қиёфасида ишланган бўлса (1.4-1.5, 1.10 – расмлар), иккинчи хилида оддий ярим ҳалқа шакли ишланган.

Дастаси ҳайвон қиёфасидаги ишланган ёғлиғи-қадахлар жами уч дона бўлиб, улардан бирида эшилган лой бўлагини ёпиштириш йўли билан бурама шохли кўчқор боши акс эттирилган (1.4 – расм). Бу ёғлиғи-қадахнинг ангоби қизғиш рангда бўлиб, унинг бўйи 13,5 см.ни, оғизининг диаметри 8,5 см.ни, тагининг диаметри 7 см.ни ташкил қилади.

Ҳайвон қиёфасида ишланган иккинчи ёғлиғи-қадах дастасининг уст қисми учиб-синиб кетган (1.5 – расм). Шу сабабли унда қандай ҳайвон қиёфаси акс эттирилганлигини аниқлаш қийин. Бу ёғлиғи-қадахнинг бўйи 13,5 см.ни, оғиз диаметри 9,5 см.ни, таг диаметри 8 см.ни ташкил қилади.

Дастаси ҳайвон қиёфасида ишланган ёғлиғи-қадахнинг учинчиси идишлар орасида энг миттиси бўлиб, унинг дастасида кулоқлари тик турган бўри қиёфаси акс эттирилган (1.10 – расм). Бу митти ёғлиғи-қалдахчанинг бўйи 4,5 см.ни, оғиз диаметри 4 см.ни, таг диаметри 4 см.ни ташкил этади.

Иккинчи хилдаги дастаси оддий ярим ҳалқа шаклда ишланган ёғлиғи-қадахлар уч дона бўлиб, улардан биринининг бўйи 13,5 см.ни, оғизининг диаметри 8,5 см.ни, тагининг диаметри 7,7 см.ни (1.6 – расм); иккинчисининг бўйи 10,5 см.ни, оғизининг диаметри 7,5 см.ни, тагининг диаметри 4,5 см.ни (1.7 – расм); учинчисининг бўйи 9 см.ни, оғзининг диаметри 8 см.ни, тагининг диаметри 5 см.ни ташкил қилади (1.8 – расм).

Ёғлиғи-қадахлардан яна бирининг тутқич ёпиштирилган қисми синиб кетган. Унинг бўйи 7 см.ни, оғзи ва тагининг диаметрлар 6 см.ни, деворининг қалинлиги 5мм.ни ташкил қилади (1.9 – расм).

Коса. Коса бошқа топилмаларга қараганда анча мўрт ишланган ва чала пиширилган. Унинг бўйи 9 см, оғзининг диаметри 17 см, таг диаметри 9 см, деворининг қалинлиги 0,7-0,8 см, таг деворининг қалинлиги 2 см.ни ташкил қилади.

Умуман олганда, кизил ва қаймоқ рангда ангобланиб, дастасида ҳайвон боши шакли тасвирланган ёки дастаси ярим ҳалқа шаклида оддий қилиб ишланган ёғлиғи-қадахлар (кружка), калта жўмракли ва жумраксиз шаклда ясалган кўзалар айниқса, ноёб ашёлар сирасига киради.

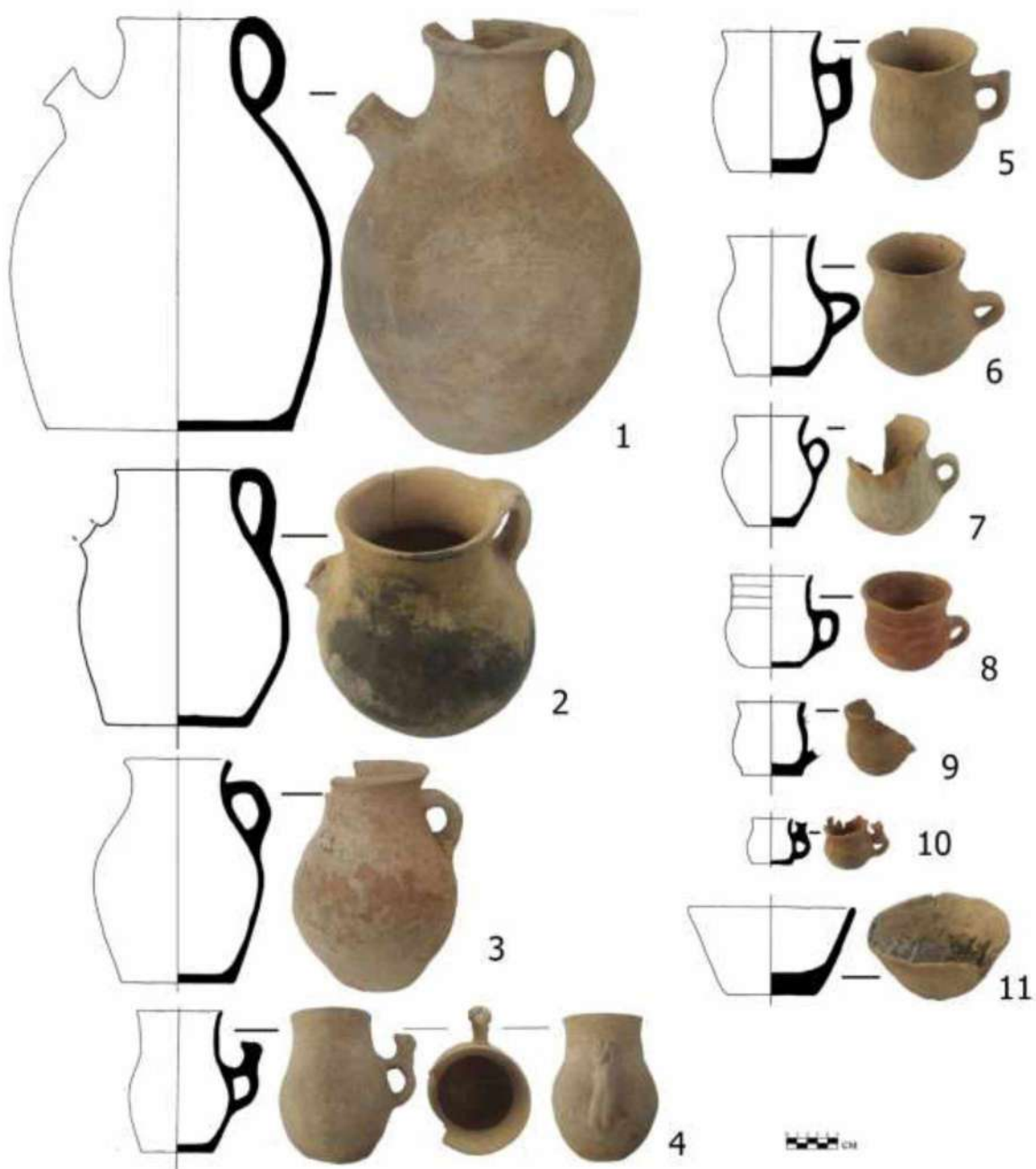
Объектдан топилган ашёларга кўра, марҳумларнинг атрофига бу каби буюмларни қўйиб, жамоавий дафн этиш одати археологлар томонидан ўтган асрнинг XIX асрнинг охирлардан бошлаб ўрганилиб келинмоқда [5, Б. 90-91]. Олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида бу каби кўмиш одати Тошкент воҳаси ва Жанубий Қозоғистоннинг қатор худудларидан топилиб ўрганилмоқда [5, Б. 253]. Тадқиқотларга кўра, бундай қабрлар гумбаз шаклидаги хилхона (катакомба) тузилишида бўлиб, унга диаметри 60x80 см. ўлчамдаги узун йўлак – дромос орқали тушилган [1, Б. 223-235; 2, Б. 52-58; 3, Б. 542-543; 4, Б. 52-57; 5, Б. 253; 6, Б. 83-84]. Сопол буюмлар асосан, марҳумларнинг бош ва оёқ томонига қўйилганлиги исботланган. Бундай қабрлардан топилган ашёлар миллоддан олдинги II асрдан – милодий VI асрлар билан даврлаштирилган, Тошкент воҳасида кенг ёйилган Қовунчи археологик маданиятига мансуб ҳисобланади [4, Б. 70]. Айнан Янгийўлдан топилган қабр қолдиқлари ва сопол идишлари ҳам Қовунчи маданиятига хос саналади. Идишларнинг дастасини бурама шохли кўчқор кўринишида ясалиш одати миллоддан олдинги II асрдан – милодий IV асрларда кенг тарқалган [4, Б. 75-77]. Шунга асосланиб, янги топилган қабр ва ундан

олинган материалларни юқорида кўрсатилган давр билан саналаш мумкин.

Хуллас ушбу тасодифий топилмалар Қовунчи маданиятининг тарқалиш худудини кенгайтириб, хали бундай археологик ёдгорликларнинг бир қанчаси ер қарида изсиз сақланиб келаётганлигидан далолат беради.

Адабиётлар рўйхати:

1. Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ. Вып. 2. – Ташкент, 1961. – С. 223-235.
2. Алимов К. Памятники скотоводов Чача (Курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана) // Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент: Фан, 1979. – С. 52-58.
3. Алимов У., Алимов К. Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области // АО-1978. – Москва, 1979. – С. 542-543.
4. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы города и городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент: Фан, 1982.
5. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. – Москва, 1971.
6. Нормуродов Д.Р. Тошкент воҳасининг қадимги ва ўрта асрлар даври моддий маданияти тарихи (милоддан аввалги XIII – милодий XIII аср бошлари). Тарих фани бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун тайёрланган диссертация. – Тошкент, 2020.

Расм. Янгийўл тумани Кенгкечик маҳалласидан топилган сопол идишлар.
 1-3-кўзалар, 4-10-ёғлиғилар, 11-коса

Tosheva D.
PhD candidate,
The University of Queensland, Brisbane, AU.

PROBLEMS IN THE STUDY OF GENESIS: THE FOUNDATIONS OF THE SOGDIAN-CENTRIC CLAIMS IN THE HISTORIOGRAPHY OF ISLAMIC ARCHITECTURE OF CENTRAL ASIA

The genesis problem also is observed by the researchers of Central Eurasian art and archaeology of the pre-Islamic period, and called a ‘single prototype narrative’, or simply genesis problem [1, P. 41; 2]. According to Petya Andreeva, archaeologists and art historians have made a grave mistake in their attempts to alleviate controversies that stem from written records and archaeological findings. In their quest to designate individual prototypes to a set of cultural remains, they have often falsely perpetuated narratives of the quintessential Chinese, Central Asian, or Near Eastern prototype, each distinct from one another [1, P. 41]. Although dismissing the political pressure on Soviet scholars, P.Andreeva points out the inadequacy of the ‘single prototype narrative’ in Soviet scholarly works [1, P. 42]. Sogdian-centrism and Persian--centrism are manifestations of this same ‘single prototype narrative’ in the field of architectural history. In the section that follows, I will build upon P.Andreeva’s ideas and explain the general theoretical shortcomings of the ‘single prototype narrative’ in architectural history. For the period under discussion, one of the continuing questions of the field deals with the relationship between the nomadic Turks and the Central Asian artistic tradition. As has been demonstrated in the literature review, most Soviet scholars explained the material culture of Central Asia through a Sogdian-centric prism and denied the possibility of nomadic Turkic influence. Acknowledging the reasons why Soviet scholars were prone to such views (political pressure) is essential. But noting the problem also helps to demonstrate the harmful impact these views have had on the broader fields of architecture and art history; as well as demonstrating a way of dealing with these issues, namely questioning the issue of the Sogdian-centric single prototype narrative.

Soviet archaeologists, while developing a linear and self-propelled formation of the Sogdian style, also tried to find non-Islamic features of Islamic buildings within their discipline. Two examples include the Biya Naiman ossuaries proposed by M.Masson and the *naus* structures, proposed by G.A.Pugachenkova [7, P. 82-83]. Each were said to be the prototypes of both central plan and portal-domed mausoleums (Figures 1 and 2). This idea, firmly entrenched in the Soviet literature, was accepted in the works of European and North American architectural historians of the 2000s without critiques and

continued to enjoy popularity as an uncontested fact [5, P. 11]. Indeed, the ossuaries were quite often decorated with architectural motifs. Usually ossuaries took rectangular or circular forms, and in some cases had engraved images of arcades with figures standing under the arches. But only in rare cases, according to S. Khmel'nitsky, did other building types replicate the form of the ossuary. S. Khmel'nitsky links these random cases with the appearance of the building type -the *naus*- a communal mausoleum for bones, a building typology that we find evidenced through archeology: 'these rare cases presented in the evidence found in the *naus* found in Merv: some ossuary authentically portrays the appearance of funerary buildings that have not survived into the present. They are square in plan, with a dome and a wide, portal-shaped arched entrance' [4, P. 203]. In the ossuary crowned with three terraced cogs, S.Khmel'nitsky sees the 'authentic portal, precedent of that canonical monumental portals' (Figure1) [4, P. 203].

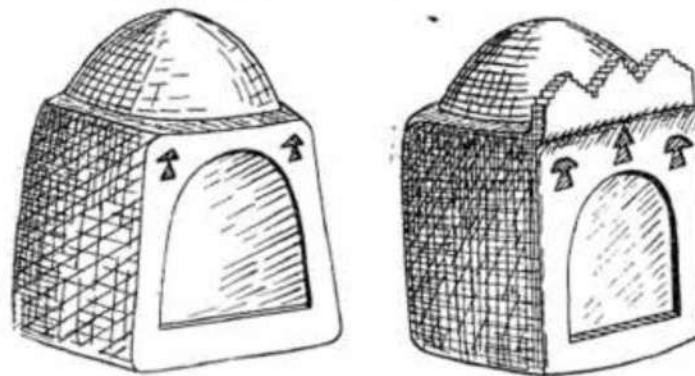

Figure 1. Biya -Nayman ossuary found in Merv. G. Pugachenkova, *Mavzolei Arab Ata*, 83.

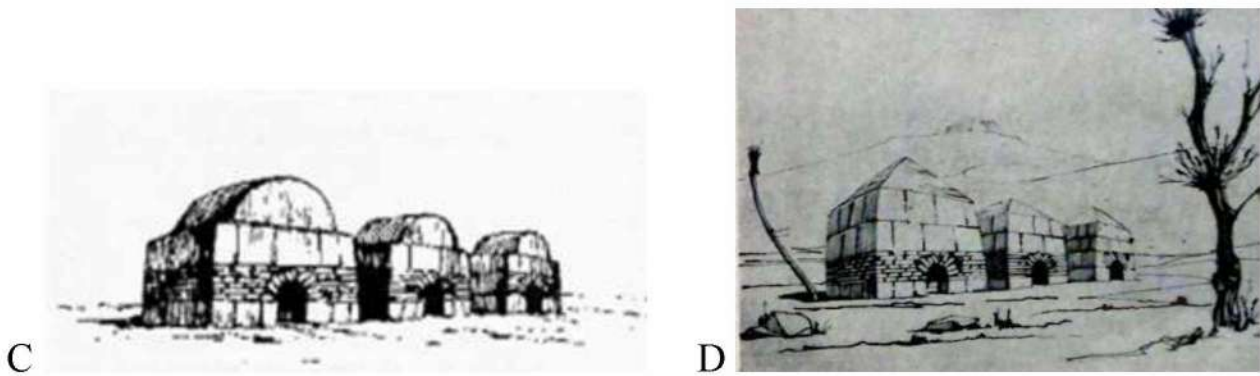
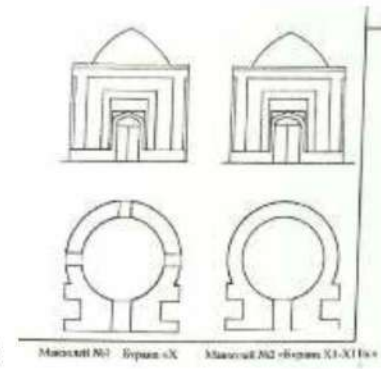

Figure 2. Remains of *Naus* structures, Penzhikent, Tajikistan and three reconstructions. A- remains of *naus* found by archaeologists, Penzhikent. B Reconstruction by Voronina V.L, C- Reconstruction by Khmel'nitsky. D- Reconstruction by Nilsen.

This might be a plausible explanation of cultural continuity in the absence of literary sources. However, we need to be constantly reminded that this is, at best, a highly speculative guess. Only foundations of those funerary buildings, the *naus*, exist into the present (Figure 2; A). As a result, the reconstruction illustrations we associate with them are imagined and may not reflect their original form, elevations and roofing (Figure 2 B, C, D). Further, neither the ossuary nor the *naus* were restricted exclusively to the Sogd area. Almost every regional museum in Central Asia has a collection of ossuary objects in various shapes, some decorated and some are plain. The traces of *naus* structures are also found in various Central Asian regions such as Chach and Zhetisu—the homeland of nomadic Turks. For example, a group of location-specific funerary monuments found in Chach (Tashkent) demonstrate a protruding entrance to the domed circular space, in which the doorway is designed reminiscent of the façade separating from the domed room (Figure 3). The remains of tenth century-mausoleums (or perhaps *naus*) in Balasog'un, the capital of Eastern Turkic Qaghanate (in contemporary Kyrgyzstan) provides a further link to the Islamic domed-mausoleums with portal (Figure 3, B). Further archaeological research in different parts of Central Asia can only add more evidence towards the wide distribution of the ossuary and *naus* buildings. However, when seeking a single prototype, art and architectural historians need to be aware that that Sogd has been excavated more extensively than any part of the Soviet Central Asia.

Рис. 32. Наусы Ташбугуза (реконструкция автора).

Маусол №1 - Биринчи к. Маусол №2 - Биринчи XI-XII вв.

Figure 3. A. *Naus* -funerary monuments from Chach, Tashkent, Uzbekistan. B. Tenth century-*naus*-mausoleums from Balasaghun, foundations and reconstruction, Zhetisu, Kyrgyzstan.

The ‘single prototype narrative’ in architectural history was reinforced by art historians who attempted to establish connections between the architectural culture of the Islamic period and pre-Islamic wall-paintings. In the analyses of the Samanid mausoleum, G.A.Pugachenkova draws connection with the mural fragment which supposedly depicts the mourning of Siyavush, a legendary hero, whose body was placed inside the domed structure (Figure 4). The fragmentary remains of a mural were found during the Sogdian-Tajik expedition of A.Yu. Yakubovskii in 1946-47, and since then, scholars have not reached a consensus on what the original looked like. A.Yu.Yakubovskii himself proposed that the building was an unusual architectural construction similar to a pavilion made of wood and fabric [9, P. 252]. Some art historians argued that it served as a funeral portable tent, a sort of hearse made of light materials and fabric. According to this theory, a group of men could carry the tent with ropes [3, P. 33-34]. G.A. Pugachenkova however, had probably been tasked with establishing the link between the pre-Islamic sedentary Sogdian architecture and Islamic mausoleums, as she denied these theories and instead presented her own narrative. According to her, the structure is ‘typical to stone architecture.’ She continues by explaining that the dome and massive corner columns provide evidence of the use of solid material derived from row or baked brick, as well as a plastered surface [7, P. 72]. In providing the three-dimensional reconstruction of the structure, G.A.Pugachenkova included a square base, with multiple small and bigger arched openings, crowned with a massive dome, reminiscent of the form of the Samanid mausoleum (Figure 5,A). L.I.Rempel went further in proposing the imaginative reconstruction of the same structure, and offered a slightly different view (Figure 5, B) [4, P. 200]. In L.I.Rempel’s version, we are presented with a square-base building crowned with a corrugated dome. It has a high portal with an arched entrance and is topped with six smaller arches that in turn supports three arched openings with decorative elements, called ‘*kungra*’. This version is even more far-fetched than

G.A. Pugachenkova's reconstruction and calls immediate associations with the Islamic portal-domed structures. S.Khmelnitsky denied the version of L.I. Rempel, and deemed G.A. Pugachenkova's reconstruction 'reasonable enough', with minor changes. In his new reconfiguration, the building has four arched openings, instead of three, proposed by early scholars (Figure 5, C) [4, P. 200]. The construction materials, according to S.Khmelnitsky, might be a wood and mud brick, although he leaves it open for further interpretations, and does not explain which part of the building is made of wood and which part is mud brick.

When archaeology could provide mostly speculative, and often contrary reconstruction of buildings based on only their foundations, drawing on art historical evidence was also an auxiliary method used to deepen understanding of the origins of medieval architectural culture. But at the same time, this method also had its drawbacks. Like imaginative reconstructions, art historic evidence, - the Penzhikent wall painting - does not accomplish much in terms of simple analyses of sometimes completely unrelated building elements and materials. These methods leave us with a puzzle as to how these building materials and parts (stone, baked brick or wood and mud brick) were constructed. In addition, if the dome was made of solid permanent material, how could building corrugated domes be possible in this early period, and how did a square base with many openings support such a massive dome? The domed buildings of the nine-tenth century Islamic Central Asia were archaic, and even the most sophisticated among them- the Samanid tomb, has a plain dome, supported by thick walls. Corrugated domes did not appear before Timurid times (14th CE), and the Penzhikent wall paintings are dated back to the seventh century. Such an advanced view of the domed structure does not fit into the general evolution of architecture in this part of the world. In addition, the reconstruction of the Penjikent wall painting has several variations, the domed structure appearing in one version more similar to a circular tent, and in others- made up similar to the square base domed building. The hypothesis that the structure in the Penzhikent murals is portable, circular in its base, and made of less durable materials such as wood (a base) and fabric drapery (a dome) is likely closer to reality. However, architectural historians tend to ignore the fusion of nomadic, or more broadly, outside influences into the 'indigenous, pure Sogdian' architectural tradition of Central Asia.

The proliferation of these far-fetched statements drawn from archaeology and art history, shed light on how the "single prototype"/pro-Sogdian genesis narrative has altered our perceptions of how Islamic architecture developed. Both archaeological and art historical methods combined to support the Sogdian-centric narrative which cast Sogdians as the innovators of every possible element of architecture before invader Greeks, Persians, Arabs or

Turks appeared in Sogd. While it is important for pointing out the local Sogdian arts, crafts and burial traditions in the discussion of architecture, such an approach has limitations for telling us about the complex developments in the architectural styles of these building. Architecture does not develop as an independent form of aesthetics. It is therefore crucial to consider both the conceptual approaches to forms and decorations and the context of outside influences. This can be accomplished by disavowing any purist speculations about the “true” origins of a given architectural form and instead reconsidering the ways in which architectural changes emerge as a convergence of multiple historical processes and a range of influences, the function of the building in the burial program, and the socio-political life of the patron prior to his death.

Figure 4. Reconstructed mural in the south wall of palace, Penjikent, Tajikistan.

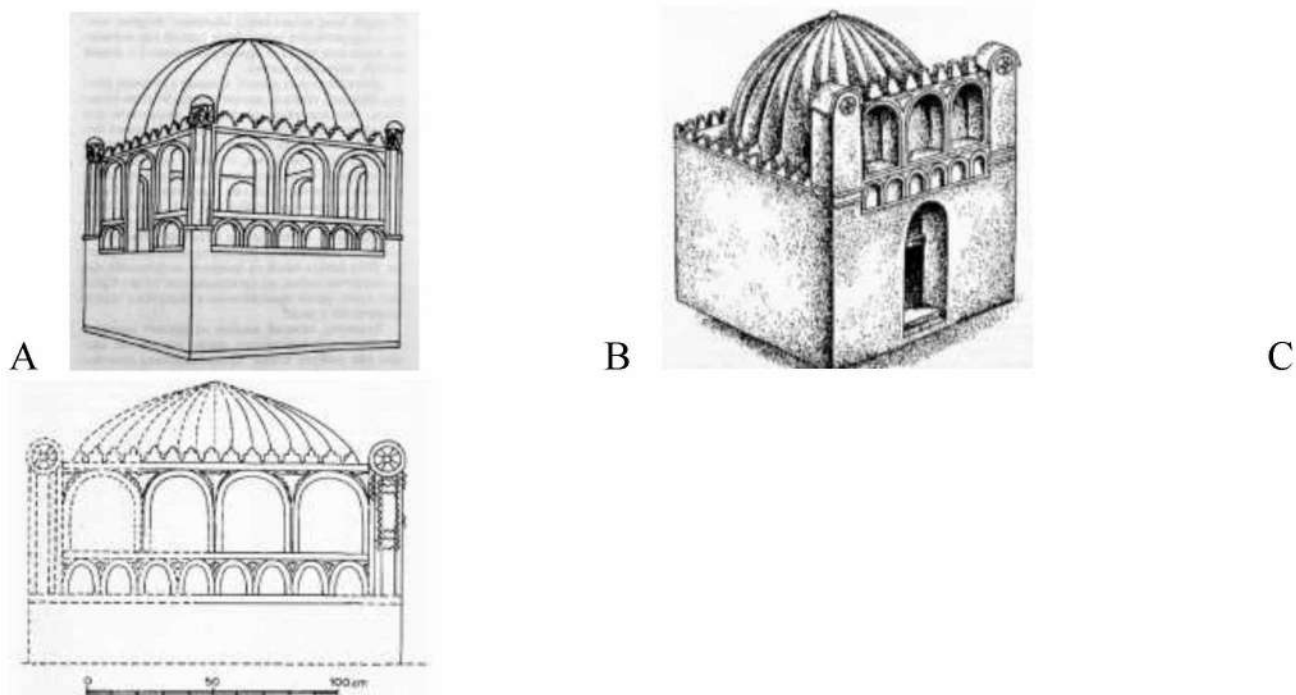

Figure 5. Reconstruction of Penjikent funerary ked. A. by G.A.Pugachenkova, B. By L.I.Rempel. C. by S.Khmelnitskiy

Literature:

1. Andreeva P. Fantastic Beasts of the Eurasian Steppes: Toward a Revisionist Approach to Animal-Style Art, 2018, ProQuest Dissertations and Theses.
2. Dvurechenskaya N. Istoriya izucheniya terrakotovoy plastiki SredneyAzii, in <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-terrakotovoy-plastiki-sredney-azii>, accessed at 10/12/2020.
3. Belenistkii A.M. “Voprosi idealogii I kultov Sogda”. In Zhivopis' drevnego Pyandzhikenta. Moscow, 1954.
4. Khmelnitskiy S. Mezhdru Kushanami I Arabami. Arkhitektura Sredney Azii V-VIII vv. Berlin-Riga, 2000.
5. McClary R.P. Medieval Monuments of Central Asia: Qarakhanid Architecture of the 11th and 12th Centuries. Edinburg: Edinburg University Press, 2020.
6. Nilsen B. Monumental'naya Arkhitektura Bukharskogo Oazisa. Tashkent, 1956.
7. Pugachenkova G.A. Mavzolei Arab Ata. Iz Istorii Arxitekturi Maverannahra IX-X vv. Tashkent: Izdatelstvo AN Uz. SSR, 1963.
8. Yakubovskii A.Yu. Drevniy Pendzhikent. In Po sledam drevnix kultur, Moscow, 1951.

Image sources:

Figure 1 - Pugachenkova, Galina. Mavzolei Arab Ata, p.83.

Figure 2, A & B - by Voronina V.L. Chapter 4, in Vseobshchaia istoriia arkhitektury, 1969, Vol. VIII, 190.

Figure 2 C - by S.Khmelnitskiy, in Mezhdru Kushanami, 2000, 207.

Figure 2 D – by Nil'sen V.A. Stanovleniye Feodal'noy Arkhitektury Sredney Azii V-VIII vv. Tashkent, 1966, 101.

Figure 3 A - Nil'sen V.A. Stanovleniye Feodal'noy Arkhitektury 1966, 103.

Figure 3B – by Konkobayev K. Arkhitektura Turkestana Epokhi Karakhanidov: istoriko-teoreticheskoe issledovanie, Ankara, 2014, 134.

Figure 4 - In Zhivopis' drevnego Pyandzhikenta, 1954, plate XX.

Figure 5 - Khmelnitskiy, Mezhdru Kushanami, 2000, 200-201.

Жўраев Ш.Ғ.

Бухоро давлат музей-қўриқхонаси

Санъат ва этнография илмий бўлим мудир

БУХОРО МУЗЕЙИ НУМИЗМАТИК ВА ЭПИГРАФИК БУЮМЛАРИ ТАРИХЧИ ВА НУМИЗМАТ ОЛИМ Ғ.Н.ҚУРБОНОВ ИЛМИЙ МЕРОСИДА

Машҳур тарихчи олим, нумизмат Ғолиб Негматович Қурбонов 1956 йил 7 ноябрь куни Бухоро шахрида зиёлилар оиласида таваллуд топган. Ўзининг меҳнат фаолиятини бир неча йиллар давомида Бухоро давлат музей-қўриқхонаси ва Бухоро давлат университетида олиб борган. Ғолиб Негматович Бухорода ягона нумизмат олимлардан саналиб, 1978 йилдан музейнинг Тарих бўлимида ўз фаолиятини бошлаган. Ўтган асрнинг 80-йиллари ўрталарида музейда янги бўлим - туман музейларига методик ёрдам кўрсатиш бўлими очилди. Ғ.Қурбонов шу бўлимнинг мудир этиб тайинланди. 1986 йилда “Тангашунослик ва эпиграфика” бўлимини ташкил этишга бошчилик қилди ва шу бўлимда 2016 йилда нафақа чиккунга қадар фаолият кўрсатди. 1987 йилда унинг “Бухарские печати XVIII – начала XX веков” [11, Б. 3]. китоби, маҳаллий ва халқаро микёсдаги газета ва журналларда 120дан ортиқ илмий ишлари ҳамда мақолалари нашр этилган. Мазкур мақолада устознинг нумизматика ва сфрагистикага оид илмий фаолиятини ёритишга ҳаракат қиламиз.

Музейда илмий салоҳият юқори бўлиб, бу ерда фан номзодлари ва тарихчилар фаолият олиб борар эди. Шундай олимлардан бири шарқшунос Баходир Абдушукурович Казаковдир. Айнан у Ғолиб Негматович ва бошқа музей илмий ходимларига устозлик қилганлардан бири. Ғолиб Негматовичнинг сфрагистика йуналишидаги илмий мақолалари жаҳон таниган москвалик нумизмат Е.А.Давидовичнинг ҳам

эътиборини козониб, бу уз навбатида улар ўртасида илмий ҳамкорликнинг ўрнатилишига олиб келди. Кейинчалик Голиб Негматович ўзига илмий раҳбар қилиб Е.А. Давидовични танлайди.

Музейда фаолият юритган нумизмат олим ўзининг илмий ишлар фаолиятини ўтган асрнинг 80-йилларида бошлайди. Унинг бир қатор мақолалари ўзбек, рус ва инглиз тилларида нафақат маҳаллий ва Республика босма нашрларида, балки халқаро миқёсдаги илмий конференция тўпламлари ва журналларида нашр этилди. Тарих фанлари доктори, профессор Х.Х. Тўраевнинг хотирлашича: “Москвада, Бутуниттифоқ конференциясида “Бартольдские чтения” да ўзининг ёрқин, илмий асосланган нутқлари билан совет олимларини ҳайрон қолдирганига гувоҳ бўлдим. Машҳур нумизмат ва сфрагист сифатида муҳим, доимий талаб даражасидаги илмий мерос қолдирди.”

Тарихчи олимнинг Ўзбекистонда ижтимоий фанлар журналида эълон қилинган мақолалари орасида муҳр-компас ҳақида ёзилгани мавжуд бўлиб, мазкур буюм музей-қўриқхона фонди Кирич Китоби (Главная инвентарная книга)га 1971 йилда ёзилган [14, Б. 17]. *(Китобга қайд қилиш жараёнида 1945-1953 йиллар далолатномалари деб ёзилган)*. Тарихчи олим экспонатни жуда яхши тавсифлайди. Масалан, муҳрнинг пастки саккиз қиррали томонида унинг эгасининг номи (Холмирза бий ибн Фозилжон) ўйма нақш (гравировка) ёрдамида амалга оширилган [3, Б. 61]. Ёзув настаълиқ хатида икки қаторда ёзилган. Муҳрнинг умумий оғирлиги 6,6 граммни ташкил қилади. Тайёрлаш услуби ғоятда антиқа эканлиги ва ғовак чуқурчали иккита пластмассадан иборатлиги билан алоҳида ажралиб туради [4, Б. 22]. Ғ.Қурбонов муҳрнинг бийга таалукли эканлигини ёзатуриб, бошқа олимларнинг илмий асарларига иқтибослар келтиради. Шунингдек, нумизмат олим ўзининг 1987 йилда нашр этилган китобида ҳам бу муҳр ва унинг тузилиши ҳақида маълумот бериб ўтади [11, Б. 76]. Тарихчи фақат бир томонлама иш олиб бормасдан, муҳрларни тайёрлаш техникаси ва машҳур усталар ҳақида ҳам изланиш олиб борган. Шундай усталардан бири Абдулқодирхўжа [4, Б. 23] бўлиб, асли сарой шоири сифатида фаолият юритганлиги ва у ҳақида Шарифжон Маҳдум Садр Зиёнинг илиқ хотираларини келтиради. Мақолалардан бирида муҳркон усталарнинг макони Бухоро шаҳридаги Тоқи Заргарон деб кўрсатилади [4, Б. 22].

Олим томонидан музей захираҳонасидаги муҳрлар илмий жиҳатдан ўрганилиб, уларнинг каталоги тузилган. Мазкур каталогнинг масъул муҳаррири Е.А. Давидович, тақризчи эса С.Б. Певзнер эди. Ушбу каталогда тарихчи муҳрларнинг йиғилиши тарихидан тортиб, уларнинг кимга тегишли эканлигигача бўлган қизиқарли ва нодир фактларни келтиради [11, Б. 3-10]. Каталогнинг саҳифаларида муҳрларнинг сурати,

шакли, чизмаси, ундаги ёзувлар қаторида атамалар рўйхати ва исмларнинг жадвали ҳам илова қилинади. Бухоро хонлигида ўз вақтида лавозимига кўра мухрлар фарқланган деб айтиб утилган.

Ғ.Қурбонов теурийлар даври сфрагистикасини ҳам илмий жиҳатдан ўрганиб, бунда қатор илмий манбалардан фойдаланади [10, Б. 68]. М.Е.Массон теурийлар даври тангаларини ўрганганлиги, А.А.Егани ва О.Д.Чехович томонидан мухрлар босилган иккита хужжат нашр этилган. Буларни ўрганиш жараёнида олим Амир Темур мухрларидаги белгиларни қадимги Эрон геральдикасидан ўзлаштириб олган деган фикрни келтириб ўтади.

Тарихчи олимнинг Бухоро нумизматикаси ўрганилишига кўшган ҳиссаси ҳақида тўхталадиган бўлсак, 1986 йилда музей-қўриқхона таркибида янги “Тангашунослик ва эпиграфика” (*Ҳозирги кунда экспозиция сифатида фаолиятини “Тарих” илмий бўлими таркибида давом эттирмоқда*) бўлими фаолият юритишни бошлайди. Бўлим мудури сифатида ишлаган Ғ.Н.Қурбонов илмий экспедицияларда қатнашар, музей фондини экспонатлар билан бойитишга ўз хиссасини кўшарди. Музейнинг инвентар китобида музей фондини бойитганлар қаторида унинг номи бир неча мартаба ёзилган. Музей фондида бугунги кунда 45 мингга яқин нумизматик ашёлар сақланаётган бўлса, уларнинг кўпчилиги даврлар бўйича коллекцияларга ажратилган. Бухоро музейининг ўрта асрлар мусулмон тангалари хазинасининг қисқача тавсифи ҳам тузилган.

Тарихчи олим Бухорода манғитлар даври пул муомаласига ҳам алоҳида эътибор қаратган. Маълумотларга қараганда, манғитларнинг ҳокимият тепасига келиши билан ҳар хил ўлчовдаги тангалар муомаладан чиқарилади. 1319/1901-1902 йилда эса Бухорода танга зарб қилиш қайта жонланади [8, Б. 83]. Олим Бухоро қоғоз пуллари тарихига бағишланган мақоласида олимлар орасида биринчилардан бўлиб, уларнинг пайдо бўлиши, қоғоз пуллардаги рақамлар ва ёзувлар ҳақида маълумот беради [16, Б. 101]. Бухоро амирлиги қоғоз пуллари 1917 йилдан кейин қисқа муддатга муомалага чиқарилади. Улардаги асосий белгилар эса қуйидагилар бўлган: рақам ёки ҳарфлар белгилари, зарб этиш вақти ва жойи, серияси, хазиначи имзоси, ярим ой ва юлдуз тасвирлари. 1922 йилда пул ислоҳоти ўтказилиб, [8, Б. 84] БХСР пул бирликлари белгилари сирасига ўроқ ва болға элементи кўшилганлигини таъкидлайди [16, Б. 101]. Албатта бундай нумизматик буюмларнитадқиқ этиш ўша давр ижтимоий-иқтисодий ҳаётини ўрганишда кўшимча манба бўлиб хизмат қилади.

Бухоро давлат музей-қўриқхонаси ўз илмий мақолалар тўпламига эга бўлиб, *“Из истории культурного наследия Бухары”* номи билан аталар эди. Ғ.Н.Қурбонов ушбу тўпламнинг бир неча сонларига масъул

муҳаррирлик қилиб, 10 га яқин мақолалари билан иштирок этган. Мақолалар илмий жихатдан бой фактларга эга бўлиб, уларнинг аксарияти музейнинг экспонатлари тимсолида, муҳрлар, тангалар ва бошқалар ҳақида ёзилган эди. Тўпламнинг иккинчи сони кириш қисмида машҳур олим Ртвеладзенинг фикрлари келтирилган бўлиб, таниқли нумизматлар қатори музей илмий ходими – Ғ.Н.Қурбоновни ҳам тилга олади [5, Б. 2]. Бошқа бир тўпамда эса олимнинг сфрагистика соҳасида кам ўрганилган, маълумотларга бой мақоласига юксак баҳо беради [7, Б. 7]. Дониёлбий оталиқ хужжатлар ўрамининг муҳрлари илмий жихатдан ўрганилади ва уларнинг ҳар бири фото жадвал кўринишида илова қилинади. Умумий сони 81 та бўлиб, ҳар бирига алоҳида тўхталиб ўтилган. Хужжатдаги муҳрлар санаси 1743-1777 йиллар билан чегараланади. Олим муҳрларни тавсифлар экан, Дониёлбий оталиқнинг 9 нафар ўғилларининг муҳри ва уларнинг исмлари кетма-кетликда келтирилади [7, Б. 80]. Хужжатнинг ўзи бошқа илмий ходимлар учун тадқиқот объекти бўлиб хизмат қилди. [17, Б. 42] Бундан ташқари олим Бухоро музейида сақланадиган амир Музаффархоннинг муҳрлари ва улардаги ёзувларни жиддий тадқиқ қилади. Уларнинг сони 3 та бўлиб, [5, Б. 124] жами 144 та муҳр ва хужжатлардаги муҳр белгилари илмий жихатдан ўрганилган. Муҳрлардаги асосий элемент сифатида амирнинг насаби белгиланган: аввал амир унвони, ҳукмдорнинг исми ва саййид номлари ёзилган. Уларнинг фақат биттасида ҳукмдоротасининг номи келтирилган. Муҳр босилган хужжатлар олим томонидан бир неча турларга бўлиб ўрганилган: муборакнома, иноятнома, ёрлик, молиявий хужжат ва бошқалар.

Шунингдек, музейнинг кўчма кўрғазмалари учун тангаларнинг махсус нусхалари тайёрланган. Музей-кўриқхона тизимида экспонатларга илмий тавсифлаш карточкалари (илмий паспорт) тузиш тартиби мавжуд бўлиб, нумизматик экспонатлар – яъни тангаларга илмий паспорт ёзиш анъанаси Ғ.Н.Қурбоновдан сақланиб қолган, яъни ҳозирги ёзиладиган карточкаларнинг андазаси музей фахрийси томонидан тузилган. Музей ходими экспозиция тузиш ишида ҳам ғоят синчковлик билан иш кўрар, экспонатларнинг бир-бирига даврий жихатдан тўғри келиши, мутаносиблигига алоҳида эътибор беради.

2015 йилда бўлимда реэкспозиция ишлари ўтказилиб, музей-кўриқхона захираҳоналарида сақланадиган нумизматик ва эпиграфик экспонатлар билан бойитилган кўрғазма ташкил қилинди. Экспозиция иккита залдан иборат бўлиб, 140 кв.м майдонни эгаллайди. Бўлимда “Бухоро воҳасининг тангашунослик тарихи” ва “Бухоро эпиграфикаси” мавзулари ёритилган. Мазкур экспозицияда хронологик жихатдан 2 минг йилдан ортиқ даврга тааллуқли бўлган топилмалар: Юнон-Бақтрия,

Бухорхудот, Сосонийлар ва Сомонийлар ҳукмдорларининг ҳамда улардан кейинги давр тангалари сақланмоқда.

Бухоронинг забардаст тарихчи олими, нумизмат Ғ.Қурбонов илм фанда осон йўл тутмаган. Буни унинг илмий ишларидан ҳам сезиш қийин эмас. Хулоса ўрнида шуни айтиш жоизки, унинг қолдирган илмий мероси ўсиб келаётган ёш авлодни илм чўққиларини забт этишга ундайди.

Адабиётлар рўйхати:

1. Курбанов Г. Парастепанах М. Новое поступления Бухарского музея // *Общественные науки Узбекистана*. 1987 г. №1. – С. 55-56.
2. Курбанов Г. Бухарскому краеведческому музею – 60 лет // *Общественные науки Узбекистана*. 1983 г. №1. – С. 64-65.
3. Курбанов Г. Печать-компас середины XIX века из Бухары // *Общественные науки Узбекистана*. 1983 г. №4. – С. 61.
4. Курбанов Г. Қадимги Бухоро буюмларида замон жилоси // *Мозийдан садо* 2007 №2 – С. 22-23.
5. Курбанов Г. Печати и оттиски печатей эмира Музаффера (1860-1885 гг.) // *Из истории культурного наследия Бухары*. – Ташкент: Узбекистан, 1990 г. – С. 62.
6. Курбанов Г. Печати глав династий мангытов (1800-1920 гг.) // *Из истории культурного наследия Бухары*. Выпуск-6 -Бухара, 1998 г. – С. 50-69
7. Курбанов Г. Свиток документов Данийал-бийаталыка (XVII в.) // *Из истории культурного наследия Бухары*. – Ташкент: Узбекистан, – С. 79-111.
8. Курбанов Г. Бухорода пул ислохоти // *Из истории культурного наследия Бухары*. Выпуск-7. – Бухара: Бухара, 2001 г. – С. 78-84.
9. Курбанов Г. Печати кази ал-куззатов – верховных судей Бухарского эмирата (XIX – нач. XX в.) // *Из истории культурного наследия Бухары*. Выпуск-8. – Бухара: Бухара, 2002 г. – С. 51-92.
10. Курбанов Г. Темурийлар даврисфрагистикаси // *Из истории культурного наследия Бухары*. Выпуск-9. – Бухара: Бухара, 2002 г. – С. 68-74.
11. Курбанов Г. Бухарские печати XVIII - нач. XX веков. -Ташкент: Узбекистан, 1987 г. – С. 246.
12. Казаков Б. Клад с монетами. // *Правда Востока*. 1979 г. 28.08. – С. 3.
13. Тураев Х. Олим, эроншунос ва дипломат. // *Сино* 2002 №8. – С. 36.
14. Бухоро давлат музей-қўриқхонаси Кириш Китоби (Главная инвентарная книга) №7.
15. Курбанов Г. Печати бухарского ханства // *Вехи времен. Альманах. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана*. – Ташкент: Гафур Гулям, 1989 г. – С. 160.

16. Курбонов Г. К истории бумажных денег Бухары начала XX в. // Нумизматика Центральной Азии, вып. VII. Ташкент, 2004 г. – С. 98-105.
17. Казаков Б, Тураев Х. Свод документов Даниял-бия аталыка. // Бартольдские чтения. Год 5-й тезисы докладов и сообщений. -Москва, 1981. – С. 42-43.

Халмуминов У.Р.
Ўзбекистон Республикаси ФА
Тарих институти кичик илмий ходими

ИЛК ЎРТА АСРЛАРДА ФАРҒОНА ВОДИЙСИДА ЮЗ БЕРГАН ЭТНОМАДАНИЙ ЖАРАЁНЛАР

Фарғона водийси ўз географик жойлашуви, табиий иқлим шароитига кўра қадим ва ўрта асрлардаёқ Марказий Осиёнинг энг унумдор ўлкаси сифатида маълум бўлган. Шу боис, турли ёзма манбаларда водийга таъриф берилар экан, унинг шаҳарлари кўплиги, боғ-роғлари меваларга тўлаллиги, аҳолисининг фаровон яшаши, одамларининг ўйин-кулгига майлли эканлиги ўзига жос жихатлардан бири сифатида кўрсатилади. Айниқса, бу ҳақда хитойлик муаллифлар бир неча бор эслатиб ўтишган [25, б. 119].

Ашиналийлар даврида водийнинг иқтисодий ҳаёти қандай бўлганини ёритувчи ёзма манбалар бугунгача деярли етиб келмаган бўлса ҳам, ундан бир-икки аср кейин ёзилган араб ва форс тилли географларнинг асарларида қайд этилган маълумотлар бу борада муайян тасаввурларга эга бўлиш имконини беради. Чунки қадимдан иқтисодий ва маиший ҳаётда давом этиб келаётган анъаналарнинг бирданига ўзгариб қолиши ёки хўжалик тарзининг бутунлай бошқа бир турига айланиб қолиши камдан-кам бўладиган ҳодиса. Чунончи, араб ва форс тилли географлардан анча олдин VIII аср бошларида Фарғонага келган араб ҳарбийлари ҳам бу ернинг иқтисодий жихатдан юксак ривожланганлигига эътибор қаратишган бўлса, IX–XI асрларда минтақада бўлган саёҳатчилар ҳам шунга ўхшаш манзарага гувоҳ бўлишади. Ал-Истахрий ўзининг (IX асрнинг иккинчи ярми – X асрнинг биринчи ярми) “Масолик ал-мамолик” асарида: *“Сугдда, Уструшонада, Фарғонада ва Шошда (Чоч) шу даражада серобгарчиликки, улар (вилоят аҳолиси) ҳайвонларини мева бериб боқадилар”*, деб ёзгани бунга гувоҳлик беради [26, с. 191].

Фарғона водийсининг иқтисодий ҳаётида тижорат ва ҳунармандчилик катта ўрин тутиб, Буюк ипак йўли манзилларидан бир қанчаси айнан водий шаҳарларидан ўтганлиги ҳам ўз таъсирини кўрсатган. Археологик қазилмалар натижасида қўлга киритилган юзлаб

моддий ашёлар – сопол буюмлар, металл ва суяк ашёлар, уй-рўзгор анжомлари, меҳнат қуроллари, тақинчоқлар, шаҳарларнинг топографияси ва бошқалар илк ўрта асрлар Фарғона ва Суғд маданиятида жуда яқин ўхшашликлар бўлганлигини тасдиқлайди[20, б. 73-78]. Бу, аввало ҳар иккала тарихий ўлканинг нисбатан яқин ҳудудларда жойлашганлиги, фаол савдо-сотик ва доимий алоқаларда олиб борилганлиги, ўзаро этномаданий яқинлик бўлганлигидан дарак беради.

Қува (Қубо) шаҳрининг VI–VIII асрлар даври маданий қатламларини ўрганган археологлар шаҳарда хунармандчиликнинг турли соҳалари, металлсозлик, кўнчилик, ёғоч ўймакорлиги, тоштарошлик анча ривожланганини аниқлашган. Жумладан, Қуванинг VI асргача бўлган маданий қатламларидан асосан тақинчоқлар (узук ва сирға) учраса, VI–VII асрлардажездан буюмлар яшаш одат тусига кирганлиги аниқланган[26, б. 64-65]. Тақинчоқлар билан бирга от-улов учун эгар-жабдуқлар яшаш ҳам бошланади[11, с. 110-111; 26, б. 64-65]. В.А. Булатова VIII асрда фаолият кўрстаган тоштарошлар устахонаси ҳақида маълумотлар келтириб, қазув ишлари олиб борилган жойда ярим ишланган тошлар ва уларнинг хомашёсини топган[12, с. 47].

Археологларга кўра, Қувада кулолчиликнинг ўзига хос ўрни бўлиб, бу соҳада ўзгариш VII–VIII асрларда юз беради. Одатда бу жараён Фарғонага турк-суғд маданияти таъсир кўрсатганлиги билан изоҳланади. Бу даврда баъзи буюмларда ёғочдан қилинган идишларга ўхшатма қилиб яшаш ҳам кузатилади (масалан, поймоналарда). Айниқса, поймоналар бу даврда хилма-хиллиги билан ажралиб туриб, айримларнинг шакли қадимги турк поймоналарига айнан ўхшаб кетади[26, б. 60].

Араб ва форс тилли манбаларда қайд этилган маълумотлардан ўша даврлардаги Амударё – Сирдарё оралиғидаги тарихий географик вилоятларнинг ичида энг кўп нуфусли ҳудудлардан бири Фарғона водийси бўлганини пайқаш мумкин. Фарғона водийси иқтисодий жихатдан асосан 3 та қисмга: Косон, Жидгил (Чотқол) ва Миёнруд (Қорадарё ва Норин дарёлари ораси)га бўлинган. Бу ҳудудларда бир неча йирик шаҳарлар билан бирга юзлаб қишлоқлар бор эди. Уларнинг кўпчилиги Ахсикент, Бискет (Избоскан), Селат (Кўқон атрофи), Миёнруд ва бошқа мавзеларда жойлашган эди. Фақатгина Исфара туманининг ўзида 60 та қишлоқ бўлган.

Фарғона водийсида қишлоқларнинг бу қадар кўпчилиги ва катталигидан ҳайратда қолган араб географлари: *“қишлоқларнинг кўплиги жиҳатидан Мовароуннаҳрда Фарғонага тенг келадигани йўқ. Аҳолисининг кўплигидан қишлоқларнинг баъзилари ниҳоятда катта. Уни (шундоқ қишлоқни) ўтиш учун бир кун йўл юриш керак бўлади”* [27, б. 192-193], деб ёзишган. Ушбу маълумотлар гарчи ҳоконлик давридан бир-икки аср

кейинги даврга тегишли бўлса-да, Фарғонанинг ислом дини қарор топишидан олдинги даври хўжалик тарзи ва иқтисодий ҳаёти шунга яқин бўлганидан дарак беради.

Маълумки, ўз географик ўрнига кўра, ўтроқ деҳқон ва чорвадор кўчманчилар орасида жойлашган Фарғона водийси бир томондан Амударё – Сирдарё оралиғидаги Чоч ва Уструшона билан, иккинчи томондан эса Еттисув ва Шарқий Туркистон сингари йирик ўлкалар билан чегарадош эди. Шу билан бирга, Фарғонага жанубда тоғлар орқали Тўхористон ва Бадахшон ўлкалари, жануби-ғарбда Суғд ўлкаси нисбатан яқин ҳудудлар эди. Илк ўрта асрларда айтиб ўтилган ўлкаларнинг деярли барчасида шарқий эроний ва туркий тилли элатлар яшаб, уларнинг бир қисми ўтроқ, бир қисми эса кўчманчи яшаш тарзига эга эдилар[7, с. 194; 22, б. 17; 10, б. 19-20].

Бу даврда Фарғона водийсининг ерли халқи кўпроқ ўтроқ деҳқон аҳоли бўлиб, шаҳар ва қишлоқларда яшаган бўлса, тоғ ва тоғолди ҳудудларида кўчманчи чорвадорлар кўпчиликни ташкил этган. Водий тўрт томонидан шарқий эроний ва туркий элатлар аралаш ҳудудлар билан қўшни бўлишига қарамай, бу даврда унинг ўзига хос тили борлиги борасида маълумотлар учрайди. 629 йилда Еттисув ва Чоч орқали Суғддан ўтиб Ҳиндистонга йўл олган роҳиб Сюан Цзан (629-645) бу ерлар аҳолиси *сули* (суғдий) тилида сўзлашишларини таъкидлаб, фарғоналиклар тилининг атрофдаги ҳеч бир ўлка тилига ўхшамаслигини ёзади[25, б. 119]. Қадимги фарғоналикларнинг тили қайси тил гуруҳига ётиши масаласи ҳалигача аниқланмаган.

Шу ўринда кўпчилик тадқиқотларда асосий урғу илк ўрта асрларда Фарғонанинг ўз маҳаллий анъаналари устувор бўлганига, шунингдек, водийда туркий қатламнинг ўсиши ва у билан боғлиқ қадимги турк-рун ёзуви кенг тарқалганига урғу берилиб, бу ерда суғдийларнинг роли масаласи анча-мунча эътибордан четда қолганлигини айтиб ўтиш зарур. Гарчи, бу масалада О.И. Смирнова бирмунча тўхталиб, бу даврда, айниқса, араб истилоси арафасида VIII асрнинг илк чорагида Самарқанд Суғди ва атрофидан, хусусан, Иштихондан сезиларли миқдордаги суғдий аҳолининг Фарғонага кўчганлиги масаласини ёритган бўлса-да[23, с. 246-249], водийда суғдий жамоаларнинг тарқалиши масаласи ҳалигача чуқур ўрганилмагани кўзга ташланади.

Аслида водийда суғдийларнинг илк ёйила бошлаган даври анча олдин юз берган бўлиши керак. Бу масала махсус ўрганилмаганлиги боис ҳозирча бу борада аниқ бир тўхтамга келиш қийин. Фақат водийда танга зарб қилиш анъанасининг асосан VII асрнинг бошларига тўғри келишини ҳисобга оладиган бўлсак, суғдий маданият таъсирининг кўлами Турк хоқонлиги даврида анча ортганлиги аён бўлади. Яъни бошқа бир катор

воҳаларда бўлгани каби суғдий ёзув маданиятининг Фарғонада кенг ёйила бошлаши ҳоконлик даврига тўғри келади.

Маълумки, Турк ҳоконлиги ўз иш юритиш ва ёзишма ишларида қадимги турк-рун ёзуви билан бирга суғдий ёзувдан кенг фойдаланган бўлиб, Ўрхун водийси (Мўғулистон), Шарқий Туркистон ва Еттисувдан топилаётган ҳоконликка тегишли битиктошларнинг сезиларли бир қисми суғдий тилли эканлиги [14, с. 121-146; 1, с. 79-88; 15, с. 76] ҳам буни тасдиқлаб турибди. Шунингдек, Шимолий Тўхористондаги суғдий тилли қадимги турк тангалари айнан ҳоконлик фаолияти билан боғлиқ равишда зарб қилингани аниқланган [6, с. 21-26; 5, с. 80-83]. Демак, шунга ўхшаш жараёнлар Фарғона водийси учун ҳам ҳосдир.

Фарғона водийси маҳаллий аҳолисининг ижтимоий ва маданий ҳаёти Амударё – Сирдарё оралиги ва унга туташ ҳудудлардаги воҳа ҳукмдорликларникидан, хусусан, Суғдниқидан катта фарқ қилмаган кўринади. Чунончи, ҳар иккала ҳудудда ҳам қадимдан ўтроқ аҳоли кўпчиликини ташкил қилиб, турмуш тарзи ва маиший ҳаётда шаҳар маданияти, деҳқончилик, боғдорчилик, ҳунармандчилик ва савдо-сотик асосий ўрин эгаллаган. Буни хитой йилномалари, араб ва форс тилли манбаларида келтирилган маълумотлар ҳам тасдиқлайди [25, б. 33-41; 19, с. 21-25, 31-36, 51, 53-59]. Айниқса, хитой роҳиб Сяан Цзан (629-645) саёҳатномасида эслатиб ўтилган қуйидаги маълумотлар Фарғона водийси аҳолисининг турмуш тарзи ва ҳўжалик ҳаёти тўғрисида қисқа, бироқ батафсиллиги билан ажралиб туради: *“Шу жой [Тошкент]дан жануби-шарқ сари минг ли (576 км)дан зиёдроқ юрилса, Пайхан давлатига борилади. Унинг тўрт томони тоғлар билан ўралган. Ерлари серҳосил, деҳқончилик ишлари ривожланган, гуллар ва мевалар кўп, [табиий шароити] қўй ва от боқшига қулай, шамол ва совуқ бўлиб туради, одамлари қаттиқ иродали, [халқининг] тили атрофдаги давлатлардан фарқ қилади, [одамларининг] ташқи кўриниши чарчаган кишидек”* [25, б. 119].

Араб ва форс тилли географларнинг асарлари орасида ал-Истахрийнинг “Китоб масолик ал-мамолик”, муаллифи номаълум “Худуд ул-олам» ва Муҳаммад ибн Нажиб Бакроннинг “Жаҳоннома” асарларида келтирилган Суғд, Уструшона, Чоч ва Фарғона аҳолисининг турмуш тарзи ва урф-одатлари борасидаги маълумотлардан ушбу ҳукмдорликларда деярли бир хил ижтимоий, иқтисодий ва маданий савия устувор бўлганига гувоҳ бўлиш мумкин [19, с. 21-25, 31-36, 51, 53-59].

Фарғона водийси ва Суғд орасидаги муштараклик уларнинг маънавий дунёсидаги ўхшашлик мисолида ҳам ўз тасдиғига эга. Фарғонада ҳам Суғд воҳасидаги каби зардуштийлик дини кенг ёйилганини нафақат ёзма манба маълумотлари, балки археологик

қазишмалар натижасида қўлга киритилган кўплаб ашёвий далиллар ҳам кўрсатиб турибди [17, с. 115-118; 21, с. 73-78]. Ўтмиши милoddан олдинги даврларга бориб тақаладиган зардуштийлик эътиқоди Эрон ва Марказий Осиё аҳолиси орасида кенг ёйилиб, Хуросон, Бактрия, Суғд ва Хоразм орқали асрлар оша Уструшона, Чоч, Сирдарё ҳавзалари, Фарғона ва Еттисувга етиб боради. Илк ўрта асрларда ушбу эътиқоднинг асосий ўчоқларидан бирига айланган Фарғона ушбу диннинг қўшни ҳудудларда – Шарқий Туркистон ва Еттисувда ҳам тарқалишида кўприк вазифасини ўтайди [22, б. 48-51].

Араб истилоси арафасида зардуштий жамоалар “муғ”лар деб аталиб, бу атама Суғддан ташқари Фарғона водийсида ҳам кенг ёйилган эди. То сўнгги асрларгача бу ҳудудларда “муғ”, “Муғтепа” каби ёдгорлик ёки маскан номларининг сақланиб қолиши, Қўқон хонлигига муҳитига тегишли “Насабнома” туридаги қўлёзма асарларда “*Фарғонанинг қадим подшолари муғлардан эди*” деб тилга олиниси [20, с. 150], аҳоли орасида исломдан олдинги эътиқод билан боғлиқ ривоятларнинг сақланиб қолганлиги водийдаги зардуштийлик изларига гувоҳлик беради.

Фарғона водийси аҳолиси эҳтимол, маҳаллий сўзлашув тилига кўра суғдий тил билан ўзаро ўхшамайдиган, фарқли тил гуруҳига мансуб эди. Бироқ водийнинг бир қисм аҳолиси суғдий тилли бўлгани ёки маҳаллий аҳолининг айрим қатламлари ушбу тилдан хабардор бўлганини тасдиқлайдиган бир қатор далиллар мавжуд. Гарчи, 629 йилда Еттисув ва Чоч орқали Ҳиндистонга йўл олган хитой роҳиб Сяан Цзан (629-645) бу ерлар аҳолисини *сули* (суғдий) тилида сўзлашишларини таъкидлаб, фарғоналиклар тилининг атрофдаги ҳеч бир ўлка тилига ўхшамаслигини ёзган бўлса-да [25, б. 119], ундан анча асрлар олдин ёзилган йилномаларда: “*Даюан (Довон)дан Анси (Парфия)гача бўлган ўлкалар аҳолиси бир-биридан фарқли тилларда сўзлашсалар ҳам ўзаро тушунишлари*” эслатиб ўтилиши [9, с. 151, 153, 161; 25, б. 54-55, 96], Фарғона водийси аҳолисининг муайян бир қисмини қадимдан шарқий эроний тилли элатлар, эҳтимол, суғдийлар ёки уларга яқин элатлар ташкил қилганини кўрсатади.

Бу борада яна бир далил шуки, Фарғона водийсининг қадим ва илк ўрта асрлар топонимларининг сезиларли бир қисмини суғдий ва шарқий эроний тилларга хос номлар ташкил этишидир. Жумладан, Фарғонанинг илк ўрта асрлар жой номларига назар ташланса уларнинг сезиларли бир қисми суғдий тил негизида эканлиги англашилади. Водийнинг бош шаҳарларидан бири – Ахсикент номи *ушук’θ* шаклида суғдийча *уш* “ҳукмдор” ва *к’θ* “шаҳар” топоформантидан ясалган деб тахмин қилинади. Шунингдек, Қўқон шаҳри номининг асли суғдийча *уш* “савдо, савдогар” ва *к’θ* сўзларидан ташкил топган, деб қаралади [16, с. 103]. Турк хоқонлиги

даврида водийнинг маъмурий-бошқарув марказларидан Ўзганд номи туркий *üz* “водий” ва суғдий “кент”, “канд” топоформантлари негизида ўртага чиққани тахмин қилинади [16, с. 103].

Фарғонада Турк хоқонлиги бошқаруви ўрнатилгач, воҳа аҳолиси этник таркибида ҳам туркий халқларнинг салмоғи янада ортади. Чунки маҳаллий туркий тилли қатлам ҳам ўзларини хоқонлик вакиллари каби “турк” деб атай бошлашади [24, с. 82-84]. Чоч ва Фарғонадаги туркий тилли аҳоли мазкур худудларнинг маҳаллий, туб жой аҳолиси бўлгани тахмин қилинади [25, б. 190-191; 4, 46-49]. Археологик материаллар ҳам илк ўрта асрларда водий аҳолисининг катта қисмини туркий тилли халқлар ташкил этганини тасдиқлайди [8, с. 22-26; 3, 27-28; 18; 2, с. 489-491]. Фарғона водийсига жанубдан кўшни Кумед ҳукмдорлигида ҳам аҳолининг сезиларли қисмини туркийлар ташкил этиб, араб манбаларида улар “Кумежи турклар” номи остида тилга олинади. Ш.С. Камолиддин уларни қадимги юнон манбаларида *кумед*, араб ва форс тилли манбаларда эса *кумижи*, *кумижи турклари* деб келтирилган элат билан бир деб қараб, битта элат – *кумед* номининг турлича вариантларидир, деб ёзади [13, с. 6].

Адабиётлар рўйхати:

1. Osawa T. *Batı Göktürk Kağanlığı'nıdaki Aşinaslı Bir Kağan'ın Şeceresine ait Bir Kaynak // TÜRKLER. – Ankara, 2002. – Cilt 2. – S. 79–88.*
2. Анарбаев А. Ахсикент – столица древней Ферганы. – Ташкент, 2013.– С. 489-491.
3. Асқаров А.А. Қадимги Фарғона тарихидан лавҳалар // Археология и история Центральной Азии. – Самарканд, 2004.– С. 27-28.
4. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.). – Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, 2007. – С. 46-49.
5. Бабаяров Г., Кубатин А. Роль согдийского языка в Западно-Тюркском каганате // *Endangered languages and History. Foundation for Endangered Languages in collaboration with the Academy of sciences of Tajikistan. Proceedings of the Thirteenth FEL Conference 24–26 September 2009. Editors: H. Nazarov, N. Ostler. – Horog, 2009. – С. 80–83.*
6. Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на Сасанидских монетах и подражаниях им // *Культурное наследие Средней Азии.* – Ташкент, 2002. – С. 21–26.
7. Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ. – М., 1952. – № 1. – С. 194.
8. Бернштам А.Н. Древняя Фергана (Научно-популярный очерк). – Ташкент, 1951. – С. 22-26.

9. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. – М. – Л., 1950.
10. Бобоёров Ғ. Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Тарих фанлари док. дисс. автореферати. – Тошкент, 2012. – Б. 19-20.
11. Булатова В.А. Бронзовый штамп из Кувы VII–VIII вв. //ИМКУ, вып. 4. – Ташкент, 1972. – С. 110-111; Ширинов Т.Ш., Матбобоев Б.Х., Иванов Г.П. Ахмад ал-Фарғоний даврида Кува шахри. – Тошкент, 1998. – Б. 64-65.
12. Булатова В.А. Древняя Кува. – Ташкент, 1972.
13. Камолиддин Ш.С. К вопросу об этнической принадлежности древних кумедов // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып. 3. Древность. Средние века. Новое время / Под редакцией Ш.С. Камолиддина. Saarbrücken: LAP – Lambert Academic Publishing RU, 2018. – С. 6.
14. Кляшторный С. Г. Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // СНВ. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 121–146.
15. Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 76.
16. Лурье П. Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дис. ... канд. фил.наук. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН, 2004. – С. 103.
17. Максудов Ф.А. Храм огнепоклонников I–III вв. н.э. в Южной Фергане // ИМКУ, вып. 31. – Самарканд, 2000. – С. 115-118.
18. Матбобоев Б.Х. Қадимги Фарғонанинг илк ўрта асрлар даври маданияти (V–VIII асрлар археологик манбаларининг тарихий таҳлили асосида).: Тарих фанлари док. дисс. автореферати. – Самарқанд, 2009.
19. Материалы по истории киргизов и Киргизии (второе издание) / Главный редактор К.М.Молдобаев. Бишкек, 2002. – С. 21-25, 31-36, 51, 53-59.
20. Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана / Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М.: Изд. Восточная библиотека РАН, 2004. – С. 150.
21. Отахўжаев А. Буюк ипак йўли: Суғд ва Фарғона муштараклиги / Буюк ипак йўли ва Фарғона водийси мавзуидаги республика илмий-амалий конференцияси материаллари. – Тошкент, 2004. – Б. 73–78.
22. Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. – Т.: ART-FLEX, 2010. – Б. 17.
23. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М., 1970. – С. 246-249.
24. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. – М.:Изд-во восточной лит-ры, 1962. – С. 82-84.

25. Хўжаев А. Фарғона тарихига оид маълумотлар: Қадимий ва илк ўрта аср хитой манбаларидан таржималар ва уларга шарҳлар. – Фарғона: “Фарғона” нашриёти, 2013. – Б. 119.
26. Широнов Т.Ш., Матбобоев Б.Х., Иванов Г.П. Аҳмад ал-Фарғоний даврида Қува шаҳри. – Тошкент, 1998. – Б. 64-65.
27. Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Тошкент: Шарқ, 2001. – Б. 191.

Норқобилов Т.Х.

ЎзРФА Ўзбекистон тарихи давлат музейи илмий ходими

ЖАНУБИЙ ЎЗБЕКИСТОН БРОНЗА ДАВРИ АРХЕОЛОГИЯСИ ЙЎНАЛИШЛАРИНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШИ (XX АСРНИНГ 60-80 – ЙИЛЛАРИ)

Жанубий Ўзбекистонда бронза даври ёдгорликларининг ўрганилиши 1962 ва 1968 йилларда Л.И. Альбаум томонидан Кучуктепа ҳамда Сополлитепани кашф этилишидан бошланган [3, С. 69-79]. Бу ишларга қадар Бишкент воҳасида сўнгги бронза даврига оид илк Тулхар ва Аруктов кабрстонлари ўрганилган [23, С. 162].

Сополлитепа Музработ туманида Уланбулоқсой ўзанида жойлашган. Ёдгорлик 1968 йили Л.И. Альбаум томонидан топиб текширилган [6, С. 40-43; 10, С. 9]. 1969-1971 йилларда ЎзРФА Археология институтининг А.А.Аскарлов бошчилигидаги экспедицияси Сополлитепада қазилма ишларини олиб борди [6, С. 40-43]. Улар натижасида, Сополлитепа ёдгорлиги аҳоли турар жойи марказий қисмининг ғарбий, шимоли - шарқий ва жануби - шарқий ҳудудлари очилди. Шу билан бирга, ёдгорликнинг бир нечта нуктасида стратиграфик қазилма ишлари ҳам амалга оширилди.

Сополлитепаниннг ўрганилишида қурилиш даврларини аниқлаш, маданий қатламнинг стратиграфияси ва археологик топилмаларнинг ўзига хос хусусиятларини ўрганиш, ёдгорликнинг даврлаштириш ва хронологияси масалаларини кўриб чиқиш каби вазифалар катта аҳамият касб этган.

Сополлитепа қалъа қисми тўлиқ қазиб ўрганилган бўлиб, тархлари 82x82 метрга тенг, ички йўлакчи, уч қатор мудофаа деворлари билан ўраб олинган. Сополлитепаниннг умумий тузилиши меъморчилик санъати даражасидан дарак беради. Қалъада аҳоли жамоалар алоҳида маҳаллаларда жойлашганлиги аниқланган. Бу жамоа маҳаллалари бири-бири билан йўлакчалар орқали ажратилган, қалъаниннг марказий қисми ҳовли сифатида очиқ қолдирилган [8, С. 510-511; 10, С. 9].

Тадқиқодлар натижасида Сополлитепада истиқомат қилган аҳоли ўртасида ўзига хос урф-одатлар ва маросимлар шаклланганлиги аниқланди. Ёдгорликда қазиб очилган қабрлар ва улардан топилган ашёлар сонининг статистик таҳлиллари ҳам Сополлитепа аҳолисининг ижтимоий тузилишидан далолат беради [4, С. 18]. Жасадлар алоҳида қабристонда эмас, балки уйларнинг сатҳлари тағларига кўмилган. Қабрлар оддий ўра ёки лаҳад шаклида бўлиб, аёллар ўнг, эркеклар эса чап ён томонларига ётқизибли дафн этилган. Жасад билан бирга ҳар хил сопол идишлар, шунингдек, бронза ва бошқа қимматбаҳо буюмлар ҳам кўшиб кўмилган. Кўриниб турибдики, Сополлитепа аҳолиси бу даврда ўзларининг дафн қилиш урф-одатларига риоя қилишган. Дафн этиш бир хил кўринишда бўлиб, марҳумни ёнбош қилиб, букилган ҳолатда ётқизилган [4, С. 41]. Марҳум атрофидаги буюмларнинг аксарияти сополлар бўлиб, баъзан бошқа хунармандчилик маҳсулотлари ҳам учрайди. Бош суяги яқинига тўқилган идишлар кўйилган бўлиб, ёнида ҳайвон суяклари мавжуд [4, С. 42].

Сополлитепада олиб борилган кўп йилик изланишлар жараёнида топилган ашёвий далиллар асосида Сополли маданиятининг пайдо бўлиши, ривожланиш босқичлари, меъморий услублари, маданий алоқалари хусусида бой археологик маълумотлар тўпланди. Улар алоҳида мақолалар ва монографияларда ўз аксини топди [13, С. 26-32; 10, С. 172].

1973 йилда археологлар Ш. Пидаев ва В. Пилипко Жарқўтон харобаларини томонидан топиб текширишган. Ёдгорлик Шеробод туманидаги Бўстонсойнинг чап қирғоғида жойлашган [15, С. 4], умумий майдони 100 гектардан ортиқ мазкур ёдгорлик қалъа, асосий турар жойлар қисми ва қабристондан иборат [5, С. 496-497; 12, С. 444-445; 15, С. 120]. Жарқўтон археологик мажмуаси Сополли маданиятига оид бўлиб, унинг турли хронологик босқичлари ҳақида маълумотлар беради.

Жарқўтон илк маротаба Қадимги Шарқ цивилизациясига хос деҳқончилик маданияти ёдгорлиги сифатида қаламга олинган [7, С. 87-97; 11, С. 44-53]. 1979-1988 йиллар мобайнида А.А. Аскарлов ва Т.Ш. Ширинов томонидан олиб борилган археологик изланишлар натижасида Жарқўтон олов ибодатхонаси, саройи ва қалъанинг мудофаа деворлари каби йирик иншоотларнинг ўрганилиши Жарқўтон ёдгорлигини илк шаҳар сифатида талқин қилишга имкон яратди [18, С. 16-17; 16, С. 7-27; 4, С. 168; 17, С.168]. Бу Ўзбекистон ҳудудида шаҳарларнинг вужудга келиши масаласига доир янгича ёндашув эди.

Жарқўтоннинг шимоли-ғарбий қисмида жойлашган тепалик тадқиқотчилар томонидан «қалъа» деб аталган. У топографик жиҳатдан бошқа тепаликлардан ажралиб туради. Унинг умумий майдони 3 гектар бўлиб, атрофи мудофаа девори билан ўралган.

Қалъада кенг кўламли археологик изланишлар олиб борилган. Унинг ғарбий қисмида қазилган стратиграфик шурф натижасида Сополли маданияти ашёлари билан бирга Кучук I даврига оид сополлар мажмуаси ҳам топилган [9, С. 17-19; 4, С. 217].

Т.Ш. Ширинов қалъанинг ғарбий қисмида сарой, жанубий-шарқий ва шарқий қисмларида мудофаа деворлари очиб ўрганди [17, С.168].

Жаркўтоннинг турар жойлар худуди қалъанинг шимоли-шарқий, шарқий ва жанубий томонида жойлашган. У саккизта тепаликлар мажмуасидан иборат. Бу тепаликларда У.В. Раҳмонов археологик ишларни олиб борган [25, С. 19].

Жаркўтонда 1979-1982 йилларда иккита патриархал оила яшаган уйлар ўрни ўрганилган. Бу тепаликда тўртта қурилиш даври кузатилган. Уй поллари, тош йўлаклар ва деворлар тагига кўмилган Жаркўтон даврига оид қабрлар очилган бўлиб, уларнинг ўрганилиши натижалари У.В. Раҳмоновнинг ишида ёритилган [25, С. 6-9].

Топографик жиҳатдан Жаркўтон тепаликлари бир-биридан унчалик фарқ қилмаса-да, улар орасида энг баланд тепалик Жаркўтоннинг марказий қисмида жойлашган. Бу ерда А.А. Аскарлов ва Т.Ш. Ширинов томонидан Жаркўтон олов ибодатхонаси очилган. Улар ибодатхонада учта қурилиш даври бўлганлигини аниқлаганлар. Мазкур даврлар ўз навбатида – Жаркўтон, Кўзали, Мўлали даврига оидлиги қайд этилган [16, С. 7-24].

Олов ибодатхонасининг кашф этилиши Ўзбекистон бронза даври археологиясида янгилик бўлиб, кўлга киритилган маълумотлар дин тарихини янгича қарашлар асосида ўрганилишига хизмат қилди.

А.А.Аскарлов ва Б.Н.Абдуллаевлар Жаркўтон қабристонини археологик материалларини ўрганиб Мўлали комплексини Кўзали ва Мўлали хронологик босқичларга ажратганлар [1, С. 22-34; 15, С. 8]. Дафн маросимларини ўрганиш ва кўлга киритилган маълумотлар бронза даври урф-одатлари, эътиқодлар ва ижтимоий тизимни таҳлил қилишга имкон берди.

Кўзали Жаркўтоннинг кейинги босқичи бўлиб, бу даврда дафн қилиш анъаналари давом этади. Кўзали босқичи қабрларида икки ҳолатда жасад тиззаси кўтарилган ва ўтирган ҳолатда топилган [15, С. 12]. Қабрларнинг аксарияти талон-тороғ қилинган, суяклар сочиб ташланган ҳолда топилган.

Кўзали босқичининг ўзига хос хусусиятларидан бири – қабр ашёларининг кескин камайиши ва маросим идишларининг қатъий стандарлаштирилиши, ҳамда қабрларда маиший турмушда фойдаланилган буюмлар билан параллел равишда вотив* – диний маросимларда

* Вотив буюмлар – маъбудларёки авлиёларга назр-ниёз қилинган ёки миннатдорчилик белгиси сифатида ҳаля тарихида олиб келинган буюмлар. Вотив буюмлар заргарлик буюмлари, қимматбаҳо матолар, идишлар.

маъбудаларга миннаторчилик рамзи сифатида эҳсон тариқасида тайёрланган турли буюмларнинг ҳам пайдо бўлишидир [15, С. 13].

Илк Жарқўтон қабрлари тузилиши ва ашёлари Сополлитепа қабрларидаги умумий ўхшаш хусусиятларидан бирмунча ажралиб туриши ҳолатлари аниқланган.

Жарқўтон ёдгорлигида ибодатхона, ҳукмдорлар саройи каби монументал иншоотлар очилган. Шу манбалар асосида А.А. Аскарлов ва Т.Ш. Ширинов илк шаҳарларнинг назарий асосларини Жарқўтон ёдгорлиги мисолида кузатдилар [17, С. 46-54]. Бронза даврида шаҳарларнинг шаклланиши масаласи Ўзбекистон археологиясида илк бор илгари сурилди. Бундан аввал шаҳарлар Ўзбекистон ҳудудида илк темир даврида вужудга келган деб ҳисобланган.

Жарқўтон ёдгорлигида олиб борган тадқиқотлари натижасида бу ерда ўтроқ деҳқончилик маданиятининг ривожланганлиги ва деҳқончиликда сунъий суғориш тизими кашф этилганлиги, Бўстонсойдан ирригация каналлар орқали янги ерларга сув чиқарилганлиги, ерни ишлашда омондан ва хайвон кучидан фойдаланилганлиги исботлаб берилган [17, С. 77].

Ўтган асрнинг 70-йилларида Сурхон воҳаси бронза даври ёдгорликлари ҳақида янги маълумотлар қўлга киритилди.

Сурхондарё вилояти Шўрчи туманида Мўлали ёдгорлиги кашф этилди. Мўлали бронза даврига оид бўлиб, Сополли маданиятининг сўнгги босқичига доир бир нечта қабрлар очиб ўрганилган. Қадимги қабристон экин майдонларини кенгайтириш, умуман, ерларни ўзлаштириш давомида бузиб ташланган. Қабрлардан бронза даврига тегишли меҳнат қуроллари ва сопол парчаларигина топилган [19, С. 35-51].

Бу қабрларни 1973 йили археологлар З.А. Ҳакимов ва Т.В. Беляевалар ўрганадилар. Натижада қабрлар тўғрибурчакли, айримлари айлана шаклда бўлиб, бошқа бирларининг шакллари бузилиб, суяк қолдиқлари ва кузатув асносида қабрга қўйилган ашёлар қабр бўйлаб сочилган ҳолатда топилган. Марҳумлар бош қисми шимолий шарқга, айримлари шарқга қаратилиб букилган ҳолда қабрларга қўйилган.

Қабрларда Сополли маданиятига хос бўлган сопол идишлар ва бронзадан ишланган буюмлар ва тилла сирға топилган. Қабрларга қўйилган буюмларнинг кўпчилигини сопол идишлар ташкил этган. Булар баланд оёқли вазалар, таги конуссимон кўзалар, таглик устига қўйилган текис туваклар, лаганлар, цилиндрсимон идишлардир.

хайкалчалар ва бошқа мўъжизавий рамзий маънога эга бўлган нарсалар бўлиши мумкин. (Большая российская энциклопедия).

Шунингдек бронза даврига оид манзилгоҳ қолдиқлари аниқланди. У сой бўйлаб чўзилган бир нечта адирликларда жойлашган бўлиб, унинг майдони 1 гектарга тенг бўлган. Аҳоли турар жойи худудини сой суви ювиб, адирлик бўйлаб пайдо бўлган жарлик, чуқурликларлардаги маданий қатламларнинг табиий қирқимини вужудга келтирган.

1974 йилда Шеробод воҳасидаги Бўстонсой бўйида жойлашган бронза даврига оид Бўстон манзилгоҳи (Бўстон 4) ва қадимги қабристон (Бўстон 1,2,3,5) топиб текширилган. Қазиб очилган қабрларда турли археологик материаллар топилган [4, С. 57–58; 26, С. 35-43]. Бу ерда Бўстон 1-5 қабристонлари очилган бўлиб, тадқиқотлар натижасида қабрлар вайрон этилганлиги, суякларни янчилганлигини кўриш мумкин. Шунга қарамадан, маълум бир даражада аниқликларни, масалан, аксарият қабрларнинг жойлашуви шимоли-ғарбдан жануби-шарққа томон йўналтирилган бўлиб, қабрлар орасида кенотаф, баъзиларида мурдаларни куйдирилиб дафн қилинган ҳолатларни ҳам кўриш мумкин [4, С. 7-59]. Амалга оширилган тадқиқотлар туфайли Сополли маданиятига оид ёдгорликлар манзилгоҳ ва алоҳида қабристонлардан иборат бўлганлиги аниқланди.

Сополли маданияти сопол идишлари бошқа деҳқончилик марказлари Мурғоб воҳаси ёдгорликлари (Аучинтепа, Тохирбой 3), Жанубий Туркманистон тоғ этақларидаги манзилгоҳлари мос қатламлар (Олтинтепа, Номозгоҳтепа, Улуғтепа ва бошқ.), Жанубий Афғонистон (Мундигак IV) материаллари билан солиштирилиб бир-бирига яқинликни аниқлаган ва Сополли маданияти сопол идишларидаги ўзига хослик Номозгоҳ маданияти комплекслари билан бир хил деган хулоса чиқарган [4, С. 90]. Қиёслаш асосида Сурхон воҳаси бронза даври аҳолиси моддий маданият белгилари жиҳатдан Копетдоғнинг этақлари ва қуйи Мурғоб деҳқончилик маданиятига яқин бўлганлиги аниқланди.

Жарқўтон материаллари Мўлали даври комплекси тўлиқлигича Мурғоб воҳасидаги Тохирбой 3 ва Тожикистоннинг жанубий-ғарбий туманларидаги Бешкент маданиятининг илк Тулхар қабристони ва Вахш маданиятининг Тигровая Балка қабристони комплекслари билан ўхшаш ёки бир вақтда ривожланганлиги қайд қилинган. Бу ёдгорликлар мил. авв. II мингйилликнинг учинчи ва тўртинчи чораклари билан саналанган ва Мўлали босқичини хронологиясини мил.авв. 1350-1000 йиллар деб кўрсатилган [4, С. 105].

А.А. Аскарлов томонидан Сополли, Жарқўтон, Мўлали ёдгорликларининг ўрганилиши натижасида Жанубий Ўзбекистон бронза даври маданиятининг ривожланиши уч босқичга, яъни Сополли (мил.авв. 1700-1500 йиллар), Жарқўтон (мил. авв. 1500-1350 йиллар) ва мил.авв.

1350- 1000 йилларни ўз ичига олган Мўлали босқичларига ажратилган [4, С. 90-105].

Жарқўтон босқичида қабристондан топилган археологик топилмалар таҳлили Сополитепанинг юқори қатлами, Даштли 3, Мундигак IV, Аучин – депа, Хисор III, Шохтепа II ва Туранг III манзилгоҳлари билан ўхшаш тарзда ривожланганлиги кўрсатади. Сопол идишлар ва металл буюмлар бир-бирига ўхшайди.

Тадқиқотчиларнинг таъкидлашича, бу даврда тош ва бронзадан ясалган ашёлар ҳам Кўзали босқичининг юксак даражада ривожланганлигидан далолат бериб, хусусан бронза билагузуклар Ўрта Осиё ва Қозоғистоннинг дашт маданияти, Сибир ва Уралолдининг ёғочбанд маданияти учун характерлидир [15, С. 41].

Сопол мажмуаларини қиёслаш натижасида Кўзали босқичи Тохирбой 3, илк Тулҳар ва Тигровая балка комплекслари билан синхрон тарзда ривожланганлигини кузатиш мумкин. Шу асосда унинг санаси мил. авв. II мингйилликнинг учинчи чораги охири – тўртинчи чораги бошлари деб белгиланган ва Сополли маданиятининг Кўзали босқичи хронологияси мил. авв. XIII-XII асрлар деб кўрсатилган [15, С. 42].

Мўлали босқичи – Сополли маданиятининг сўнгги яқунловчи босқичи бўлиб, бу даврда аввалги анъаналар давом эттирилган. Мўлалининг санасини аниқлашда дастгоҳда ясалган идишлар асосий бошланғич материаллар бўлиб хизмат қилган.

Бу каби сопол турлари Жанубий Тожикистондан (Нурек, Тандирйўл, Заркамар қабристонлари) [24, С. 165-180; 22, С. 567-568] топилган сополлардан деярли фарқ қилмайди.

Мўлали босқичининг сопол идишлари Ўрта Осиё, Эрон ва Афғонистондаги археологик ёдгорликлардаги идишлари билан таққосланганда, хронологик жиҳатдан Бўстон 3, Мўлали, Нурек, Тандирйўл, ва Заркамар қабристонлари билан замондош бўлиб, яъни мил. авв. XI-X асрлар деб қайд этилган [15, С. 44].

А.А. Аскарлов ва Б.Н. Абдуллаевларнинг тадқиқотлари натижасида Сополли маданиятининг Мўлали даври – Кўзали (мил.авв. 1300-1200 йиллар) ва Мўлали (мил.авв. 1200-1000 йиллар) босқичларига бўлинган [1, С. 33-38; 2, С. 22-34; 15, С. 32-44].

А.С. Сағдуллаевнинг фикрига кўра, Сурхон воҳаси бронза маданиятини даврлаштиришда фақат Сополли ва Мўлали босқичларини археологик материаллар асосида бир-биридан аниқ ажратиш кўрсатиш мумкин, Сополли маданиятининг сўнгги босқичи эса мил. авв. 1300-1000 йилларга оиддир [27, С. 14-15].

Бизнингча, Сополли маданиятининг ривожланиш давлари саналарини аниқлаш пайтида, ёдгорликларнинг нисбий хронологияси

аниқланган, холос, чунки Сополли маданиятининг ривожланишида бир даврнинг тугаши ва янги босқич бошланишининг мутлоқ санасини аниқлаш мураккаб вазифадир.

У.В. Рахманов мавжуд баҳс-мунозараларга эътибор бериб, Сополли ва Жарқўтон босқичларининг сопол идишлари, умумий археологик мажмуасининг илк ва сўнгги босқичига оид деган хулосага келган [25, С. 2-18].

Шуни таъкидлаш жоизки, Жанубий Ўзбекистон бронза маданиятининг даврлаштирилишида сопол идишлар мажмуалари муҳим аҳамиятга эга бўлган. Бу муаммони В.И. Ионесов умумлаштириб, Сополли маданиятининг босқичлари (Сополли, Жарқўтон, Кўзали ва Мўлали) мил.авв. 1700-950 йиллар давомида ривожланган деб хулоса чиқарган [21, С. 8-11].

Сополли ва Жарқўтон каби ёдгорликларнинг ўрганилиши шуни кўрсатдики, дастлаб илгари сурилган вазифалар ичида ёдгорлик топографияси ва стратиграфиясини аниқлаш, археологик топилмаларни таҳлил қилиш ва тизимлаштириш, уларни Ўрта Осиё жануби миқёсида ўрганилган бронза даври материаллари билан қиёслаш ҳамда ёшини, нисбий хронологиясини аниқлаш катта аҳамият касб этган.

Умуман олганда, XX асрнинг 60 - 80 - йилларида Жанубий Ўзбекистон бронза даври ёдгорликларининг ўрганилиши натижасида муҳим археологик маълумотлар қўлга киритилган. Уларнинг ўрганилиши натижасида қуйидаги масалалар таҳлил қилинган:

Жанубий Ўзбекистонда қадимий деҳқончилик марказларининг шаклланиши ва уларнинг жойлашувини районлаштириш;

Сополли маданияти ёдгорликлари, бронза даври сопол идишлари, меҳнат қуроллари ва яроғ-аслаҳалари;

Сополли маданияти тарихининг даврлаштириш ҳамда Сурхон воҳасида деҳқончиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши муаммолари; бронза даври меъморчилиги ва бинокорлик усуллари [4, С. 231].

Адабиётлар рўйхати:

1. Абдуллаев Б.Н. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана // ОНУ, 1977. №1. – С. 33-38.

2. Абдуллаев Б.Н. Могильник Джаркутан // ИМКУ, 1979. Вип. 15. – С. 22-34.

3. Альбаум Л.И. К датировке верхнего слоя Кучуктепе // ИМКУ. Вып. 8. 1969. – С. 69-79.

4. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т: Фан, 1977. – 231 с.

5. Аскарлов А.А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии // АО 1974 – М: Наука, 1975. – С. 496-497.
6. Аскарлов А.А. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана // ОНУ. 1971. № 8. – С. 40-43.
7. Аскарлов А.А. Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном // Древние культуры Средней Азии и Индии. – Л: Наука, 1984. – С. 87-97.
8. Аскарлов А.А. Раскопки на поселении Сапалли – тепе // АО 1971. – М: Наука, 1972. – С. 510-511.
9. Аскарлов А.А. Расписная керамика Джаркутана // БД. – Л: Наука, 1976. – С. 17-19.
10. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. – Т: Фан, 1973. – 172 с.
11. Аскарлов А.А. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации // Древние цивилизации Востока. – Т: Фан, 1986. – С. 44-53.
12. Аскарлов А.А. Раскопки поселения Джаркутан // АО 1979. – М: Наука, 1980. – С. 444-445.
13. Аскарлов А.А. К вопросу о выделении культуры Сапалли // Древняя Бактрия. – Л: Наука, 1974. – С. 26-32.
14. Аскарлов А.А. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана // ОНУ. 1971. № 8. – С. 40-43.
15. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). – Ташкент, Фан, 1983. – 120 с.
16. Аскарлов А.А., Широшов Т.Ш. Древнебактрийский храм огня на Джаркутане // Культура Среднего Востока. – Т: Фан, 1989. – С. 7-27.
17. Аскарлов А.А., Широшов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1993. – 116 с.
18. Аскарлов А.А., Широшов Т.Ш. Раскопки монументального храма на Джаркутане // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках, искусства архитектуры и археологии. – Ташкент, 1985. – С. 16-17.
19. Беязева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. – Т: Изд-во Гафурагуляма, 1973. – С. 35-51.
20. Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган // МИА. №37, 1953. – С. 178-189.
21. Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1990. – С. 8-11.

22. Литвинский Б.А., Антонова Е.В., Виноградова Н.М. Раскопки могильника Тандырйул //АО 1975. – М, 1976. – С. 567-568.
23. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. – Л., 1968. №145. – 162 с., илл.
24. Пьянкова А.Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА. – М.,1974. №3. – С. 165-180.
25. Рахманов У.В. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1987. – С. 19.
26. Рахманов У.В. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4 // ИМКУ. 1979. Вып. 13. – С. 35-43.
27. Сагдуллаев А.С. К изучению поселения Муллали // Краеведение Сурхандарьи. – Т: Узбекистан, 1989. – С. 14-15.

Тогаев Ж.Э.

Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси

КАФЕДРА БИТИРУВЧИЛАРИНИНГ ЖАНУБИЙ ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЯТИ ВА ТАРИХИНИ ЎРГАНИШГА ҚЎШГАН ҲИССАСИ

Минтақада археолог мутахассислар тайёрлашда ҳозирги Ўзбекистон Миллий университети археология кафедрасининг хизмати катта. Маълумки, 1940 йил 1 апрелда М.Е.Массон раҳбарлигида Ўрта Осиё археологияси кафедраси таъсис этилган бўлиб, ушбу кафедрада М.Е.Массондан ташқари Т.Г.Оболдуева ва М.В.Ворансовлар бор эди [1, Б. 7]. Ўрта Осиё археологияси илмий мактаби битирувчилари нафақат минтақада балки бутун дунёга машҳур археологлар ҳисобланади.

Кафедра битирувчилари томонидан олиб борилган тадқиқотлар минтақанинг, жумладан Жанубий Ўзбекистоннинг (Сурхон воҳаси) тарихи ва маданиятини ўрганишда муҳим аҳамият касб этади.

Сурхон воҳасининг бронза ва илк темир даври тарихи ва маданиятини ўрганилишига катта ҳисса қўшган бир қатор олимлар – Л.И.Альбаум, Э.В.Ртвеладзе, Т.В.Беляева, З.А.Ҳақимов, Ш.Р.Пидаев, А.С.Сагдуллаев, Ш.Б.Шайдуллаев, У.В.Раҳмонов тадқиқотларини кайд этиб ўтиш жоиз.

Сурхон воҳасининг антик ва илк ўрта асрлар тарихи ва маданиятини тадқиқ этишда Л.И.Альбаум, Э.В.Ртвеладзе, Б.А.Турғунов, Д.Г.Сидорова, Т.В.Беляева, Ш.Р.Пидаев, Е.Г.Некрасова, М.Х.Исхаков, Ш.Раҳмонов, Т.Аннаев, Дж.Я.Ильясов, С.Савчук-Қурбонов, С.Б.Болелов, Л.М.Сверчков, Н.Д.Двуреченская, А.А.Восковский, Т.К.Мкртычев,

О.В.Двуреченский каби кафедра тадқиқотчиларининг хизмати алоҳида диққатга сазовор.

Кафедра битирувчиларининг Жанубий Ўзбекистон қадимги давр тарихи ва маданиятини ўрганишдаги муҳим тадқиқотларини қайд этиш мақсадга мувофиқ. Жумладан, Л.И.Альбаум томонидан 1949 йилда Сурхондарё вилоятининг ҳозирги Ангор шаҳридан 4 км жануби-шарқий қисмида Болаликтепа ёдгорлиги аниқланган бўлиб, 1953-1955 йилларда ёдгорликда кенг кўламли тадқиқотлар олиб борилган. Болаликтепадан аниқланган деворий суратлар нафақат Ўзбекистон балки, Шарқ маданияти тарихида ҳам муҳим аҳамиятга эга [2]. 1968 йилда Фаёзтепа ёдгорлиги аниқланиб, ёдгорликда кенг кўлмали тадқиқотлар эса 1969-1976 йиллар давомида олиб борилди.

Л.И.Альбаумнинг Кучуктепада олиб борган ишлари асосида Жанубий Ўзбекистонда илк бор сўнгги бронза ва илк темир даври меъморчилиги, хўжалик, хунармандчилик ва маданият соҳаларини қайта тиклаш имкони пайдо бўлди [3]. Л.И. Альбаум бошчилигидаги археологлар гуруҳи Кучуктепадан сўнг, Музрабод худудида қидирув ишларини давом эттириб, 1968 йилда Сополлитепа ёдгорлигини очди.

Э.В.Ртвеладзенинг Сурхон воҳаси археологик картографиясига доир тадқиқотлари, воҳа ёдгорликлари хариталарини тузиш ва қадимги Бактрия тарихий географиясини янги асосларда очиб беришга хизмат қилди [4, Б. 262-266].

1959 йилдан бошлаб Г.А.Пугаченкова ташаббуси билан Ўзбекистон Санъатшунослик экспедицияси ташкил этилди. Мазкур экспедиция таркибида Ўрта Осиё давлат университети (ҳозирги Ўзбекистон Миллий университети) Археология кафедраси олимларининг хизмати ҳам катта. 60- йилларда экспедиция томонидан Холчаён, Далварзинтепа, Хотинрабод, Шўртепада муҳим изланишлар олиб борилди.

Далварзинтепа (Б.А.Турғунов, Э.В.Ртвеладзе, Т.В.Беляева, Е.Г.Некрасова, Дж.Я.Ильясов, С.Савчук-Қурбонов), Кампиртепа (Э.В.Ртвеладзе, Дж.Я.Ильясов, С.В.Болелов, Л.М.Сверчков, Н.Д.Двурченская, А.А.Восковский), Қўрғонзол (Л.М.Сверчков), Узундара (Н.Д.Двурченская) каби ёдгорликларнинг аниқланиши ҳамда илмий жиҳатдан ўрганилишида кафедра битирувчиларининг ўрни беқиёс. Шуниси ҳам аҳамиятлики, ўтган асрнинг 70-80-йилларида академик Г.А.Пугаченкова раҳбарлигидаги Ўзбекистон санъатшунослик экспедицияси ТошДУ археолог ва тарихчи талабаларининг дала археологика амалиёти таянч марказига айланган (амалиёт Далварзин, Қизилтепа ва Бандихон ёдгорликларида амалга оширилган).

Жанубий Бактрияда (Шимолий Афғонистон) Р.Х.Сулейманов, З.А.Хакимов, Ш.Р.Пидаев каби олимлар ўз вақтида иштирок этишган.

XX асрнинг 70-80 йиллари Сурхон-Шеробод воҳаларидаги бронза ва илк темир даврига оид ёдгорликларда (Мўлали, Қизилтепа, Қизилча 6, Бандихон 1, 2, Жарқўтон, Талашкан ва бошқ.) амалга оширилган тадқиқотлар катта аҳамиятга эга бўлиб, қўлга киритилган материаллар тарихий-маданий жараёнларни қайта тиклашга янги имкон яратди [5].

1973 йилда Ш.Пидаев ва В.Пилипколар Шеробод дарёси ўзанларидан бири ҳисобланган Бўстонсойнинг чап соҳилидаги жарликларидан сопол парчаларини топишади. Шундан сўнг 1973 йилнинг кузидан бошлаб А.Асқаров раҳбарлигида мазкур худуддаги Жарқўтон манзилгоҳида кенг кўламли археологик изланишлар олиб борилди. Шунингдек, Ш.Пидаев томонидан Шимолий Бактрия кушон даври ёдгорликлари атрофлича тадқиқ этилган [6].

А.С.Сагдуллаев томонидан Бандихон, Қизилтепа, Қизилча (Бактрия) ёдгорликларида аниқланган муҳим илмий материаллар тарих фанига жорий этилган, шунингдек, милoddан аввалги VII-IV асрларга оид қадимий деҳқончилик уй-қўрғони Қизилча 6 бутунлай қазиб очилган. Кашфиётлар натижаларидан илк темир даври Ўрта Осиё археологиясининг асосий илмий муаммоларини ўрганишда фойдаланилган.

У.В.Рахмонов бронза даври ёдгорликларини (Жарқўтон, Бўстон) тадқиқ этган бўлиб, олимнинг илмий ишида бронза даври кулолчилиги масалалари [7] таҳлил этилган.

Ш.А.Рахмонов бошчилигида 1989-1993 йилларда Шеробод шаҳридан 4 км шимолда жойлашган илк ўрта асрларга оид Тавка ёдгорлиги [8] тадқиқ этилган. Ёдгорликда аниқланган деворий ранг-тасвир намуналари муҳим аҳамиятга эга.

Т.Д.Аннаев томонидан Эски Термиз, Қоратепа ёдгорликлари тадқиқ этилган, илк ўрта асрлар ёдгорликлари илмий жиҳатдан ўрганилган [9] бўлса, Ш.Б.Шайдуллаев томонидан Талашкан, Жарқўтон, Жондаваттепа, Кайрит, Бургут ёдгорликларида кенг кўламли археологик қазилмалар олиб борилган. Сўнгги йилларда Ш.Б.Шайдуллаев, А.Ш.Шайдуллаевлар томонидан Ўзбекистон-Чехия, Ўзбекистон-Германия, Ўзбекистон-Франция-Чехия халқаро археологик экспедициялари доирасида ҳам муҳим изланишлар олиб борган. Тадқиқот натижалари халқаро монографияларда [10] ҳам ўз ифодасини топган.

Ўрта Осиё археологияси илмий мактабининг муносиб давомчилари сифатида бугунги кунда ЎзМУ археология кафедрасида Р.Х.Сулейманов ва А.С.Сагдуллаевлар фаолият олиб боришмоқда. А.С.Сагдуллаев илмий раҳбарлигида Жанубий Ўзбекистон тарихи ва маданияти билан боғланган мавзулар доирасида изланишлар олиб борилмоқда, хусусан, 2018 йилда А.Ш.Шайдуллаевнинг “Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагитикаси”

мавзусидаги PhD диссертацияси мувафакқиятли химоя қилинди, 2020 йилда АЖ.Аннаевнинг “Тармита–Термиз буддавийлик ёдгорликлари тарихи ва маданияти” номли диссертацияси дастлабки муҳокамадан ўтди.

Ўрта Осиё археологияси илмий мактабининг ўзига хос анъаналарини давом эттириш, янги изланишлар ва кашфиётларни амалга оширишда кафедра битирувчиларига ижодий мувафакқият тилаб қоламиз.

Адабиётлар рўйхати:

1. Холиқова Р.Э., Чориев З.У. ТошДУ тарих факултети 60 ёшда. – Т., 1995. – Б. 7.
2. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. – Ташкент, 1960. – 228 с.
3. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. – Ташкент: Фан, 1979. – 112 с.
4. Ртвеладзе Э.В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. – М., 1975. №2. – С. 262-266.
5. Беляева Т.В., Хахимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1973. – С. 35-51; Пидаев Ш.Р. Открытие нового памятника середины I тыс. до н.э. // ОНУ. 1973. №11. – С. 77-82; Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. – Л., 1976. – С. 93-103; Пугаченкова Г.А. В поисках культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1989. – С. 7-12; Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент: Фан, 1987. – 136 с. илл.; ўша муаллиф. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1989. – С. 29-52; Рахманов У. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1987. – 19 с.; Сагдуллаев А.С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): Автореф. дисс... докт. истор. наук. – М.: МГУ, 1989. – 45 с.
6. Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии: Автореф. дисс... канд. Ист. наук. – Л., 1975. – 24 с.
7. Рахманов У. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1987. – 19 с.
8. Рахманов Ш. Тавка-Курган. – Ташкент, 2004.
9. Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. – Ташкент: Фан, 1988. – 141 с.
10. Абдуллаев К., Станчо Л., Шайдуллаев А., Тушлова П. Археологическое исследование Джандавлаттепа и Шерабадского района.

(10 лет Чешско-Узбекской археологической экспедиции). Прага: Изд. Карлов университет, 2013. – 91 с.; Sherabad oasis. Tracing Historical Landscape in Southern Uzbekistan / Stanco L., Tuslova P. (Editors). – Charles University: Karolinum Press, 2019. – 495 p.

Назаров А.Ё.

ЎЗМУ тарих факультети ўқитувчиси,

Адилов Ж.Х.

ЎзР ФА Тарих институти кичик илмий ходими

**ТУРКИСТОН АРХЕОЛОГИЯ ҲАВАСКОРЛАРИ ТЎГАРАГИ
ФАОЛИЯТИДАН ЛАВҲАЛАР
(ЎЗБЕКИСТОН МИЛЛИЙ АРХИВИНИНГ И-71 ФОНДИ АСОСИДА)**

Надо надеются, что “кружок любителей археологии” не будет понимать свои задачи слишком узко. Строгая специализация возможно в таких центрах просвещения, где почти каждая наука разрабатывается особым обществом; провинциальные общества для успеха дела должны широко открывать свои двери всем желающим сделать сообщение, имеющее какое-либо, хотя бы самое отдаленное отношение к специальности общества [1, Б. 486].

Маълумки, Туркистон генерал-губернаторлигида бир неча илмий жамиятлар фаолият юритган [Қаранг: 11]. Улар турли фан соҳалари нуктаи назаридан Ўрта Осиё ва унга ёндош худудларни тадқиқ этишган. Бундай жамиятлардан бири ўлка тарихини археологик жиҳатдан тадқиқ этиш мақсадида тузилган ва амалда ўлка тарихини кенг қамровли тарзда ўрганган Туркистон археология ҳаваскорлари тўғараги бўлган.

Тўғаракнинг ташкил топишида фаол қатнашган В.В. Бартольднинг маълумот беришича, ўлкада хизмат сафарида бўлган пайтида, 1893 йил 11 декабрь куни Табиатшунослик, антропология ва этнография рус императорлик жамиятининг Туркистон бўлими йиғилишида генерал-губернаторликда археология ҳаваскорлари тўғарагини таъсис этиш масаласи кўтарилди [1, Б. 487]. Бу борада В.В. Бартольд ва Н.П. Остроумовлар томонидан билдирилган фикрлар қизгин муҳокамага сабаб бўлади [12, Б. 37-38]. Йиғилиш давомида Тошкентда археология тўғарагини ташкил этишга қарор қилинади. Тез орада тўғаракни ташкил этиш лойиҳаси ишлаб чиқилади ва уни тасдиқлаш учун тақдим этиш ишлари бошланади [11, Б. 44]. Бу борада Туркистонда фаолият юритган олимлар, маориф соҳаси вакиллари ва ўлка бошқаруви органлари

ходимларининг Санкт-Петербургдаги олимлар билан ҳамкорликда олиб борилган ташкилий ишлари тўғарака фаолиятини йўлга қўйишга имкон яратди.

Натижада, Туркистон археология ҳаваскорлари тўғараги 1895 йил 19 октябрдаги Олий даражадаги (Россия императори Николай II нинг – *А.Н., Ж.Х.*) фармонга биноан ташкил этилди. Тўғарак низоми 1895 йил 31 октябрда Россия империяси Халқ маорифи вазири томонидан тасдиқланди [16, В. 2]. Ушбу низом 21 банддан иборат бўлиб, унга кўра тўғарак фаолияти қуйидагилардан иборат эди:

А) Туркистон ўлкаси ҳудудида жойлашган қадимий обидаларни ўрганиш.

Б) уларнинг тавсифини ва ўлка археологик харитасига қайд этилишини амалга ошириш.

В) археологик обидаларни кўриқлаш.

Г) археологик қазув ишларини амалга ошириш.

Д) маҳаллий археологик материалларни нашр учун қайта ишлаш [16, В. 2].

Шунга қарамай тўғарак ўлка тарихини фақат археологик жиҳатдан эмас, балки этнологик, лингвистик, эпиграфик, манбашунослик ва бошқа жабҳаларда ҳам тадқиқ этган. Тўғарак аъзолари археологик тадқиқотлардан ташқари медиавистик, генеалогик, нумизматик ва бошқа тадқиқотларни амалга оширган.

Тўғарак низомга кўра унинг фахрий раиси ўлка генерал-губернатори бўлган. Тўғарак фахрий ва ҳақиқий аъзолар ҳамда тўғарак ходимларидан иборат бўлган [16, Ов. 2]. Тўғарак ташкил топган вақтда унинг фахрий раиси – ўлка генерал-губернатори барон А.Б. Вревский бўлган. Тўғаракнинг таъсисчи аъзолари сифатида К.В. Аристов, В.В. Бартольд, С.М. Граменицкий, Н.Л. Зеланд, Ф.М. Керенский, Н.С. Ликошин, В.П. Наливкин, Д.В. Назаров, В.Ф. Ошанин, Н.П. Остроумов, В.О. Преображенский ва бошқалар қайд этилган [17, В. 38а].

Ушбу таъсисчилар ва аъзолар орасида Туркистон генерал-губернаторлигида фаолият юритган олимлар ва маориф соҳаси вакиллари, йирик амалдорлар ҳамда ҳарбийлар бўлган. Тўғаракка нафақат ўлкадаги тадқиқотчилар балки Россия империясининг марказий губернияларида фаолият юритувчи тадқиқотчилар ҳам аъзо бўлишган.

Тўғарак ўз фаолияти давомида Санк-Петербург ва Москвада фаолият юритувчи йирик тарихчи олимлар билан алоқада бўлган. Ҳатто ушбу тўғаракнинг ташкил этиш ғояси ҳам петербурглик машҳур олим В.В. Бартольднинг ташаббуси ва саъй-ҳаракати билан амалга оширилган [17, В. 38б].

Тўғарак аъзолари орасидан унинг фаолиятини амалга ошириш учун бир йил муддатга вице-раис, котиб ва ғазначидан иборат бошқарув органини сайлашган [16, В. 3]. Вице-раис тўғаракнинг бошқарув азолари ва умумий мажлисини чақириш ишларига маъсул бўлган, ғазначи тўғаракнинг молиявий масалаларига маъсул бўлган, котиб тўғаракнинг бошқаруви ҳамда умумий мажлис йиғилишлари баённомаларини юритган [16, В. 3]. Тўғарак ишини ташкиллаштириш 1895 йилдан то унинг фаолияти тугатилгунига қадар (1917 й.) вице-раис Н.П. Остроумов томонидан амалга оширилган.

Тўғарак топшириғи ва унинг бошқарувида Туркистон генерал-губернаторлиги ва унга ёндош худудларда кўплаб археологик ёдгорликлар тадқиқ этилади, бир неча янги топилмалар илмий муомалага киритилади. Ушбу тўғарак фаолияти унинг ҳаваскор аъзолари томонидан академик тарзда олиб борилмаса ҳам, аммо кейинчалик тўғарак фаолияти натижалари Ўрта Осиё археологияси, ҳамда тарих фани тарихи ривожини учун замин яратган.

Шу боис ушбу тўғарак фаолияти турли тарихий тадқиқотлар обектига айланган, уларда тўғарак фаолияти батафсил ёритилган [1, Б. 485-487; 6, Б. 520; 13, Б. 5-40; 8, Б. 45-69; 10, Б. 320; 15, Б. 189-195; 2, Б. 47-59; 3, Б. 28-45; 4, Б. 90-97; 5, Б. 171-196; 22, Б. 60-66; 23, Б. 97-102; 7, Б. 139].

Ҳозирда ушбу тўғарак фаолияти натижасида юзага келган архив фонди Ўзбекистон Республикаси Марказий Давлат архивидаги И-71 жамғармаси сифатида сақланмоқда [21, Б. 143]. Ушбу фонд битта рўйхатга бирлаштирилган 30 та йиғма жилддан иборат. Фонд таркибига кирувчи йиғма жилдлар тўғаракнинг ташкил топиши ва фаолиятига оид ҳужжатлар: унинг низоми, аъзоларининг рўйхати, тўғарак аъзолари, йиғилиш баённомалари, маҳаллий тадқиқотчилар, метрополия ва хориждаги тадқиқотчилар билан ёзишмалар, тўғарак фаолиятига доир ҳисоботлар мавжуд [21, Б. 143]. Фонд таркибига кирувчи ҳужжатлар орасида, шунингдек юқори илмий аҳамиятга эга бўлган тўғарак томонидан ташкил этилган археологик казишмалар натижалари, обидаларни сақлаш ва реставрация қилиш ишлари, эпиграфик ва нумизматик тадқиқотлар, тарихий афсоналар, генеологик тадқиқотлар, Бухоро амирлиги худудидаги археологик разведка ишлари ҳақида маълумотлар мавжуд [21, Б. 143].

Фондда тўғарак фаолиятини ҳар тарафлама ёритувчи ҳужжатлардан бири тўғарак фаолиятининг йиллик ҳисоботлари ҳисобланган. Хусусан, тўғаракнинг дастлабки бир йиллик фаолияти (1895 йил 11 декабрдан – 1896 йил 11 декабр гача) ҳисоботида [18, В. 52-60] тўғарак аъзолари томонидан белгиланган ишлар амалга оширилганлиги қайд этилган.

1896 йил 22 январдаги тўғарак йиғилишида Е.Т. Смирнов “Тошкент шаҳри атрофидаги қадимги обидалар” номли илмий ахборотини маъруза қилган. Кейинчалик ушбу маъруза материаллари “Средная Азия” тўпламида нашр этилиши белгиланган эди [18, В. 55]. Ушбу йиғилишда Х.Б. Гемлон қадимий Бухоро тангаларини Туркистон Археология ҳаваскорлар тўғарагига совға қилган [16, В. 22]. Шунингдек йиғилиш баённомасида Самарқанд-Андижон темир йўл қурилиши даврида топилган қадимий топилмалар тўғаракка олиб келиб топширилиши белгилаб кўйилган [16, В. 23]. Яна тўғарак аъзо-тасисчиси Д.В. Назаров томонидан Археология ҳаваскорлар тўғараги аъзолари учун махсус жетон лойихаси намойиш қилинган. Йиғилиш қарорида ушбу жетонни ҳажмини кичикроқ ва “Т.А.К.” ҳарфлар монограммасидан иборат кўринишда лойихалаш сўралган [16, В. 23]. Ушбу жетоннинг кейинчалик тайёрланган лойиҳасини архив ҳужжатларидан ҳам кўришимиз мумкин (I илова) [19, В. 29].

1896 йил 3 июндаги йиғилишда жамиятнинг ҳақиқий аъзоси В.В. Бартольднинг Петербургдан жўнатилган “*Несколько слов об арийской культуры в Средней Азии*” номли илмий реферати муҳокама этилади [18, В. 57].

В.В. Бартольд шунингдек, Наршахийнинг “*Бухоро тарихи*” асарини рус тилига ўгиришни мақсадга мувофиқ деб билади. Бу ишни ўз зиммасига тўғарак аъзо-котиби Н.С. Лыкошин олади [18, В. 57-58]. Дарҳақиқат ушбу асарнинг рус тилига биринчи таржимаси Н.С. Лыкошин томонидан амалга оширилган ва 1897 йилда Тошкентда нашр этилган [14]. Шунингдек Бартольд топшириғига кўра тўғарак аъзолари С.Н. Жилинский, П.С. Скворскийлар томонидан Бухоро яқинидаги Пойкент шаҳри қолдиқлари, Ўратепа яқинидаги Шахристон ёдгорликлари тадқиқ этилган [18, В. 57]. Айнан шу йиғилишда С.М. Граменицкий томонидан тузилган “Туркистон археология ҳаваскорлар тўғараги муҳбир аъзолари учун йўриқнома” ўқиб эшиттирилади.

Тўғарак фаолияти давомида кенг илмий доирани қамраб олишга ҳаракат қилган эди. Ўз йиғилишлари баённомаларини нашр этар ва кенгайишга интилар эди. Хусусан, 1903 йилда Ашхабодда тўғаракнинг алоҳида бўлинмаси ташкил этилган бўлиб, у ўз фаолиятини 1914 йилдан бошлаган. Тўғарак ихтиёрида катта миқдордаги археологик ва нумизматик коллекция жамланган бўлиб, кейинчалик улар Тошкент музейига ҳадя этилган. Тўғарак аъзолари томонидан кўнлаб археологик қазишмалар амалга оширилган бўлиб, улар сирасига Пойкент (А.И. Кастанье иштирокида), Шахристон (Ўратепа яқинида), Ўтрор ва Самарқанд ҳаробаларини тадқиқ этилишини киритиш мумкин. Тўғарак шунингдек, соф тарихий тадқиқотларни ҳам нашр этиш ва ўлкадаги ўрта аср

ёдгорликларии саклаб қолиш ишларини амалга оширишга ҳаракат қилган[9, Б. 155-165].

Тўғарак аъзолари орасида маҳаллий вакилларнинг ҳам бўлганлиги ва улар фаол тарзда унинг фаолиятида катнашганлиги ҳам И-71 фонди ҳужжатларида акс этган. Хусусан, тўғарак аъзолари сирасига Саидгани ва Саидкарим Саидазимбоевлар, генерал Жўрабек, полковник Бобобек, Шерали Лапин, Орифхўжа Азизхўжаев, Исамухаммедов Мирзо Абдулла ва бошқалар кирган. Шунингдек, тўғарак аъзолигига эга бўлмаган маҳаллий аҳоли билан фаол ҳамкорлик олиб борилган. Бунга машҳур Исҳоқхон Ибрат (ҳақиқий исми Исҳоқхон Тўра Жунайдулло хўжа ўғли) нинг Н.П. Остроумовга Аҳсикент харобаларидан топилган буюмларни музейда саклаш учун юборганлиги ва ёдгорлик ҳақида маълумот берувчи хати ёрқин мисол бўла олади (II илова) [20, В. 49].

Бу сингари ҳужжатлар асосида ўлкада археология фанининг вужудга келиши ва ривожланиши, дастлабки тарихий тадқиқотлар, XIX аср охири ва XX аср бошларида Туркистон генерал-губернаторлик ҳудудида мавжуд бўлган тарихий обидаларни тарихи, уларни саклаш ҳамда қайта тиклаш ишларига оид маълумотларни илмий муомалага киритиш мумкиндир. Шунинг учун ҳозирда Ўзбекистон Миллий архивида сакланувчи И-71 жамғармасини архив манбашунослиги нуқтаи назаридан таҳлил этиш ва ундаги маълумотларни замонавий тарихий методлар ёрдамида чуқурроқ ўрганиш лозим. Бу эса ўз навбатида XIX аср охири ва XX аср бошларида ўлкада тарих фани ривожини тадқиқ этиш имконини беради. Қолаверса жамғарма таркибига кирувчи этнологик, лингвистик, генеалогик, палеографик, эпиграфик, географик ва топографик маълумотлар алоҳида фан соҳалари ҳамда фан тарихи бўйича манба сифатида тадқиқотчилар томонидан фойдаланилиши мумкин.

Адабиётлар рўйхати:

1. Бартольд В.В. Новое научное общество в Ташкенте / Сочинения. Т. IX. М.: Наука, 1977;
2. Германов В.А. Деятельность историков колониальный период. Первые исторические исследования в Туркестане (начало XX века – 1917 года)// Очерки историографии Узбекистана в XX столетии. Ташкент: Yangi nashr, 2011. 47-59-б.;
3. Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии. Протоколы туркестанских мудрецов// История и жизнь. Альманах. Издание международного историко-генеалогического товарищества «Родознатец». Издательство “Lulu inc.” 2010. Октябрь. №5. 28-45-б.;

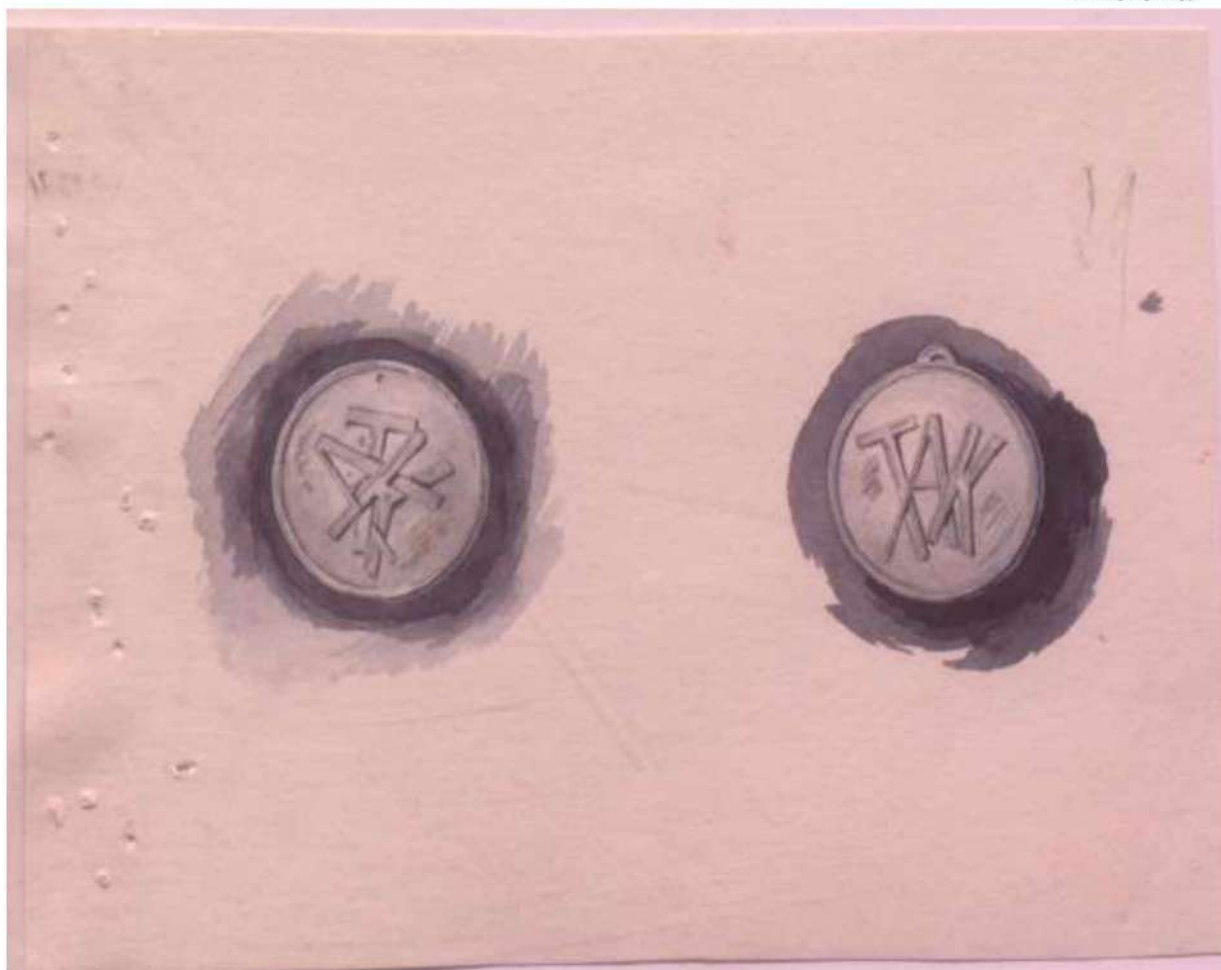
4. Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики?//Вестник Каракалпакского Отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1996. №1. 90-97-б.;
5. Германов В.А. Эпоха Туркестанского кружка любителей археологии: примат науки или геополитики?// Россия – Средняя Азия. Политика и Ислам в конце XVIII – начале XX века. М.: ЛЕНАНД, 2011. 171-196-б.;
6. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Эл.-паров. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. 520 б.;
7. Исмоилова Ж.Х. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошларида Тошкентнинг “Янги шаҳар” қисми тарихи. Тошкент: Фан ва технология, 2004. 139 б.;
8. Крачковская В.А. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики, Туркестанский кружок любителей археологии), Эпиграфика Востока, VII, М.-Л., 1953. 45-69-б.;
9. Ларюэль М. Умозрительная Центральная Азия: Поиски прародины арийцев в России и на Западе// Вестник Евразии. 2003. №4. 155-165-б.;
10. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917 гг.) Ташкент, 1958. 320 б.;
11. Лунин Б.В. Научные общества в Туркестане и их прогрессивная деятельность. Ташкент: АН УзССР, 1962. 344 б.;
12. Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского Кружка любителей археологии// Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии. I. 1896. 37-38-б.;
13. Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении// Труды САГУ. 1953. Вып. LXXXI. 5-40-б.;
14. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин. Ташкент. 1897.;
15. Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии. К 100-летию Туркестанского кружка любителей археологии//Вестник древней истории. 1996. №4(219). 189-195-б.;
16. ЎзМА. И-71-фонд, 1-рўйхат, 1-иш;
17. ЎзМА. И-71-фонд, 1-рўйхат, 2-иш;
18. ЎзМА. И-71-фонд, 1-рўйхат, 3-иш;
19. ЎзМА. И-71 фонд, 1-рўйхат, 4-иш;
20. ЎзМА. И-71-фонд, 1-рўйхат, 19-иш;

21. Центральный государственный исторический архив УзССР. Путеводитель. Сост. Агафонова З.И., Халфин Н.А. Ташкент. 1948.

22. Шамукарамова Ф.Ш. Научно-организационная деятельность Туркестанского Клуба любителей археологии в конце XIX– начале XX века // Марказий Осиёда интеллектуал мерос: анъаналар ва инновациялар (XIX-XX аср бошлари) / Илмий тўплам. Тошкент, 2018. 60-66-б.;

23. Шамукарамова Ф.Ш. Случайные археологические находки в Туркестанском крае и их значение в становлении археологической науки // Вестник НУУз. 2017. №1. 97-102-б.

Гилова

Туркистон археология хаваскорлари тўгараги аъзоси жетони лойихаси. И-71 фонд, 1-рўйхат 4-йиғмажилд 29-варақ.

Гилова

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الصفحة التي يكتب العنوان والمدعى الداعي الى الاحباب والاصحاب وغيره

كويته

۱۹۰ هجری میلادی

هجری کویته

۱۳۱ هجری سنه

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

مکتوب

بسم الله الرحمن الرحيم

اصحاب خان توره حاجي

جنيد الله خواجه اليشان مرحومي

اوغلي لاريدين

وردو ايتمش مکتوب مودت

اصلوبدور

ОГЪ

НАРОДНАГО СУДИ

СТАНЦИИ ТЮРЯ-КУРГАНЪ

Исханъ-Ханъ-Тюрк-Хаджи

Джунайдулла-Ходжа-Ишанова

Гор. Наманганъ

СЪСТАВНОЕ ПИСЬМО

Февраль 18 1901

Тоғондону Туркманлар
Мурнаманнава туғулган
хатини

Пришли письмо сестры тур-
манов вон, каждакыи в
Авганистан, китапканда мена
и арабканда мена. Макарини
прошу передать в музей.

Копия в дом у Вас, как просили
свадьбы ванашии проситранова
Авганистан. Метисай, Авганистан
в кочеталде время занимають про-
странство приблизительно 200 ми-
лиметров.

Если возможно отправить в музей,
то я думаю приобрести одну рамку (дер-
вянная или), из которой вырезано
такое разное изображение.

Нарман-Хан Тюрк-Хаджи
Джунайдулла-Ходжа-Ишанова
и казганский Кашми

Адресъ для телеграмм: Наманган, ст. Тюрк-Хаджи, ИСХАКХОНЪ ИБРАТЪ

Исхоқхон Ибрат томонидан Н.П. Остроумовга йўллаган хати. И-71. Оп.1. Д. 19.

ЎЗМА МАНБАЛАРДА УСТРУШОНА ИЖТИМОЙ ТАРИХИНИНГ АКС ЭТИШИ

Илк ўрта асрларда Уструшона Амударё – Сирдарё оралиғи ва унга қўшни худудлардаги воҳа хукмдорликлари – мулкликлардан бири бўлиб, ўзининг географик жойлашув ўрнига кўра у шимолда Чоч, шимоли-шарқда Фарғона, жануб ва жануби-ғарбда Суғд ва жануби-шарқда Тўхористон каби тарихий вилоятлар билан чегарадош бўлган.

Бу давр Уструшона тарихига оид маълумотлар асосан хитой йилномалари, қисман эса араб-форс тилларидаги тарихий ва географик асарларда сақланиб қолган. Шунингдек, суғдий тилли ҳужжатлар ва бошқа эпиграфик ёдгорликларда Уструшона тарихи бўйича қисқача маълумотлар учрайди. Бундан ташқари, қадимги Уструшонага тегишли шаҳар қолдиқларида археологик қазилар давомида қўлга киритилган топилмалар ҳам ушбу тарихий вилоятнинг ўтмиши бўйича муҳим маълумотларни ўзида акс эттиради.

Илк ўрта асрлар Уструшона тарихи “Бэй-ши”, “Суй-шу”, “Тан-шу” каби хитой йилномалари ва Сюан Цзан (629-645), Хой Чао (726) сингари сайёҳларнинг эсдаликлари орқали етиб келган [1]. “Цао”, “Суйдуйишана” номлари остида тилга олинган Уструшона тарихини ўрганиш учун хитой манбаларининг ўрни анча юқори бўлиб, улар асосида бу ернинг географик жойлашуви, иклими, чегараси, қўшилари, бошқарув маркази, сулола ва хукмдорлар, уларнинг исм ва унвонлари, бошқарув йиллари хронологияси, сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва этномаданий аҳволи тўғрисида бирмунча тасаввурга эга бўлиш мумкин.

Уструшона бўйича, айниқса, унинг араб босқини арафасидаги сиёсий аҳволи борасидаги маълумотлар нисбатан кўпроқ араб-форс тилли манбаларда сақланиб қолган. Улар орасида Абу Жаъфар ат-Табарийнинг “Тарихи ар-русул ва-л-мулк” асари алоҳида ажралиб туради [2]. Уструшонадаги шаҳар ва шунга ўхшаш йирик аҳоли масканлари бўйича нисбатан тўлақонли маълумотлар эса IX-XII асрларда Ўрта Осиёга келган Истахрий, Ибн Ҳавқал, Муқаддасий каби араб-форс географларининг маълумотлари асқотади. Шунингдек, муаллифи аниқланмаган “Худуд ул-олам” асарида ҳам Уструшонанинг бошқарув марказлари, шаҳар ва рустоқларига тегишли қимматли маълумотлар учрайди [3].

Илк ўрта асрлар Уструшонаси тарихини ёритишда ёрдам берувчи манбалар орасида бу даврга тегишли сарой деворий расмлари, сопол ва металл буюмлар, қурол-яроғлар, хайкалчалар, уй-рузғор буюмлари, иш

қуроллари ва бошқалар алоҳида аҳамиятга эга. Айниқса, Шахристон сарой деворий расмларидаги тасвирларга таяниб бу даврда Уструшонадаги маданий-маиший ҳаёт, этник аҳвол тўғрисида бирмунча тасаввурларга эга бўлиш мумкин. Уларда кўпроқ суғдий ва туркий элатлар вакиллари тасвири учраши ёзма манбаларда Уструшона аҳолисининг этник таркиби тўғрисида берилган маълумотларни тўлдирди [4].

Уструшона тарихи, айниқса, бу ердаги маҳаллий сулоланинг келиб чиқиши, эга бўлган унвонлари каби масалаларни ёритишда қадимий шаҳар қолдиқларидан топилаётган нумизматик материаллар ҳам алоҳида ўрин тутди. VII–VIII асрларга тегишли суғдий ёзувли Уструшона тангалари ўзининг ясашиш техникаси, ҳукмдор тасвирлари, рамзий белгилар, акс эттирган унвонлари билан ўша даврдаги бошқа кўшни ҳукмдорликлардан анчагина ажралиб туради [5].

Қуйида ёзма манбаларни улар ёзилган тиллар бўйича қараб чиқамиз.

Хитой манбалари: йилномалар ва саёҳатномалар

Илк ўрта асрларга тегишли хитой тилидаги манбалар бошқаларига нисбатан маълумотларнинг изчил ёзилгани ва воқеликларни нисбатан ҳаққоний ёритгани билан алоҳида ажралиб туради. Шунингдек, ушбу тилдаги манбалар Ўрта Осиёга, хусусан, Амударё – Сирдарё оралиғидаги Чоч, Фарғона, Суғд, Тўхористон Уструшонага кўшни ҳукмдорликларга келган хитойлик элчилар ва Хитойга борган Ўрта осиелик, хусусан, уструшоналик элчилар оғзидан эшитилган ахборотлар негизида ёзилган бўлиб, улар ўз даврининг реал воқеликларини ўзида акс эттиради. Хитой тилидаги асарларни асосан йилномалар ва саёҳатнома туридаги асарларга ажратиш мумкин. Улар орасида «Бэй ши» («Шимолий сулолалар тарихи», 630 й. й.), «Суй шу» («Суй сулоласи тарихи», 630 й. й.) ва «Тан шу» («Тан сулоласи тарихи», X аср) сингари йилномалар Уструшона воҳасининг илк ўрта асрлар тарихи учун анчагина изчил маълумот беради [6].

Хитой йилномалари орасида “Тан-шу” йилномасида ўрин олган ушбу воҳа тарихи бўйича қуйидаги маълумотлар ўзининг нисбатан тўлиқлиги билан ажралиб туради: *“Шарқий Цао ҳукмдорлиги – бошқача номланишлари Шуайдушанна, Суйдуйишана, Кипутана ва Судучжини, ҳаммаси бўлиб тўртта номга эга. Ушбу мамлакат Босси тоғининг шимолий томонида жойлашган. Бу жойлар Катта Хан сулоласи даврида Эриши (Фаргонанинг марказий шаҳри)га тобе бўлган. шимоли-шарқда Гюйчжанъти (Хўжанд)гача 200, шимолда Ши (Чоч)гача, гарбда Кан (Самарқанд), шимоли-шарқда Нинюан (Фарғона)га 400 ли; жанубда Тухоло (Тўхористон)гача 500 ли. Ушбу шаҳарларнинг барчаси 400 лидан ортиқроқ масофададир... (Император) У-ди ҳукмронлиги давомида (618-626 йй.) бу ҳукмдорликдан элчи юборилди”* [7].

Яна бир бор шуни айтиб ўтиш керакки, исломдан олдинги даврларда Уструшона ва унга қўшни ўлкалар тарихини тўлақонли ёритувчи бирорта ёзма манба сақланиб қолмаган. Хитой манбаларида маълумотларнинг кўпчилиги кўп ҳолларда йилномаларда биридан иккинчисига кўчирилган ёки қисчача маълумотлар қўшилган ҳолда келтирилган. Шунингдек, Ўрта Осиёдаги бошқа ҳукмдорликлар сингари Уструшонадан ҳам Хитой саройига элчилар юборилгани эслатиб ўтилади [8]. Гарчи, улардан анча-мунча фарқли географик муҳит ва ижтимоий-сиёсий тузилишга эга бўлган Уструшона илк ўрта асрларнинг дастлабки асрларда сиёсий саҳнада унчалик кўринмаса-да, кейинчалик, айниқса, VII асрнинг иккинчи ярми – VIII асрнинг илк ярмида анчагина фаоллашгани ва минтақада ўзига хос етакчи сиёсий кучлардан бирига айлангани кўзга ташланади.

Суғдий тилли ёзма ёдгорликлар.

Суғдий тилли ёзма ёдгорликлар асосан ҳужжатлар ва катта-кичик эпиграфик топилмалардан иборат бўлиб, улар VIII асрнинг илк чораги айнан Суғд ва унга туташ ҳудудларда суғдийлар устувор муҳитда яратилганлиги билан ажралиб туради. Илмий адабиётда “Муғ тоғи суғдий ҳужжатлари” деб юритилган [9] суғдий тилли ҳужжатларнинг деярли барчаси 1960- йилларда совет шарқшунослари томонидан рус тилига, кейинчалик улардан бир қисми инглиз ва француз тилларига ўгирилиб чоп этилди. Шу ўринда айтиб ўтиш керак, ҳужжатларни дешифровка қилиб русчага ўгириш мобайнида В.А. Лившиц, О.И. Смирнова, М.Н. Боголюбов каби тилшунос ёки тарихчи олимлар биринчилардан бўлиб ҳужжатларда учрайдиган кўплаб тарихий атамаларга, киши исмлари ва унвонларга кенг изоҳлар беришган [10]. Улар томонидан амалга оширилган изланишлар XX аср суғдшунослик фанининг энг катта ютуқларидан бири бўлди. Уларнинг тадқиқотлари асосида бугунги кунда Европанинг бир неча давлатларида, АҚШ ва Япониядаги суғдшунослик мактабларида илмий изланишлар давом эттирилмоқда.

Юқорида айтиб ўтганимиздек, Муғ тоғи суғдий ҳужжатлари орасида Уструшонага тегишли маълумотлар ҳам бор. Яқин йилларда суғдий ҳужжатлардан бир нечасини француз ва инглиз тилларига ўгириб, уларга кўпроқ тарих нуқтаи назаридан тўхталган француз суғдшунослари Ф. Гренэ ва Э. де ла Весьерларнинг изланишларида минтақа тарихига оид анчагина янги қарашлар ўртага ташланди.

Ушбу олимлар қаторига кейинги йилларда суғдий жой номлари ва киши исмлари бўйича чуқур изланишлар олиб борган россиялик тадқиқотчи П.Б. Лурьенинг ишларини ҳам қўшиш мумкин. Тадқиқотчи суғдий атамаларни таҳлил қилиш мобайнида бир неча ўринларда Уструшона бошқарувчилари билан боғлиқ масалаларга ҳам тўхталиб ўтади.

Муғ тоғи суғдий ҳужжатлари бўйича ўзбек суғдшунослари М. Исҳоқов етакчилигида бир қатор тадқиқотларни нашр қилдирган бўлиб, уларда Уструшона билан боғлиқ томонларига ҳам эътибор қаратилган. Уструшона, воҳадаги Канд мавзуси бўйича маълумот берувчи А-14 ҳужжати М. Исҳоқов томонидан илк бор ўзбек тилига ағдарилган бўлса, яна бир 2 та ҳужжат В-17 ва В-18 эса Ғ. Бобоёров ва А. Кубатинлар томонидан илмий изоҳлари билан ўзбек тилида чоп этилган. Шунингдек, тадқиқотчилар ушбу ҳужжатларни ўзбек тилига ўгириш мобайнида улардаги маълумотларни Турк хоқонлиги тарихи манбаси сифатида қараб чиққанликлари диққатни тортади. Шу ўринда М. Исҳоқовнинг А-14 рақамли ҳужжатда учрайдиган “Чадирчик зай” (Чадирчик жойи) иборасига тўхталиб, бу ерни Чоч ва Уструшона орасидаги муайян бир географик маскан, деб қараши эътиборни тортишини айтиб ўтиш керак.

Суғдшунос А. Отахўжаев ўзининг қатор ишларида суғдий ҳужжатларни бошқа тиллардаги ёзма манбалар билан солиштирар экан Уструшона билан боғлиқ томонларини ҳам кўриб чиққан. Шу билан бирга, Суғд ва унга қўшни тарихий вилоятлар бўйича кўплаб илмий изланишларни амалга оширган Б. Ғойибовнинг ишларида Уструшона тарихига анчагина тўхтаб ўтилгани кўзга ташланади [11].

Шунингдек, суғдий тилли манабалар қаторига қадимги Уструшона воҳасидан топилаётган археологик топилмалар - нумизматик материалларва эпиграфик ёдгорликларни ҳам киритиш мақсадга мувофиқ.

Араб-форс тилларидаги тарихий ва географик асарлар.

Уструшонанинг илк ўрта асрлар тарихини ёритувчи манба сифатида араб ва форс тилидаги тарихий ва географик асарлар ўзига хос ўрин тутиб, улар орқали исломдан олдинги даврларда воҳанинг ижтимоий-сиёсий, иқтисодий ва этномаданий аҳволи қандай бўлгани борасида бирмунча тасаввурга эга бўлиш мумкин эга. Улар орасида Абу Жаъфар ат-Табарийнинг «Тарих ар-русул ва-л-мулук» (IX аср) асаридир. Бу асарга таяниб, Уструшона бошқарувчилари, уларнинг арабларга қарши кураши, воҳада араб босқинига қарши иттифоққа бошчилик қилган туркий хоқонлар каби масалаларни ёритиш мумкин [12]. Айниқса, Турк хоқонлиги даврида *Цао* (Уструшона/Кабудон) ҳукмдори ўлароқ хитой йилномаларида тилга олинган *Гэло нуло* (737–742) исмининг Табарий асарида Харабуғра кўринишида учраши ва улардан ҳар иккаласининг туркий асосда Қора-бўғра деб тикланиши диққатга сазовордир. Кўпчилик тадқиқотчилар ушбу маълумотларга суяниб, VIII асрда воҳани бошқарган сулоланинг келиб чиқиши туркий бўлган, деб қарайдилар. Турк хоқони бошчилигида 720-740 йиллар орасида бир неча бор арабларга қарши Чоч, Фарғона, Суғд, Тўхористон бошқарувчилари иттифоқ тузган пайтларида Уструшона ҳукмдорлари ҳам фаол қатнашганидан ушбу асар орқали

хабардормиз. Айниқса, Уструшона афшини Харабуғра (Қорабуғра) турк хоқони ёнида бўлиб, арабларга қарши курашгани борасида анчагина маълумотлар етиб келган [13].

Араб-форс географларининг асарлари, гарчи анча кейинги даврлар – минтақада Сомонийлар ва Қорахонийлар даврида Ўрта Осиё вилоят ва шаҳарлари ҳаётини акс эттирган бўлса-да, улардаги маълумотлардан бир қисми анча олдинги даврларга, айниқса, Турк хоқонлигининг сўнгги йиллари ва араб босқини арафасидаги воқеликларга алоқадорлиги сезилиб туради. Улар асосида Уструшона ҳукмдорларининг текислик ва тоғлик ҳудудлардаги бошқарув марказлари, қароргоҳлари, стратегик аҳамиятга эга кўрғон ва бошқалар тўғрисида маълумотларга эга бўлиш мумкин.

Адабиётлар рўйхати:

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. Т. 1. М., 1963. С. 221-226; al-Istakhri, Abu Ishak al-Farisi. *Viaeregnum*. Ed. M. J. de Goeje. BGA. Pars 1. – Lugduni-Batavorum: E. J. Brill, 1967; al-Moqaddasi, Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin, *Descriptio Imperii moslemici*, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum, 1967; «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Вып. 1. М.: Наука, 1973.

2. Негматов Н.Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (предварительные сообщение // Советская археология, №3. – М., 1973.

3. Lurje P. Personal names in Sogdian texts in *Iranisches Personennamenbuch 2 ...* P. 3, 10, 49, 51, 56, 76, 103, 127, 130, 138-139.

4. Исҳоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. – Т.: Фан, 1992.

5. Исҳоқов М., Бобоёров Ф., Кубатин А. Суғдий тилидаги манбалар / Ўзбекистон тарихи. Хрестоматия, 2/1. – Т.: Фан, 2014. Б. 64-71, 79-84.

6. Исҳоқов М., Бобоёров Ф., Кубатин А. Суғдий тилидаги манбалар ... Б. 71.

7. Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. – Т.: ART-FLEX, 2010.

8. Ғойибов Б. Суғд тарихидан лавҳалар. – Самарқанд: СамДУ нашриёти, 2020. – Б. 58.

9. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М., Наука, 1981.

10. История ат-Табари. Избранные отрывки (Перевод с арабского В. И. Беляева. Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова). – Т., 1987.

11. Смирнова О. И. Сводный каталог... – С. 425, 428; Грицина А. А. Уструшанские были ... – С. 43.

12. Смирнова О. И. Сводный каталог... – С. 425, 428; Грицина А. А. Уструшанские были ... – С. 43; Бобоёров Ф. Турк хоқонлигининг

Мовароуннахрдаги бошқарув тизими ҳақида // O‘zbekistontarixi. – Тошкент, 2000. – № 4. – Б. 71–79.

13. Пардаев М.Х., Гофуров Ж.И. Уструшонанинг илк ўрта аср қишлоқ маконлари (ёзма ва археология манбалари асосида). – Тошкент, 2016. – Б. 302-303.

Очилов А.Т.

Бухоро давлат университети таянч докторанти

БУХОРО ВОҲАСИНИНГ ҚАДИМГИ АНТРОПОГЕН ЛАНДШАФТИДА САРМИШСОЙ ДАРАСИНИНГ ТУТГАН ЎРНИ

Тарих ва археологик маълумотлардан билишимиз мумкинки Бухоро воҳаси кишилиқ маданияти тарихининг қадимги ўчоқларидан бири ҳисобланади. Бу ерда антропоген рельефни шаклланиши тош даврига бориб тақалади. Воҳа худудида мавжуд бўлган тош даврига доир макон ва манзилголар асосан сув хавзалари бўйида, тоғлик ва тоғ олди минтақаларда кенг тарқаган. Бухоро воҳасида тоғлик минтақаларда антропоген рельеф шаклланишида ўзига хос ўринга эга бўлган ҳудудлардан бири Сармишсой дараси ҳисобланади. Сармишсой Навоий шаҳридан 40-45 км шимолий шарқда, ҳозирги Навбахор туманида Қоратоғнинг жанубий ён бағридаги жойлашган. Даранинг узунлиги 5.5-6 км бўлса, унинг эни 15 метрдан 200 метргача чўзилган, қоятошларнинг баландлиги 15 метрдан 50 метргача тади. Сармишсой дарасида антропоген рельефни шаклланишининг асосий сабаблардан бири унинг иқлимидир. Сармишсойнинг иқлими худудимиздаги бошқа тоғлик жойларидан фарқ қилган ҳолда об-ҳавоси курукроқ ҳисобланади. Қиш, баҳор баъзан хаттоки ёз ойларида ҳам шимол ва шимолиш-шарқдан кучли шамоллар эсади. Энг иссиқ вақт ёзнинг июнь ва июль ойлари бўлиб ҳарорат 27⁰С гача кўтарилади. Дарада совуқ ой эса январь ҳисобланиб бунда ҳарорат -2⁰С гача тушади. Ёғингарчилик мавсуми асосан кеч куздан эрта баҳоргача давом этиб дара инсон яшаши учун қулай манзилгоҳ ҳисобланади.

Сармишсой дарасида 200га яқин археологик объектлар мавжуд бўлиб, қоятош суратлари буларнинг гултожидир. Сармишсой дараси асосан саланец, гранит ва майда заррали кумтош қояларидан иборат. Бу тошларнинг сирти силлик, аксарияти катта-катта сатҳли бўлиб, оч-қўнғир, жигарранг ва қорамтир товланади. Шунинг учун, бу ерда яшаган қадимги аجدодларимиз ўзларининг ҳаёт турмуш тарзини қоятошларда муҳрлаб қолдирган. Сармиш сой дарасидаги тасвирий санъат намуналарига қарайдиган бўлсак, қадимги аجدодларимизни бу борадаги салоҳияти

нақадар кучли эканлигини кўришимиз мумкин. Шунинг учун ҳам айрим тадқиқотчилар дарани “Сехрли ойна дараси” деб ҳам такидлашади.

Сармишсой суратлари ҳақидаги дастлабки хабарлар 1958 йилдан кенг оммага ёйила бошланган эди. Ўшанда Халилулло Мухаммедов «Қизил Ўзбекистон» газетасида Дара ҳақидаги ўз мақоласини эълон қилган эди. Ундан кейин Ўзбекистон Фанлар Академияси академиги Я.Фуломов бошчилигидаги Мохондарё экспедицияси аъзолари У.Исломов, Н.Тошкентбоев ҳамда бошқалар Сармишсой ва Қоронғурсойда бўлиб, бу ерни илмий ўргана бошлашди. 1966 йилда Н.Тошкентбоев [1,С.36-39], 1966-1967 йилларда А.Кабилов [2, Б.4], 1968 йилда В.Танасийчуклар [3,С.98-10] дарада ўз тадқиқотларини амалга оширди. 1969 йилда ЎзФА Тарих ва археология институти томонидан Я.Ф.Фуломов ташаббуси билан А.Кабилов раҳбарлигида Сармишсой қоятош суратларини ўрганиш учун махсус отряд тузилади. 1969-1972 йилларда отряд томонидан Сармишсойда кенг кўламда қидирув ва илмий тадқиқот ишлари олиб борди. тадқиқотларда Сармишсой дараси 15 қисмга ажратилади. Абдужаббор Кабилов томонидан 3500 хил тасвирлар илмий жиҳатдан ўрганилиб 40 хилга яқин туркумланган ва сурьатларнинг мазмунига қараб 5 хил гуруҳга (одамларнинг тасвири, жанг ва ов қуролларнинг тасвири, кийимлар тасвири, хўжалик ва уй рўзғор буюмлар тасвири, ҳайвонларнинг тасвири) ажратилган.

Даранинг жуда сир-синоатга бой тасвирлари мустақиллик йилларида ҳам жуда кўплаб тадқиқотчиларни жалб этди. Полша, Норвегия ва Франция давлатларининг етук тадқиқотчилари дара кўплаб маротаба ўз тадқиқотларини амалга оширишди. Натижада олдин маълум бўлмаган бир қанча қоятош расмлари аниқланган. Сармишсой дараси ҳақидаги илмий билимлар кенгая борди. Тадқиқот натижаларидан билишимиз мумкинки Сармишсой қоятош суратларининг айримлари каттиқ буюмлар билан уриб чўкичлаш, чизиш, тирнаш ва ишқалаш йўллари билан пайдо қилинган петроглифларда акс эттирилган бўлса, қолганлари табиий кўк, қизил, оқбўёқлар билан чизилган расмлардан иборат.

Сармишсой қоятош суратларига қарайдиган бўлсак суратлар турли даврларда турли қабила вакиллари томонидан чизиб қолдирилгани гувоҳи бўламиз. Шунинг учун ҳам сурьатларнинг мавзуси ва мазмуни турлича. Қолаверса Сармишсой дараси суратларининг хронологиясини ўрганиш ҳам жуда муҳим. Бу эса ҳозирги кун фани олдида турган долзар муаммолардан бири бўлиб келмоқда. Сабаби А.П. Окладников такидлаганидек қоятош суратларини даврини аниқлаш археологик ёдгорликларни даврини аниқлашга нисбатан бир мунча қийин ҳисобланади [4,С.107]. Шунинг учун ҳам Сармишсой суратларининг хронологияси бир мунча баҳс мунозарага бой. Айрим тадқиқотчилар

Сармишсой суратларининг чизила бошлангани мил.авв. 7 мингйилликдан бошланган деса, айримлари кейинги даврлар билан боғлайди. Сармишсой суратларининг хақиқий тадқиқотчиси А.Кабиров суратларининг ишланиш техникаси, мавзуси ва мазмунига қараб, хронологик жиҳатдан милоддан аввалги 3-мингйиллик ва милодий 1-мингйилликларни ўз ичига олади деб такидлайди ва 3 даврга бўлади. Булар:

1. Қадимий суратлар. Бу давр суратларига мил.авв. 3-2 минг йилликларда ишланган расмлар киритилган.

2. Илк темир даври суратлари. (Мил.авв. 1 минг йиллик. Бу гурх суратларининг кўпчилиги мил.авв. 7 – 1 асрларда яратилган).

3. Кейинги давр расмлари.(милодий 1 минг йилликда ишланган расмлар) [2, Б,31-69].

Сармишсой суратлари қанчалик чиройли ишланган бўлсада Сармишсой қоятош суратларининг ишланиш техникаси ва тасвирига ўхшаш сурьатлар Фарғона [5, С.125-128] ҳамда Ўрта Осиёнинг бошқа худудларида ҳам учрайди [1, С.39]. Бу ўхшашлик қадимги давр аҳолисининг этномаданий алоқалари натижаси деб такидласак муболаға бўлмайди.

Хулоса ўрнида шуни такидлашим мумкинки, Сармиш сой дараси Қоятош суратлари бизга қадимги давр аҳолисининг турмуш тарзи, меҳнат фаолияти, хўжалиги ва ғоявий асослари каби тарихдан сўзлаб беради. Қизбиби тоғ тизмаси ва Нурота тоғ тизмаси ўртасидаги Малик чўлдан Зарафшон давеси оқиб ўтиб, дарёсининг шимолий томонида Сармишсой дараси жойлашганлиги аҳолининг ибтидоий зироатчилик, чорвачилик ва овчилик билан шуғулланишига замин яратади. Бу эса Дарада қадимги аҳоли вакилларининг истиқомат қилишида ва меҳнат фаолияти самарадорлигини ошишига хизмат қилади. Аҳолининг худудга кенг тарқashi Бухоро воҳасининг тоғ минтақасида ўзига хос антропоген рельефни шаклланишига замин яратди.

Адабиётлар рўйхати

1. Тошкентбоев Н.Х. Наскальные изображения Коронгурсая и Сармыша, ИМКУ, выпуск 7.-Ташкент,1966.
2. Кабиров Ж. Сармишсойнинг қоятошларидаги расмлар.- Тошкент,1976.
3. Танасийчук В. Ущелье волшебных зеркал / «Наука и жизнь». №8. – Л.,1969.
4. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М., 1966.
5. Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана) / СЭ, №55, – М., 1962.

Иловалар

Сармишсой дарасининг умумий кўриниши (сурат Очилов А.Т. томонидан олинган)

Сармишсой қоятош суратларидан лавҳала (сурат Очилов А.Т. томонидан олинган).

МУНДАРИЖА

Сагдуллаев А.С. _____	3
Ўрта Осиёда биринчи ихтисослашган археология мактаби Первая специализированная школа археологии в Средней Азии	
Ртвеладзе Э.В. _____	12
Дала археологик амалиёти	
Сулейманов Р.Х. _____	14
Миграции ранних кочевников на юг Средней Азии (дахи и массагеты)	
Филанович М.И. _____	28
Потомки знатных семей Средней Азии на службе багдадских халифов	
Салимов Т.Ў. _____	36
Этнологнинг археология кафедраси тарихига, фаолиятига оид хотиралари	
Мавлонов Ў.М. _____	40
Устозлар изидан: кашфиётлар ва изланишлар йўлида	
Папахристу О.А. _____	44
Металлисты столичного Гонура (Туркменистан, Мервский оазис)	
Болелов С.Б. _____	62
Обжигательные керамические горны эпохи античности в низовьях Сырдарьи	
Двуреченская Н. Д., Двуреченский О.В. _____	75
Кафедра – начало поиска. Крепость Узундара	
Гюль Э.Ф. _____	83
К вопросу атрибуции согдийских самитов	
Матбобоев Б.Х. _____	86
Мингтепа ва қадимги Фарғона Давань шаҳарсозлиги ва давлатчилиги илк босқичлари	
Атаходжаев А.М. _____	91
Илк ўрта аср манбаларида Чоч – Тошкент воҳаси ва унинг шаҳарлари	
Шайдуллаев Ш.Б. _____	98
Қадимги Кавийлар генеологияси	
Раимқулов А.А. _____	102
Қалъайи Зоҳхаки Морон (қадимда, кеча ва бугун)	
Эшов Б.Ж. _____	110
Тохаристон ва Сўғддаги диний эътиқодлар миграцияси масалалари	
Ильясов Дж.Я. _____	119
Новая арабская надпись из Ташкента	
Пардаев М.Х., Пардаев Ш.М. _____	124
Уструшопага арабларнинг илк юришлари ва афшинларнинг этник тобеълигига доир айрим мулоҳазалар	
Ражабова Н.Н. _____	132
Становление и развитие археологической школы в Узбекистане (на	

примере археологических работ КАТЭ на территории Кашкадарьинского оазиса в 60-х г. XX в.)	
Абдуллаев К.А., Хушваков Н.О.	144
Проблемы калы Муканны	
Шамукарамова Ф.Ш.	156
К вопросу о формировании Г.А. Пугаченковой как археолога-искусствоведа на кафедре археология Средней Азии	
Мусакаева А.А.	168
Тремиссис из Майского	
Гюль Т.И.	174
Вклад академика Ю.Ф.Бурякова в развитие археологии Узбекистана и Средней Азии	
Ибрагимов Р.З.	179
Тошкент воҳасининг палеолит даври ёдгорликларининг ўрганилиш тарихи (XX асрнинг 50-60-йиллари)	
Курбанов Г.Н.	186
Печати Бухарского ханства в коллекциях музеев Узбекистана и СНГ	
Нормуродов Д. Р.	189
Қовунчи маданиятига оид янги топилмаларга доир	
Tosheva D.	194
Problems in the study of genesis: the foundations of the Sogdian-centric claims in the historiography of Islamic architecture of Central Asia	
Жўраев Ш.Ф.	201
Бухоро музейи нумизматик ва эпиграфик буюмлари тарихчи ва нумизмат олим Ф.Н.Қурбонов илмий меросида	
Халмуминов У.Р.	206
Илк ўрта асрларда Фарғона водийсида юз берган этномаданий жараёнлар	
Норқобилов Т.Х.	213
Жанубий Ўзбекистон бронза даври археологияси йўналишларининг шаклланиши ва ривожланиши (XX асрнинг 60-80 – йиллари)	
Тогаев Ж.Э.	221
Кафедра битирувчиларининг Жанубий Ўзбекистон маданияти ва тарихини ўрганишга қўшган ҳиссаси	
Назаров А.Ё., Адиллов Ж.Х.	225
Туркистон археология хаваскорлари тўгараги фаолиятидан лавҳалар (Ўзбекистон миллий архивининг И-71 фонди асосида)	
Алманов Қ.	233
Ёзма манбаларда Уструшона ижтимоий тарихининг акс этиши	
Очилов А.Т.	238
Бухоро воҳасининг қадимги антропоген ландшафтида Сармишсой дарасининг тутган ўрни	